

Дмитрий Хара
П. Ш.

Дмитрий Хара
П. Ш.

Благодарю

Накануне выхода книги в свет я понял, что не могу не поблагодарить всех тех, кто так или иначе сыграл свою роль в моей жизни, а значит и в рождении этой книги.

Я благодарен, прежде всего, своим родителям, которых уже, к сожалению, нет среди нас, но роль которых становится ясней с каждым годом. Светлой их памяти мое первое посвящение.

Я благодарен своей семье. Супруге Виктории, стойко переносящей мои погружения в мир мысли-слов и ставшей моим первым рецензентом. Моим детям, ради будущих успехов которых я и сел за написание этой истории.

Я благодарен всем друзьям и близким, которые поддерживали меня в моей решимости издать этот роман, чьи первые отзывы и эмоции позволили мне понять, что книга нужна

широкому кругу читателей. Здесь хочется особо поблагодарить Олега Арутюнова, всегда поддерживающего мои творческие проекты, за дружеские беседы и важные «Штрихи сути», которые, может даже и помимо его воли, легли на страницы этой книги, и за ряд образов, привнесенных им в нее.

Благодарю друзей, которые помогли выходу в свет этой книги, в частности Андрея Гагарина, Дениса Рябинина и Эдуарда Бычкова. А Андрея еще и за негибаемую веру в важность проекта и оранжевый цвет обложки.

Отдельную благодарность за помощь в познании себя хочется выразить Михаилу Розанову, Галине Михайловских, Елене Фроловой, моему другу Сергею Баринову. Вы помогли мне понять, что мир гораздо больше, чем он кажется. Брошенные вами семена легли на благодатную почву и принесли плоды, и сейчас я с радостью сею их снова.

Спасибо Мастерам, с чистой душой приоткрывшим таинства своих ремесел и искусств и послужившим прообразами для ряда героев книги: Максима Метелева, Сергея и Лилию Мельниковых, Родыгину Татьяну, Филиппа и Марию Казак, Анастасию Кузьмину, Богданову Светлану и Ирину Василь. Бондареву Андрею – Художнику с большой буквы за его искусство, чистое сердце и часть иллюстраций к этой книге.

Спасибо Тимуру Уполовникову за готовность к сотрудничеству и поддержку следующего шага.

Спасибо всем моим друзьям и знакомым, шедшим со мной вместе по нелегкому, но интересному пути жизненных перемен. Каждый из вас положил свой драгоценный камень в сокровищницу моей жизни. Если вы узнали на страницах свой образ – будьте уверены в том, что он есть в моей душе. Ваши имена заняли бы еще несколько страниц!

Спасибо коллективу издательства «Давид», с душевной теплотой и искренним интересом отнесемся к материальному воплощению этой книги.

Миру, дающему всем нам жизнь и безграничные возможности!

Обращение к читателю

Есть книги для того, чтобы убить время, есть – для того, чтобы получить знания.

Есть просто хорошо написанные книги, читая которые, ты будешь смаковать каждое слово. Есть те, которые пройдут через твою жизнь как проезжающий мимо полустанка поезд, не оставив после себя ничего! Есть книги, прочитав которые, ты захочешь лечь под этот поезд! Их авторам наплевать на тебя и на твою жизнь!

Мне важен ты, мой читатель! Я написал эту книгу для тебя, ибо все то, что ты возьмешь из нее, все, что покажется тебе открытием – мой личный опыт. Опыт, не поделиться которым я просто не могу, так как люблю тебя, этот мир и считаю, что каждый может сделать его чуточку лучше.

Хочу предупредить, что «П.Ш.» – книга, меняющая твой мир. Твоя жизнь после ее прочтения больше не будет прежней. Подумай, стоит ли переворачивать страницу, которая перевернет твой мир? Может, лучше все оставить как есть? Просто обратного пути не будет. Впереди – путь, конечная цель которого будет зависеть от твоего решения, но приняв его, придется брать ответственность за все происходящее только на себя. Готов ли ты к этому?

Этой книгой я открываю серию трансформационных книг – книг, меняющих сознание, жизнь и мир. Писать другие не имеет смысла.

Твой друг, Дмитрий Хара.

«Последний Шаг»

«Ни хрена себе название для турфирмы!» – подумал Олег, с трудом прочитав стилизованные буквы на бронзовой дощечке, находившейся справа от дубовой двери одного из зданий на Каменноостровском проспекте. Он даже немного улыбнулся. «Видать, у директора – хорошее чувство юмора, но парень он рискованный, если это, конечно, парень. Может, зайти посмотреть, какой «последний шаг» мне предложат?»

Олег уже лет семь путешествовал через одну и ту же турфирму. Не то, чтобы это была лучшая фирма или в ней предлагали самые низкие в городе цены и самые оригинальные туры, просто он уже привык к ней. В последние годы туры для него подбирала лично директор Алина. Ему это льстило. Его всегда усаживали в глубокое кресло, наливали любимый чай, давали в руки стопку проспектов с глянцевыми фотографиями из другого мира и погружали в состояние, близкое к трансу, где перед глазами мелькали яркие картинки, комментируемые убаюкивающим голосом Алины. Он давно уже признался себе в том, что из всей части отпуска эта – самая любимая. Он специально отводил для нее два часа времени, отключал мобильник и смаковал каждую минуту. Только в эти минуты в нем рождалось детское ожидание чуда – волшебной страны, в которой будет не просто хорошо, а хорошо-хорошо. Он уже знал, что ожидания эти никогда не оправдываются, и уже дня через два в любой стране мира его периодически вырывал из сказки мобильный телефон, и взволнованный голос Валеры, его помощника, начинал что-то типа: «Привет! Как отдыхается? Извини, старина, не хотел тебя беспокоить, но тут есть один маленький, но очень важный вопрос, который можешь решить только ты...» А дальше шел текст, который должен был убедить его, что этот вопрос может действительно решить только он, Олег. Олег нарочито сердился, называя Валеру и всех остальных бестолковыми, но принимался решать проблему. Наверное, если бы таких звонков не было, Олег нервничал бы еще больше. Ведь так он понимал, что он самый главный и без него – никуда. А еще через пару деньков отдыха находились какие-нибудь соотечественники, возникали какие-то бизнес-связки, и оставшиеся дни превращались в показательные выступления друг перед другом. Именно поэтому он с таким наслаждением смаковал каждую минуту этой иллюзии будущего беззаботного отдыха.

И тут вот на тебе: «Последний шаг». Прервал вспышку мыслей Олега захвативший на небольшую стоянку возле входа новенький джип «Инфинити» последней модели. Дверь распахнулась, и оттуда вышел мужчина лет сорока-сорока пяти с огромным букетом цветов. Мужчина подошел к двери, нажал кнопку звонка. Дверь открыла женщина средних лет,

одетая в деловое серое платье.

– Леночка, привет! Это вам! За лучшее путешествие в моей жизни! – мужчина скрылся за дверью, а Олег остановился. Его что-то зацепило. Нет, не слова. Такие слова он и сам не раз говорил Алине для того, чтобы увидеть, как она расплывается в улыбке. Тон. Интонация. Она была неподдельной. Это был голос действительно счастливого и довольного мужчины. Внимание Олега привлек номер машины – три семерки и буквы «ГУТ». Довольно позитивная игра цифр и букв.

«Зайти, что ли? Что я теряю? Раз уж выбрался прогуляться пешком, можно найти пять минут, чтобы узнать, что это за «Последний шаг»».

Казалось бы, так просто: подойти к двери, повернуть ручку... Но что-то делало Олега нерешительным... Он открыл множество дверей в своей жизни, в том числе и тех, за которыми его не ждали, и тех, за которыми его могли ждать любые сюрпризы, и тех, за которыми с порога начиналась борьба. Он не боялся борьбы. Пожалуй, он уже многое выиграл в своей жизни, многое отыграл, немало – проиграл. Но это была другая история. История, которой еще никогда не было в его жизни. А может, это просто его фантазия? Есть только один способ проверить – войти.

Дверь поддавалась, звякнул колокольчик, и он оказался внутри небольшого офиса. Довольно строгая обстановка. Вопреки ожиданиям – нет красочных постеров с названиями кокосовых и шоколадных островов, карт мира и безделушек со всего света. Может, это вообще не турфирма? Немой вопрос Олега, видимо, отразился на его физиономии. Секундную тишину прервал голос женщины, которую он увидел на пороге:

– Здравствуйте! Вы к нам? – Она сидела в кресле возле журнального столика, правее на диване сидел мужчина. Мужчина с любопытством ждал ответа от Олега. С гораздо большим, чем того требовала ситуация.

– Не знаю. А куда я попал? – спросил Олег, понимая, что вопрос его звучит более чем нелепо.

– А куда вы целились? – с улыбкой спросила женщина.

– Увидел интересную табличку на вашей двери и решил узнать, что это за турфирма и какой отдых вы можете мне предложить с таким названием, – сказал уже более уверенно Олег.

Для того чтобы сориентироваться в ситуации, ему надо было, как обычно, всего несколько секунд. «Я – потенциальный клиент, значит, меня должны как-то заинтересовывать, пытаться угодить мне, угадать мои мысли. Так что по-любому хозяин положения – я».

Олег рассмотрел за журнально-чайно-клиентской зоной два рабочих стола, компьютеры, стеллажи вдоль стены, дверь, ведущую куда-то, несколько цветов в горшках. В общем, ничего, привлекающего внимание.

– А что вас так зацепило в табличке?

– Название.

– И что в нем странного?

– «Последний шаг» – это больше подходит для похоронного бюро.

– Так зачем вы зашли в турфирму с таким названием? У вас есть склонность к суициду?

Олег готов был уже вспылить и ответить по-хамски, но не сделал этого только потому, что в глазах у Елены не было ни издевки, ни насмешки. Ее спокойный голос выражал даже нотки внимания и искренней заинтересованности в его судьбе.

– Да нет, просто заинтересовала парадоксальность названия.

– Это уже делает вам честь. Тысячи людей проходят мимо этой таблички, не замечая ее. Мы здесь уже несколько лет, и знаете, вы, наверное, первый, кто вошел просто так, поинтересоваться, – женщина замолчала, переглянулась с мужчиной, вошедшим первым, и продолжила внимательно разглядывать Олега.

Все шло как-то не по сценарию. Ему не предложили раздеться, присесть, налить чашечку чего-нибудь горячего. Не бросились его удерживать – единственного клиента,

зашедшего в фирму с дурацким названием посреди промозглого февральского дня. После такой наглости надо было развернуться и молча уйти. Надо было, но не хотелось. Хотелось выяснить, что это за контора, в которой так неандертальски обращаются с клиентами, но они потом почему-то приезжают с цветами. Или это не клиент?

– Вы не предложите мне раздеться? – слегка заносчиво спросил Олег.

– Да, конечно, ради бога, если хотите погреться. Не выгонять же вас на улицу! Можем даже угостить вас чашечкой горячего шоколада! – с радушием предложила хозяйка.

Если бы эта фраза была сказана каким-то другим тоном, Олег наверняка развернулся бы и ушел. «Ну, ладно, попробую узнать, может, они и вправду такие уникальные туры предлагают, что от клиентов у них и без меня отбоя нет».

Олег повесил пальто и кепку на вешалку возле двери, подошел к столу и сел на диванчик.

– Олег, – представился он.

– Елена, – кивнула головой женщина.

– Михаил Евгеньевич, – представился гость и протянул руку.

Дорогой костюм, хорошая рубашка, правильный галстук Михаила Евгеньевича смотрелись очень органично, но, даже будь он в дешевых джинсах и свитере, на его лице было бы невозможно не разглядеть простого и доступного всем сигнала: «Я успешен во всем!»

– Простите, но как я поняла, вы – без рекомендации? – ошарашив его в очередной раз, спросила Елена.

«Какие к черту рекомендации?! Может, мне еще при входе в гипермаркет надо рекомендации показывать?! Простите, можно, я у вас куплю картофель нового урожая? – А кто вас может порекомендовать? Бред!!!» – подумал Олег, но так как он участвовал не в одной сотне переговоров, то сейчас просто пытался правильно подобрать слова, чтобы показать этим горе-бизнесменам, что такое личные продажи! Поток его мыслей не успел закончиться подготовленной фразой, но, пожалуй, так явственно пронесся на его лице, что Елена поспешила продолжить сама:

– Видите ли, мы предлагаем особые туры и не всякому можем их продать.

Михаил Евгеньевич широко улыбнулся и, видимо, перед его глазами пробежали какие-то настолько интересные картинки, что он едва заметно, но очень однозначно кивнул головой.

– Если вы сомневаетесь в моей платежеспособности, то напрасно, я в состоянии приобрести любой тур вашей компании, можете быть в этом уверены, – сказал как можно спокойнее Олег, пряча под себя довольно испачканные на питерских улицах ботинки.

– Я скажу банальность, но дело не в деньгах, хотя наши туры и стоят недешево, – сказала абсолютно спокойно и уверенно Елена. – Могу вам сказать, что такой тур может быть лишь раз в жизни и к нему надо очень хорошо подготовиться, – продолжила уже абсолютно серьезно «хозяйка отдыха».

– Чистая правда. Этот тур изменил мою жизнь, точнее – вернул ее, или еще точнее – начал, – сказал Михаил Евгеньевич, широко улыбаясь. – Кстати, Лена, я не возьму с вас проценты за рекламу, так как считаю, что остался еще должен вам, – продолжил Михаил Евгеньевич, вставая и поправляя пиджак. – Ну ладно, я пошел, мне надо еще на открытие выставки успеть в «Тиоиндиго». До свидания! Хорошего дня вам!

Дверь хлопнула уже минуту назад, но в помещении до сих пор ощущалось присутствие этого не по земному счастливого человека.

– У вас все люди остаются такими довольными или только специально обученные? – спросил уже более расслабленно Олег.

– Только специально обученные!

– Вы что, серьезно?

– Серьезней не бывает. Для того чтобы попасть в число наших клиентов, надо очень серьезно подготовиться. Путешествие может оказаться опасным и полным сюрпризов, а мы

должны быть уверены, что с вами все будет благополучно.

– Очень интересно. Правда. – В голове у Олега промелькнули яркие, как из голливудских фильмов, картинки: вот он ползет по скалам без страховки на высоте 1000 метров; а вот он пробирается по джунглям, рубя лианы остро отточенным мачете; а вот он пытается найти пищу в глухой лесной чаще и борется голыми руками с диким вепрем, а потом пытается добыть огонь, чтобы поджарить кусок свежего мяса. И никаких «Олинклюзовов»! Никаких мобильных! Только он и природа. От этих картинок в него вселился дух всех его предков по мужской линии. Захотелось выпрямить спину, посмотреть открытым взором в глаза опасности. Ух! Да, пожалуй, это именно то, что нужно.

– Это, наверное, как в «Последнем герое»? – прервал вопросом свой радужный всплеск мыслей Олег.

– Для всех по-разному. Для кого-то, может, и так.

– А можно все-таки поконкретнее? Варианты маршрутов. Программы. Стоимость, в конце концов.

– Начну со стоимости. Это дорого. Стоит пятьдесят тысяч на человека.

– Пятьдесят условных?

– Нет, очень даже конкретных. А что касается других вопросов, то я не могу на них пока ответить, ибо не могу пока ничего предложить вам.

– Даже если меня не смущает сумма? – спросил простецки Олег, хотя в глубине души понимал, что эти пятьдесят тысяч евро, а речь шла именно о них, раз она сказала «конкретных», явный перебор, если только его не повезут туда и обратно на частном самолете, а посреди джунглей не построят специально для него бунгало с кондиционером и водопроводом. Это раз десять отдохнуть с помощью Алининого «Вип-Трэвэла»!

– Даже если вы ее удвоите, – спокойно, но однозначно парировала ход его мыслей Елена. – Вторым неперемным условием является рекомендация одного из наших предыдущих клиентов...

– А где мне их искать?

– Не знаю. Мы не разглашаем имена наших клиентов. Про ваше я тоже обещаю забыть, если вы, конечно, станете нашим клиентом... Мы работаем много лет и к нам приходят по рекомендации тех, кто уже отдохнул при помощи нашей компании. И еще... – тут голос Елены снизился на полтона, – всем нашим клиентам я рекомендую составить завещание и устроить все дела до отъезда... Но прежде решите вопрос с рекомендателями.

– А у вас есть сайт? – спросил Олег, надеясь, что там он найдет форум, где сможет прочитать все подробно и без завес таинственности.

– Не знаю, поищите, – с улыбкой ответила Елена и встала, давая понять, что разговор закончен.

Олег встал, надел пальто, попрощался и вышел на улицу.

Холодный ветер просачивался во все щели пальто. «Хрень какая-то! Секта таинственных путешественников! «Напишите завещание!» На них, может быть? Да, тут точно какой-то подвох. Слишком счастливый клиент. У него в жизни не просто все хорошо, а хорошо-хорошо или, быть может, даже хорошо-хорошо-хорошо. Конечно, когда столько заплатишь! Пятьдесят «тонн»! Да на эти деньги можно целую виллу купить в банановой республике!»

С этими мыслями он добрался до своего офиса в бизнес-центре на Кропоткинской в здании бывшей бани. Теперь о бане напоминала только труба. Внутри же все было подчеркнуто-деловым. Прямо при входе висела плазма, на которой в рабочее время постоянно вещал канал «РБК». По экрану, как всегда, ползли по всем вертикальным и горизонтальным линиям в два ряда какие-то цифры и индексы. Умные люди с серьезными лицами говорили умные вещи. Олег, хотя и был владельцем бизнеса, но ничего не понимал из того, что ТАМ говорили. У него складывалось ощущение, что это какие-то небожители или просто алхимики. Хозяин бизнес-центра наверняка пытался добиться у арендаторов ощущения собственной неполноценности. А гости должны были с первой же секунды

врубиться, что здесь БИЗНЕС-центр, а не баня.

Толкая дверь офиса, Олег автоматически принял подтянутый и сконцентрированный вид. Секретарь Ксения загадочно улыбалась чему-то своему. Как обычно, треплется с подружками в «аське».

– Олег Денисович! Возьмите, пожалуйста, почту.

Взяв кипу бумаг, Олег повернулся в сторону своего кабинета, но вдруг посмотрел снова на Ксению:

– Как бы вы, Ксения, отдохнули на 50 тысяч баксов?

– Вы хотите мне выплатить премию? – мечтательно захлопала глазами и заулыбалась Ксения.

– Нет. То есть да, к Восьмому марта, но не такую, конечно. Я в принципе.

– Мне бы ваши проблемы, Олег Денисович! – отчеканила явно расстроенная Ксюша. – Я бы себе комнату купила!

Бросив бумаги на стол и плюхнувшись в кожаное кресло, Олег задумался. А ведь и вправду – он, наверное, оторвался от реальности. По крайней мере, Ксения посмотрела на него, как он на этих небожителей с «РБК». И вправду, пятьдесят штук – это слишком. Так, что тут у нас? Письма клиентов, «Деловой Петербург», счета, письмо от хозяина бизнес-центра: «Уважаемый Олег Денисович! Со следующего месяца на 5 % повышается арендная плата, бла-бла-бла, надеемся на дальнейшее сотрудничество». Блин.

– Ксения! Позови Арину!

Арина, молодая старательная сотрудница, уже через минуту стояла перед ним. Невысокого роста, темные прямые волосы, карие глаза, неплохая фигурка, глаза в пол. По ее позе и жестам было видно, что она чувствует себя немного не в своей тарелке. Олег интуитивно выбирал сотрудников из разряда покорных трудоголиков. Эти люди готовы были перерабатывать сколько нужно без дополнительной оплаты, не задавать лишних вопросов, не просить повышения, искренне радоваться каждому подарку сверху в виде небольшой премии, корпоративной вечеринки... да радоваться доброму слову, наконец. Их личная жизнь была либо счастливо устроена – каждый нашел свою половинку, также безропотно принимающую все дополнительные нагрузки супруга, либо не устроена вовсе. В этом случае Олег понимал, что дает им спасение от мучительного поиска ответа на вопрос: «Почему я одинок (а)?» Этот ответ был простым и ясным. Это был пароль. Пароль, который знают девяносто семь процентов всех людей на Земле. Он по умолчанию исключал дальнейшие расспросы, вызывал вздох сочувствия и сострадания. Звучал он примерно так: «Потому что у меня очень много работы». Отзывом на этот пароль было: «Как я тебя хорошо понимаю». Все. Свой! Причем это универсальный пароль на все случаи жизни! «Почему ты не пришел на вечеринку? Почему не записался на танцы, ты ж хотел? Почему не уделяешь внимание ребенку? Почему не...?» Иногда слово «работы» менялось на «дел». Ну, это когда не работаешь или когда свой бизнес, как у него. Им проще: он давал им спасительный пароль, а ему его никто не давал, приходилось придумывать самому.

Не прерывая хода своих мыслей, Олег машинально дал Арине необходимые указания, она все записала, не прерывая хода своих. Олег был уверен, что завтра все будет готово в лучшем виде, и это не помешает им оставаться жить каждому в своем собственном мире.

У Олега тоже было много дел: предстояло несколько встреч с клиентами, кроме того, он должен был подготовить ряд писем... И он знал, что рано домой не вернется. Да в последнее время он и не очень-то любил возвращаться. Его никто не ждал. С Катей он расстался полгода назад, а до этого прожил с ней два года. Причина расставания была какой-то усредненной и противной. Им стало скучно друг с другом. И они стали все меньше времени проводить вместе, ища всевозможные неотложные дела и причины, чтобы в очередной раз не увидеться. Оставаясь вместе, напрягались, вымучивая из себя эмоции и слова. Спасением оказывались ситуации, в которых можно было молчать, например, походы в кино или театр, где (ура!) даже нельзя было разговаривать, а потом было что обсудить, не вникая в слова друг друга. Но даже их обсуждения все чаще стали превращаться в ссоры, потому что думали они,

как выяснилось, по-разному. Отдыхать они любили тоже, как выяснилось, по-разному. Олег любил большие скопления людей, «движуху», новизну. Он за минуту мог поменять планы и помчаться в какое-то неизвестное место, а Катя терпеть этого не могла. Она должна была заранее знать, куда они едут, насколько хороши там условия, кто там будет из ее знакомых. А если, не дай бог, что-то начинало идти не по плану, она начинала нервничать сама и нервировать его. В итоге отдых превращался в очередные разборки.

А ведь как все хорошо начиналось! Они познакомились летом на даче у общего друга. Пьянящий воздух июля. Озеро с теплой, как одеяло, водой. Костер с трескучими углями. Вечерние концерты сверчков и птиц. Катя так улыбалась, так танцевала, так ходила и говорила, что Олег сразу узнал в ней свой идеал. Она работала юристом в одном из городских учреждений. Коллега! Могла понять нюансы тех юридических казусов, которые Олег рассказывал ей. Она слушала его с упоением, восхищалась находчивостью и предприимчивостью. Потом выяснилось, что они любят одни фильмы и одних актеров, восхищаются одними книгами, имеют одинаковые ценности и представления о хорошем будущем. Понимают друг друга с полуслова! Они не очень торопились броситься в постель, так как им обоим нравилась игра постепенного обольщения. Зато, когда последние покровы были сброшены, начался какой-то безудержный секс-бум. Они хотели друг друга везде и всегда. Перепробовали все, что можно было представить... Так продолжалось месяца три, и это были лучшие месяцы в его жизни. Как много он мог бы отдать, чтобы повторить все это. Как он ждал теперь этой искры снова... Вглядывался в лица проходящих девушек, знакомился на вечеринках... Но спустя пятнадцать минут после начала общения с претенденткой на его сердце Олег ясно понимал, что здесь даже близко ничего подобного не будет.

Его внимание отвлек лежащий на столе проект его коммерческого предложения для крупной транснациональной компании, производящей спортивную одежду. Это была еще одна болевая точка для Олега. Он уже несколько месяцев пытался открыть новое русло для своего юридического бизнеса – оказывать услуги по представлению интересов компаний, которые выходят на российский рынок. Он даже ввел для этого еще одну штатную единицу и взял на работу Артура – молодого амбициозного юриста, элгэушника, в совершенстве владеющего деловым и юридическим английским и разговорным французским. И вот уже несколько месяцев платил ему зарплату, превышающую зарплату любого юриста в его фирме. Полный бред! Артур практически ничего не делал, ибо при приеме на работу было оговорено, что он будет заниматься только иностранцами. Олег не хотел его увольнять, во-первых, потому, что он ждал, что вот-вот работа начнется и он загрузит Артура по полной, во-вторых, он слишком долго искал такого специалиста, исходя из зарплаты, которую мог предложить, а в-третьих, Артур был для него живым стимулом и напоминанием о заветной цели. Артур, конечно же, чувствовал себя вольготно, получая хорошую зарплату и ни черта не делая, что очень раздражало Олега и других сотрудников. С ним практически никто не общался, да он и не искал общения. Сидел в Интернете, читал книжки, иногда что-то переводил, составлял письма, рекламу и прочие бумажки на английском и французском языках. Зато, правда, никогда не опаздывал и присутствовал на всех совещаниях.

Проблема была в том, что дважды переговоры с иностранцами Олег уже провалил, а впереди маячили новые – через две недели. И этого дня Олег ждал с волнением и страхом. Суммы контракта хватило бы на то, чтобы сразу удвоить ежемесячный доход компании, а это было бы существенным прорывом вперед по всем направлениям. Олега еще задевало то, что переводчиком в неудачных переговорах выступал Артур, он единственный точно знал все, о чем там говорилось, и он же был свидетелем международного фиаско Олега. При этом Артур себя чувствовал беззаботно, как рыба в воде, легко шутил с иностранцами, понимая их с полуслова. В общем, все это сильно раздражало Олега! А больше всего его раздражало то, что он был не готов и к новым переговорам, и знал, что они тоже провалятся! Он знал, что после этого его руки совсем могут опуститься и он заморозит к чертовой матери весь этот международный проект. Уж слишком дорогим удовольствием являлась каждая предыдущая

встреча – ведь Олег брал на себя все: и размещение в гостинице, и поездки на автомобиле, и культурную программу, и покупку сувениров. После каждой встречи бюджет его фирмы существенно уменьшался, а толку не прибавлялось! Замкнутый круг какой-то!

«Город над вольной Невой, город нашей славы трудовой...» – запел мобильник... значит, это кто-то из друзей.

– Олега, привет! Пошли пиво пить! Я тут новый паб открыл! Какие там немецкие колбаски и русские официантки! Давай! В восемь я у твоей парадной!

– Нет, Сань, сегодня не могу, дел куча.

– А, понимаю, ну, давай, разгребай свои юридические завалы! Значит, в другой раз! Пока!

– Подожди, Сань. Слушай, у тебя вроде знакомые в конторе остались?

– Не вроде, а определенно!

– Можешь пробить одну машинку на владельца? Мне нужен его адрес и телефон. Номер машины: «Геннадий, три семерки, Ульяна, Тимофей». Записал?

– Запомнил! А что? Он тебя подрезал?

– Да, типа того...

– Так ты, значит, хочешь его найти и по миру пустить? Смотри, только без криминала!

– Да какой криминал, Сань! Я с тобой конкурировать не собираюсь! – засмеялся Олег. – Я же юрист!

Саня проработал в органах лет семь. Бегал за карманниками, потом зашифровался, как оказалось позже, перешел в наружку. Потом открыл свое охранное предприятие. Он всегда дружил со спортом и в свое время приучил к нему Олега, за что Олег был ему искренне благодарен до сих пор. «Эх, если б не время!..» – вздохнул Олег. В кармане у него пылился абонемент «Империи фитнес», куда он не заходил уже два месяца. Он купил абонемент туда, чтобы укрепить спину, которая периодически его беспокоила. Ему порекомендовали «Пилатес». Разок сходяв на занятие, Олег там больше не появлялся. «Блин, одни тетки, чувствую себя, как кактус на снегу! А потом еще выходить из зала вместе с ними всеми. Что мужики подумают?».

Приятели считали Олега успешным человеком. Да он и сам считал, что кое-чего достиг в жизни. Причем достиг сам, без помощи мамочки и папочки, как это частенько практиковалось в его сфере. Родители были его нервным узлом, его незаживающим нарывом. Отец умер, когда ему было двадцать два. Умер от алкоголизма, прожив, по меркам Олега, довольно бессмысленную жизнь. Отец витал в своих творческих фантазиях, ибо имел самую худшую в мире профессию – профессию художника. Для себя Олег давно понял, что это самая отвратительная стезя, состоящая из трех этапов: писать картины и пытаться их продать, писать картины и не пытаться их продать, не писать картины и не пытаться их продать, но всем говорить, что ты художник, что искусство «в жопе», и заливать свое горе бутылками пива-водки-портвейна вместе с такими же неудавшимися художниками. Частенько дома не было еды. Мама зарабатывала немного, а в суровые перестроечные времена, когда зарплату задерживали месяцами и занять денег было не у кого, случались дни, когда денег не было вообще, ни копейки. При этом отец сидел дома и даже не пытался хоть куда-нибудь устроиться: «Я не могу работать грузчиком или дворником! Я же художник!» Когда маме удавалось найти какие-то деньги, отец выколачивал, в прямом смысле слова, их из нее на выпивку, дай бог, если оставалось хоть что-то на хлеб. Олег вспоминал, как съел однажды полбуханки черного круглого хлеба, пока нес его из магазина, и с трудом остановился, хотя это была его единственная еда в тот день. Вспоминал, как часто ходил к друзьям в гости, где его всегда кормили. В то время Олег думал, что богатство – это когда в доме есть сыр и колбаса.

Олег не мог также забыть, как отец избивал его маму. Его любимую, тихую, безропотную маму. Как он плакал в соседней комнате, стиснув зубы, уткнувшись головой в подушку и что есть сил сжимая кулаки. Он не мог этого забыть и не мог простить.

Отец умер внезапно. Его увезли на «скорой», а утром позвонили и сообщили о смерти.

Олег плакал, мама плакала. Денег на похороны было мало, поэтому сделали все очень скромно. Он страдал, но при этом и немного радовался. Думал, что теперь-то мама сможет вздохнуть спокойно. Найдет себе другого мужа. Но мама начала пить сама. Сначала по чуть-чуть, потом запоями. Олег воспитывал ее, упрасивал, орал на нее, но все было бесполезно, она обещала, клялась, а через месяц все повторялось. Потом мама ушла жить к другому мужчине – Валерию, тоже любителю выпить. Олег редко навещал ее – либо когда она была трезвая, либо когда нужно было вывести ее из очередного запоя.

Олег стыдился своих родителей, злился на них, старался не думать о них.

Теперь у него в холодильнике всегда лежали сыр и колбаса, всегда были деньги, но внутренний крик: «Почему?! За что?!» никогда не утихал в душе. Каждый праздник, который мог бы быть семейным праздником, напоминал о том, что ему не с кем сесть за праздничный стол, никто не спросит о его успехах, не поддержит в его переживаниях.

Олег привык рассчитывать только на себя. И в старших классах школы, и в институте он учился не потому, что так было надо, а потому, что он видел в этом единственный выход из нищеты и единственный путь к будущим достижениям. Он старался быть лучшим, лучшим по всем предметам, поэтому вечерами, после учебы, сидел в библиотеке, писал доклады, читал. Редко участвовал в тусовках одногруппников и сокурсников, считая это пустой тратой времени. Никогда никому не подсказывал и не давал списывать, наслаждаясь тем, что не зря тратил свое время, и всегда знал правильный ответ. Олег давно для себя понял, что эгоизм – единственно правильный подход к жизни. Он ненавидел слабость и нищету. Никогда не подавал нищим. «Подавая нищему милостыню, ты обрекаешь его на нищенство», – любил говорить он.

Жизненная философия привела его к определенному успеху, но в последнее время он стал замечать, что уперся в какую-то «стеклянную стену». Что-то не давало его бизнесу вырасти, его сердцу любить, его телу отдыхать, а душе – обрести покой.

Отдыхать. Олег опять вспомнил об отдыхе. Он уже смирился с тем, что никогда не сможет отдохнуть по-настоящему, и тут, когда показалось, что бывает и другой отдых – очередной облом!

Мобильник снова запел. Сашка.

– Старик, записывай! Ольховая аллея, семь.

– А квартира?

– Какая квартира, это, по ходу, отдельный дом, на Каменном острове. Телефон не указан. У товарища, кстати, еще пара машин есть, интересно?

– Не-а.

– Ну, бывай, звони.

– Да, спасибо, Сань, с меня причитается!

Каменный остров – это другая галактика в Петербурге. Если тебя привезут туда с закрытыми глазами, ты никогда не подумаешь, что в паре километров оживленный проспект. Аккуратненькие дорожки, утопающие в гектарах парка, отдельные домики изысканной архитектуры с прудами и мостиками, тишина и покой. Остров благоденствия. Там жили депутаты, дипломаты, олигархи и... Михаил Евгеньевич. Последний явно как-то не вписывался в этот ряд напыщенных, иконообразных господ. Неужели его так отдых поменял? Надо навеститься к этому господину, попросить рекомендацию.

Шел восьмой час вечера. Офис был уже пуст. Олег мял в руках ключи от машины. Поехать домой? Присоединиться к Сане? Или... Он вдруг понял, что если не поедет сейчас, не решится никогда. «В конце концов, что я теряю?»

Сдав офис на охрану, пройдя мимо всегда серьезных охранников, уже не смотрящих «РБК», а переключивших плазму на какой-то очередной сериал про милиционеров и преступников, Олег плюхнулся в свою машину – ничем не примечательную, давно не модную, но любимую «Ниссан-Примера» в футуристическом, как он любил говорить, кузове. Олег обожал ее кожаный салон. Расположением приборов и кнопками она напоминала ему кабину космического корабля, а коробка-вариатор превращала движение в городе и за ним в

приятное времяпрепровождение. Запело радио, заработал климат-контроль и подогрев сидений, и вот он уже забыл, что за окном февраль. Довольно быстро добравшись по GPS-навигатору до нужного адреса (Олег плохо ориентировался на Каменном острове), он припарковал машину возле забора из природного камня, где жил Михаил Евгеньевич. Домофон с одной кнопкой. Наверняка сейчас придется объясняться с охраной.

– Проходите, – без всяких вопросов пробурчал домофон, и дверь поддалась.

«Как все просто!» – подумал Олег. Несколько шагов по мощеной дорожке к красивой дубовой двери с резьбой, мимо альпийской горки, мини-каналов с мостиками, припорошенными снегом.

Дверь распахнулась. На пороге стоял и улыбался Михаил Евгеньевич. В домашнем халате, босиком, улыбаясь как старому знакомому.

– Если я не ошибаюсь, Олег?

– Совершенно верно, Михаил Евгеньевич!

– Можно просто Михаил.

Олег приготовился к вопросам о том, как он его нашел и почему приехал, но, не услышав ничего такого, был еще больше сбит с толку.

– А почему вы...

– Давай сразу на «ты»...

– Хорошо, почему ты не спрашиваешь, как я вас нашел (Олегу все равно было как-то не по себе называть на «ты» такого... весомого человека).

– А какая мне разница? Этим сейчас никого не удивишь, и это в данном случае абсолютно не важно. Важен результат: ты здесь и наверняка пришел за рекомендациями для турфирмы.

– А что, оно и вправду того стоит?

– Тебе решать.

– Ну... твое стоило того?

– Того – это чего?

– Ну, того, чтобы покупать путевку.

– А какое это может иметь значение для тебя?

– Ну, как же, отзывы туристов, опыт...

– Так ведь это был мой опыт.

– А как насчет обмена опытом?

– опытом невозможно обменяться, мой друг, можно только научить приобрести свой.

Олег стоял в полном непонимании. Все шло как-то не по сценарию, и он реально впал в ступор.

– Мне некогда стоять в проходе и терять время на болтовню, – прервал молчание Михаил, – я вообще-то собирался идти в сауну погреться. Если хочешь поговорить, раздевайся, бери халат и пойдем со мной, и не будем тратить время зря.

На лице Михаила расплылась добродушная улыбка. «Вот так попал! – пронеслось в голове Олега. – Все ясно, он, по-моему, «голубой». Не успел познакомиться, уже в баню тащит. Либо у него в голове не все в порядке. Блин, чего я сюда приперся? Или сходить, а там посмотрим? Что я, с ним не справлюсь, если будет приставать? КМС по боксу вроде был».

Олег начал снимать ботинки. «Блин, у меня ж на носке дырка! Сейчас стану снимать и он увидит! Подумает – собрался в трип за пятьдесят штук, а у самого денег нет на носки!» У Олега было много нормальных носков, но, как и у множества холостяков, они лежали египетской пирамидой в ванной, ждущие своего чистого четверга. Атак как четверг упорно передвигался, в ходу уже были и почти одинаковые носки, и чуть разного оттенка, а сегодня утром остались только одни – с дыркой.

– Нет, знаешь, я лучше как-нибудь в другой раз зайду, сейчас, наверное, не время, да и вас не хочется стеснять неудобствами. Извините.

– А кто тебе сказал, что в другой раз я тебя впущу, что захочу с тобой разговаривать? Откуда у тебя вообще убеждение, что бывают «другие разы»? «Раз» – это по определению

что-то одно. А второго раза, второго шанса даже в сказках не бывает. Это будет уже совсем другая сказка, если будет вообще!

– Ну, не будет, и ладно! Это был не самый важный вопрос в моей повестке! – вспыхнул Олег. Его уже начал доставать этот ненормальный, да еще и со своими нравоучениями.

– Не очень-то и хотелось? Ты, наверное, случайно запомнил мой номер, случайно узнал, где я живу, случайно проехал в час пик через пробки к моему дому, который случайно сразу же нашел, и теперь, когда я открыл тебе дверь и готов с тобой общаться, ты готов убежать, внушив себе, что это тебе не важно, и слить в унитаз свою цель, пусть маленькую, но цель, из-за дырявого носка? Да он у тебя стал дырявее в сто раз! У тебя уже и на пиджаке твоим дырка во всю спину, и на ширинке, и в голове, похоже, тоже! Ты можешь идти, но потом будешь жалеть всю оставшуюся жизнь об еще одной упущенной возможности, заглушая периодически свою боль утешениями типа «не очень-то и хотелось!» И могу поспорить – в твоей никудышной жизни ты уже не раз останавливался за шаг до окончания пути, проделав огромную работу и убедив себя, что тебе это не интересно. Вали давай! – и Михаил взялся за дверную ручку, чтобы закрыть ее.

Олег остолбенел. Он был одновременно и оскорблен, и удивлен, и заинтересован. В его голове промчались сотни мыслей, но большее всего была одна мысль: «Михаил прав! Я столько раз начинал что-то и не заканчивал, сначала откладывая из-за каких-то сомнений, а потом и пытаюсь забыть, внушить себе, что не особенно хотел этого. Даже эта тема с иностранцами... Олег внутренне был готов отказаться от этой затеи, если третий раз не получится. И откуда он узнал про дырявый носок? Я же не успел снять ботинки!»

– А как ты узнал про носок???

Михаил залился хохотом. Он смеялся, даже припрыгивая и пригибаясь. Когда смех иссяк, он ответил:

– А что, я попал? Попал в цель? Да все очень просто, по радио «Бизнес ФМ» объявляли с утра, ссылаясь на это как на причину падения азиатских рынков! Уф, насмешил! Олег! Ты предскажешь до невозможности, боюсь, я еще многое могу о тебе рассказать. Потом. Если захочешь.

«Раз уж дырку в носке можно игнорировать, то нет иных причин не продолжить разговор», – подумал Олег, а вслух спросил:

– Где можно взять халат, если предложение еще в силе?

– Нет, халат я тебе уже не дам! На! Возьми простыню! Должен же ты хоть как-то прочувствовать, что второй шанс отличается от первого! Иди за мной!

Он проследовал за посмеивающимся Михаилом. Прямо из холла вниз под землю вела лестница, отделанная природным камнем. За ней следовал широкий коридор, теплый пол которого был покрыт итальянской плиткой, имитирующей старинную потертую мостовую. Справа и слева было несколько дубовых дверей с коваными ручками. На стенах висели кованые бра. Последней оказалась низенькая дверь, сколоченная из обычных посеревших сосновых досок. Михаил остановился возле нее, наблюдая за реакцией Олега. Олегу даже не надо было делать вид, что он удивился: такой контраст.

Не меньшее удивление вызвал и интерьер, открывшийся за дверкой, проходя в которую, нужно было нагнуться. Бревенчатые стены, дощатый пол и потолок, деревянные рубленые лавки и огромный деревянный стол. В одном из углов стояла лавка, над которой были вешалки в виде вбитых прямо в стену огромных квадратных гвоздей. С потолка свисало несколько лампочек без абажуров и плафонов, к которым прямо по потолку подходила проводка из скрученных проводов. Несколько так же свисающих с потолка веревок были увешаны связками каких-то травок и цветочков. Видимо, именно от них исходил запах... скошенной травы и пряностей. Две такие же небольшие дощатые двери вели еще в два помещения. «Слева – парная, справа – душевая», – бросил Михаил и скрылся в парной. На правой стене виднелось маленькое окошечко, из которого... открывался вид на ночной деревенский пейзаж: уходящая вниз дорога, озеро, лес. Все это дополнялось ритмичным пением сверчка. А за окном был слышен лай собак и крик петухов. Олег ущипнул себя: «Что

за чертовщина!» – и подошел поближе к окну. «Ну! Все понятно! Однако искусно!» – За окном была фальш-стена, видимо, из стекла, на которой была прикреплена фотография, большая по размеру, чем само окно. И, видимо еще подсвечивалась сзади. Полнейшая иллюзия вида из окошка деревенской бани.

Повесив свои вещи на гвоздики и намотав простыню, Олег нырнул в помещение парной через вторую низенькую дверь. Там тускло горела лампочка, освещая такие же бревенчатые стены и дощатые полки. На одном из них сидел с веником, в войлочной шляпе, Михаил, потирая свободной рукой взмокающее тело.

– Подкинуть? – спросил Олег, подойдя к печке, где стоял большой котел с дымящейся водой.

– Подкинь! – небрежно бросил Михаил.

– А куда? – спросил Олег, поняв вдруг, что не видит привычной для сауны горы камней.

– Вон же, в трубе, видишь дверцу? Поддень ковшом!

Олег поддел длинным ковшом с деревянной ручкой и медной чашей железную защелку и потянул дверцу на себя. Дверца со скрипом отворилась, открыв взору раскрасневшееся нутро. Зачерпнув из котла воды, Олег прыснул ее на раскаленные камни, которые ответили клубом серого пара и резким шипением. Положив ковш, он присел недалеко от Михаила.

Повисла молчаливая пауза. Конечно, Олег был поражен и даже шокирован такой резкой сменой обстановки. Создавалось полнейшее впечатление, что он не здесь, не в Питере, а где-то в глухой деревушке. Это было настолько поразительно и нереально, что он забыл обо всем: и о цели своего появления, и о насмешках Михаила. Олег считал неподобающим выражать свой восторг бурно и эмоционально. Он старался держать позу искусственного во всем человека. Мол: «Да и мы не лыком шиты».

– И чего ты вдруг напрягся? – улыбаясь, спросил Михаил.

– Да нет, просто не ожидал...

– Да ты жадиана!!!

– Чего?!! – Олег опешил. Чего-чего, а это определение было вообще не к месту. «Что он имеет в виду? Он же у меня ничего не просил и я вроде ничего не обещал. Товарищ явно не в адеквате. Надо валить отсюда поскорее. Но как? Блин, неудобно. Все как-то неправильно! Далась мне эта путевка! Теперь не знаю, как отмазаться и улизнуть поскорее». Все это пронеслось в его сознании под аккомпанемент раскидистого смеха Михаила. Посмеявшись вволю, тот спросил:

– Пояснить?

– Да уж будьте любезны! – Олег сделал акцент на слове «будьте».

– Ты жаден на эмоции! Я же вижу, как тебя распирает от удивления, а ты сидишь и делаешь вид, что для тебя все, как обычно! Как каждый день? Или у тебя все то же самое, только из золота? Так поделись этим хотя бы, расскажи об этом! Дружище! Это нужно не мне! Я несколько раз в неделю сюда прихожу и каждый раз удивляюсь, как мне это удалось. Я сделал копию баньки моего деда, что в деревне Зайково Тверской области. Уж очень мне там нравилось! Кстати, не так и дорого все обошлось! Тут дело не в цене, не в понтах, а в эмоциях, настроении. Я ж старался, понимаешь?! И меня распирает от благодати, когда я каждый раз сюда захожу! Мне кайфово! И сейчас я делюсь с тобой этим. Просто так. Мне от тебя ничего не надо! Но ты этого не берешь! Ты зажался и не хочешь получать удовольствие! И мешает тебе только одно – твоя жадность. Тебе жалко отдать несколько хороших слов. Тебе настолько жалко их отдавать, что ты готов даже не забирать себе все остальное. Понимаешь? – Он похлопал по плечу Олега, спрыгнул с лавки и вышел в предбанник.

Олег остался обтекать. Во всех смыслах этого слова. Он себя поймал на мысли, что с тех пор как открыл дверь этого дома, испытывает постоянный дискомфорт. Причем дискомфорт этот странный – от него не хочется убежать. Он просто постоянно заставляет что-то переоценивать. Он рушит рамки привычного и заставляет искать новые ответы на какие-то, считающиеся уже само собой разумеющимися, вопросы. Вот и сейчас произошло что-то из ряда вон. Он привык никогда не подавать вида, как он относится к тому или иному

событию. Сдерживание эмоций – это то, к чему приучила его работа юриста. Клиенты бывали разные, особенно раньше, когда он работал адвокатом по уголовке. С некоторыми он в жизни не стал бы общаться, а по работе приходилось становиться иногда их единственным другом. Опять же, встречаясь с состоятельными клиентами, посмотрелся и другого. Однажды за ним прислали вертолет, чтобы он смог слетать на подписание договора в Беларусь, где его клиент находился вместе со своим партнером на охоте. Он посмотрелся там такого, что в будущем всегда думал: «Видал я покруче», когда его старались чем-то удивить. Жаль, что рассказывать об этом не позволяла подписка о неразглашении, составленная так, что даже думать об этом считалось ее нарушением.

Жар парной становился невыносимым, и Олег вышел снова в предбанник, а из него в душевую. Душевая, кстати, была сделана вполне по-городскому: плитка в стиле старой итальянской мостовой, пара бронзовых душевых рожков. Большая дубовая купель с проточной водой.

Смывая с себя первый пот, Олег немного успокоился. «Все-таки интересный дядька, может, только слегка шизанутый», – заключил он, выходя обратно, наклоняясь под низкий косяк, в предбанник. Запах дерева опьяняюще завладел его разумом. Завернувшись в жесткую льняную простыню, он подошел к столу, у которого уже сидел Михаил.

– Чайку? – спросил, улыбаясь, Михаил, показывая взглядом на большой медный самовар, стоящий посреди стола.

– Нет, спасибо, я после первого захода не пью, – ответил Олег, присаживаясь на скамейку так, чтобы было видно псевдоокно. – Лай собак и сверчок в записи?

– Собаки и петухи – да, а вот сверчки настоящие! Я специально несколько штук привез и выпустил! Прижились!

– На самом деле очень здорово! И бревна эти, и травы, и идея с окном и звуками! Даже не верится, что мы в центре города.

– На самом деле? А твой безразличный вид был на каком деле? Не самом? И сколько их у тебя?

– Да что ж ты так к словам-то цепляешься?! Я ж искренне говорю! Не будь таким занудой! – вспылал Олег. – К чему это все вообще? Нельзя просто поговорить, рассказать об этом путешествии вкратце? В чем фишка?

– Хорошо, давай по-простому. Ты не готов к путешествию.

– Между прочим, я в прошлом мастер спорта...

– Дело не в физической подготовке, – перебил Михаил, – а в психологической. Мой прошлый протеже, Сережа, не вернулся. Хотя каждое утро ходил на спорт и плавал 2 раза в неделю по 30 кругов в бассейне.

– А что с ним случилось? Погиб?

– Не вернулся. Давай не будем об этом. Понимаешь, это не просто путешествие. В нем сконцентрированы все красоты мира, но и все его опасности. Ты получаешь ни с чем не сравнимый опыт в обмен на готовность рисковать и выходить из зоны комфорта. Да и еще, по контракту, путешествие может начаться в любой момент, и его окончание от тебя не зависит. Не будет ни привычного расписания перелетов, ни бронирования гостиниц, ни заранее расписанной тур-программы. Тебе придется часто прибегать к помощи незнакомых людей, язык которых ты даже не знаешь. Тебе нужно будет за секунду решить: кто перед тобой – друг или враг. Но самое главное – не снаружи. Это все семечки! Самый главный твой друг и враг будут подстерегать тебя каждую секунду. Они будут появляться перед каждым важным решением и давать тебе противоположные советы, от которых будет зависеть все, в том числе твое здоровье и твоя жизнь! И находятся они оба – внутри тебя. Самое главное – разобраться с ними. Понять: кто тебе помогает, а кто мешает! Кто приведет к успеху, а кто к гибели!

Для того чтобы пройти весь путь, тебе придется быть честным с собой и окружающими каждую секунду. Если тебе будет больно – нужно будет кричать, если страшно – бояться, а если смешно – смеяться! Если ты будешь смеяться тогда, когда надо будет просить о помощи, ты можешь просто погибнуть! Потом некому будет говорить: «На самом деле мне было

больно, а смеялся я по привычке». Поэтому я придаю значение твоим словам. Они говорят за тебя гораздо больше, чем ты об этом думаешь, и я тебе еще не раз это покажу, если ты все-таки возьмешь себя в руки и начнешь вести себя со мной естественно, правдиво. Я вправе рассчитывать на это, потому что ты доверишь мне свою жизнь, согласившись на Путешествие. Мысль-слово-действие – одна линия! Осознай это! Это важно! Это очень важно! Это жизненно важно! – на лице Михаила не было и тени от улыбки. Его глаза как будто сканировали мозг Олега. Но там была тишина. Точнее – затишье перед бурей.

Михаил нарушил эту паузу, встав и войдя в парную. Олег последовал за ним. Он размышлял о том, почему Михаилу, человеку, который видит его второй раз в жизни, так важна его жизнь и судьба. В этом было что-то неестественное, потому что так не могло быть! Потому что это неправда! «Какую выгоду, какую цель он преследует? Где здесь подвох?» – думал он и не находил ответа. В глазах Михаила он не увидел ни тени лжи, ни притворства. «Может, хороший актер? Но зачем?»

– Всегда так сидишь? – перебил его спокойный голос Михаила.

– А как я сижу? – удивился Олег, сидевший на верхней полке, поставив ноги на следующую снизу.

– У тебя спина ссутулена и правое плечо чуть выше левого. А еще – ты периодически мотаешь головой, будто пытаешься скинуть надоедливый шарф.

– Ну, если честно, у меня проблемы со спиной.

– А если «не честно»?

– В смысле?

– Ты опять говоришь так, как будто живешь в нескольких реальностях. В одной у тебя – честно, в другой – не честно. Главное – не перепутать, где ты находишься. Понимаешь, о чем я? Говори однозначно, по крайней мере, со мной... а потом тебе наверняка это понравится.

– У меня проблемы со спиной. Грыжа была. Несколько раз в год так скручивало, что ходить не мог. Потом сходил к одной бабке, по совету. Живет на краю города, в Парголово. Она грыжу заговорила. Уже больше десяти лет так сильно не мучаюсь, хотя и не верил в это. Но спина иногда ноет и шея. Работа сидячая.

– Давай-ка, ложись на скамейку, я тебя пощупаю, – произнес Михаил, вставая с полки.

– Да ну, нет, что ты?! Не беспокойся! – торопливо ответил Олег, а про себя подумал: «А может, он все-таки «голубой»?»

– Чего ты так всполошился? Не бойся! Я к тебе не буду приставать! – смеясь, словно читая мысли Олега, сказал Михаил. – Давай, ложись! А вообще обращай внимание еще на два момента: во-первых, я искренне предложил тебе помощь, а ты отказался. Причем отказался не потому, что сомневаешься в моей квалификации в этом вопросе, ты ведь даже меня об этом не спросил! А во-вторых: почему ты решаешь за меня – беспокоиться мне или нет? Ложись! Третий раз предлагать не буду!

Повинуясь безапелляционному тону Михаила, какой-то его внутренней спокойной силе, Олег лег на полку, подложив под себя простыню. Михаил стал ощупывать его позвоночник, бормоча: «Ага, тут у нас искривленьице. Тут, чувствую, мышцы в гипертонусе. Шея – вообще беда». Пару они не поддавали и было не очень жарко. Теплое обмякшее тело Олега с благодарностью откликнулось на манипуляции Михаила. Он мял мышцы спины, где-то нажимая, где-то растирая, где-то оттягивая кожу, где-то постукивая. Он действовал спокойно и неторопливо, что-то бормоча, и со стороны могло показаться, что он просто собирает мебель из «ИКЕА». Сколько минут пролежал Олег, он не заметил. Он словно впал в забытие. Очнулся от того, что Михаил его тряс двумя руками за плечи: «Просыпайся!» Олег попытался поднять расслабленное тело, но Михаил остановил его: «А вот вставать не надо! Дверь я открыл. Здесь не жарко. Полежи еще чуток, только перевернись на спину».

Как же хорошо и приятно было лежать в тепле, на деревянной скамейке, и чувствовать, как твое тело растекается по горизонтальной поверхности, словно пленка масла по воде. В голове тоже образовалась приятная пустота. Не хотелось ни говорить, ни думать. «Полежи так еще немного и выходи, только холодной водой не обливайся. Возьми халат на полке», –

услышал он сквозь пелену, прикрывающую его сознание, голос Михаила. «Лежал бы так вечность!» Вечность продлилась еще минут пять, после чего Олег медленно поднялся с полка и вышел в предбанник.

Отыскав глазами полку с халатами, Олег взял один из них и накинул на себя. Михаил уже налил две чашки чая и сидел, улыбаясь, во главе стола.

– Присаживайся! Угостись чайком со зверобоем!

– Спасибо! – Олега не нужно было долго уговаривать. – Спасибо огромное! Не знаю, что ты сделал, но чувствую я себя гораздо лучше! Слушай! А парная не остыла из-за того, что ты дверь открыл?

– На здоровье! Остыла, конечно! Да и ладно! Не мы для парной, а парная для нас! Сегодня я хочу использовать ее в таком режиме. Все равно нормальной парки не получилось бы. В парной надо не философствовать, а париться. Кстати, спина у тебя запущена не смертельно... пока. Надо укреплять ее регулярно спортивными нагрузками. Не будешь над ней работать – может, даже сляжешь.

– Подкачивать надо? – спросил Олег, беря в руки большую глиняную кружку с ароматным чаем.

– Ни в коем случае! По крайней мере, не сейчас. Если ты сейчас будешь хватать железо с кривым позвоночником – может еще хуже скрутить. Надо его сначала выстроить ровненько и укрепить. Лучше какая-то гимнастика специально для позвоночника, пилатес, например.

– Да я был как-то на пилатесе у нас в клубе. Беспонтово. Одни девки ходят.

Михаил посмотрел на него как на сумасшедшего, а затем засмеялся жутким смехом.

– Ты себя слышишь, парень? Ты вообще понимаешь, что происходит? Я тебе говорю о ЖИЗНЕННО важной вещи. Если этого не делать, ты будешь очень понтово лежать в больничной койке в гламурном спортивном костюме! Осознай это! Ты делаешь выбор между здоровьем и твоим представлением о том, что «понтово», в пользу последнего! Все! Тушим свет! С тобой не о чем больше говорить. Тебе нужно не об отдыхе думать на курортах, а о вечном покое! С таким же успехом ты мог прийти ко мне с опасной бритвой, у меня на глазах перерезать себе вены, а потом попросить рекомендации для турфирмы!

Олег застыл с чашкой у рта.

– Ладно, иди грейся еще разок, обмывайся и езжай-ка домой, парень, тебя дома заждались... гламурные тапочки. Больше ведь тебя ждать некому? Верно?

– Верно, – ответил устало Олег. Он не мог ни обижаться, ни спорить, ни злиться. Какая-то пустота подкралась к его сердцу. У горла ком. Сил не осталось даже держать кружку, и он поставил ее на стол. Полное безразличие и апатия к происходящему. На секунду он действительно почувствовал себя самоубийцей. В эту секунду ему вдруг стало все равно – будет ли следующая. Он вдруг почувствовал, что Михаил копнул его так глубоко, что задел все жизненно важные органы. Он общался с ним всего пару часов и вот... Где-то глубоко внутри себя он услышал отзвук слов Михаила... Эхом ему вторили обрывки воспоминаний... Вот он мчится на немыслимой скорости на машине, нарушая правила, и чудом остается жив... Вот его откачивают в больнице после трехдневной пьянки... Вот он выползает на берег после пяти часов борьбы с океанским течением... И все это, по большому счету, от потаенного одиночества. Одиночества среди друзей и ежедневных встреч. Одиночество подобно пролонгированной смерти, поэтому, чтобы почувствовать себя живым, ему периодически хотелось играть со смертью. Михаил ушел греться, а Олег сидел, облокотившись руками на стол и уставившись в чашку. В ней отражалась лампочка, свисающая с потолка. Песни сверчков и лай собак были как нельзя кстати. Он поднял глаза на фальш-окно. В эту минуту вид за окном показался ему более настоящим, чем то, что в километре отсюда стоят в пробках машины. Вот бы попасть туда – в этот мир гармонии и покоя. Он не злился на Михаила. Он понимал, что тот знает какую-то тайну. Тайну счастливой жизни. Такой жизни, когда счастье внутри, а не напоказ, и все вокруг это ощущают. Такого человека редко встретишь, а если встретишь, то захочешь, чтобы он стал твоим другом. К таким людям либо тянутся как к магниту, либо бегут как черт от ладана.

Равнодушных нет. Все понимают, что это – носитель некой тайной силы, и одних она притягивает, а других отпугивает.

Поднявшись со скамейки, Олег отправился в парную. Михаил там уже сидел, помахивая веником.

– Михаил, а чего ты сам-то один, в своем роскошестве?

– Дурик. У меня жена и трое детей. Они сейчас на работе.

– На работе? В такое время? И дети?

– Видел бы ты свое лицо, дружок! Да, на работе! Присматривают за нашим отелем в теплых краях. Я тут дела свои доделаю в течение месяца и к ним махну.

Поймать Мишу на том, что у него у самого не все в порядке, не удалось. Есть такая забава, идущая еще с детства, а у многих остающаяся на всю жизнь, – найти у кого-то «бо-бо» еще похуже, чем твое, и успокоиться. Успокоиться не удалось.

– Миш! Я не могу понять, как тебе это удается. Но ты прав. Прав во всем, что говорил про меня. Я и сам иногда чувствую, что что-то не так. Я много читаю, в том числе книг по психологии. Стараюсь разобраться в себе. Иногда мне кажется, что что-то получается. В какие-то дни я как будто что-то улавливаю и совершаю значительные поступки в своей жизни, а потом опять падаю в рутину. Я себя успокаиваю, что у меня все не так уж и плохо. Многого я добился сам. Не бедствую. Фирма своя. Я думал, когда все это будет – станет как-то радостней и проще. Не стало, Миш! Планы развития, которые я строю, упираются в стену. Отношения с девушкой давно зашли в тупик. Новых нет. Все остальное поверхностно. Поэтому и хочется, наверное, отдохнуть так, чтобы... получить встряску, почувствовать себя живым и сильным, может, что-то изменится...

– Я рад, что ты перестал кривляться. Видимо, тебе действительно очень надо туда отправиться. Я готов подготовить тебя, но для этого тебе придется полностью мне доверять и пройти курс подготовки. Ты готов к этому?

– Готов.

– Курс будет сложным и иногда неприятным. Тебе не один раз захочется его бросить. Иногда ты будешь меня ненавидеть. Раз сто пожалеешь о том, что открыл сегодня мою дверь. Но если ты пройдешь эту подготовку, тебе откроется ее смысл, и твое путешествие станет самым прекрасным в твоей жизни. Я буду тратить свое время. Это традиция, потому что в свое время мой наставник тратил его на меня, и я должен вернуть свой долг. Но есть одно условие, без которого дальнейший разговор не будет иметь смысла.

– Какое?

– Предоплата тура в полном объеме до начала подготовки. Деньги не возвращаются. Даже если ты не пройдешь подготовку и никуда не поедешь. Даже если ты будешь на грани жизни и смерти, и тебе потребуется срочная пересадка мозга. Если согласен, завтра в 14 часов приходи в офис с деньгами, подпишешь договор.

– А это не разводка? – в Олеге вдруг проснулся юрист. В парной стало очень жарко. Крупный пот выступил одновременно на всем теле.

– Зависит от тебя!

– В смысле?

– Если не пройдешь подготовку – зря потратишь деньги и время. Если пройдешь – никогда в жизни не пожалеешь о проведенном отдыхе. А вообще – глупый вопрос! Если бы я хотел тебя развести, что бы я ответил тебе на твой вопрос? Сам подумай! В общем, до завтра у тебя будет время подумать. А сейчас, когда обмоешься и будешь обсыхать, садись за стол, я тебе кое-что объясню. Ты же хочешь знать ответы на вопросы, которые не можешь задать?

– Звучит двусмысленно, но я отвечаю «да».

– Я тебе расскажу кое-что, что тебе будет важно в жизни, даже если ты не придешь завтра.

– Гуд, – бросил Олег, спрыгивая с полки, так как жар подкрался уже к его печенке.

Олег принял душ. На полочке лежал кусок мыла коричневого цвета – им оказалось самое обычное «Дегтярное» мыло за 15 рублей. Никакого геля для душа и шампуня нигде не

было. В этом Михаил проявил аскетичность.

Смывая под душем горячий пот, Олег думал. Его колбасило. Эмоции сменяли одна другую, за ними вслед не поспевали мысли. «Разводка... шанс... шаг... 50 «штук»... массаж... игра... пилатес... завтра... иностранцы... блин, как все сложно! Ладно, послушаем, что он сейчас скажет, а там решим!»

Обтеревшись полотенцем, он накинул на себя халат и вошел в предбанник. «И интересно, лампочка и вправду висит на проводе?» Он дотянулся до нее рукой и слегка потянул патрон на себя. В этот миг из парной вышел раскрасневшийся Михаил. От неожиданности Олег резко отпустил лампочку и она начала болтаться, создавая пляшущие тени на стенах.

– Пожарники так же тянули! Только не вздрагивали. Свисающая проводка – бутафория. Силовой провод спрятан в потолке, как положено. Я соблюдаю безопасность. Наливай чай. Я сейчас.

Михаил скрылся в душевой. Было слышно, как он прыгнул в купель, зарычал довольно.

Олег присел на свое прежнее место. «Странный сегодня получился вечер. Неожиданно». Чай наливать не пришлось. Прежний был выпит, дай бог, на четверть. Сделав несколько глотков, Олег только сейчас почувствовал его вкус. Пахло сенокосом и деревней. «В любом случае, интересная смена обстановки и идеи прикольные, надо будет запомнить». Вошел Михаил. Накинул на себя халат и сел рядом.

– Что стоит между желанием и результатом? – без предисловий спросил он.

– Препятствия, наверное.

– Какое препятствие у тебя между желанием выпить глоток чаю и выпитым глотком?

– Никакого.

– Тогда почему ты сказал слово «препятствие»?

– Не знаю.

– Хорошо, тогда что все-таки стоит между желанием и препятствием?

– Мысли – как его преодолеть.

– Вот, смотри, я еще не назвал тебе, какое желание, а у тебя сразу вырвалось слово «препятствие»! Запомни этот момент! Хорошо. Допустим, «препятствие» ты себе уже создал. Идем дальше. Отчего будет зависеть, найдешь ли ты способ, «как преодолеть препятствие», или нет?

– Анализ, размышления.

– От чего зависит, к чему склонят тебя «анализ, размышления», к преодолению или отступлению?

– Ну, наверное, от результата анализа ситуации, всех объективных факторов и условий.

– От чего зависит – к чему приведет анализ? К какому решению? К какому результату?

– От того, правильно ли все проанализировано, достаточно ли исходных данных.

– А от чего зависит, правильно ли было все проанализировано, достаточно ли будет данных? И вообще, правильно – это как?

– Правильно, если приведет к результату!

– А если было неправильно, но привело к результату?

– Значит, все-таки было правильно! К чему все это? Что за нелепые вопросы!

– Ага, он уже начал проявляться! Это хорошо, значит, задели!

– Кто – он? Миш, ты бредишь? – В этот момент у Олега закралось сомнение, может, Михаил все-таки «того»...

– О! Очень хорошо! Я уже слышу его! Ты тоже его слышишь?

– Кого, Миш? О чем ты вообще?

– О голосе в твоей голове! Да, да, том самом, который сейчас говорит тебе: «Что за бред он несет! Никакого голоса нет!» Голос, который сейчас приказывает начать злиться на меня, который сейчас может сказать – «встань и выйди отсюда»!

– А что такого? Допустим, все так, как ты сказал. Это мои мысли! Они есть у всех! Да и у тебя тоже! Разве нет?

– Есть. Но есть разница между нашими голосами!

– Какая разница?

– Свой я контролирую сам. Он работает на меня. Он привел меня к успеху и приведет к еще большему. А твой – контролирует тебя. Он разрушает тебя, твои планы, расстраивает твои отношения, отравляет тебе отдых, делает несносным вечер воскресенья и мерзким пробуждение понедельника. Он запер тебя в твоей конторе, как в клетке. Он не пускает в твою жизнь нормальные отношения и настоящих друзей. Он гадит у тебя под окнами! Он опускает твои руки! Он портит погоду! Он протестует сейчас в тебе против меня и моих слов! Ты узнал его?

– Ну, подожди, все то, что ты перечислил, зависит от характера, от темперамента, от привычек, от настроения, от физического состояния, от атмосферного давления, от обстоятельств, объективных факторов, наконец!

– А это его любимая поговорка! А есть еще ряд: «Так получилось! Так суждено! Что выросло, то выросло! Обстоятельства сильнее нас! Все, что ни делается, все к лучшему!»

– А разве это не так? Разве нет объективных факторов?

– Об этом мы, может быть, поговорим позже. Сейчас же я хочу понять, понимаешь ли ты, что у тебя в голове есть голос?

– Да, понимаю.

– Откуда он берется, осознаешь?

– Это мои мысли.

– Откуда берутся твои мысли?

– Из мозга.

– Как они появляются там?

– Электрические импульсы. Нейроны. Все такое. Я не врач, не знаю.

– Успокойся. Даже врачи не знают! Я не об этом! Почему они у всех разные?

– Разный уровень образования, воспитания, гены опять же.

– Тогда, может, объяснишь, почему люди с одинаковым образованием достигают разных высот? Почему дети одной семьи бывают такие разные? Почему, стартуя с одной точки, один становится миллионером, а другой бомжом? Почему одни извлекают выгоду из ситуации, которую другие воспринимают как проигрышную?

– Не знаю. А ты знаешь?

– Знаю! И сейчас сможешь понять и ты, если захочешь! Давай посмотрим на тебя и твои поступки сегодня! Все просто до безобразия! Допустим, сегодняшняя наша встреча могла бы принести важный для тебя результат – «путешествие твоей мечты». Допустим?

– Да.

– Ты думал о том, что это может быть важным для тебя?

– Раз приехал, значит, думал.

– Хорошо. Ты сделал уже несколько шагов: узнал, где я живу, принял решение поговорить со мной, приехал на машине, потратил время и бензин, нашел в себе силы позвонить в дверь, наверняка приготовил 5-минутный монолог, объясняющий, зачем ты здесь. Это так?

– Да, так.

– Ты стоял в двери и выглядел полным идиотом, когда я тебе сразу предложил войти! Почему?

– Я не ожидал...

– Конечно! Ты не ожидал такого. Ты приготовился к расспросам, к борьбе, к грубости, к «препятствию», но только не к этому. Ты сразу достиг своей цели и... растерялся. Почему? Какие мысли были у тебя в голове в эту минуту? Что сказал тебе твой внутренний «комментатор», давай будем называть его так? «А где же препятствие?»

– Скорее, ничего не сказал. Все было неожиданно. Не по сценарию.

– И поэтому ты не знал, что делать! Ты пришел в замешательство. Куда пропала твоя уверенность? Твой многолетний опыт? А теперь представь себе, что твой «комментатор» в

этот момент говорил бы тебе: «Вот видишь! Все супер! Ты лучший перец на земле и поэтому у тебя так все легко получается! Молодчага! Расправь плечи и вперед!» В этом случае ты себя чувствовал бы более уверенно?

– Да, наверняка общаться было бы приятнее.

– Во-вторых: твои ожидания насчет того, как и что должно быть в том или ином случае... Это бред! Это самый большой бред на Земле! Который, опять же, постоянно подкрепляется твоим «комментатором». А если бы я открыл дверь, одетым в женское платье, чтобы ты сделал?

– Ушел бы сразу. Не люблю я эти штучки!

– Вот, и навсегда закрыл бы для себя свою цель. А представь себе, что такое бывает! Я мог быть актером, например! Кроме того, мы устраиваем с друзьями домашние спектакли и куражимся по-полной! Подумай, что происходит: твои глаза просто видят человека, которого ты ищешь, одетым в женское платье. От этого твоя цель перестала существовать? Тогда как мало нужно для того, чтобы столкнуть тебя с пути. Ну, давай, пойдем дальше. Мозг просто узнает мое лицо, видит одежду женского покроя. Что изменилось во Вселенной? Ничего! Но тут включается твой «комментатор»: «Он или гей или транссексуал. Вали отсюда, разговора не получится». Верно?

– Да.

– Твой «комментатор» помог тебе достигнуть цели или помешал?

– Помешал.

– Хорошо, идем дальше! Я приглашаю тебя войти и погреться в сауне. Что мы имеем из объективного? Я проявил к тебе любезность, уважение, предлагаю принять оздоравливающую и расслабляющую процедуру! В этом есть что-то негативное? Что выдал тебе твой «комментатор», что ты выглядел, как красная девица, впервые увидевшая хрен?

– Дай вспомню. Я подумал: «Нормальные люди незнакомых людей в баню не зовут. Может, он ненормальный или «голубой»?»

– И что сейчас? Твои опасения подтвердились?

– Нет.

– Ты мог уйти из-за этого?

– Мог.

– Твой «комментатор» тебе помогал в этот момент?

– Нет.

– Поехали дальше! Дырявый носок! Он стал для тебя практически непреодолимым препятствием! Ты собирался уйти! Ты чуть не ушел! Маленькая дырка в носке повлияла на твое решение и на твое будущее! Почему? Что говорил тебе твой «комментатор»?

– Ну, примерно так: «Тебе не поверят, что ты собрался потратить пятьдесят «штук», если у тебя на носке дырка, иди домой, может, зайдешь в другой раз».

– Кто тебе дал право судить, что для меня важно, а что нет, при принятии решения. С чего ты вообще взял, что я это замечу? Нет, это не значит, что надо поощрять в себе неопрятность: ходить и вонять потом, в грязных и рваных вещах и т. д., просто потому, что для кого-то это может быть важным, для кого-то, кто будет решать – иметь с тобой дело или нет. В конце концов, если бы ты сегодня познакомился с девушкой и она пригласила тебя домой, это было бы основанием для того, чтобы отказаться?

– Было бы.

– Вот так. А это могла быть твоя судьба. И твой «комментатор» наверняка тебе позавчера нашел более важные дела, чем бросить белье в машинку, а с утра сказал: «У тебя сегодня не будет встреч, одевай, что попало», а при встрече со мной – гнал тебя домой, несмотря на то, что мне абсолютно по фиг, какие у тебя носки, я даже на ботинки не смотрю, и сам покупаю, исходя из удобства для ног и качества, для меня важнее было твое поведение, твоя реакция, и как раз здесь – ты облажался по полной и чуть не удрал, как пацан, забыв про свою цель, про то, что для тебя было важно... Помог тебе твой «комментатор»?

– Нет.

– Вспомни, как ты это откомментировал: «Это не самый важный вопрос». Классика!

Сколько людей с детства мечтают путешествовать, летать, творить чудеса! Где это? С каждым годом, вместо того, чтобы находить способы достижения важных целей, ты просто крутишь ручку уменьшения важности. Твой «комментатор» говорит: «Это не важно! Это не очень важно! Это совсем не важно!»

А хотел ли он тебе добра, когда отказывался за тебя от массажа? Тебе помог массаж?

– Да.

– Но ты шарахался от меня, как черт от ладана! Что было в твоей башке, парень? Ты снова подумал, что я лезу приставать к тебе?

– Была такая мысль.

– Тебя что, в детстве изнасиловали? Или каждый день воинственные гомосеки осаждают тебя, пытаясь проникнуть к тебе в тыл? Ты считаешь эту угрозу реальной для себя? – Михаил уже почти смеялся.

– Нет – на все вопросы.

– Тогда почему ты отказываешься от помощи? Был ли другом «комментатор» в твоей голове?

– Нет. Но мне еще неудобно принимать помощь от постороннего человека. Во-первых, зачем его напрягать, во-вторых, не люблю чувствовать себя обязанным.

– Олег! Ты сейчас о ком говоришь? Кого – его? Здесь кто-то еще, кроме нас, есть? Какие-то посторонние люди?

– Ну, я, конечно, имел в виду тебя!

– Так почему ты не говоришь: «Мне неудобно принять помощь от тебя». Твой «комментатор» считает, что говорить мне прямо в лицо свои мысли – это неудобно? Он опять, блин, ошибается. Мне неприятно, когда ты меня не замечаешь, говоря о каком-то постороннем человеке! Почему ты решишь, что меня напряжет сделать тебе массаж? Почему ты за меня это решаешь? – Михаил сказал последнюю фразу очень медленно. – Я люблю практиковаться для себя. Я похож на массажиста? Ты меня вызвал и не хочешь заплатить деньги? Я же тебе сам предложил! Ты об этом забыл?

– Ну, многие люди предлагают из вежливости! А сами того не хотят! И из вежливости принято отказываться!

– Олег! Предложи мне из вежливости миллион евро! Предложи! Я не откажусь! Честно! Я никогда не отказываюсь, когда мне предлагают то, что мне нужно! И никогда не предлагаю того, что не могу или не хочу делать. С того времени, как я начал так поступать, моя жизнь очень сильно изменилась! Все мои друзья знают об этом моем правиле! Знаешь, как легко стало общаться? Никаких неудобств. Никаких недомолвок и двойных смыслов. Предлагаю – значит, хочу, могу, настроен позитивно и все пройдет супер! Соглашаюсь – значит, то же самое! Разве не бред – принять приглашение куда-то пойти из вежливости, а потом сидеть с кислой рожей и делать вид, что тебе все очень нравится? – Михаил посмотрел в глаза Олегу и немного привстал. – Твой «комментатор» знал об этом? Знал, что есть такие люди, и я один из них? Он знал, что меня раздражает притворный отказ, а не честное согласие?

– Нет, не знал, – такие простые вещи оказались... еще более простыми.

– А твоя безразличная физиономия... Почему ты решил, что выглядишь круто в моих глазах, если не показываешь виду, что тебе понравился интерьер? Твой голос говорил тебе: «Будь безразличным, ничему не удивляйся, не показывай, что тебе понравилось, и будешь выглядеть серьезным, искушенным перцем!» Смотри, как много комментариев, которые высосаны из пальца! Они ни о чем! Они вредят тебе! С таким грузом, парень, ты далеко не уедешь. Забудь про все твои планы. Они недостижимы. Смирись с ролью преуспевающего неудачника, пытающегося создать хорошее впечатление, а по ночам засыпающего с пультом от DVD с порнухой. «Делай, что делаешь, и будешь иметь то, что имеешь!» – старинная и очень мудрая фраза.

– А если я не хочу делать дальше то же самое?! Если я понимаю, о чем ты говоришь!

Если я готов это изменить! Что тогда мне делать? – Олег выглядел растерянно. Его искренняя растерянность, видимо, произвела впечатление на Михаила. Он больше не улыбался, а смотрел внимательно на лицо Олега. Потом встал и подошел к «окну».

– Красиво? – спросил Михаил, показывая рукой на «окно».

– Да. Очень.

– Реалистично?

– Более чем.

– Пока для тебя это даже более реалистично, чем твоя жизнь. У тебя перед глазами бегают клоуны, меняют декорации, маски, костюмы, а ты, радостный, хлопаешь в ладоши! И каждый день покупаешь билет на новое представление. И каждый раз цена разная – иногда это деньги, иногда большие деньги, иногда очень и очень большие деньги. Иногда отношения, которые тебе важны, иногда эмоции, иногда здоровье, иногда жизнь и всегда – время.

Михаил взял с полки маленький пульт. Начал нажимать его: лай собак и крик петухов то появлялся, то исчезал. То становился громче, то тише. И только сверчок не умолкал.

– Я хочу, чтобы ты заплакал, – сказал Михаил, пристально смотря на Олега.

– В смысле? Зачем? – спросил Олег, дернувшись от неожиданности.

– Если ты хочешь что-то изменить, ты должен понять, где ты находишься. А увидев, где ты находишься, ты не сможешь не зарыдать. Потому что ты – пустое место на карте жизни. Ты не знаешь, кто ты, куда и зачем идешь. Ты ничего не создал в этой жизни, у тебя нет детей и скорее всего никогда не будет. Ты никогда не достигнешь своих целей. Ты даже не станешь настолько богат, насколько хочешь этого. Скорее всего через несколько лет ты начнешь спиваться и умрешь молодым. Начни оплакивать сейчас свою беспутную жизнь, пока не стало слишком поздно. Я понимаю, сейчас ты в ступоре и шоке. Но приди домой. Возьми блокнот и запиши все то, чего ты не достиг в этой жизни. Все, что у тебя не получилось, все, что ты потерял. Запиши, что будет дальше, если ты продолжишь слушать своего «комментатора» и дальше. Вот тогда ты и должен будешь заплакать. Если ты не сделаешь этого – завтра не приходи. Бесполезно.

– Я понял... Хорошо... Но ты задал так много вопросов... Про мысли, откуда они? Так откуда взялся этот «комментатор»? Если это не мои мысли, то чьи?

– Это остатки программ, записанных на твой жесткий диск, если выразаться компьютерным языком. Просто в этом смысле мозг человека мало чем отличается от компьютера: что запишешь, то и получишь. Эти программы в основном записываются в первые годы твоей жизни, когда ты даже не понимаешь, что происходит. Пока ты находишься в полной зависимости от тех, кто тебя кормит, одевает и согревает. Первыми словами, которые ты учишься воспринимать – это слова-запреты: «Нельзя! Не трогай! Не лезь! Не бери!» Их произносят нарочито громко и резко. Большинство запретов действительно направлены на сохранение твоей жизни! Именно поэтому ты полностью доверяешь им. Если сказали: нельзя, а ты полез к утюгу – тебя обожжет, в розетку – ударит током. Ты полностью доверяешь тем, кто тебя учит, кормит и говорит эти слова. И очень трудно, поверь, практически невозможно, стереть эти «борозды от траков» «комариными ножками» последующих рассуждений, умозаключений, умных книг, фильмов, образований.

– Так если «невозможно», о чем тогда говорить?

– Заметь, я сказал «практически невозможно», хотя твоему мозгу сейчас на это наплевать. Он ищет знакомые слова. Кстати, слово: «невозможно» – одно из самых прочных оков твоей жизни. Как правило, все дети знают, что именно делать невозможно, потому что их так научили. Потому что они так жили. Потому что они так привыкли. Так записана их программа. Знаешь, когда я был в Таиланде, я гостил в деревне, где издревле дрессировали слонов. Я, кстати, до сих пор не понимаю, как они учат их играть в футбол и метать дротики, но больше всего меня поразило другое... Скажи, слон может вырвать воткнутую в землю человеком палку, колышек, к которому он привязан?

– Конечно, может! Глупый вопрос!

– Глупый вопрос для того, кто знает что-то большее, чем тот самый слон. Так вот, я удивился тому, что несколько слонов были привязаны к воткнутым в землю колышкам. Это были щепки! Щепки по сравнению с теми бревнами, которые они могли ворочать! Но слон! Он даже не пытался. Ходил просто вокруг! Я спросил у тайца – почему? Оказывается, к этой палке его привязывали тогда, когда он был еще маленьким слоненком и действительно не мог ее вырвать! И он привык к этому колышку и к этому месту! Он даже не пытается! Для него это «невозможно»! И это не «как бы так», это действительно так! Пока «невозможно» есть в твоей голове, ничего не произойдет!

Олег укутался глубже в халат. Мурашки пробежали по его спине. Он словно бы физически почувствовал колышки, которыми был привязан к своим ежедневным мыслям и действиям. Его мир был так четко очерчен, что иногда он даже задавал себе вопрос из фильма «13-й этаж»: «А есть ли что-то за этим ограждением?». Он нанимал на работу одинаковых людей со знакомыми для него «тараканами» и характерами. Он строил планы, опираясь на прошлый опыт, составлял первое мнение о людях, исходя из того, на кого из уже знакомых или хотя бы киногероев они похожи. Ходил в одни и те же магазины и рестораны, предпочитал одни фирмы в одежде. Блин! Вот тоже они – эти колышки – скидочные карты этих заведений и улыбки знакомых продавцов...

Михаил присел рядом.

– Я понимаю, о чем ты думаешь. У тебя будет еще время. И я знаю, что ты хочешь узнать. Кто вбивает эти колышки и можно ли обойтись без них? Я хочу сделать аналогию еще более понятной. В детстве за тебя вбивают колышки родители. По какому принципу? Чтобы место было безопасным и могло кормить тебя. Как они его ищут? Зачастую это место показали их родители, а тем – их... и так далее. Например, «ты должен найти хорошую работу и всю жизнь за нее держаться», «женщин нужно держать в строгости и постоянно контролировать», или «все мужики только и думают о том, как спрыгнуть налево»... Ты везде будешь искать эти колышки и подтверждение этим словам. Если полянка довольно свободная и на ней достаточно травы, которая успевает вырастать и кормить тебя, ты даже не будешь искать другую полянку. Если корм закончится – ты можешь даже умереть. Опять же, если родители не сказали тебе – «если еда закончится, ищи другую поляну». При этом в ста метрах могут быть поля с отборной пшеницей, но ты не пойдешь туда. Тебе не сказали об этом, да и не научили спрашивать. Поверь – ты будешь всегда есть ту же траву, которую ели твои отцы и деды... Есть немного способов согнать тебя с этой поляны. Один из них – «Путешествие». Но отправиться в него ты сможешь, только если я пойму, что ты готов вырвать старые колышки, вокруг которых уже и земля-то вся тобою вытоптана.

Оделся. Вышел. Попрощался с Михаилом. Открыл машину. Прогрел ее. Включил музыку. Тронулся. Навигатор показывал стрелочкой место, где находится его цель – дом. Таинственный Каменный остров, хранящий тайны его неведомых хозяев, довольно быстро скрылся в зеркалах заднего вида. Знакомые пейзажи, словно записанные на пленку, промелькнули за окном. Парковка. Кивок сторожу и дежурное «спокойной ночи!». 252 шага до подъезда и три этажа пешком. Поворот ключа. Свет правой рукой. Ботинки. Шкаф. Стол. Ручка. Тетрадка.

«Еще с утра я был уверен, что у меня все в порядке. Хороший бизнес. Вполне достаточно денег. Есть возможность отдыхать в экзотических странах. Друзья. Воспоминания о былой любви и надежда на будущую... Мир потускнел. Блин. Бред. Я не писал ничего в тетрадки... наверное, с университета. Пишу, потому что нащупал что-то важное. Я не двигаюсь... Не двигаюсь уже несколько лет. Все, что важного произошло в моей жизни, произошло давно. Сейчас я просто пожиная плоды своих предыдущих побед. Хотя, наверное, рановато.

Если объективно... Доход от бизнеса все меньше с каждым месяцем, а расходы растут. Проект с иностранцами завис. Катя от меня ушла. И я понимаю, что я просто стал скучен для нее. Я делаю вид, что хочу найти новую, настоящую любовь, но на самом деле боюсь. Боюсь

снова разочароваться. Боюсь ухода тех моментов, когда каждый миг общения с любимым человеком хочется продлить навечно, когда каждое новое «да» так возбуждает, и хочется услышать следующее. Но когда все «да» уже сказаны, остается только придумывать новые «нет», чтобы преодолевать их вместе. А время – его вдруг становится так много, что приходится находить все новые и новые способы его убить... Когда они кончаются или надоедают, время начинает убивать тебя...

Неужели так должно быть? Этот сценарий крутится во мне еще с пятнадцати лет. Каждый новый виток становится все более изощренным, но финал один – скука. И мне даже, если честно, не хочется влюбляться и любить.

Да я и сам скучен для себя. В моей жизни не происходит ничего нового. Очередной виток работы. Ничего не изменилось, по сути, с тех пор, как я работал следаком. Тогда был маленький грязный кабинет, маленькая зарплата, работа от заката до рассвета. Уходя на вольные хлеба, мечтал о свободе. Получил чистый кабинет, побольше зарплату и работу от рассвета до заката. Мечтал начать свой бизнес и стать наконец-таки свободным. И вот, мечта сбылась. Побольше кабинет. Значительно больше зарплата. Работа снова от заката до рассвета, а потом еще от рассвета до заката. Когда надо – и в выходные. Не бросишь же бизнес. Теперь я отвечаю за него вдсятеро. Еще и за своих сотрудников. Каждый, как и положено, делает вид, что предан, как собака, но в действительности ищет возможности меньше сделать и больше получить. Слово «свобода» означает сейчас, что никто не спросит, почему я пришел поздно на работу, а вчера вообще на ней не был. Правда, про свою зарплату никто спросить не забудет. Да и завтра, если со мной что-то случится – болезнь или авария – денег хватит совсем не надолго. Вот и просыпаюсь ночью в каком-нибудь кошмаре, где я потерпел крах или моя уборщица стала моим начальником. А огромный госаппарат, который кормится моими налогами, периодически наносит удары и смотрит – встану или нет. А это напряженное ожидание очередной проверки, когда знаешь, что каждый приходящий руководствуется принципом «был бы человек хороший, а проблема найдется», причем с единственной целью – срубить бабла на свою свободу. И всем наплевать, сколько бессонных ночей ты потратил, чтобы вырастить это детище, сколько денег вложил, сколько нервов убил, обивая пороги и налаживая связи. Каждый норовит залезть в твой карман и освободить его от максимально-возможного количества денег. И каждый второй считает, что ты барыга и хапуга и наворовал свои миллионы, и если завтра начнется революция – тебя раскулачат и пустят по миру. Если даже в отпуске не можешь расслабиться, а по возвращении еще неделю присматриваешься, не совершен ли переворот в твое отсутствие. Свобода ли это?

Моя мать продолжает спиваться, и я ничего не могу с этим сделать. Я редко приезжаю к ней и редко звоню. Мне просто страшно. Страшно видеть любимого человека в таком состоянии. Когда я вижу ее со стеклянными глазами, грязными волосами, в обляпанной грязью и кровью одежде, с сигаретой в зубах – мне кажется, что это не она. Это дьявол в нее вселился. Мне хочется убить этого дьявола, а вместо этого я ору на нее, хватаю ее за руки, трясу как грушу. Она лепечет в ответ оправдания и обещания, но никогда не выполняет их. Я злюсь и хлопаю дверь. Потом слезы душат меня. Я люблю ее, но не могу этого сказать. Я жду, когда она опомнится. Это происходит. Иногда. В эти дни она строит планы на будущее. Дает обещания и надежду. А потом все заново. И с каждым разом она выглядит все хуже и хуже. Каждый запой старит ее на несколько месяцев, а может, и лет. Я не могу ничего с этим сделать и в бессильной злобе грублю ей.

Почему так получается изо дня в день? Какие программы записаны в моей башке? Михаил велел подумать, какие мои внутренние разговоры, комментарии приводят к этому? Попробую.

По бизнесу: «У меня и так все в порядке. Зачем стараться?», «Это не так уж и важно», «Есть те, кому еще хуже», «Главное, чтобы в холодильнике был сыр», «Мои сотрудники не хотят работать», «Для того, чтобы контролировать бизнес, нельзя никому доверять, надо работать больше всех», «Я на поле битвы один со всеми и моя задача – всегда побеждать», «Иностранцы – это очень сложно и я пока к этому не готов».

Катя: «Это она во всем виновата, она меня не захотела понять и не захотела разделить мои интересы», «Она и не пыталась меня вернуть», «Я не буду за ней бегать», «Разошлись – значит, судьба», «Найду и получше», «Она – не мой человек, когда я найду своего, все будет по-другому».

Мать: «Ее никто не заставляет пить», «Я уже сделал все, что мог», «Ее уже не спасти, а мне надо еще жить», «Мое безразличие должно отрезвить ее, ведь я дорог для нее», «Жалостью человеку не поможешь».

Я не могу оценить, правильные эти установки или нет. Хотя нет, могу. По результатам своей жизни. Контракта нет. Катя ушла. Мать продолжает пить.

Что будет, если я продолжу действовать, исходя из этих внутренних разговоров? Бизнес сожрут издержки, я останусь вечным холостяком и сдохну в одиночестве, мама сопьется и умрет, да и я тоже.

Что мне делать? Я не хочу так! Не хочу! Я хочу все изменить! Но как это сделать? Должен быть выход! Почему я его не знаю? Чем я провинился перед Богом? Большую часть жизни я прожил в постоянном страхе! Страхе за жизнь своей матери, страхе остаться голодным, страхе быть хуже других! Я достаточно настрадался и боролся за свое счастье! Мне никто его не дарил! Я грыз землю! Отказывал себе во многом! Почему сейчас, когда мне кажется, что я должен наслаждаться результатами своего труда, я сижу один, в пустой квартире, и мне некому даже позвонить? Самый близкий и родной человек – мама, ради одобрения и восхищения которой я старался, сейчас если и позвонит мне, то только с просьбой приехать и спасти ее, купить очередную бутылку.

Я же помню, как ты любила меня! Почему все так???

Олег вдруг понял, что ногти его пальцев вгрызлись в подушечки ладоней чуть ли не до крови, а челюсти стиснулись так, как будто он пытался удержать ими невидимую нить, на которой висела вся его жизнь. В точности как в те далекие дни детства, когда отец выколачивал очередную «трешку на бутылку» у матери, а он сидел в своей комнате и плакал, потому что не мог выйти и ничем не мог помочь. Слезы погрузили все вокруг в аквариум, а в голове пульсировала мысль: «Почему для человека, с которым я едва знаком, моя жизнь значит больше, чем для всех моих близких? Почему он борется за мою жизнь и понимает ее больше, чем я сам? Да мне уже по хрену это путешествие! Стать его другом уже стоит этих сраных пятидесяти тысяч!»

Слезы продолжали течь из его глаз, а он не пытался остановить этот поток. Он привык к тому, что периодически это случается с ним, но так сильно он плакал только в детстве. Периодически его прошибали на слезу даже сентиментальные моменты из фильмов. Он очень стыдился этого, но ничего не мог поделать. Так бывало даже в кинотеатре. «Расшатанные к черту нервы – вот в чем причина моей сентиментальности. Надо учиться отстраняться от событий, чтобы эмоции не захватывали. Главное, что этого никто никогда не видит, иначе засмеют». Казаться железобетонным мачо в последние годы становилось все проще. Роль репетировалась ежедневно и уже не отпускала его даже в гостях. Он даже преувеличивал свой цинизм и прагматичность. Периодически впадал в высокомерие с людьми ниже его по статусу. «Я имею право вести себя так. Я достиг всего сам. Мне никто не помогал. Меня никто не жалел».

Никто наверняка и не догадывался, что периодически, находясь наедине с самим собой, он едва сдерживал слезы, смотря «Зеленую милю» или вспомнив что-то из детства. Он становился совсем как ребенок.

Только без теплых рук матери, которая могла бы прижать к себе и спрятать от обиды.

Башка раскалывалась, как будто вся кровь из организма сосредоточилась только под черепной коробкой и пыталась вырваться наружу. Вместе с тем, он почувствовал колоссальное облегчение. Как будто только что отругал постороннего человека, увидев со стороны, что он творит, и точно знал, что ему надо сказать, чтобы все изменить в его жизни. Ладно. Утро вечера мудренее.

Путь Шимпанзе

Нет ничего страшнее, чем просыпаться по будильнику. Этот звук заставляет испытать бешеное сердцебиение, страх и панику одновременно. Пусть на миг. Пока ты не понял, что произошло. Наверное, такие же эмоции испытывает ребенок при рождении, только гораздо дольше. Причем не важно, какой звук у этого будильника: треск железных бубенчиков или любимая мелодия на мобильнике. Он врывается в твой мозг и говорит: «Мне наплевать, что ты сейчас чувствуешь, чего хочешь, что ты видел во сне, выспался или нет – ты должен встать».

Наверное, единственным способом облегчить положение является выпуск одноразовых будильников, которые можно тут же швырять об специально приготовленную для этого железобетонную стену.

Такого будильника у Олега не было. Мобильный телефон разбивать было жалко, поэтому он просто ставил его на виброрежим. Под зловещее скрежетание мобильника по тумбе Олег открыл глаза.

Вчерашний вечер не был сном. Тому подтверждением была лежащая на столе открытая тетрадка. «Чем я отличаюсь от моих работников, если также вздрагиваю от звука будильника, также не хочу вылезать из постели и ехать на работу? Наверное, только тем, что не могу не поехать, сославшись на болезнь или свадьбу сестры. За меня мой бизнес никто не сделает».

В это время года просыпаться особенно неприятно. За окном – темень. Вся природа еще спит. Человечество отделилось от природы с изобретением лампочки. Лампочка заменила солнце. Лампочка заменила день. Лампочка поборолась тьму – врага, перед которым тысячелетиями трепетало человечество.

С учетом нашей длинной зимы, когда надо выйти из дома до восхода и вернуться после заката, иногда складывается ощущение, что солнце – это архаизм. Оно такое же нереальное, как и мифы Древней Греции. По крайней мере, скачущий на колеснице бог был для древних греков более реальной фигурой, чем звезда Солнечной системы, дающая свет и тепло для современного жителя наших северных широт.

Зажигающиеся лампочки, заговоривший телевизор, зажурчавшая на сковороде яичница – и уже не так пусто и одиноко. Улыбающиеся ведущие, актуальные темы, новости,

реклама. Почему люди до сих пор ищут счастье? Ведь уже давно понятно, что это! В рекламе есть все ответы! Счастье – это пить йогурты, есть шоколад, ехать на машине, мыть волосы тем самым шампунем, мазаться этим дезодорантом, стирать тем самым порошком, мыть плитку тем самым средством, а посуду – другим, душиться этой туалетной водой, есть лапшу... Проблема счастья лишь в том, что эти жадные до денег телеканалы рекламируют все подряд! Как разобраться бедному человеку? Нет счастья? Наверное, не той бритвой побрился! Нет любви? Пользуешься не тем дезодорантом! Нет успеха? Купи в кредит ту самую машину! И все будет! Проблема поиска счастья заключается лишь в поиске правильного товара! Ищите и дано вам будет!

«Откуда у меня это раздражение и сарказм?» – подумал Олег. Было ощущение, что он стал более чувствителен к происходящему. Будильник, похоже, разбудил его по-настоящему. Обычно, как говорится, «поднять – подняли, а разбудить забыли», а сегодня все уже как-то по-другому. Было ощущение, что с головы сняли полиэтиленовый пакет. Краски стали ярче, контуры отчетливее, а в словах, оказывается, можно найти смысл.

Вчерашняя встреча не лезла из головы. Михаил вроде и не сказал ничего нового. Просто было ощущение, что он сказал это тому, кто в нем, Олеге, что-то решал и соображал. Вроде бред, а ведь по-другому и не объяснишь. А с другой стороны, как можно объяснить все диссонансы в себе? Когда понимаешь головой, что делаешь неправильно, а все равно делаешь, когда обещаешь начать с понедельника – и не начинаешь, когда говоришь себе, да и не только себе – «больше никогда!», а через пять минут – все заново, когда мечтал о «Бентли», а едешь на трамвае, когда говоришь – не люблю, а сам не можешь забыть?.. Как это еще объяснишь? Что-то в тебе стремится к успеху и новым целям, а что-то заставляет купить бутылку пива и упасть перед телевизором.

«Отчего зависит, каким будет результат?» – размышлял Олег, жаря яичницу. – Вот я захотел яичницу с беконом. Порезал бекон, бросил его на сковороду, разбил яйца, легонько, чтобы не растекся желток. Через три минуты будет результат – яичница, которую я съем. Как все просто! Как это зависит от моих внутренних разговоров с комментатором? Миллион людей точно так же сейчас делают яичницу. (Олег живо представил себе эту картину – стоящих возле плиты людей.) От чего зависит результат? От правильных ингредиентов и правильности действий. И только!»

Положив яичницу на тарелку, взяв вилку, Олег отправил в рот горячий кусок. Вкусно! Так, стоп! Вот где заковыка! Мне вкусно, а кому-то нет. Кто-то любит без соли, кто-то хорошо прожаренную. Нравится – не нравится. Вкусно – невкусно. Вот где включается «комментатор». Здесь нет объективного критерия! Тайцы едят жареных тараканов, как семечки, я бы – проблевался! Есть объективный критерий – яичница есть, а есть субъективные: готова – не готова, нравится или нет. И они зависят только от моего «комментатора»! И сколько бы мы ни спорили с пеной у рта – бесполезно. О вкусах не спорят – старо как мир. А ведь я помню, что в детстве ненавидел майонез, от запаха горчицы или хрена меня тошнило. А сейчас ем с холодцом за милую душу. Кстати, холодец я тоже не любил.

Хорошо, что еще? Да ведь я мог вообще ее не сделать – мне было бы лень... нет яиц, решил сделать что-то другое... Решение?! Да! Решение. Лень – значит, я решил, что для меня не так важна яичница, важнее полежать в кресле. Нет яиц – значит, вчера для себя я не решил, что мне это будет важно сегодня, предпочел купить пиво или вообще не ходить в магазин. От чего зависит, пошел я вчера в магазин или нет? От важности для меня конечного результата! Если результат важен – я бы нашел время и возможность купить яйца. Кажется, так исполняют прихоти друг друга влюбленные. То, что казалось блажью раньше, становится жизненно-важным в данный момент! Розы в два часа ночи, пицца вместо завтрака, приехать в другой конец города или в другой город. Нет разногласий между тем, что хочешь, и тем, что делаешь! Мысль – слово – поступок – одна линия, кажется, так говорил Михаил. Нет внутренних разговоров о том, зачем и почему, поисков благоприятных возможностей, препятствий и вариантов развития событий. Есть только один вариант – результат! –

последний кусок яичницы пропал во рту. Вот бы так просто было в бизнесе. А может, так и есть, просто я об этом не знаю? Стоит ли ответ на этот вопрос пятидесяти «штук»? Олег подошел к сейфу, набрал пароль, прислонил палец к сканеру. Движок зажужжал и открыл свое нутро. Вот они, полки успеха. Стопка 500-евровых пачек, несколько пачек юо-долларовых купюр. Олег взял в руку 5 пачек с евро. Приятная тяжесть и чистота этих бумажек всегда нравились Олегу. А еще их лаконичность. Олег положил одну пачку себе в портфель, остальные убрал обратно.

Надев на себя вчерашнюю рубашку (чистые уже закончились), Олег выдвинул из шкафа полку с носками. Каких там только не было! Осталось найти два похожих. Задача не из легких. Почему-то в ящичке они все одинаковые, как хамелеоны, принимающие цвет окружающей обстановки, на ногах же сразу видны нюансы. Стирку он вчера так и не запустил. «Ага, вот более-менее похожие!» Носки были одинаковые по цвету, но чуть-чуть разной длины. «В таких не стыдно и к девушке!» – улыбнулся он про себя.

Надев любимый галстук, костюм и пальто, Олег вышел из дому. Погода была такой же, как и вчера. «Как это странно для Питера!» По дороге на стоянку встретил соседа по лестничной клетке – здоровенного детину Ивана со здоровенным ротвейлером по кличке Джеки. Таких здоровых ротвейлеров Олег ни у кого не видел ни до, ни после Джеки. «Вот уж и вправду собаки похожи на хозяев!»

– Здорово!

– Доброе утро!

Олег не очень-то общался с соседями. Старался поддерживать дружеский нейтралитет: давайте жить дружно, но без излишнего усердия! Его это вполне устраивало. Проходя мимо будки охранника, машинально поднял правую руку и кивнул головой. Он знал, что тем же отвечает и охранник.

Ключ в руке. Мигание лампочек. Зажигание. Стряхивая щеткой снег, Олег мысленно представлял сегодняшнюю встречу. А еще больше он представлял, что будет после нее. Сознание, что он может себе позволить путешествие за такие деньги, наполняло его ликованием. А сколько будет впечатлений! Надо будет устроить потом вечеринку с друзьями, пусть позавидуют!

Жил Олег на Петроградке, недалеко от работы, но проехать надо было через несколько пробок, поэтому дорога занимала с утра минут сорок. Без пробок – пять, а пешком – двадцать. Ехать было приятно. Вчерашняя встряска внесла что-то новенькое, перчененькое. Жизнь приобрела какое-то разнообразие и, более того, обещала стать еще интереснее.

Олег включил радио. Веселые беззаботные голоса ведущих всегда действовали на него благотворно. «И вот у нас снова звонок в студию! Алло! Алло! Здравствуйте! Говорите! Сорвался звонок, и вот уже следующий...» Эта ситуация была типичной для радиостанций, но в свете вчерашнего разговора и его утренних размышлений дала очередную подсказку на вопрос о результате. Вот человек набрал номер, наверняка не с первого раза, если с мобильного или из другого города – наверняка потратил деньги, и вот он у заветной цели, он уже практически достиг ее и в последнюю секунду... отказался. Это – как если бы он сделал себе яичницу и не стал ее есть. Как часто мы так поступаем! Сделаем девяносто девять процентов усилий, а последний процент – не дается! Мы ведь уже все сделали, устали. Потратили нервы и силы, а результата все нет и нет! «А ну его на фиг!». И начинаем тратить девяносто девять процентов на следующее. Но ведь результат – это только сто процентов! И если несколько раз, потратив силы, не получаем нужного результата, мы начинаем думать, что мы неудачники. Со временем вовсе прекращаем попытки. Зачем стараться? Если все бесполезно?!

Стеклянные двери входа в бизнес-центр послушно открылись перед ним. Вежливо-безразличные лица охранников. «Завтрак бизнесмена» на РБК. Олег решил пройтись наверх к офису по лестнице. Ему нравились «дополнительные физические нагрузки». К тому же на лестнице можно было полюбоваться изысками дизайнера,

оформлявшего ее. Композиции в вазах из сухоцветов, живопись на стенах.

– Здравствуйте, Олег Юрьевич! – окликнул его голос Лизы, еще одной его сотрудницы. Она стояла у лифта. Джинсы, зеленовато-серая блузка. Мелированные прямые волосы. Минимум косметики. Всегда слегка насмешливое выражение лица.

– Не успела прийти на работу, уже курить бежим?

– Ну, Олег Юрич, я с самого утра не курила! У меня без сигареты мозг не включается. Вы же не хотите, чтобы я сидела с выключенным мозгом в офисе?

– Ладно, давай живее и включайся в работу.

Последние слова были, вероятно, отсечены закрывшимися дверями лифта. Олег любил иногда строить из себя строгого отца-начальника.

Открыв дверь офиса, увидел впершуюся в монитор Ксюшу. На ее лобике начертались морщины напряжения, а в руке застыла чашка кофе.

– Доброе утро, Ксюша!

– Доброе утро, Олег Юрьевич! – лицо Ксении сразу преобразилось в довольное и улыбающееся.

– У тебя все в порядке?

– Да, да! Все отлично! Конечно! – дежурная улыбка выглядела как настоящая. Конечно. Он специально такую и искал. Кого волнуют проблемы секретарши?! А вот ее лицо – должно поднимать настроение клиентам.

Хотя почему-то сейчас его этот маскарад расстроил. Он даже решил проявить еще большее участие.

– Точно в порядке?

– Да, я же говорю – все хорошо!

Олег хотел уже пройти мимо, но на секунду обернулся и спросил, глядя ей в глаза.

– Тогда почему я тебе не верю, Ксюша?

Улыбка на лице Ксении трансформировалась в вопросительную гримасу. Такой Олег ее еще не видел.

– Наверное, потому, что на самом деле вас это не волнует! – выговорила Ксения с напряжением, а затем, словно опомнившись, вновь «надела» улыбающуюся маску. – То есть, я хотела сказать, зачем вам обременять себя чужими проблемами?

– А кто тебе сказал, что ты обрестишь меня, если о них расскажешь? Почему ты решаешь за меня? – выпалил Олег внезапно для себя. Он поймал себя на мысли, что начинает говорить фразами Михаила. «Блин! Вот зацепило!» – подумал он, а вслух произнес:

– Знаешь, Ксюша. Я тут лишний раз убедился в том, что проблемы, не разрешимые для одних людей, довольно просто решаются другими. Так что, если надумаете пообщаться по этому поводу – заходи. Да, и сделай мне чаю с бергамотом! – сказал Олег, направляясь уже к своему кабинету.

Разгребая бумаги, проверяя почту и попивая чай, Олег поглядывал на часы. Ему не терпелось быстрее вернуться в офис «ПэШа», так он мысленно его назвал, чтобы наконец-то узнать точно, что его ждет.

Его периодически отрывали то телефонные звонки, то заходящие сотрудники. После каждого отвлечения ему приходилось снова несколько минут сосредотачиваться. Это его раздражало, но с этим положением он давно уже смирился: «Я же директор. Ничего не поделаешь. Я должен всех выслушивать». Олег тут же поймал себя на мысли: «А вот и знакомый голос «комментатора»! Попробую разобраться объективно. Я директор – это факт. «Ничего не поделаешь» – это фигня. Наверняка есть выход. Я его просто не искал. «Я должен всех немедленно выслушивать» – тоже не катит. В моих должностных инструкциях слова «немедленно» нет. Наверняка есть выход, надо просто поискать его. Например, можно определить пару отрезков времени в день, когда меня нельзя беспокоить, и всем об этом объявить. В общем, решаемо...»

Олег старался не думать о предстоящей встрече в офисе «ПШ». Во-первых, мешало

работе. Во-вторых, он просто боялся передумать. Ведь, если рассуждать логически, все это как-то неправильно. На эмоциональном уровне он чувствовал смятение вперемешку с подъемом. Смятение от такого количества новостей и открытий о себе и от необычной цены тура, и подъем – в виду радужных представлений о предстоящем путешествии. Это явно не будет что-то банальное. Это наверняка не только запомнится на всю жизнь, но и всю ее перевернет. А подготовка! Одно общение с Михаилом чего стоит! Он представлял себя таким учеником престарелого мастера кунг-фу, который должен вот-вот получить секретные знания о том, как совершать полеты в воздухе.

Решив рабочие вопросы, Олег собрался выходить из кабинета. На часах было уже половина второго, и оставалось как раз полчаса для того, чтобы неспешно дойти до офиса турфирмы. Олег передел офисные ботинки в уличные (ведь придется идти пешком) и взял в руки портфель. Он раскрыл его и заглянул в отделение с деньгами. Они, конечно же, лежали на месте, но он любил периодически убеждаться в этом. Мало ли что...

В дверь постучали и, не дождавшись ответа, открыли. На пороге стояла Ксения. Ее вид был очень расстроенный.

– Олег Юрьевич! Вы уходите? То есть, вы спешите?

– Да нет, а что? – сказал он, хотя тут же поймал себя на мысли, что соврал. Это была привычка.

– У вас есть пять минут?

– Вообще-то я ухожу, но пять минут найду. А что случилось?

– Я хочу написать заявление об увольнении.

– А в чем дело? – новость удивила Олега. Он уже так привык к улыбчивой Ксении, что вдруг понял, что найти вторую такую будет очень... не быстро. Опять эти кадровые агентства. Толпы соискателей.

– А что тебя не устраивает, Ксения?

– Можно, я присяду?

– Да, конечно.

Олег тоже сел за свой стол. «Блин, пятью минутами тут точно не обойтись. Ну ладно, чуть-чуть опоздаю. Не страшно. Я же несу им деньги», – пробежали мысли.

– Олег Юрьевич! Я чувствую, что перестала развиваться. Одна и та же работа. Ничего нового. Ничего познавательного. Мне хочется куда-то двигаться! Чему-то учиться! С моей нынешней специальностью я вряд ли могу рассчитывать на профессиональный рост в компании... и тем более на финансовый.

Ксения всегда очень правильно и красиво говорила. С хорошей дикцией. С правильной интонацией. У нее было какое-то высшее образование. Олег и сам не понимал, почему она работает секретарем, но зато этим очень гордился и иногда, чтобы подчеркнуть высокий профессиональный уровень фирмы, своим клиентам говорил полушутя: «Да у меня даже секретарь с высшим образованием!» Причем она не была вчерашней выпускницей, которой просто надо было где-то закрепиться для начала. Таких полно! Ей было уже под тридцать. Она очень профессионально и красиво отвечала по телефону и даже на английском языке.

Осознаешь значимость привычного только тогда, когда его теряешь или маячит угроза потери.

– Ксения! Ну что ты! Ты же наш лучший сотрудник! Ты уже столько лет работаешь в компании! Мы тебя так ценим! Особенно я! – Олег улыбнулся как можно шире.

– А по поводу развития... Давай, что-нибудь придумаем! Хочешь, мы тебя на какие-нибудь курсы отправим? За счет компании.

– Какие курсы, Олег Юрьевич? Секретаря-финансиста? Или, может, мне на юрфак на заочный поступить? Всего через шесть лет я смогу рассчитывать на должность начинающего юриста!

– Слушай... Ну, хочешь, второй язык выучи... Французский, например! Мы оплатим!

– Зачем он мне? Я даже не могу себе позволить съездить в эту Францию!

– Так позволь себе, Ксения! – внезапно вырвалось у Олега. Он вдруг почувствовал себя

в шкуре Михаила. Ему это понравилось. Он откинулся на кресле назад и улыбнулся.

– Ксения! Послушай себя! Ты говоришь: «Я не могу себе позволить». Это же твои слова? Может быть, в этом причина? Может, надо просто «позволить» себе и все!

– Олег многозначительно посмотрел на Ксению. Он очень хотел, чтобы она начала искать ответ в себе. Как он вчера. На лице Ксении было не то удивление, не то испуг. Она не понимала, чему так улыбается Олег и почему он задает какие-то странные вопросы.

– Олег Юрьевич! Вы ведь понимаете, о чем я говорю? – голос Ксении приобрел интонации обиженного ребенка.

– Я слышу, о чем ты говоришь! И, по-моему, дословно даже тебе пересказываю! Разве не так?

– Хорошо! Я скажу иначе: мои финансовые возможности не позволяют мне совершать такие вояжи!

– Ах, тебе возможности не позволяют! По-моему, здесь тоже что-то не то! Возможности – как раз позволяют что-то делать. А даже если опустить безумность этой словесной конструкции, услышь себя, Ксения! Ты перекладываешь вопрос решения проблемы на какие-то абстрактные понятия, а не на саму себя! Давай так. Ты ценный хороший сотрудник компании. Я тебя знаю много лет и мне нравится с тобой работать. – Олег сделал паузу. – Я бы не хотел искать на твое место другого сотрудника. Я заинтересован в том, чтобы ты работала и дальше. Могу я что-то сделать, чем-то тебе помочь, чтобы ты осталась?

Произнеся эту речь, Олег был очень доволен собой. Он все понятно объяснил и все честно сказал. А кроме того, надеялся, что и Ксения сделает для себя какие-то выводы.

– Олег Юрьевич! Вы что, надо мной издеваетесь? – внезапно выдала Ксения, сузив глаза и сжав губы. – Мне кажется, я понятно все объяснила! Извините, пожалуйста! Я зайду попозже. С заявлением.

Ксения встала и вышла из кабинета.

«Черт! Вот и десять минут запаса пропало! Причем зря! Я же несколько раз все разжевал! И дал понять, что она классный сотрудник и что готов выслушать ее предложение! Что я непонятное сделал? Неужели я один улавливаю что-то новое? Да и неужели так сложно перестроиться на то, чтобы просто выражать свои мысли своими же словами? Конечно, она хотела, чтобы я сам догадался и спросил: «Ксения, а не увеличить ли вам зарплату?» А я хотел, чтобы она сама это сказала! И ее просьбу можно было бы удовлетворить! Блин, как-то даже обидно. Сделал все по-честному! Открыто и прямо! А ощущение, будто надругался над ней в извращенной форме!» – про себя проговаривал Олег, одеваясь и выходя из офиса.

Покинув двор бизнес-центра, Олег двинулся быстрым шагом к офису «ПШ». На часах уже было без пяти два. Он шел дворами. Его беспокоила мысль о том, почему все-таки людям трудно переключаться на язык слов, которые выражают смысл, с языка домыслов. Его взгляд привлекла странная картина. Женщина-дворник очень невысокого росточка, не больше полутора метров, наклонившись над большой урной, стоящей у выхода из магазина, неистово кричала в ее, урны, цилиндрическое нутро. Женщина была явно из гастарбайтеров, потому что кричала не по-русски. При этом она продолжала проводить какие-то манипуляции с этим бачком, шевеля его из стороны в сторону. Причем исходя из эмоциональности ее диалога, а это был именно диалог, складывалось полное впечатление, что там есть кто-то, кто ей отвечает. Это было невероятно, потому что размеры урны скрыли бы там разве что кота. Олег замедлил шаг и, проходя мимо, попытался увидеть, с кем же она там разговаривает. Остальные прохожие делали примерно так же, но, не увидев никого внутри, слегка улыбались и пожимали плечами. Олег отыскал в кармане старый чек от банкомата и специально подошел поближе к виновнице переполоха. Бросая чек в урну, он заметил, что безумием здесь не пахнет. Она орала в блютуз своего телефона, красующийся за ее ухом, которое было направлено в стену и потому не было видно с дороги прохожим. Женщина явно не обращала ни на кого внимания и продолжала ожесточенно спорить. Олег улыбнулся. «Как странно, но мы уже вполне привыкли к людям, которые ходят по улицам и создают впечатление сумасшедших, разговаривая как будто сами с собой, усиленно

жестикулируя и кивая головой». Этот же случай, как театр абсурда, демонстрировал, как это все-таки нелепо. Порой кто-то начинает громко говорить в очереди в банке или в магазине. Причем это почти всегда забавно. Все люди в основном стараются как можно меньше проявлять себя в общественных местах. Говорят вполголоса, стараются слиться с местностью, быть незаметными и отстраненными. И вдруг: «Да! Я же сказал, что опоздаю! Хорошо, куплю! Давай! Ага!» Потом, уйдя с линии, человек как бы снова потухает, старается стать еще более незаметным. Олег вспомнил еще недавний случай, который тоже удивил и посмешил его. Зайдя в туалет бизнес-центра и направившись к писсуару, он внезапно услышал за перегородкой голос его сотрудника Евгения: «Да, да! Степ! Хорошо! Отлично! Угу! Давай! Давай! Ну, все! Не могу!» При этом явно слышался лязг бляшки брючного ремня. Степан – довольно редкое имя. Именно так звали еще одного из их сотрудников, который как раз сегодня сказался больным и обещался прийти попозже. Секунд пять Олег находился в затруднительном положении. Евгений вроде никогда не был замечен в отклонениях ориентации. Да и Степан. А тут... Олег стал прислушиваться более внимательно и еле сдержал смех, когда услышал пиканье телефонной клавиатуры...

Веселые картинки подняли настроение Олега и помогли дойти ему до офиса турфирмы, улыбаясь.

Привычным жестом Олег потянул дверь на себя. Дверь не открывалась. Олег стал искать звонок, прижимая портфель поближе к себе. Звонка не было. Олег постучал рукой, потом ногой.

Дверь приоткрылась. На пороге его встретила Елена. В сером шерстяном платье и с деревянными бусами. Она официально улыбнулась и спросила:

– Здравствуйте! Чем могу быть полезна?

– Здравствуйте, Елена! Вы меня не помните? Я Олег! Я вчера приходил! Сегодня мы договорились, что подъедет Михаил... Евгеньевич и даст рекомендацию...

– Ты опоздал, Олег! Всего хорошего! – сказала Елена сухо и официально, как будто он пришел просить у нее денег в долг.

Олег переложил портфель и посмотрел на часы.

– Четырнадцать ноль семь!

– Михаил Евгеньевич ушел в четырнадцать ноль одну!

– Почему? Даже пятнадцать минут опоздания для деловой встречи прощаются! Ведь всякое может случиться!

– Всего наилучшего, Олег! – так же спокойно парировала Елена и потянулась к двери, чтобы закрыть ее.

Олег машинально подставил ногу. Приподнятое настроение сдуло февральским холодным ветром.

– Слушайте! Я пришел не поболтать! У меня с собой деньги! Я не хочу таскать их с собой по улице туда-сюда!

– Прекрасно! Может, если вам дадут по голове по дороге и отнимут деньги, это отучит вас опаздывать!

«Ни фиги себе – шуточки!» Деньги действительно не хотелось носить с собой и Олег сделал еще одну попытку.

– Михаил Евгеньевич не сказал, что поручается за меня?

– Он собирался за вас поручиться, если вы придете вовремя. Но вы не пришли!

– Я пришел!

– В другое время!

Бессильная злоба охватила Олега. Что они себе позволяют! Совсем рехнулись! Разбрасываются деньгами и клиентами, как мусором!

– Сомневаюсь, что захочу идти сюда второй раз! Бред какой-то! Михаил же сказал вам, что собирается поручиться за меня. Я здесь. Деньги со мной. Паспорт тоже. Вам этого не достаточно, чтобы продать путевку?

– Михаил говорил, что вы вроде юрист?

– Я не «вроде юрист», а юрист.

– Так вот, считайте, что присутствие поручителя на встрече, а также ее время, являются обязательными условиями договора. Теперь понятно? Не смею вас больше задерживать! – Елена решительно закрыла дверь перед носом Олега.

Такого позора он не испытывал уже давно! Его, как пацана, выставили на улицу! Охренеть! Понты дороже денег! Сжатые челюсти дали подтверждение тому, что он очень, очень сильно расстроился и разозлился. «Ну и ладно! Фиг с ними! Денег сэкономлю!» На секунду ему стало легче. «Все, что ни делается – все к лучшему!» Последняя мысль прозвучала как-то не утешительно. Словно бы не его голосом. Михаил вчера повторял эту фразу, по-моему. Да, точно... приводя слова неудачников. «Ух-х-х, блин!» – вырвалось у Олега. И он со всей силы треснул щелбана водосточной трубе, мимо которой проходил в эту секунду.

Инстинктивно Олег сжал сильнее в правой руке портфель. Он уже хотел было свернуть в проходной двор, но передумал и пошел в обход. По улицам. «А вдруг они это специально подстроили? Чтобы дернуть у меня «бабки»?! Правда, они знали, что я приду с деньгами. Подстроили, что сейчас с ними иду один по улице! Олег обернулся. Метрах в двадцати за ним шли два подростка, одетые довольно плохо. Почему-то ему не хотелось оказаться к ним спиной. Животный холодок пробежал по спине. Надо что-то предпринять! Не ждать же, пока они пырнут меня ножом. Он остановился у кафе, мимо которого проходил, и быстро в него вошел. Через окно он видел, что парни тоже подошли к двери, но заходить не стали. Они потоптались и прошли дальше.

«Ладно. Надо успокоиться и что-то предпринять. Закажу пока кофе». Олег сел за столик, с которого был виден и вход, и окно на улицу. «Идти пешком опасно. Может, я, конечно, и параноик, но рисковать не хочется! Блин! Все из-за моей дурацкой привычки на вопрос, есть ли у меня пять минут, всегда говорить «да»! Вовремя же выходил! Теперь как лох таскаюсь с этими «бабками»! Если пойду пешком... кто его знает. Надо вызвать такси». Олег не заметил, что официантка уже полминуты стояла рядом с меню.

– Кофе, пожалуйста!

– Кофе. Что-нибудь еще?

– Успокоительного!

– В смысле? У нас нет этого в меню. Извините!

– Тогда просто кофе!

Положив рядом с собой портфель, Олег достал мобильник. Набрал номер такси. Назвал адреса отправки и прибытия. «Секундочку... Так это же совсем рядом!» – просветила его диспетчер. – «Да я за хлебушком всегда на такси. Привычка. Вы приедете или нет?» – «Да, конечно. Через 20 минут. Успеете еще выпить чашку кофе». – «Угу. Уже». – «Записываю ваш контактный телефон...»

Кафе было абсолютно среднее. «Заплати-лети». Не за что уцепиться взгляду. Да и незачем. Появилось кофе. Одна робуста. Горечь на языке. «Можно сливки?! Горячие?» «У нас в упаковке. Извините». Круглая баночка со сливками появилась на столе. «Где же такси?»

Заскрипела дверь, и в кафе ввалилась толпа студентов. Видимо, закончились пары. Сели недалеко от него. Женоподобные парни. Мужеподобные девушки. Сплошной унисекс. И все курят. Олег ненавидел запах сигаретного дыма и курящих студентов, особенно студенток. «В мои годы курили только дети из неблагополучных семей. Интересно, может, сейчас все наоборот?» Студенты шутили друг над другом и громко смеялись. На их столе появилось несколько кружек пива. «Куда мы катимся? Надо валить отсюда поскорее, пока не начались пьяные оргии». Олег чувствовал нарастающее внутри раздражение. И дело на самом деле было даже не в студентах. Он позволил себе слишком увлечься темой, которой он даже толком не знал. «Подумаешь – путешествие! Да еще с таким отношением к клиентам! Да меня должны были на руках донести за такие деньги. А тут – несешь бабло, а тебе – от ворот поворот. И как будто так и надо!»

– Девушка! Можно счет?

– Больше ничего не желаете?

– Ну разве что вашу улыбку!

Девушка улыбнулась во все тридцать два зуба. На столе завибрировал телефон. По привычке перед встречей он отключил звук.

«Алло. Машинка подана. Бордовая «Соната».

Олег рассчитался, накинул пальто и вышел из кафе. Машину он увидел уже в окно. Оглянулся направо и налево. Подозрительных типов вокруг не было видно. Те двое тоже пропали. «Ну ладно. Лучше перебдеть, чем недобдеть».

Таксист старался сделать круг побольше, видимо, чтобы у него было моральное право взять деньги с клиента. Несмотря на это, до офиса они добрались за пять минут с учетом пробок. Машина встала прямо у калитки бизнес-центра. Олег вышел. На улице снова начинало темнеть.

Он поднялся в свой офис. Прошел мимо горделиво восседающей на своем месте Ксении. Сел за свой стол. Включил ноутбук. Нажав кнопку селектора, попросил у Ксении, чтобы никто его не беспокоил. Потом попросил зеленого чая.

Окинул взглядом обстановку кабинета. Зацепиться не за что. На душе было паршивенько и гаденько. Он ощущал себя тараканом, которого только что чуть не раздавили тапком. Как и таракан, он не понимал, что именно было не так, но понял, что почему-то только что ему пришлось бежать. Это непонимание, этот груз недосказанности, недоделанности очень давил на него. Прямо на сердце.

Олег решил разобрать бумаги и начал переключать их с места на место. Всмотриваясь в обратные адреса конвертов, тексты писем, пробегая их глазами, он силился читать их и втянуть себя в работу, но тщетно. Он, словно больной дислексией, не мог связать начертания букв с какими-то понятиями и звуками.

«Надо кому-то позвонить». Когда в его жизни случалось, что он терял ориентиры и попадал в какое-то болото, ему очень помогали телефонные звонки. Он звонил друзьям, и они как бы «привязывали» его к реальности: «рассказывали» ему о том, где он находится, что он должен сделать и кто он такой. Они словно бы давали ему карту местности и компас. Они возвращали ему ощущение собственной значимости, а его жизнь наполняли смыслом. Он старался говорить с друзьями бодрым и сильным голосом, и действительно, бодрость и сила возвращались к нему.

Еще одним средством преодоления стресса был список задач в компьютере. Там всегда было понятно, что ему еще сегодня нужно сделать. Зачеркнутые в списке задачи на день говорили о том, что все превосходно и можно расслабиться. Найти бы сейчас задачу, связанную со звонком какому-то другу, и он убил бы двух зайцев. И вот такая задача нашлась: «Разобраться с проверкой у Ермилова». Ермилов Евгений владел небольшой полиграфической компанией «Евгеника». Недавно к нему нагрянул районный ОБЭП, у него вынесли все документы, забрали компьютер и он уже несколько дней не мог нормально работать. Женька прислал ему копию запроса, который оставили менты, и попросил помочь разобраться. Бумага была составлена неграмотно. Ее можно было бы оспорить, написать жалобу прокурору, подать иск в суд и т. д. Все это мог бы сделать любой грамотный юрист. Но хороший юрист отличался от грамотного тем, что мог предвидеть возможные нежелательные последствия для клиента. В данном случае – это многомесячные разбирательства, вал проверок и возможные подставы со стороны серо-красной половины человечества. «Серые от злости и красные от крови», – как любил он подшучивать. Предприятие Евгения не было градообразующим или нефтедобывающим, он вряд ли получил бы поддержку от государства или города, а значит, ничто не мешало бы крутиться шестеренкам эмвэдэшной машины. Причем не факт, что у Евгения нашли бы какое-то серьезное нарушение. Достаточно было бы нескольких мелких нарушений, которые есть у любого бизнесмена, чтобы отписаться перед всеми контролирующими органами, вернуть ему через полгода уже не работающий компьютер с чистым винчестером («а так и было!»), бумаги – в лучшем случае перепутанные, а в худшем – наполовину потерянные и лицо,

порядком побледневшее.

Решение подобных вопросов не было основным видом деятельности Олега. И дело здесь было не в том, «что он знал», а в том, «кого он знал». Несколько лет работы следаком все же принесли какие-то связи.

Нелепость повода проверки и смелость бойцов говорили о том, что этот наезд был кем-то проплачен. Недвижки у Жени на конторе не было, стало быть, это не было попыткой рейдерского захвата или, иными словами, «захода». В то же время масштаб действий говорил о том, что это не было простым наездом ментов в попытке найти очередного клиента и взять его под свою «крышу». Значит, все-таки заказ, но от кого?

Взяв в руки мобильник, он нашел телефон Евгения в своей записной книжке. Женька ответил сразу, словно бы ждал его звонка.

– Привет, Олег!

– Здорово, Жека! Как настроение?

– А сам-то как думаешь? Конечно, пляшу и радуюсь! Пытаюсь возобновить клиентскую базу... Блин, а самое хреновое то, что пропали все клиентские макеты! Более тысячи штук! Ты прикинь, что это значит! Некоторые придется делать с нуля, а некоторые восстановить будет невозможно! Я уж не говорю, сколько денег я за это переплачу своим работникам и сколько нервов я потрачу, объясняя клиентам, почему заказ, который я раньше делал за полтора дня, теперь буду делать полторы недели! Да половина разбежится! Свободный рынок, блин!

– Понятно. Слушай, остынь! Как ты думаешь, у кого настроение могло подняться от случившегося? У тебя конкуренты есть? Враги? Денег кому-то должен? Тебе кто-то денег должен? Были ли в бумагах долговые расписки?

– Да какие, блин, враги, какие деньги? Я этой ерундой не занимаюсь уже давно. Наелся. Конкурент есть, один. Так ты о нем знаешь, недавно открылись на территории завода, где мы арендуем. Да они мелковаты. Хозяин там – сопляк какой-то. Долго не продержатся. Видать, дал папа денежки порезвиться отпрыску, поиграть в бизнес. Они даже у нас что-то заказывали по мелочевке и, кстати, не оплатили до сих пор. Но там и сумма – чуть больше сотни. Несерьезно. Я, когда его встречаю, он все извиняется, говорит, мол, извини, чуть подраскрутимся – отдам. Так и отдает уже месяца три...

– Узнай его данные и конторы его. Хорошо?

– Олега, ты не там копаешь! Ну ладно, узнаю сейчас – перезвоню.

Разговор вернул Олега к жизни и взбодрил его. Так, что там у нас еще по задачам...

Разобравшись с текучкой, Олег набрал номер своего однокашника Кирилла, который работал заместителем начальника по линии криминальной милиции в районе, в котором находилась типография Жеки. Кирилл был честным парнем, одним из немногих, кто работал по призванию. Он ездил на «девятке», жил в однушке, одевался просто, потому что его одежда служила ему одновременно и постелью, когда он оставался ночевать в кабинете. Он действительно честно боролся, с чем мог бороться, и искренне злился, когда ему не давали бороться. В нем изначально был заложен «ген справедливости». Кириллу можно было просто позвонить и все честно рассказать. Он разбирался во всем досконально и принимал справедливое решение, даже если оно не нравилось тому, кто ему звонил.

– Кирюха, привет! Как дела!

– Дела – сам знаешь где, а мы боремся. Что случилось? Ты ж просто так не звонишь.

Последняя фраза была сказана без эмоций, но Олег понял намек. Он уже давно хотел посидеть с Кириллом в баре, выпить, поговорить по душам, но этот день всегда откладывался, и поэтому общались они редко, только по телефону, причем по делу.

– Да, Кирилл, ты прав! Я опять по делу! Все никак не собраться нам, не посидеть спокойно... Слушай, тут такое дело, ты не мог бы проверить законность изъятия оргтехники у моего хорошего знакомого? Понимаешь, у него там орлы из ОБЭПа вынесли все из офиса на основании запроса, мягко говоря, странного. Я тебе его сейчас пришлю по факсу. Только ты пойми, если там все правильно, то я без претензий... но есть все же сомнения... в

законности. Глянешь?

– Давай. Стартую...

В трубке раздался зум факса. Олег переключился на факс и отнес лист Оксане. Та что-то писала в «аське». Она старалась не смотреть на него. И ладно, пусть гоняет у себя в голове, что хочет. Тем более рабочий день уже закончился.

Олег вернулся в кабинет. Было уже начало седьмого. Все сделано. Теперь осталось решить самый неприятный вопрос. Что делать с туром?

«Бросить и забыть – вариант номер один. Плюсы: экономлю кучу «бабок», не унижаюсь ни перед кем. Минус: а вдруг буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь?... Опять убежал с полдороги... Ладно, съезжу к Михаилу. Если он объяснит, почему уехал и не дождался его и попросит прощения, может, я и соглашусь...»

Пыль Шампиньонов

Олег долго нажимал кнопку на калитке Михаила. Минут пять. Дверь открылась. На пороге стоял Михаил в джинсах и свитере.

– Чему обязан? – спросил он и улыбнулся, на этот раз дежурной улыбкой.

– Михаил! В чем дело? Я пришел к назначенному времени в назначенное место, принес деньги, а ва... тебя уже не было и мне сказали, что у меня нет поручителя!

– Все правильно, Олег! У тебя нет поручителя!

– Но в чем дело?

– Ты не пришел!

– Да как же?!

– Я был на месте в четырнадцать ноль-ноль и ждал тебя. Тебя не было в это время в назначенном месте, и в четырнадцать ноль одну я ушел. Условия контракта действовали только в то время и в том месте. Он больше не действует! Это все. Сейчас я тоже спешу. Если хочешь поговорить, поехали со мной.

– Куда? Как я оставлю машину?

– Если хочешь поговорить, не задавай вопросов и решай свои сложности сам, а нет – проваливай.

– Хорошо. Я еду с тобой.

«Трындец, блин! Несколько минут задержки и такое отношение!» Олег бесился оттого, что не мог хлопнуть дверью и уйти. Что-то говорило ему, что надо остаться. Он припарковал получше свою машину и остался стоять на улице. Через несколько минут рядом с ним остановился представительский «Мерседес». На заднем сиденье сидел Михаил. Он жестом пригласил Олега сесть рядом с ним. Олег сел. Между ними и водителем была стеклянная перегородка, так что разговор обещал быть вполне конфиденциальным.

– Я не могу поручиться за человека, который опаздывает, – начал с ходу Михаил. – Я не могу поручиться за несуществующего человека. Если тебя нет в нужное время в нужном месте, тебя нет вообще! Ты опоздал! Не важно, на сколько! Одна минута или час – не имеет никакого значения. Имеет значение лишь то, что ты не пришел вовремя! Ты не успел!

– Но разве не может быть уважительной причины?

– Все уважительные причины перечислены в Гражданском кодексе! Они называются форс-мажор! Война, стихийные бедствия, глобальные катастрофы... Тебе перечислить? Или ты сам знаешь? Ты вроде юрист! А теперь ответь сам, честно, можешь ли ты отнести причину своего опоздания к форс-мажорным обстоятельствам?

Олег сделал вид, что задумался, хотя ему, конечно, было понятно, что разговор с секретарем явно не прокатил бы в суде как форс-мажор.

– Нет, обстоятельства не были форс-мажорными.

– То есть, если бы тебе надо было успеть на самолет, ты бы успел?

– Да.

– Таким образом, дело не в возможности, а все-таки в воле, в желании, в отношении к встрече, на которую ты идешь? То есть в данном случае тебе был не важен человек, к которому ты шел на встречу? Не так важен, как самолет?

– Но ведь самолет не ждет! А на переговорах есть приличное время для ожидания, минут пятнадцать, так принято...

– Кем принято? Мной, например, нет. На мои встречи никто не опаздывает, а если опаздывает, то только со справкой из больницы, ГИБДД или МЧС! Все это знают. Даже те, кто привык везде опаздывать, ко мне приходят вовремя! И я сам – всегда вовремя! За последние десять лет я опоздал дважды – один раз из-за серьезного ДТП, другой... не буду об этом.

– Как у тебя это получается?

– Ты разве еще не понял? Опаздывает только тот, кто допускает такую возможность, чей внутренний «комментатор» лепечет что-то типа: «Ничего страшного, немного опоздать можно! Все опаздывают! Все же знают, какие у нас пробки!» и прочую чушь! Чтобы быть вовремя, нужно всего лишь заменить всю эту ересь одной фразой! Какой?

– Я никогда не опаздываю! Да?

– Нет! Формулируй свои мысли глаголами без «не»! Наш мозг не слышит этого «не»!

– Почему?

– Не думай о белом кролике!

– Каком кролике?

– Что ты сейчас представил? Какой образ возник у тебя в голове?

– Белый кролик из «Алисы в Стране чудес».

– Но я же тебе сказал НЕ думать о нем! Успокойся! Так устроен наш мозг. Он не воспринимает частицы «не». Если ты говоришь «НЕ опаздывать», твой мозг слышит только «опаздывать!». Сформулируй правильный комментарий в положительном ключе!

– Успевать. Быть вовремя.

– Поверь! Достаточно вместо всякой гнусной чепухи, оправданий и угрызений просто жить в том, что «я всегда успеваю» или «я всегда вовремя».

– Но ведь существуют обстоятельства...

– Нет. Я тебя перебую. Пойми, наконец! Фраза «существуют обстоятельства» – уже целый контекст! Контекст неудачника! Контекст лузера! Если бы все люди жили с таким

контекстом, ты до сих пор жил бы в пещере, ходил в шкурах и охотился с дубинкой! Оглянись вокруг! Где ты сидишь, что ты видишь?

– Сажу в хорошей машине. Вижу салон, нутам, стекло, пластик, кожа, лампочки.

– Это все растет в лесу?

– Нет.

– Так вот, природа – это обстоятельство. Люди не летают – это обстоятельство. Человек бежит медленнее, чем большинство животных, – это обстоятельство. У тебя нет клыков и когтей – это обстоятельство. У тебя тридцать пять процентов общих генов с морским ежом и восемьдесят со свиньей – это обстоятельство. Твой мозг не очень сильно отличается от мозга шимпанзе – это обстоятельство. Но у тебя есть воображение и воля – и поэтому это ты едешь в машине и запускаешь космические корабли, а не шимпанзе. Одно лишь это единственное обстоятельство позволяет тебе сказать, что **ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НЕ СУЩЕСТВУЕТ**. Ты не родился кузнечиком или барсуком, а значит, нет обстоятельств, с которыми ты не мог бы справиться!

– Но почему же тогда все люди живут так по-разному! Одни – еле сводят концы с концами, а другие владеют всеми ресурсами? Разве не имеет значения семья, в которой ты родился, страна, стартовые условия, природные навыки?

– Чему ты хочешь найти подтверждение? Обрати на это внимание! Это тоже твой контекст! Если ты хочешь найти подтверждение тому, что человек может добиться выдающихся успехов несмотря ни на что: ни на физические недостатки, ни на происхождение, ни на образование – ты найдешь этому тысячи примеров! Накидать тебе парочку? Ричард Брэнсон с трудом учился в школе, потому что он не понимал смысла напечатанных на бумаге букв и цифр. Чтобы преодолеть свой недостаток, он основал журнал для студентов, который впоследствии перерос в империю звукозаписи «Virgin», авиакомпанию «Virgin Airlines», заработал миллиарды долларов и сейчас создал первый в мире самолет, способный к туристическим космическим полетам. У Генри Форда не было даже среднего образования, однако его империя жива до сих пор. Основатели компаний «Panasonic», «Apple» и «Honda» также не имели образования. Томаса Эдисона – великого ученого и основателя «General Electric» – хотели вышвырнуть из школы за неуспеваемость. Более половины миллионеров двадцатого века вышли из беднейших семей. Огромное количество людей достигли успеха, несмотря на физические недостатки. Лет десять-пятнадцать назад я увидел по телевизору сюжет, который очень сильно повлиял и на мою жизнь. Это был сюжет про безрукого художника. Он писал картины, вставив кисть в расщелину между костями, которую ему оставили врачи в том, что осталось от его руки! Он выглядел абсолютно счастливым и самодостаточным человеком. Да, своими культями он еще ремонтировал часы и на это жил! Я понял тогда, как важна воля к жизни!

Не буду утомлять тебя этими историями. Чуть не сказал – «удивительными». Нет, не удивительными. Удивительно то, как большинство людей стараются этого не замечать. Если ты живешь в контексте того, что «обстоятельства сильнее нас», ты обязательно найдешь этому подтверждение. У тебя наверняка найдется не один десяток историй из жизни, подтверждающих твою правоту, и ты будешь искать все новые и новые и доказывать с пеной у рта, что ты прав. Будешь рассказывать о том, какие условия есть в других «цивилизованных» странах (естественно, забывая о тех, где люди погибают от голода и эпидемий), будешь ругать свое правительство и законы (конечно же, у других, успешных людей – другое правительство и законы), будешь жаловаться на здоровье (не вынимая изо рта сигарету, бутылку и не удосужившись помочь своему организму даже легкой физической нагрузкой), будешь жаловаться на отсутствие денег (не пытаясь даже узнать законы богатства)! И ты будешь прав! Но ты и умрешь в своей правоте в одиночестве и нищете. Каждый может доказать свою правоту на примерах. Вопрос лишь в следующем: **ЧТО ТЫ СОБИРАЕШЬСЯ ДОКАЗАТЬ?** Именно это определит твою судьбу.

– Ты несколько раз сказал слово КОНТЕКСТ. Я начинаю понимать его значимость. Поясни поподробнее, что это такое и как он связан с моим внутренним «комментатором»?

– Ты правильно понял значимость. Я объясню тебе. Я говорил тебе, что обстоятельств не существует?

– Говорил.

– Так вот. Я обманул тебя. Обстоятельства существуют!

– ???

– «Обстоятельств не существует» – это фраза, девиз, который заставил тебя задуматься и, надеюсь, прийти к каким-то новым важным выводам. Для тебя – это уже контекст, который поможет тебе двигаться вперед. Давай перечислим некоторые обстоятельства, например: «уволители с хорошо оплачиваемой работы». Это хорошо или плохо? Для кого-то это будет началом падения. Для кого-то поводом, чтобы начать свой бизнес и перейти на новый качественный уровень. «Родители пьют» – кто-то скажет: «Что из меня может выйти путного, у меня же родители – алкоголики», и начнет пить тоже, а кто-то, увидев воочию, как деградируют хорошие люди от алкоголя, не допустит пьянства в своей жизни. «Выиграл миллион» – кто-то инвестирует деньги в прибыльное дело и станет через несколько лет миллионером, а кто-то их прожжет, подсядет на наркотики и умрет в дурдоме. Обстоятельства, конечно, есть. Но они – всегда нейтральны. Это просто кирпичики, из которых ты можешь построить себе или дворец, или тюрьму. Так вот, контекст – это чертеж и технологическая карта твоей жизни! Важно ли это? Ты собирал в детстве конструктор?

– Конечно, собирал.

– К каждому конструктору прилагается инструкция, в которой есть примеры, как собрать то или иное строение. Ты пошагово выполняешь инструкцию. Перед каждым шагом ты думаешь: «А для чего делать то или это? А как это потом пригодится?» И ты не ответишь на этот вопрос, пока не закончишь очередной этап и не перейдешь к следующему. И с удивлением ты обнаруживаешь, как в конечном итоге получаешь то, что нарисовано на картинке. Вроде все понятно. Есть одно но! Все люди получают коробку с конструктором в своем детстве. Дальше им постепенно выдают инструкции. Иногда родители, иногда другие родственники, чем старше, тем больше разных инструкций. Ты собираешь свой конструктор, и чем больше лет проходит, тем больше виден результат. А когда ты видишь, что он тебя не устраивает, с ужасом понимаешь, что ничего уже не исправить! Есть уже и фундамент, и стены, почти под крышу И как ты ни пытаешься что-то изменить: кладешь кирпичи не вдоль, а поперек, используешь не кирпич, а дерево, увеличиваешь размер окон... – все равно ничего уже не изменить, оказывается, в чертежах была заложена... тюрьма.

И ты начинаешь украшать ее растениями и предметами интерьера по фэн-шуй, сравнивать с тюрьмами друзей, читать философские книжки о том, что тюрьма вовсе и не тюрьма, если полюбить ее всей душой... но только каждое утро понедельника звук засовов все больше раздражает, а дворцы соседей становятся ненавистными мишенями в любых беседах и причинами всех бед: «Наверняка там живут те, кто во всем этом виноват».

– Но ведь, если все строят вслепую, как определить, чьи чертежи помогут строить дворец, а чьи – тюрьму?

– Да очень просто! Посмотри, что уже построили те, кто подсовывают тебе свои чертежи! Не сомневайся, родители желают тебе только добра и весь твой контекст состоит из «правильных» комментариев, которые наверняка позволят тебе построить свою жизнь, но точно такую же, как и у них. То же касается и друзей, и подруг. С кем ты проводишь свободное время? С кем советуешься? Кто тебе сочувствует? Все это люди, которые незаметно подсовывают тебе свои чертежи. Поэтому не удивляйся потом и не обвиняй никого в результате... Хотя что тебе останется делать?

– И что же делать, если чертежи за меня уже начерчены?

– Ты действительно ничего не можешь сделать, пока не осознаешь, что это не твои чертежи, если они тебе не нравятся. Пока ты говоришь, «это мне не дано», «я не способен быть руководителем», «я не бизнесмен», «у меня никогда не будет этого», «это не мой уровень» – так все и будет, потому что это и есть твой контекст.

Мозг человека устроен, как компьютер. Самый мощный и совершенный, но компьютер.

В него изначально закладываются программы, которые будут управлять человеком всю жизнь. Как устроена работа программ? Да очень просто! Если есть одно условие – делается что-то одно, если есть другое условие – другое. Но и первый, и второй вариант уже прописаны заранее. Программа никогда не выполнит того, что в ней не заложено. Например, твоя жизнь запрограммирована родителями следующим образом: «Чтобы быть успешным человеком, тебе нужно хорошо учиться, потом найти хорошую работу, усердно работать и ни в коем случае не рисковать. Вот, дядя Вася был хорошим инженером, решил заняться бизнесом – и что получилось? Потерял и деньги, и квартиру, и семью!» Как ты думаешь, оценишь ли ты положительно предложение кого-то из партнеров рискнуть работой и начать свой бизнес? Скорее всего нет, а если и оценишь, то очень вероятно, что тебя действительно постигнет судьба дяди Васи. Ты утвердишься в том, что родители были правы, и опять пойдешь искать надежную работу. Почему? Потому что у тебя нет других программ. Если же ты запрограммирован на то, что только бизнес может дать тебе свободу и возможность достичь высот, то любую работу ты будешь оценивать с точки зрения опыта, который тебе будет полезен в бизнесе. Ты примешь только то предложение, которое будет соответствовать твоим целям, а еще лучше – сам сделаешь такое предложение, и даже если тебе придется год работать бесплатно, или твои чаяния увенчаются крахом, ты воспримешь это как бесценный опыт, используя который, будешь строить свой следующий бизнес.

Машина плыла по городским улицам. Олег даже не пытался понять, куда они едут, где находятся и какова цель поездки. Ему было все равно. Он думал. Он и радовался, и пугался одновременно. Радовался тому, что смог продвинуться чуть дальше, чем свои родители. Сейчас он был благодарен им за то, что его они всегда считали гениальным ребенком. Они верили в него и часто говорили: «Нам лучшей жизни не увидеть, но ты обязательно сможешь достичь большего!» Они хвалили его за малейшие достижения и не очень ругали за ошибки. Так как у них не было связей и денег, он всегда мог рассчитывать только на себя, и поэтому был мотивирован становиться лучшим во всем: в учебе, на работе, в бизнесе. И по этой же причине он не очень-то любил помогать другим. Теперь он понял, что именно это воспитание помогло ему добиться в жизни каких-то успехов.

Вместе с тем он пугался того, что дальнейший путь – это другой уровень, и он действительно думал, что он ему не по зубам. Там другие деньги, другие люди. Он на себе прочувствовал, что пробиться ему туда не удастся. Он бьется об этот уровень, как о потолок, и не знает, где дверь.

С раннего детства он почему-то был уверен, что шампиньоны – это те самые грибы, которые, вырастая, становятся «дымовушками», которые так любят топтать дети. Лет до двадцати он свято верил в это и с пеной у рта доказывал свою правоту, пока однажды ему не доказали обратное, показав справочник. Самое удивительное, что пока он в это верил сам, несколькими друзьям он тоже смог это доказать... ведь он так свято в это верил...

Не верь словам, как бы убедительно они ни звучали. Верь только результатам. Слова, не ведущие к нужным результатам, рано или поздно превратятся в пыль, как превращаются в пыль от хлопка подошвой ноги те грибы-дымовушки, которые ты искренне считал шампиньонами.

Песнь Шамана

Автомобиль заехал внутрь какого-то старинного завода. Вековой кирпич и ржавые трубы мелькали в свете фар. Покружившись в узких проездах, машина остановилась у железной двери. Водитель открыл дверь Михаилу. Олег вышел через свою дверь. «Что здесь может быть интересного Михаилу?» Раздался стук металла о металл. Михаил стучал массивной ручкой в виде металлического кольца по двери. Олег даже слегка насторожился.

Дверь открылась. На пороге показался мужчина в рабочей одежде и фартуке, который тепло поприветствовал Михаила.

Михаил жестом пригласил Олега войти.

Все понятно. Это была кузница. Обычная рабочая кузница с бетонным полом, покрытым сажей и ржавчиной, и закопченными стенами из белого кирпича, на которых висели различные щипцы, молотки и заготовки. Стеллажи с железяками. Огромный рабочий стол. Несколько наковален. Какие-то станки. У стены слабо горел горн.

– Все куешь свое счастье, Максим? – весело спросил Михаил.

– Все кую! А кто с тобой сегодня?

Максим, так звали кузнеца, показал кивком на Олега. Он улыбался открытой улыбкой. Его простые и прямые черты лица, открытый лоб и мощные руки внушали доверие. На вид ему было около 40 лет, хотя сажа на лице могла и исказить его возраст.

– Это мой знакомый, Олег. Тоже поковать хочет.

– Очередной финансовый магнат? Костюм даже в кузнице не снимает или это спецовка? – Максим засмеялся.

Олег вдруг понял, что он действительно стоит посреди кузницы в костюме, светлой рубашке и галстуке. И, кроме того, понял, что его уже вписали, без его согласия, в какой-то рабочий процесс. Он ненавидел железки с юности. Его отец любил копаться в машине, пока она не сгнила на стоянке, дед, по отцовской линии, работал водителем. Он же терпеть не мог физический труд, особенно связанный с железом. Это всегда было тяжело и грязно. С другой стороны, сейчас он был готов воспринимать что-то новое. Да и атмосфера была дружелюбной. Он скинул пиджак, галстук и рубашку. Остался в брюках и майке.

– Лишний фартук есть?

– Найдется! – живо ответил Максим.

Михаил тоже снял свитер. Он остался в футболке, поверх которой надел кожаный фартук.

– Где там моя заготовочка? – спросил он улыбающегося Максима.

Максим принес несколько заготовок. Это были прутья ковального железа, вокруг которых вилась виноградная лоза. Точнее, можно было догадаться, что это так, потому, что кое-что было уже хорошо проработано, а что-то лишь намечено.

– Максим! Удели сегодня побольше внимания Олегу. Я со своими сам повожусь, если что понадобится, я скажу.

– Хорошо! Что будем ковать? – обратился он к Олегу.

– А подкову можно? На счастье?

– Ну, если не для лошади, а на счастье, то, пожалуй, да. Лошади труднее угодить, чем счастью, – улыбнувшись своей шутке, заключил Максим.

– Ну и здорово! Поехали! С чего начнем?

– На! – Максим дал ему кусок пластилина.

– Зачем это? Мне бы железную!

– Чудак ты! Хорошо разогретое железо подчиняется тем же законам, что и пластилин! Попробуй сначала вылепить из него подкову и запоминай, как ведет себя материал. Куда ты нажимаешь, чтобы достичь нужной формы.

– А что, ты всегда из пластилина лепишь сначала?

– Нет, только новичкам показываю.

За несколько минут Олег вылепил из пластилина подкову.

– Ну что ж! Теперь то же самое выковывай из прута! Вот и все! – Он подал Олегу прут металла квадратного сечения и щипцы. – Грей прут!

Олег положил прут в угли. Кузнец подбросил еще углей сверху и потянул какую-то задвижку в печи. Вверх взметнулся сноп искр.

– Для начала задача простая. Сделай из квадратного сечения – прямоугольное.

– Сколько греть металл?

– Поглядывай. Пока не станет соломенно-желтого цвета, но успевай вовремя достать, чтобы не пережечь.

Олег любовался превращениями серого куса металла в бордовый, затем в красный, затем в желтый.

Когда прут начал белеть, он достал его щипцами и положил на наковальню.

– Блин, а где молот? – Увидев молот на подставке, побежал за ним, держа в руке раскаленный прут. Пока выбирал, прут потерял свой цвет и стал уже темно-красным.

– Грей снова! – сказал, посмеиваясь Максим. – Инструмент всегда должен быть под рукой.

Повторив процедуру, Олег положил прут на наковальню и начал ударять молотом. Сначала робко, оценивая. Потом увереннее. Как только вошел в раж, металл потемнел, но Олег продолжал его от души лупить. Максим жестом остановил его.

– Знаешь, какая главная заповедь кузнеца?

– Куй железо, пока горячо?

– Нет, это вторая, а она вытекает из первой. А первая – «не вспотеть!»

– Как это?

– Пока металл нужной температуры – по нему не надо лупить сильно. Главное – точно и быстро. В этом и заключается мастерство кузнеца. А тех, которые лупят по остывшему металлу, издавна с пренебрежением называли «холодный кузнец». Время, точность удара и усилие – важнее, чем сила. Вон видишь – пневмомолот стоит. Нажимай легонько на педальку и дело в шляпе, только там нужно еще большим мастерством обладать, вместо руки – нога, и переборщить просто.

Олег нагревал прут и обхаживал его молотом. От раза к разу движения его становились все увереннее и точнее. Максим направлял и показывал, а он – делал. В какой-то момент он почувствовал, что все беспокоящие мысли из головы вынесло воздухом через вытяжку кузницы. Потрясающий эффект. Раньше он такого не мог добиться даже при помощи медитации. Мысли постоянно лезли, как мухи на... варенье. А тут – цвет металла, огонь,

несколько ударов, мышечные усилия – и прут все больше и больше превращался в подкову.

Часа через два она была готова. Вот она. Лежит у него в руке. Теплая. Неровная. Родная. Счастье. «Каждый – кузнец своего счастья!» – как это просто и верно сказано.

Михаил тоже заканчивал. Олег выяснил, что он делает небольшой столик для дегустации вина в саду. Очень много вопросов, которые поначалу были в его голове, пропали сами собой. Вначале было дикостью, что Михаил что-то сам делает. «Неужели у него нет денег, чтобы купить готовое? Какой смысл копаться в этой грязи богатому человеку? Что общего между ним и кузнецом?» Эти вопросы так и остались бы без ответов, если бы он не попробовал и сам что-то сделать руками. Он был доволен и горд собой и с удовольствием начищал свою подкову металлической щеткой. Она казалась ему верхом искусства.

Умывшись после работы, они сели втроем за стол. Максим заварил большой чайник чая, достал большие чашки не первой чистоты и налил гостям. На столе стоял пакет с пряниками. «Боже, как вкусен чай с пряником после такой работы!» – подумал про себя Олег.

– Почувствовал вкус жизни? – спросил Михаил, словно прочитав его мысли.

– Да, Миш. Спасибо тебе огромное! Мне очень понравилось, я даже не думал, что это так увлекательно.

Михаил искренне улыбнулся и подмигнул Максиму:

– Еще один шаман железа и огня!

– Говорят, кто овладел кузнечным мастерством, тот овладел силой шести стихий – поведал Михаил.

– Почему шести? Огонь, металл... Я что-то пропустил?

– Земля, в которой находят руду. Дерево, из которого образовался уголь. Вода, в которой ты остужал свою подкову. Ветер, который гонят кузнечные меха.

Очевидное не всегда сразу наяву, что же говорить о сложном? Это, как песнь шамана – услышать ее может любой, а понять – только он сам, – пояснил Михаил, отпивая терпкий чай из большой кружки.

Попив чаю с пряниками, переодевшись и тепло попрощавшись с кузнецом, Михаил с Олегом снова сели в машину.

– Так вот, к нашему вопросу об опозданиях. Опоздывающий человек – это «холодный кузнец». Он вынужден прилагать в сто раз больше усилий, которые абсолютно излишни. Он нервничает, опаздывая на встречу. Он чувствует себя виноватым на встрече и проигрывает по важным пунктам переговоров. Он хуже подготовлен. К нему заранее складывается предвзятое отношение. А если ты делаешь вид, что ничего не произошло и ведешь себя спокойно, как будто ничего не произошло, люди, сведущие в переговорных стратегиях, могут подумать, что это опоздание было умышленным и им ты показываешь, что тебе не важны результаты встречи или люди, которые на нее пришли. Среди моих друзей есть такие, которые не будут во второй раз встречаться с человеком, который опоздал на первую встречу. Да и своим знакомым они охарактеризуют тебя как человека необязательного. Вот так такие малые и незначимые для тебя вещи могут стать началом твоего конца.

– Так как же все-таки успевать с учетом пробок и прочих неожиданностей?

– Для тебя что, пробки – это все еще неожиданность? Неожиданность – это если ты доехал без пробок. Не успеваешь на машине – прыгай в метро, иди пешком. Крут не тот, кто приехал на «Бентли», но опоздал, а тот, кто нашел любой способ быть вовремя. Во всяком случае, в моей среде это так. А если у тебя осталось лишних полчаса до встречи – используй их по назначению. Подготовься получше к переговорам, почитай книгу, сделай несколько звонков или просто насладись счастливыми минутами отдыха. А если ты встречаешься в ресторане и приезжаешь первым – у тебя есть возможность занять лучшее место, осмотреться, получше изучить меню, а значит, пришедшие партнеры будут как твои гости, а ты – как хозяин. Это тоже немаловажно.

– Так как нам быть с рекомендацией? – вспомнил Олег.

– Ее не будет... По крайней мере, на прежних условиях. Сегодняшний урок был тебе полезен?

– Да, несомненно. Я теперь никогда не буду... то есть всегда буду вовремя!
– За любой урок или ошибку надо платить. Иначе урок не усваивается. Таков закон.
Какую цену ты платишь, если опаздываешь на переговоры?

– Я могу потерять клиента, а значит, деньги.

– Какую цену ты заплатил за сегодняшнее опоздание?

– Поехал туда, не знаю куда...

– Ну нет, извини, – засмеялся Михаил, – это я тебе заплатил, а ты еще остался без штрафа!

– Предлагайте!

– Сделаешь все, что скажу?

– Да.

– Почему?

– Знаю, что плохого ты не попросишь.

– Хорошо! – Михаил улыбнулся.

Машина добралась обратно гораздо быстрее. На улице шел снего-дождь. Пронизывающий ветер резал любую одежду за две секунды. Олег представлял уже, как доберется на своей «ласточке» до дома. Разогреет ужин. Сядет с рюмочкой коньячку и посмотрит какой-нибудь старый, добрый фильм. Все-таки физическая нагрузка действует успокаивающе на мозг.

Михаил попросил Олега зайти на пару минут в дом и остановил его в коридоре.

– Вот твоя плата за опоздание. Сегодня ты уходишь отсюда пешком. Оставляешь машину, документы на нее, свой паспорт, мобильник и кошелек у меня, а сам добираться до дома. Тебе нужно познакомиться по дороге с кем-то, кто одолжил бы тебе денег на еду на сегодняшний вечер. Да, ключи от квартиры ты тоже оставишь у меня. Ночевать будешь где угодно, только не дома, не у родственников и знакомых.

– А плотвы в Неве мне не наловить голыми руками для полноты ощущений? – засмеялся Олег.

– Нет, просто запиши свои ощущения в тетрадь. Ручку и тетрадь тоже раздобудь! Ты думаешь, я шучу?

– А разве нет? – с надеждой в голосе спросил Олег.

– Я абсолютно серьезно. Завтра в восемь утра приходи ко мне.

По спине Олега пробежали мурашки.

– А как я без документов? А если милиция остановит?

– Это будет дополнительной задачей.

– Но ведь ты не проследишь за мной. У меня тут друзья неподалеку живут! Я могу и у них переночевать!

– Я все пойму по твоей тетрадке завтра. Не согласен – больше не приходи.

«Просто дойти до дома – еще полбеды, хотя без паспорта – уже сложнее. Но вот просить у кого-то деньги на еду?! Я уже давно ни у кого ничего не просил! Я столько лет шел к своей независимости! Почему я должен перед кем-то унижаться?»

– Это что, курсы по подготовке бомжей? Зачем все это?

– Я не смогу тебе ответить на этот вопрос. Ты сам все поймешь. Ты понимал, зачем тебе копать с этими железками сегодня? Выводы не всегда так же очевидны, как и действия. Помни, кто «выдает тебе чертежи»... Да, и еще, переоденься. В этом тебе будет неудобно.

Михаил принес откуда-то пакет и вручил его Олегу.

– Не теряй времени, переодевайся здесь, – сказал он, уходя по коридору сквозь строй картин.

Как быстро рассеялась пыль очередного шампиньона. Ожидания по поводу проведения вечера не просто рухнули, а обрушились на его же голову как железный занавес гильотины. Какой, блин, смысл в этом бомжевании?

В пакете оказались старые джинсы, «кенгуруха», свитер с вытянутым воротом, как у геологов, пуховик и черная короткая вязаная шапочка. Да, еще и ботинки на толстой подошве

«прощай иллюзии».

Надев все это, Олег вытаращился на себя в зеркале. Плохо смытая сажа после кузницы оттеняла его образ новоиспеченного бомжа. В этот момент он почувствовал какой-то внутренний кураж. Он будет один на один с городом, в образе, в котором его никто и никогда не узнал бы. Это вызов, который он принимает. Олег вышел, не прощаясь.

Перец и Шафран

Без десяти восемь Олег стоял у калитки Михаила. Замерзший и уставший, с красными глазами, в промокшем пуховике, он стоял, держа в руке фирменный полиэтиленовый пакет из ресторана и пакет, в котором были тетрадка и карандаш.

Ровно в восемь он нажал кнопку домофона. Вскоре на пороге в халате показался Михаил. Он выбежал на дорожку, подал руку Олегу и пригласил его войти. Войдя, тот протянул пакеты Михаилу.

– Это тебе на завтрак, – сказал он, кивая головой в сторону свертка. Из пакета пахло запахом восточного кебаба.

– Спасибо! Я оценил. С удовольствием позавтракаю.

Олег снял свинцовые ботинки с ног, а с ними и промокшие носки. Затем куртку.

– Можно, я заберу их себе, когда высохнут? – всерьез спросил он.

– Да, конечно. Пошли за мной.

Михаил проводил Олега в банное отделение.

– Одень халат. Сними мокрое.

Олег надел на себя теплый халат и завернулся в него. Было видно, что зубы его дрожат,

но его это не особо беспокоит. На лице Олега читалось спокойствие и умиротворение.

– Подожди минутку, – сказал Михаил и зашел в мыльное отделение, откуда вышел через минуту с кадкой теплой воды. Он поставил ее у ног Олега. – Ставь ноги в кадку.

Блаженное тепло стало подниматься вверх по ногам. Михаил опять вышел и вернулся с чайником горячей воды, которую стал доливать в кадку, интересуясь, нормальная ли температура, согрелся ли он.

Глаза Олега увлажнились. Он попытался скрыть слезы, напрягая лицо, но Михаил успокоил его:

– Позволить себе плакать, не стесняясь, может только сильный мужчина. Что ты чувствуешь?

– Я очень многое понял. Говорить нет сил. Прочитаешь в тетрадке. Но выбило меня из равновесия то, что после ночи, в течение которой я пережил столько впечатлений... просто сначала я чувствовал себя как худший из отбросов общества, потом понял для себя, какой дар ты преподнес мне... а теперь ты поливаешь мне теплой водой ноги, как отец в моем детстве, – голос Олега снова дрогнул.

Михаил присел, взял в руки белое махровое полотенце и произнес:

– Я еще вытру твои ноги полотенцем. Сегодня учитель – ты. В тетрадке опыт, который никто, кроме тебя, не мог бы получить так, как ты. Я буду читать ее как твой ученик. В этом мире все переменчиво. Как колесо телеги. То, что было наверху – опускается вниз, и наоборот. На самом деле многое изменится в твоей жизни, когда ты поймешь, что ни верха, ни низа не существует. Только центр колеса никогда не будет внизу, но для того, чтобы найти свой центр, нужно пройти по всему кругу и всегда чувствовать его края. И перец, и шафран нужны лишь для того, чтобы почувствовать настоящий вкус блюда. Сами по себе они не нужны вообще.

Через минуту Олег пил горячий чай с травами из большой глиняной кружки.

Через десять минут надел свой костюм, забрал телефон, документы и ушел.

– Приходи завтра в двадцать ноль ноль, – крикнул Михаил ему вслед. Олег кивнул, не оборачиваясь.

Михаил разогрел в микроволновке кебаб, с удовольствием съел его, затем открыл пропитавшуюся холодной влагой этой ночи тетрадку и начал читать:

«Сейчас я сижу в парадной одного из домов на Петроградке и греюсь у батареи. Я с трудом нашел парадную, в которую можно было бы войти и погреться. Все дома закрыты на домофоны.

Только что я съел кебаб и это, пожалуй, был самый вкусный завтрак в моей жизни за последние лет десять. Второй я отнесу Михаилу. Это самое ценное, что у меня есть на этот момент, не считая одежды и того опыта, что я получил, и я хочу, чтобы он понял, как я ему благодарен.

Первые десять минут моего вынужденного «бомжевания», пока я шел с Каменного острова на Петроградку, я наслаждался новизной ситуации и своего состояния. Я представлял себе, что я разведчик, который выполняет государственное задание, или хотя бы актер, вживающийся в роль. Довольно скоро мой энтузиазм растаял, потому что, в отличие от них, у меня не было цели спасти мир или блистать на экране. Я решил сразу перейти к своей цели: добыть еды и тетрадку. Что касается еды – тут более-менее понятно, а вот где я надыбаю тетрадку ночью?

Решил, что попробую для начала подзаработать на еду. Я дошел до метро «Чкаловская», встретив по дороге всего человек пять. Все сидят дома в такую погоду. Даже в барах, наверняка, народу не было.

Грязные сугробы. Пронизывающий холод. Дал же бог Питеру погоду. У нас по статистике всего 15 дней в году, когда небо безоблачно. Наверняка половина из них рабочие. Еще, говорят, в Питере, тогда еще Ленинграде, раньше платили «северные» надбавки за суровость климата. Потом почему-то отменили...

На «Чкаловской» было несколько ларьков и павильончиков. Цветочный павильончик, прямо рядом с метро, был как оазис среди пустыни. Стоило туда зайти даже, чтобы погреться. Теплый желтый свет и яркая зелень цветов манили как дудка Нильса – крыс. Я зашел в павильон. Увидел знакомую продавщицу. Она не обратила на меня внимания – собирала букет для мужчины в костюме и с дипломатом. Сейчас дипломаты носят, наверное, только военные и преподаватели. Я стал двигаться вдоль ряда цветов, рассматривая ценники. Мужчина побалагурил с продавщицей, похохотал с одесским акцентом и вышел из павильона. Тут же я услышал резкий голос продавщицы: «Мужчина, вам что надо?» Она наверняка не смогла точно определить, к какому классу меня отнести – к бомжам или пролетариату. Бомжа можно было выгнать, не спрашивая, а у пролетариев иногда хватало денег на гвоздичку на сдачу со столбика, после бутылки портвейна.

Я посмотрел на нее и улыбнулся. Я не хотел, чтобы она меня узнала, а она и не узнала бы. Мне показалось, ее взгляд смотрит куда-то сквозь меня. Она говорила не со мной, а с моим старым пуховиком и мокрыми ботинками.

Я спросил, нет ли у нее какой-нибудь работы для меня.

«Ты что, сдурел? Какая работа в двенадцатом часу? К тому же у нас уже все вакансии мусорщиков и что-нибудь-помогальщиков заняты. Подачек я не даю! Дуй отсюда, пока милицию не вызвала».

Я не обиделся на нее. Я чувствовал в ее голосе не столько злость, сколько страх. Ей приходилось быть решительной, работая одной в этой стеклянной точке. Хотя нет, обиделся, если честно. Больше не буду покупать здесь цветы.

Я вышел из павильона. Через дорогу еще работал только павильон-закусочная. Остальные были закрыты. Я зашел туда, но из-за прилавка сразу выбежал таджик и со словами: «Давай, давай отсюда», начал отгеснять меня обратно к выходу. Я не мог понять, в чем дело. За столиком в зале сидели два товарища, одетые не намного лучше, чем я. Они явно чувствовали себя хозяевами жизни в этой забегаловке. У них на столе стояли какие-то салатики, кура-гриль, а в сумке на стуле – початая бутылка водки. Они одобрительно смотрели на действия продавца. Он продолжал приговаривать: «Не пугай посетителей. Давай. Давай».

Когда я оказался на улице, я спросил у него: «Почему ты меня выгнал? Может, я пришел купить у тебя курицу?» Он ответил: «Э-э, Вася, я вижу – у тебя нет денег! Зачем обманываешь? Я десять лет уже работаю! Если есть – покажи, извиняться буду!»

В лицо хлестал холодный ветер и мокрый снег. Я развернулся и пошел. Неужели по мне видно, что у меня нет денег? Раз по мне видно, значит, сейчас я нищий. Раз я нищий – попробую просить милостыню. Мое психическое состояние в тот момент соответствовало этому определению.

Я пошел снова к метро. Я вглядывался в лица немногочисленных спешащих прохожих. Не встретил ни одних глаз. Носы. Мобильники. Подбородки. Губы. Сигареты. Но глаз не было. Слепой город не хотел видеть меня. Я подошел, наверное, к двадцати прохожим с заранее заготовленной речью, что, мол, не хватает пяти рублей на метро. Почти все постарались убежать и отмахнуться от меня. Один пожилой мужчина начал отчитывать и стыдить, крича, как мне не стыдно, молодому человеку, просить деньги, а не зарабатывать их. Один студент без разговоров дал пятерку, видать, и сам был в такой ситуации. Одна пожилая женщина сочувственно остановилась, внимательно выслушала меня, достала из плащевой хозяйственной сумки старенький кошелек, открыла его и достала десять рублей. Я видел, что в кошельке у нее было еще несколько десятков и полтинник, возможно, ее последние деньги. Мне стало стыдно. Я сказал, что обязательно верну ей и спросил адрес. «В доме напротив, во дворе, первая парадная, вторая квартира, – сказала она. – Не волнуйся, мой сын сейчас на чужбине скитается, может, и ему кто поможет в случае чего!». «А где скитается-то?» – спросил я. «В Америке. Павлом зовут. Ефимовым. Пишет, что все хорошо. Но я все равно волнуюсь. Он мне хотел, этот, как его, «Интернет» провести, деньги прислал на компьютер. Большие деньги. А мне-то зачем? Я уж старая. Я себе на похороны отложила. А он ругается,

когда звонит. Правда, нечасто. Он у меня солидный такой. Вот, смотри», – она показала фотографию. С нее смотрел чуть седоватый мужчина, лет сорока, в пиджаке и рубашке с американской улыбкой. «Красивый. Правда? Ну ладно. Можешь и не возвращать, у меня деньги-то есть, хоть и на книжке. А мне много-то и не надо. Так, на еду. Лекарства сынок присылает. На еще десятку! – она достала еще одну бумажку. – Серафима Степановна, кстати, будем знакомы!» – «Олег». Она не побоялась рассказать все незнакомому мужчине в промозглую погоду. На душе стало теплее. Двадцать пять рублей уже есть. «А почему вы не испугались меня?» – спросил я. – «А чего тебя бояться-то? Ты ж не хулиган и не бандит. Я-то вижу!» – «Спасибо вам огромное, Серафима Степановна! Я обязательно отдам!» Я смотрел вслед этой доброй женщине, мысленно благодарил ее и со стыдом думал, что ни за что бы не обратил на нее внимания на улице раньше.

Мне нужно было найти еще рублей пятьдесят-шестьдесят, чтобы взять какой-нибудь хот-дог и бульон.

Я решил попробовать их заработать. Я знал, что неподалеку есть магазин «24 часа». Направился туда. Я вспомнил события с утра сегодняшнего дня. Обычное утро в офисе. Разборки с секретаршей. Поход в турфирму. Женщина, разговаривающая с мусорным баком. Обида на нетерпеливого Михаила. Уход от воображаемой погони. Ситуация с бизнесом Евгения. Разговор с Михаилом. Кузница. Событий хватило бы на год вперед.

Почему меня гоняли продавцы? Наверное, всем было сразу видно, что у меня нет денег. Я вспомнил пословицу, которую услышал когда-то давно: «Кто выглядит голодным, никогда не будет накормлен». Я решил успокоиться. Придал себе решительный вид. Моя одежда ровно ничего не значит. Все дело во внутреннем состоянии. У меня есть двадцать пять рублей, а значит, я уже не буду голодным. Я не выгляжу как хулиган. Осталось добавить респектабельности во внешность. Я выпрямил спину. Улыбнулся и вошел в магазин.

«Здравствуйте! Бог в помощь!» За прилавком стояла молодая продавщица. Наверное, украинка. Темные волосы и карие глаза. Она улыбнулась в ответ: «Добрый вечер». У украинок есть особый блеск в глазах, который передается генетически. Он несет в себе цвет подсолнуха и тепло украинской ночи.

«Я хочу спросить, не могу ли я чем-то помочь вам? В юридическом плане? Я понимаю, что человек, предлагающий юридические услуги в двенадцать ночи, выглядит не очень убедительно, но, в крайнем случае, работу дворника я тоже осилю. Завтра у меня будут деньги и документы. А сегодня мне нужно просто заработать на еду».

Девушка захохотала. «Юристом или дворником... – передразнила она меня. – Ты прямо, как я! Два года назад я приехала в Россию, чтобы стать директором украинского ресторана или хотя бы администратором, в крайнем случае, официанткой. А сейчас работаю продавщицей. Официанткой не понравилось».

Девушку звали Оксана. Как она очаровательно улыбалась! Ведь я был здесь много раз, но не замечал этого, не слушал ее звонкий голос. А сейчас я был очарован ею.

«Для начала покажи, какой из тебя дворник! Пошли в подсобку! Видишь коробки? Сложи их и вытащи на помойку. Помойка в соседнем дворе. Да смотри – не стащи ничего! Ведется скрытое видеонаблюдение!» Я так и не понял, серьезно ли она говорила все это, но слова ее вызвали у меня улыбку.

В узкой подсобке едва хватало места, чтобы развернуться. Коробки были сложены друг на друга стопкой. Я старательно разбирал их и складывал. Минут через десять у меня образовалась аккуратная пачка, которую я за два захода вытащил в мусор.

«Что ж, десятку ты заработал!» – торжественно сказала Оксана.

Я заметил, что на прилавке лежала тетрадка в 48 листов и спросил, нет ли у нее еще такой. Она спросила, зачем она мне. Я ответил, что хочу написать книгу «Как стать дворником за 24 часа. Пособие для чайников». Господи, как искренне и как красиво она смеялась. Как хорошо быть таким открытым искренним человеком. Порой сдерживаешь улыбку, не говоря уж про смех, чтобы не показаться несерьезным. На самом деле – это так глупо. Почему у юриста должна быть маска безэмоционального чурбана? Нет, не так. Почему

я решил, что у юриста должна быть такая маска? Откуда взялся этот контекст?

Я смеялся вместе с ней как ребенок. Это был какой-то очистительный смех. Все мое напряжение показалось мне таким смешным и неестественным. Оно ушло. Вместо него пришла радость. Радость от того, что я смог заработать еще десять рублей. Что познакомился с такой очаровательной девушкой.

«А ты и вправду юрист?» – спросила она. «А что, по мне не видно?» – спросил я. И мы снова посмеялись. «Я дам тебе тетрадку и даже карандаш, если ты дашь мне свой телефон и вспомнишь, что я тебе оказала услугу, когда я позвоню и попрошу у тебя юридическую консультацию», – нарочито серьезно сказала она. При этом глаза ее продолжали смеяться. «Да, донна!» – сказал я и продиктовал ей свой номер, который она записала в свой недорогой «Нокиа». «Прямой?» – спросила удивленно она. «Как шпиль Останкинской телебашни», – ответил я. Она тут же нажала кнопку вызова. Я вспомнил, что телефон остался у Михаила. Оксана поднесла к моему уху свой телефон, смешно уткнув вторую руку в бок и прищурился глаза. «The mobile phone is switched off...» – услышал я знакомый текст. «Скажи еще, что это твоя секретарша! Обманщик!» – выпалила она и слегка ткнула меня кулаком в живот. Ее непосредственность обезоруживала. «Нет! Это не моя секретарша! Секретаршу мою зовут Ксения. Почти как тебя, точнее, также как и тебя! А эту девушку я никогда не видел, но она за всех отвечает! Очень ответственная девушка. Или ответчивая? Как правильно?»

Я предложил Оксане спор, что если я не вру, то есть номер принадлежит мне, и у меня есть секретарь Ксения, то она согласится со мной поужинать или пообедать, а если я вру – то буду бесплатно месяц работать у них дворником. «Да тебе теперь по любому придется месяц коробки складывать!» – «Почему?» – «Да чтобы меня в хорошем кафе накормить! И одежду себе нормальную купить! Я с голодранцем не пойду! Я девушка с претензией, понял?» С этими словами она демонстративно встала руки в боки и откинула голову назад. Густые волосы разбежались по плечам, подчеркивая грациозную шею.

Хотелось спать. Шел уже 4-й час ночи. В теплом магазинчике пахло продуктами и картоном. Было так уютно, что хотелось спать. Я прекрасно осознавал, что могу купить уже батон и сырок или кефир или что-то из продуктов взять в долгу Оксаны. Но мне захотелось шаверму. Я не ел ее уже сто лет. В мои студенческие годы она только появилась в городе и съесть ее для меня было удовольствием не меньшим, чем сходить в ресторан. Сейчас для меня это было бы королевским завтраком.

Я попрощался с Оксаной и вышел на улицу. Погода ни капли не улучшилась, но у меня уже было абсолютно другое настроение. Я вдруг что-то понял для себя. Я понял, что состояние «нищий» – отталкивает и отворачивает людей. Они, в лучшем случае, откупаются. Нищий ничего не дает людям, кроме ощущения, что «есть люди, которым хуже, чем мне». Он просто просит. Он забирает. Это состояние затягивает, как черная дыра. В нем кажется, что весь мир отвернулся. Но это не так. На самом деле – это ты отвернулся от мира и, ничего не предлагая, просишь только: «Дай, дай, дай...»

Я не хочу входить в состояние «нищего». Я обеспечен и это должно быть видно по моим глазам, а не одежде. Я выпрямил спину, расправил плечи. Как мало нужно, чтобы чувствовать себя комфортно: сухая одежда, теплая постель, сытый желудок, здоровое тело. Почему мы забываем об этих богатствах так просто?! Почему я о них забыл?

Я отказался от мысли найти быструю закусочную, мне захотелось покуражиться по полной программе. Мои ноги вели меня в дорогой ресторан восточной кухни, где готовили настоящий кебаб, т. е. то, что в упрощенном виде у нас называют шавермой, а москвичи – шаурмой. Я знал, что он работает до последнего посетителя, и был уверен, что именно сегодня в это время он открыт. Я не ошибся.

За стеклянной дверью виднелся силуэт мужчины в восточном костюме. Когда я приблизился к двери – она быстро распахнулась, но как только встречающий увидел меня, он замешкался. Было видно, что он переводит взгляд то на лицо, то на мою одежду.

«Позови своего шефа», – сказал ему я, не дав опомниться и проходя внутрь. Обалдевавшему гардеробщику я подал свой промокший пуховик и получил взамен номерок.

Швейцар тарашил на меня глаза, но не двигался с места. – «Ну, что застрял, доложи боссу, что Олег пришел!» «А, Олег?!» – пробурчал швейцар и скрылся в темноте клуба.

Сказать по-честному, у меня не было никакого плана действий, кроме того, что мне нужен был хороший кебаб.

Через минуту прибежал администратор. «Я Евгений. Чем обязан? Сергей Викторович не предупреждал о вашем визите! Извините, конечно».

«Как не предупреждал? Он что, совсем заработался? Я же ему заранее говорил, что у нас сегодня маскарад, закрытая вечеринка! Я вот ради этого бомжом вырядился! Кстати, как вам мой костюмчик? А он, мало того, что задинамил, так еще и забыл для меня кебаб оставить. Две штуки. Позвоните ему! Передайте, что я очень рассержен!»

Евгений достал телефон, но я сразу понял, что он не будет беспокоить в это время хозяина.

Я сделал крайне возмущенный вид. Администратор принялся успокаивать меня и сказал, что кебаб будет готов через десять минут. Он предложил мне пройти в ВИП-комнату и подождать, пока все будет готово. ВИП-комната была сделана в виде шатра с круглым столиком и сиденьем вокруг него, забросанном подушками. Евгений предложил кофе, но я попросил чаю с чабрецом и пахлавой. Через две минуты я наслаждался вкуснейшим чаем и ел нежную пахлавую. Евгений успокаивал меня, как мог. Говорил, что такое недоразумение – большая редкость, а Сергею Владимировичу он обязательно передаст, что к нему заходил... «Кстати, как ваше отчество?» «Скажите – Олег Бомж! Пусть его совесть замучает, что всех так подвел! Да, и костюм мой хорошенько опишите! Пусть завидует!»

Я понимал, что долгие расспросы мне не нужны, хотя администратор старался быть подчеркнута вежливым. Молодой парень, года двадцать два, худощавый, со слегка вьющимися волосами. Ему было неудобно, что он не знает друга хозяина. Он говорил, что работает недавно и уверял, что меня он уже запомнит «навсегда».

Когда официант принес два кебаба, сразу упакованных на вынос в бумагу и фирменный пакет ресторана, я откланялся и вышел на улицу. Вопрос об оплате, естественно, не возник.

Я шел по улице. Все тот же снего-дождь. Все та же нелепая одежда и промокшие ботинки. Такой же полупустынный город. Но ощущения – совсем другие. Несколько часов назад меня выгнали из дешевой забегаловки и павильона цветов, а пять минут назад угостили в дорогом ресторане и приняли как царскую особу.

В чем причина? Я понял, что в моем внутреннем состоянии. Во-первых, я перестал жалеть себя и заражать жалостью и неприязнью людей. Во-вторых, я вызвал в себе состояние куража, состояние игры. В-третьих, я воспользовался «неудобствами» и «неприкосновенностью боссов». В-четвертых, мне там действительно понравилось и мои будущие счета в этом ресторане явно перекроют их сегодняшний небольшой убыток. Еще я понял и почувствовал что-то необъяснимое. Как будто моя шкала уверенности в себе поднялась вверх на десяток делений. Не после очередной награды. Не после похвалы уважаемого человека или крупного контракта. Просто после бомжатской одежды и двух кебабов. Парадокс. И я благодарен за этот парадокс Михаилу и его «дурацкому» заданию.

Михаил закрыл тетрадку. Он отнес ее и положил на стол в гостиную. Окинул взглядом красивые полки с книгами. На одной из них лежала и его тетрадка. Он не стал брать ее в руки и перечитывать, ибо знал ее практически наизусть. Самое главное – личный опыт остался в нем, а не в тетрадке.

Пытка или Шутка?

Дойдя до дома и приняв горячую ванну, Олег выключил мобильник и лег в постель. Он тут же уснул и проспал пять часов безмятежным крепким сном. Проснувшись, он понял, что череда вчерашних событий исключает надобность в красивых снах, потому их и не было. На часах был первый час дня. «Он проснулся другим человеком» – было бы сказать слишком банально. «Он начал просыпаться...» – звучало бы точнее.

Зайдя в ванную и увидев в зеркале свое лицо, он тоже удивился. Это лицо почему-то ему больше нравилось. В нем не было вселенской тоски и обреченного ожидания нового дня.

Позавтракав, а точнее, пообедав яичницей с беконом, одевшись в костюм, светло-зеленую рубашку без галстука, он понял, что его внешний вид соответствует внутреннему настроению. После этого он включил мобильник. Двадцать непринятых звонков. И вот уже очередной пытается ворваться в его жизнь. «Валерка!»

– Здорово, Олегыч! Наконец-то я до тебя дозвонился! Блин, тут такое... Натовцы завтра приезжают. (Так он называл иностранных партнеров). Новые какие-то. Вроде Артур накопал в Интернете... Ну что, с ними по полной программе? Как обычно?

Олегу невольно вспомнился вчерашний халявный кебаб. Сейчас его просят сделать то же самое. Улыбка озарила его лицо.

– Знаешь, скажи, пусть их встретит Артур на своей персональной машине и везет прямо в офис. Да, и пусть по дороге побольше молчит и бросает на них изучающие взгляды. Ничего про фирму не рассказывает.

– Олег, ты чего? Заболел или голову не поправил после вчерашнего? Это ж иностранцы! К ним же подход!

– О'кей! За твой счет шоу-программа... согласен?

– Нет!

– До свиданья! Передай Артуру все, что я сказал. Да, пусть прокатит их по городу на своей машине немного. Пусть почувствует себя взрослым мальчиком.

– Хорошо. Передам.

В свежей голове Олега родилась светлая мысль: если представительские расходы не приводят к результату в виде заключения договора, зачем их делать?

До работы Олег долетел на своей «ласточке», как на крыльях. «Господи! Как хорошо, когда я в сухой чистой одежде еду в удобной машине и не думаю о том, что я буду есть на обед!» Это такие приятные мелочи, которые становятся архиважными, если вдруг пропадают.

«Я благодарен судьбе за это!» Это чувство благодарности и радости делало мир вокруг ярче и интересней.

Олег стал более внимательно всматриваться в проплывающие мимо здания – паспорта своих эпох и хозяев. Как все-таки красиво на Петроградке.

Вот и родной уже бизнес-центр.

Мрамор. Декор. Ковролин. Дверь.

Секретарь Ксения делает надутые губки и вежливо здоровается.

Сотрудники офиса пришли в движение. Перебирают бумаги. Снимают трубки. Достают мобильники. Выходят из «Контакта».

«Интересно, если бы я сегодня вообще не пришел, работа не началась бы?»

– Оксана, доброе утро! Позови ко мне Артура!

– Почему Оксана? Я вроде Ксения?! – с удивлением заморгала глазами Ксюша.

– А разве это не одно и то же имя? – нашелся Олег, но про себя подумал: «Вот цепанула вчерашняя хохлушка-то!»

Через несколько минут вошел Артур. Он без приглашения сел в кресло напротив:

– Мне Валерий уже сообщил, что я завтра в качестве водителя встречаю иностранцев, которых сам, между прочим, и нашел.

– Артур! Я принял решение. Мне не нравится, что ты просиживаешь здесь кресло и получаешь зарплату. Я хочу сообщить тебе, что результат завтрашней встречи с партнерами повлияет на твой дальнейший статус в фирме: если завтра мы не подпишем договор, хотя бы предварительный, то послезавтра ты пишешь заявление по собственному. Если договор будет подписан, ты получишь десять процентов от прибыли по нему. При этом всю дальнейшую работу с клиентом будешь вести ты! Да, и я тебе дам еще помощницу. Согласен?

– Согласен.

– Поэтому завтра твоя задача – не просто переводить, а доносить правильные мысли в правильное время. Ну, ладно! Успехов!

Артур вышел, слегка обескураженный. Олег начал просматривать список пропущенных звонков и увидел звонок Женьки из типографии. Набрал его.

– Жень, звонил?

– Да, пробил я контору и чела. ООО «Офсет плюс», пиши ИНН, теперь пиши директора – Попов Владислав Вячеславович, восемьдесят шестого года рождения, день рождения в июле у него, больше ничего не знаю. Хватит этого?

– Хреновый ты разведчик! Ну ладно, попробуем и с этим поплясать.

Олег набрал Кирилла и продиктовал имеющиеся данные. Может, что-то и прояснится.

Просмотр почты и раздача слонов прошла быстро и без заминок. Вспоминая свои вчерашние приключения, Олег периодически улыбался сам себе. «Все-таки я чему-то научился, если смог в бомжатском наряде представлять из себя ВИП-персону. Спасибо Мише. Уже начинаются какие-то перемены. Я же, кстати, так и не заключил договор. Сегодня вечером вернемся к этому вопросу».

– Ксения! Зайди ко мне! – сказал по селектору Олег.

Вошла Ксения. Ее брючный костюм и вопросительный взгляд говорили о том, что она сегодня в задумчивости.

– Ксения! У меня есть к тебе потрясающее предложение! Ты хочешь получить должность специалиста по международным связям? Нет, главного специалиста?!

– Как это? А почему? А сколько зарплата?

– Зарплата для начала будет на двадцать пять процентов выше нынешней. Возможность заграникомандировок. Нравится?

– Да! Конечно!

– Не спеши благодарить! Это зависит от тебя. Представь, что ты сама себе работодатель. Тебе нужно нанять сотрудника, который мог бы создавать в глазах иностранных партнеров имидж компании – как самой лучшей для иностранцев в России. И в роли этого работника – тоже ты. Подумай, что ты хочешь от такого сотрудника. Пообщайся с

Артуром. Придумайте, как сделать так, чтобы партнеры завтра поняли, что не мы нуждаемся в них, а они в нас. Никаких перегибов с подарками и поклонами. Все жестко и конкретно. Ты каждый день встречаешь подобные организации, и только самые перспективные попадают в мой кабинет. Если вам с Артуром что-то не понравится – гоните их в шею и ищите новых. Каждый день от вас с ним должен ложиться мне на стол новый вариант компании-партнера. Вы – в одной лодке. Вы два руководителя проекта. Он – юридический, ты – административный. Ко мне вы приведете клиента только тогда, когда он уже будет готов подписать документы. И меня не интересует, что вы будете им говорить. Я поддержу вас в любом случае. Я наделяю вас неограниченными полномочиями. Да, но если завтрашняя сделка не состоится – вы перестаете получать зарплату вообще. До тех пор, пока не найдете нового клиента и не подпишите с ним договор на обслуживание.

– А вдруг у нас не получится? Вдруг я не справлюсь?

– Ты ничего не теряешь. Ты же хотела увольняться. Не получится – вперед. Ты стремилась выбраться из болота?! Так выбирайся, пока трясина окончательно не поглотила тебя! Согласна? Да или нет? Другого шанса не будет.

– Хорошо, – ответила Ксения неуверенно и молча вышла из комнаты.

Легкость и покой воцарились в душе Олега. Он вдруг понял, что нет смысла бороться с амбициями людей. Надо давать им возможность проявляться в их лучших качествах. Если рассуждать прагматично, мне все равно, кто принесет мне договор, по которому фирма будет получать на расчетный счет деньги. Мне при этом не важно, что я приложу к этому меньше всего усилий. Мне важно, что мои люди будут чувствовать свою значимость, получать свои деньги и обеспечивать благосостояние фирмы, а значит, и мое. И почему сегодня все так легко решается?

Как бы в ответ на эти мысли раздался звонок от Кирилла.

– Слушай! Мне долго искать не пришлось. Твой юноша – Попов, он в полный рост и слил «Евгенику». От него лежит заява, что, мол, «Евгеника» торгует за нал без кассового аппарата, обналичивает деньги, да еще и печатает фальшивые деньги и ценные бумаги, о чем он может предоставить документы, а кроме того, все доказательства имеются на сервере и в компьютере «Евгеники». Понял, откуда деньги, то есть, ноги, растут? Нормально, кстати, все написано, убедительно. Ты уверен, что твой Евгений ни при чем?

– Давай так. Все это давно уже изъято. Техники посмотрели? Нашли левые печати, клише? Вообще осмотр сделали?

– Да не сделали ни хрена. Все свалено в кучу и завернуто в пленку.

– Кирилл. Давай так. Ты мне по-честному, и я по-честному. Каждый день, пока лежит эта техника, клиент терпит убытки. Большие убытки. Если ничего не обнаружится, он обратится в суд за возмещением материального ущерба. Он пока скрупулезно записывает, во сколько ему обходится восстановление каждого логотипа, а также аренда оборудования, ежедневная. Цифра перевалила уже за сотню тысяч. Может, суд он и не выиграет, но проверка из прокуратуры у тебя в районе будет, и неужели ты думаешь, прокурорские не найдут, за что натянуть милиционера? Как минимум сроки проверки уже нарушены! Объяснения с подозреваемого никто так и не взял. Вещдоки не осмотрены. Да и еще, посмотри, пожалуйста, предупрежден ли товарищ Попов об уголовной ответственности за заведомо ложный донос? У меня очень большая просьба, пусть ребята проведут осмотр в ближайшие три дня, а я пока удержу клиента от грозных писем в ОСБ и прокуратуру.

Аббревиатуру ОСБ он специально оставил на десерт. Неизвестно, чего больше в милиции не любят: их или прокуратуру.

– Хорошо, Олег, я понимаю, что формально ты уже прав, а по сути – будем знать после осмотра. Ну, давай!

– Спасибо, Кирилл! Огромное! Ты же знаешь, я за мудаков не вписываюсь.

– Знаю. Потому и помогаю. Пока.

Понятно, что половину заявлений от имени Жени Олегу пришлось придумать за него, но на то он и юрист, чтобы уметь читать мысли своего клиента.

Следующий звонок был Евгению.

– Жень, кое-что проясняется. Слушай, а у тебя есть доказательства отпуски продукции Попову, ну там, на сто с лишним тысяч?

– Да, есть, конечно. И накладная, и счет. И даже акт сверки расчетов.

– Замечательно. Готов повоевать?

– А что? Это все-таки он?

– Нет, не все-таки. Это просто он.

– Пи...дец Попову! Да я ему... молокоосу! Ишь, скотина! Еще ходит... улыбается. Так уешу его, что будет до конца жизни улыбаться.

– Ладно, подготовь документы и доверенность на моих юристов в арбитражный суд, болванку я тебе пришлю, сначала просудим задолженность, а потом подадим заявление на банкротство его конторы.

Так и подошел к концу рабочий день. Олег попрощался с сотрудниками и выехал на встречу с Михаилом. Выехал с получасовым запасом. Довольный собой и своими результатами. Он не знал, справятся ли завтра Артур и Ксения, но был рад, что они замотивированы даже больше, чем он. Он также понял, что дело Евгения тоже сдвинулось с мертвой точки. И все это за полдня работы.

Он приехал раньше и спокойно почитал книгу, которую давно возил с собой. Ровно в восемь он звонил в дверь калитки Михаила.

Михаил встретил его в костюме и в галстук с бабочкой. Он был вежлив, улыбочив и немного торжественен. Так как Олег тоже был в костюме, их встреча походила на официальную, между двумя дипломатами или министрами.

Михаил жестом пригласил Олега проследовать за собой. Повернув в дверь направо по коридору и поднявшись вверх по деревянной лестнице из темно-красного дерева, они зашли в помещение, которое, вероятно, было кабинетом. У окна стоял стол в виде буквы «Т». Вдоль стен стояли стеллажи с книгами, а также полки, на которых красовались изделия из дерева, железа, глины и кости, явно привезенные с разных концов земного шара. Стол был идеально чист. На нем не было ничего. Даже письменных принадлежностей или компьютера. Михаил сел не во главе стола, а с правой стороны выступающей части, так, чтобы Олег смог устроиться прямо напротив него. Михаил передал Олегу тетрадь со словами:

– Я прочитал твою тетрадь. Ты справился с заданием и получил результат – персональный опыт. Хочу, чтобы теперь ты ответил на один вопрос: «Что тебе нужно для того, чтобы быть уверенным в себе, сильным мужчиной, к словам которого прислушиваются и мнение которого уважают?»

– Ну, наверное, опыт и навыки этого.

– У тебя был опыт выпрашивания шавермы?

– Нет.

– У тебя еще будет куча задач, где опыт должен только появиться. Ты не будешь их делать?

– Буду!

– На основании чего?

– На основании своего решения об этом!

– А решение – это что?

– Да ничто, просто решение!

– Вот, ключевые слова здесь «ничто»! Не нужно иметь какие-то основания, чтобы как-то чувствовать себя. Будь таким, каким хочешь, на основании «ничего», на основании «просто так», на основании «потому что». Поверь, это самые крепкие основания, ибо чем больше слов ты произносишь в объяснение того, что делаешь, тем больше оснований опровергнуть эти слова другими. Единственной движущей силой для того, чтобы поставить такой прочный фундамент, должен быть заранее заданный вопрос «для чего мне это нужно?», «к какой краткосрочной, долгосрочной цели это меня приведет?», «будет ли это кирпичиком в

том мире, который я хочу построить?»).

Для решительности не нужна проблема, не нужны враги, не нужна ситуация, нужна прежде всего – решительность. Решение быть решительным. «Потому что просто так!»

Начни с малого. Делай покупки быстро и четко. Подготовь заранее список. Продумай оптимальный маршрут. Прикинь примерный бюджет. Решительно отвергай все лишнее. Также со всем – друзьями, встречами, делами. Реши для себя твердо, что ты делаешь, а что нет, то, что не делаешь – похороны, выкинь, отдай кому-нибудь, а то, что собираешься сделать – обозначь в четкие временные рамки, просчитай бюджет и найди способ исполнить.

Михаил достал два конверта из кармана пиджака. Красный и белый.

– Загадай что-то, что ты хочешь сделать, и выбирай любой конверт!

Олег выбрал красный.

– Раскрой его, что там есть? – поинтересовался Михаил.

– Там бумажка, в которой написано: «Ты делаешь правильно!»

– Замечательно! Поздравляю! Ты делаешь правильно! Теперь для очистки совести проверь второй конверт.

Олег взял второй конверт и раскрыл его – там лежал такой же лист бумаги со словами «Ты делаешь правильно!». На его лице отразилось удивление.

– Да, подожди, у меня в кармане завалился еще один конверт – желтый. Имей в виду, всегда есть еще конверт, о котором ты не знаешь. Прочитай, что в нем?

В конверте лежала точно такая же записка.

– В чем подвох?

– Разорви конверт!

Олег послушался и вскрыл конверт. С его внутренней стороны мелким шрифтом было напечатано: «Ты все делаешь неправильно!» Тот же текст Олег обнаружил и в других конвертах.

– Ты понял?

– Кажется, да! Что бы я ни решил сделать, всегда можно назвать это и правильным, и неправильным. Всегда найдется еще какой-то третий вариант... и четвертый... и пятый.

– Всегда найдется куча мнений и советчиков. Это – паутина! Паутина, в которой ты запутаешься, как муха, пока не придет паук и не сожрет тебя. И только тогда ты поймешь, что все эти сомнения, все паутинки выгодны только тому, кто хочет, чтобы ты лежал и не рыпался, пока не придет паук, у которого есть только одно решение.

Одно «неправильное» действие всегда сильнее тысячи «правильных» мыслей.

А чтобы твои решения всегда были твердыми – вот тебе еще зеленый конверт. В нем и на письме, и на самом конверте написано одно и то же. Надеюсь, ты знаешь, что!

Так зачем ты пришел сегодня?

– Я хочу приобрести путевку. Я пришел за твоей рекомендацией.

– Хорошо, для этого тебе надо прочитать и подписать лист с правилами, вот он! – Михаил достал из шкатулки черного дерева, инкрустированной рубинами, пожелтевшую плотную бумагу, на которой пером был написан текст:

«Я (фамилия, имя, отчество), именуемый в дальнейшем «соискатель», находясь в трезвом уме и добром здравии, безо всякого принуждения и уговора, а только лишь по своей доброй воле, желаю стать Путешественником и приобрести путевку в ПутьШествие, о котором ничего не знаю и не буду знать до тех пор, пока оно не начнется.

Срок ПутьШествия не определен. Я осознаю, что оно начнется в момент, который мне не известен и закончится без учета моего мнения.

Всю ответственность за безопасность ПутьШествия я полностью беру на себя и осознаю, что организаторы путешествия не могут мне ее гарантировать.

Подписывая этот документ, я обязуюсь в течение недели уладить все свои дела, найти помощников по всем вопросам, которые будут осуществляться без меня в мою пользу, и выдать им соответствующие доверенности.

Организатор ПутьШествия не несет ответственности за неблагоприятные последствия,

которые могут возникнуть во время моего отсутствия с моим бизнесом, работой, семейной и личной жизнью.

Для подготовки к Путешествию мне выделяется Наставник из числа тех, кто ранее пользовался услугой компании, зарекомендовал себя как успешный Путешественник и дал согласие на мою подготовку.

Наставник по своему усмотрению проводит подготовительные мероприятия для моего успешного Путешествия. Все подготовительные мероприятия являются обязательными. Отказ от любого из них влечет отказ от участия соискателя в Путешествии.

Плата за Путешествие и подготовку к нему составляет 50 000 евро. В случае отказа соискателя от подготовки или от самого Путешествия деньги не возвращаются.

Соискатель обязан застраховать свою жизнь на один календарный год».

Воцарилась пауза. Олег почувствовал себя в костюме зайчика на слете байкеров. Он, как выдавший виды юрист, не мог поверить своим глазам, что кто-то может предложить ему подписать филькину грамоту, по которой он обязан заплатить деньги за то, что неизвестно когда начнется и непонятно, что будет из себя представлять, а некто, реквизитов которого даже нет в документе, имеет право в любой момент создать для него положение, при котором он вынужден будет отказаться от своих денег и планов!

Он набрал воздуха, выдохнул с задержкой, пытаясь обуздать подскочивший пульс и давление, и, как можно более спокойно, спросил:

– Где вы нашли такой договор?

– В жизни, – со спокойной улыбкой ответил Михаил.

– Да я в жизни не встречал более бестолкового договора! В нем нет никаких гарантий! Никаких прав! Никаких сроков! Как можно с ним работать?!

– Поверь мне! Это самый работающий договор! Но это ты поймешь чуть позже.

– А я могу внести какие-то исправления, дополнения?

– Нет! Либо договор есть, либо его нет. Думай. Я даже не собираюсь уговаривать тебя. Я просто скажу, что решение нужно принять сейчас.

– Это невозможно! Дай мне хоть время подумать! Там же написано, что я должен уладить все дела до отъезда! А когда он будет – неизвестно! А если завтра? Я даже не знаю, на кого я могу оставить компанию! Она же без меня загнетса! Мне некому ее доверить! Опять же, на кого я оставлю мать... больную?

Одна только мысль о том, как в то время, пока он отдыхает, компания потихоньку разваливается, лучших кадров перетаскивают конкуренты и его детище постепенно умирает в конвульсиях, заставила его вздрогнуть и поежиться. Все, что нажито непосильным трудом... «Мама тоже наверняка подумает, что ее бросили, и начнет еще больше пить».

– Что же у тебя за бизнес такой, который развалится, едва ты перестанешь им заниматься? Сколько времени ты на него тратишь? Может, тебе лучше наняться на работу? Уволят – другую найдешь! У тебя нет партнера, которому ты доверил бы вести свой бизнес?

Вопрос повис в воздухе. Олег и сам частенько им задавался. Вот, например, Валерка, его зам. Молодой толковый, энергичный. Но почему-то советуется с ним по каждому пустяку. Если сказать ему, что ему придется какое-то время принимать решение единолично – сбежит.

– Миш, если честно, не на кого. Мой бизнес – это я. Мое имя, мои связи, мои контракты, мое время.

– Тогда не надо ничего подписывать и ни за что платить! Оставь все как есть и не парься! Далось тебе это путешествие! Турфирм – куча!

– Ты же знаешь, что я не хочу, как обычно. Надоело.

– И в то же время ты ничего не хочешь менять в своих привычках и делах? Видишь ли, качество отдыха зависит от качества жизни, в которую включается все: и дела, и друзья, и родственники.

– Хочу, но не знаю как...

– Тогда, может, ты захочешь, чтобы кто-то в этом помог, не зря ведь ты собираешься заплатить такие деньги?

- А ты мне поможешь в этом?
- Ровно настолько, насколько ты захочешь.
- А у тебя сколько времени уходит на твой бизнес?
- Ровно столько, сколько я хочу. Мой бизнес – продолжение моего внутреннего мира, моих увлечений. Я отдыхаю, делая то, что приносит мне деньги.
- То ли магическое спокойствие и обаяние Михаила, то ли его железная логика, то ли внутренняя жажда перемен склонила чашу весов сомнений в пользу принятия решения.
- Я согласен. Я принимаю контракт. Давай ручку. Я распишусь.
- Не надо, просто прочитай это еще раз и скажи, принимаешь ли ты все эти условия.
- Как, без подписи?
- Я доверяю твоему слову.
- Но ты ведь меня не знаешь!
- И не узнаю, пока не доверю тебе что-то.
- А деньги я тебе тоже передам без расписки?
- Да, я обещаю, что передам их Елене в турфирму вместе с твоим загранпаспортом. Ты, кстати, его взял?
- Нет, я не думал, что так быстро...
- Ну, отнесешь сам, когда застрахуешь свою жизнь и понесешь полис.
- Блин, как так? Одни слова и обещания и никаких бумаг?
- Да, я так работаю и живу, – с улыбкой заявил Михаил. – А у тебя что, с этим проблемы? Ты окружил себя в компании людьми, которым не доверяешь?
- Нет, ну почему же... скорее они не вполне самостоятельны.
- А кто им должен дать эту самостоятельность и полномочия быть самостоятельными?
- Получается, я сам ограничиваю их самостоятельность, а потом удивляюсь, почему они ничего не могут без меня?!
- Делай выводы! Есть такая восточная мудрость: «Проверяя без конца того, кому мы дали поручение, разве не уподобляемся мы человеку, выдергивающему росток из земли всякий раз с той лишь целью, чтобы удостовериться наверняка, растут или нет корни». Ты должен сделать все для того, чтобы получился тот результат, которого ты ждешь! Если ты хочешь вырастить картошку, станешь ли ты покупать семя укропа и ждать, что из него вырастет картофель?
- Нет.
- Значит, в чем твоя задача?
- Найти клубень хорошего качества и нужного сорта!
- И все?
- А, ну, еще подготовить почву, выкопать ямку, удобрить, полить, потом окучивать, поливать...
- Теперь ты понимаешь, что такое доверие? Выбрав из кучи картофеля понравившийся тебе клубень, тебе недостаточно сказать ему: «Я доверяю, что из тебя вырастет знатная картошка! Я даю тебе для этого все полномочия! Расти!» – и бросить ее в песок, а потом сокрушаться, как несправедлив мир! Почему пропали вложенные в покупку деньги?
- Ну, с картошкой понятно, а если меня кинули на деньги? Если кто-то взял у меня тысячу долларов и не отдает год, хотя брал на неделю. Что тогда?
- Так это кинули не тебя, это кинул ты!
- Почему это? – возмутился Олег – Я же помог человеку в трудную минуту, а он...!!!
- Ты не человеку помог. Ты решил выглядеть в его глазах хорошим парнем. А он, может, эту «штуку» проиграл в автоматы, а потом, чтобы отыграться, еще и машину в придачу потерял, а может, купил наркоты и сдох от передоза или нанял бандитов, чтобы покалечить кого-нибудь... Кому ты помог?
- Так что же, я должен спрашивать, зачем ему деньги?
- Да нет, не должен, просто и не спрашивай потом с него этих денег! Если ты хочешь действительно ему помочь, ты должен быть уверен, что эти деньги вернуться к тебе! Мало

того, помочь ему в этом! Выяснить, как и на что он хочет их потратить. Как он сможет их тебе вернуть. Если он инвестирует их в дело – узнай, в какое, проверь надежность его инвестиций, подскажи, научи и проконтролируй. Если ему надо на жизнь, разберись, почему ему нужна такая небольшая сумма? Где он работает? Можешь ли ты ему помочь найти лучшую работу, чтобы ты был уверен, что возврат долга не заставит его голодать. Если он толком не знает, как будет зарабатывать дальше, и ты не видишь в нем перспективы, у тебя два варианта: или честно подари ему эти деньги и не требуй возврата, если для тебя это пустяк, или не давай вообще. Оказавшись на мели, он, возможно, что-то поймет в своей жизни, попытается ее изменить, а не будет ждать новых подачек. Пойми: давая займы, ты обременяешь человека гораздо больше, чем не давая. Ты отсрочиваешь принятие им решений, возможно, самых важных в его жизни.

– Да, я начинаю понимать: доверяя, я должен создавать условия...

– Да, и еще, ты никогда не знаешь наперед, что произойдет с человеком. Когда ты все знаешь о человеке, о процессе, это уже не доверие – это вера. Вера основана на безусловном знании, в котором ты уже убежден. Есть ли у тебя знакомый, которому ты мог бы доверить на хранение миллион долларов?

– Да, пожалуй, есть.

– На чем это основано?

– Он никогда меня раньше не подводил.

– Вот видишь! Это уже опыт, это уже вера. А в слове «доверие» имеются два слова – «до» и «вера». То есть, ты, еще не имея опыта работы с этим человеком, даешь ему карт-бланш.

Олег мысленно пытался это переварить в своей голове.

– Мне все-таки непонятно, как же, не опираясь на свой опыт, можно доверять человеку?

– А ты мне ответь, как можно доверять, опираясь на опыт? Представь, ты десять раз дал человеку отнести из пункта А в пункт Б десять тысяч долларов. И все всегда проходит безукоризненно. Ты ему доверяешь миллион, и он... пропадает. Помог тебе твой опыт?

– Нет! Но как же тогда?..

– Каждый раз заново! Нет никакой разницы, знаешь ты человека двадцать лет или пять минут! Доверие создается каждый раз заново для каждого конкретного дела. Я могу долго говорить об этом, но ты должен понять это сам, приобрести свой собственный опыт. Ты принес деньги?

– Да, вот они! – Олег достал из портфеля аккуратную стопку 300-евровых купюр.

– Если ты доверяешь мне, что они будут переданы мной Елене в Турфирму, дай их мне.

Олег передал деньги. Михаил начал их пересчитывать.

– Миш, а как же доверие? – пытался поддеть его Олег.

– А это и есть оно в действии. Я доверяю тебе. Не хочу тебя подводить и поэтому перепроверяю количество купюр и их подлинность. Ведь тебе могли гипотетически дать несколько фальшивых купюр. Увидев это и сообщив тебе, я оказал бы тебе услугу. Вдруг ты положил меньше или больше купюр – эта ошибка может случиться. К тому же, мне доверяет еще Елена и уверена, что я передам ей все точно и в должном качестве.

Я не имею права ее подвести из-за случайной ошибки или собственной лени.

Пересчитав купюры и сложив их в конверт, Михаил вернул его Олегу обратно.

– Замечательно. Деньги я принял. Я согласен взять тебя в соискатели для ПутьШествия. Договор считаю заключенным. Теперь я хочу дать тебе задание, которое научит тебя опыту доверия.

Олег застыл в ожидании, вертя в руках конверт с деньгами.

– Слушай внимательно. Возьми этот конверт и передай незнакомому тебе человеку на улице, с условием, что завтра в девять утра он тебе его отдаст. Да, ты должен обязательно сообщить человеку, что лежит в конверте. Если ты выполнишь это задание, завтра с утра занесешь конверт мне, и я передам его Елене.

– А что я должен говорить человеку?

– Все что захочешь, только не врать и не угрожать.
– А если конверт просто полежит у меня дома? Ты будешь проверять, как я выполняю задание?

– Я доверяю тебе. Поэтому я буду на сто процентов знать, выполнил ты его или нет!

– А если я потеряю деньги?

– Нет денег – нет контракта.

– Так мне надо первому встречному отдать?

– Если ты сможешь ему доверить!

– Михаил, ну подскажи хоть что-то! Сумма-то не маленькая!

– Не маленькая? Не думаю. Это одна из подсказок. А вторая – доверить ты сможешь только тому, кто сам умеет доверять.

«Блин! Как все сложно! Все с каким-то подвывертом! Боялся отдать деньги человеку, у которого дом на Каменном, а теперь надо отдать первому встречному! Час от часу не легче! А завтра еще эта встреча с америкасами! Совсем про нее забыл!»

– Миш! У меня завтра очень важная встреча! Должны приехать потенциальные партнеры из Америки! Мне подготовиться надо! Я могу не успеть!

– Обрати внимание, как сопротивляется твой мозг прохождению электронных импульсов по новым цепочкам, которые не укладываются в путепроводы твоего контекста! Да ты найдешь сто причин, почему не можешь сделать этого! Знаешь что, найди всего лишь одну причину, чтобы сделать это. Придумай ее, в конце концов! А я тебе дам еще задание на завтрашнюю встречу! А то ты слишком долго думаешь. Так всегда бывает: упускаешь время – проявляются новые задачи, – Михаил засмеялся.

– Налей мне, пожалуйста, своего чаю, может, в нем есть какие-то травы, которые помогают работе мозга, а потом называй свое задание, – улыбаясь, попросил Олег.

Михаил вышел из кабинета. Олег откинулся в кресле. События развивались с такой скоростью, что мозг просто не успевал их переварить. Начинала болеть голова. Все, казалось, утонуло в тумане. Статуэтки и маски из черного дерева ухмылялись на своих полках всеми своими деревянными мышцами. Такого состояния неопределенности у Олега не было давно. В то же время он чувствовал постоянный прилив адреналина. Он заметил, что фигура его приобрела более сконцентрированный и мужественный вид, а в глазах появился блеск. Он протянул руку к стоящему на близлежащей полке предмету в виде или диковинного зверька, или ухмыляющегося языческого духа и сделанного как будто из дерева. Рука вместо мягкости дерева почувствовала твердость керамики. Олег потянул фигурку. Оказалось, что она стоит на небольшом пеньке-подставке. Он снял ее с подставки, сделанной на сей раз из дерева. На фигурке оказалось несколько игровых отверстий на спине и свистковое устройство, сделанное в форме хвостика, – снизу. Олег зажал в руках фигурку и поднес к губам свисток. Сильно подул. Получился какой-то шипящий звук.

В этот момент в кабинет вошел Михаил с чайником.

– Это окарина. Зажми все отверстия пальцами, а в свисток дуй медленно, словно пытаешься растянуть дыхание, и открывай попеременно отверстия.

Олег послушался совета, и из окарины потек извилистый, глуховато-протяжный звук, как ветер в пустыне. Аж мурашки по коже пробежали. С каждым выдохом звук становился все стройнее и интереснее.

– Приводит в соответствие твой дух (дыхание) и разум. Очень душевная вещь. Делает один мой хороший знакомый Серега Бычков. Талантливый человек. Над каждой работает не по одному месяцу. И все разные у него. И по виду, и по звуку... Ну, ладно, поставь цацку. Будем чай пить.

Михаил в этот раз разлил чай по прозрачным бокалам с ручками. Кабинет наполнился ароматом трав и специй.

Сев в кресло и взяв чашку в руки, Михаил произнес одно слово: «Значимость» – и замолчал.

«Видимо, я должен догадаться о чем-то из этого слова. Ну, «значимость». Значимость

чего? Сегодняшнего дня? Денег? Завтрашней встречи?»

– Ты хочешь спросить, какова для меня значимость завтрашней встречи? Большая. Если честно – огромная. Если завтра она сорвется, я даже не знаю, буду ли двигаться в этом направлении. Кроме того, от этого зависит судьба двух моих сотрудников.

– Ты им сказал об этом? – перебил Михаил.

– Да.

– Плохо. Все плохо. Я прямо чувствую, как «значимость» становится гораздо больше «значения». Нависает над всеми вами огромным булыжником, а вы все то и дело думаете, как бы не сделать резкого движения, как бы не ошибиться, чтобы вся эта глыба не рухнула на вас!

– Слушай, я что-то такое уже начал понимать. По крайней мере, отказался в этот раз от дорогостоящей программы развлечений и часть работы перекинул на своих сотрудников...

– ...ну да и ответственность тоже. Пойми. Капитан все равно ты! Ты можешь делегировать и доверить все, что можно, но ты должен видеть конечную цель и держать все ниточки в своих руках. Кстати, какова твоя конечная цель?

– Подписать контракт с компанией N на полное юридическое обслуживание и представление всех ее интересов в России на сумму 600 000 долларов в год.

– Замечательно! Что такое «подписать»? Абстрактное слово! Кто-то подписывает контракт с данной компанией, цель выполнена – ты доволен?

– Нет! Я его должен подписать!

– Хорошо, ты его «должен» подписать! В смысле, у тебя появляется «обязанность подписать». Твоя цель выполнена?

– Нет, ну ты же понимаешь, о чем я говорю.

– Нет, не понимаю, да и ты не понимаешь! Обозначай цель предельно конкретно.

– Хорошо. Я подпишу контракт с компанией N на сумму 600 000 долларов.

– Подпишешь. В 2034 году. Устраивает?

– Нет. Понял. Я подписываю контракт завтра в 12 часов дня с компанией N на сумму 600 000 долларов. Не подкопаешься!

– Да! Не подкопаешься! Супер! Ты подписываешь!.. А они – нет!.. Результат? Теперь ты понимаешь, почему у тебя раньше что-то не получалось? Умение правильно поставить цель – уже дорогого стоит. Если ты идешь покупать билет и просишь продать тебе его куда-нибудь, на какое-то число, но при этом твердо знаешь, что тебе нужно в Марокко – как думаешь, какова вероятность того, что ты там окажешься, если забудешь сказать об этом в кассе?

– Да, понятно. Я и полномочный представитель компании N подписываем контракт завтра, в 12 часов дня с компанией N на сумму 600 000 долларов.

– Отлично! А теперь представь себе, что он уже подписан. Каковы твои ощущения? Настроение? Что ты после этого сделаешь? Как отблагодаришь себя?

Олег закрыл глаза и представил себя сидящим в кресле в комнате переговоров с подписанным контрактом в руке. Ощущение блаженства, победы. Новый опыт. Новый уровень! Ощущение парения и силы. Восхитительные ощущения!

Сквозь эти приятные грезы Олег услышал голос Михаила: «Усиль эти ощущения в себе до предела! Умножь их в десять раз и дай волю им овладеть тобой».

Олег максимально открылся для этих ощущений.

– А теперь соедини вместе указательный и большой палец правой руки в кольцо. Соедини, до легкой боли. Пусть ноготь указательного пальца как бы слегка воткнется в большой. Вообще старайся делать этот жест всегда, когда ты на высоте положения и доволен собой. В дальнейшем, для того, чтобы прийти в это состояние, тебе достаточно будет соединить пальцы в этот жест и твой мозг пошлет правильные команды всему телу. Жест, кстати, мог бы быть и другой, важна простота и физические ощущения.

– Хорошо. Чем мне это поможет?

– Я не буду отвечать на этот вопрос, попробуй сам. Просто поверь. Когда в переговорах есть счастливый и довольный человек, который на физическом и психическом уровне

«знает», что договор уже подписан, остальные просто вынуждены констатировать этот факт.

– Хорошо, попробую завтра.

– Пробовать завтра ты будешь шампанское, а планы нужно «воплощать», «выполнять» или «делать».

– Отлично. Я все понял. Сделаю.

– Да, и еще задание на завтрашнюю встречу: прийти туда в спортивном костюме и кроссовках.

На этот раз Михаил зажег слишком короткий бикфордов шнур, и Олег взорвался сразу:

– Ты что, издеваешься! Это-то зачем? Это вообще бред! Кому это нужно и зачем! – вырвалось из уст Олега с неистовым гневом.

Олег даже на корпоративы одевался в хорошие джинсы и дорогую рубашку. А на работе, на встречах он всегда был в костюме или хотя бы в рубашке с галстуком. Иногда ему даже казалось, что галстук уже заменил часть его шейных мышц, потому что, когда он его снимал, голова держалась как-то неровно и расслабленно. «Прийти на работу в спортивном костюме! Я сгорю от стыда. А сотрудники подумают, что я свихнулся. Наверняка».

– Этого я не буду тебе объяснять. Просто сделай так – и все. Хочу, чтобы ты сам мне потом рассказал об этом... Ну, да ладно. Чай мы уже выпили. Время позднее. У тебя еще важное задание... Предлагаю прощаться.

Михаил встал с кресла. Его примеру последовал и Олег. Спортивный костюм остался на потом. Теперь его мысли были заняты предстоящим заданием. Он «на автомате» взял портфель, оделся, попрощался с Михаилом и сел за руль автомобиля.

Машина уже остыла, и ему пришлось пару минут померзнуть, пока подогрев сидений и обогреватель начнут давать тепло.

По привычному маршруту Олег направился в сторону дома. Мысли пока отказывались работать в направлении поиска человека, на котором можно было бы потренироваться на доверие. «Доверяй тому, кто умеет доверять сам, – по-моему, так сказал Гуру. Ладно, вернусь к этому вопросу чуть позже, а пока закончу подготовку к завтрашней встрече». Олег припарковался в нескольких кварталах от своего дома, достал мобильник и набрал СМС: «Иностранцы у нас в кармане. Расслабьтесь. Ведите себя завтра так, словно мы уже партнеры. Больше юмора и позитива. В 12 часов приведите их на подписание в мой кабинет». Это сообщение он отправил и Ксении, и Артуру.

«Теперь надо подумать о доверии. А почему бы просто не спросить у людей?» Давно я не общался с народом. Приставание к прохожим – не самый любимый мой род занятий, но практика уже есть».

Олег вышел из машины. Погода была получше, чем вчера. По крайней мере, ничего не сыпалось с неба. Прохожих было тоже побольше. Все спешили по своим делам. Никто не оглядывался. Никто не смотрел на него. Деньги пока лежали в портфеле, а портфель – в багажнике.

Как трудно зачастую сделать первый шаг с вопросом к городским жителям. Все настолько поглощены своей безопасностью и вярятся в своем мире, что создается ощущение, что каждый передвигается в своем коконе. Машина – самый наглядный пример. А вот пешеходы надевают на себя свои миры, как скафандры. Обращали ли вы внимание, что когда пытаетесь на улице остановить прохожего и спросить у него дорогу, ему нужно время, чтобы проснуться, вытащить голову из кокона, напрячься, чтобы услышать ваш вопрос, и лишь затем, обдумав ваш вопрос и не найдя в нем для себя угрозы, расслабиться и начать соображать, что вам ответить. Многие сразу же говорят, что ничего не знают, или крутят головой, как овцы, или машут рукой, причем не вылезая из своего скафандра. Забавно все это.

Олег начал подходить подряд ко всем прохожим, но преимущественно женского пола, задавая вопросы типа: «Доверяете ли вы людям?», «Доверили бы Вы мне в экстремальной ситуации?», «Как считаете, можно ли вам доверять?» и прочее. Прохожие или шарахались, или смеялись, или говорили правильные слова. Но через полчаса мучений он понял, что

никому из них он не может доверить деньги.

Тогда у Олега родился план: нужно найти кристально-честного человека, для которого деньги имеют меньшее значение, чем моральные принципы.

Олег придумал легенду, которая могла бы помочь ему разобраться в моральных качествах человека. Он вспомнил, что врать нельзя. Но ведь можно придумать гипотетическую ситуацию.

Он подошел к молодому парню, задумчиво рассматривающему витрину.

– Слушай, дружище, есть дело, на пятьдесят тысяч евро! Готов поучаствовать?

Парнишка оглянулся. Ему было 23–25 лет. На вид – «ботаник». Среднего роста, в очках. В куртке, застегнутой на все пуговицы. С тихим голосом и в недорогих кроссовках.

– Кого надо «замочить»? – спокойно и без эмоций спросил он.

– А что, кого угодно сможешь?

– Ну, за пятьдесят «штук» постараюсь, – вяло, но убедительно ответил пацан, – только половина сразу.

– Ладно, я тебя найду, если что, – сказал Олег и пошел прочь.

В голове, блин, это не укладывалось вообще. Так просто. На улице. «Ведь я ему даже не сказал еще, что нужно делать, не рассказал свою версию заработка, а он сразу – «замочить». Блин, куда катимся. Надо, видно, шерше ля фам. Женщины, наверное, более адекватны и ответственные».

План у Олега был очень простой: попросить человека «постоять на стреме», пока он якобы грабит машину, в которой лежат деньги (естественно, свою машину).

За пять минут работы хотел посулить пятьдесят тысяч евро. Сумма, от которой трудно будет отказаться кому-либо за такую пустяшную работу... Вот тот, кто откажется, и заслужит его доверие.

Олег заранее стал присматриваться к людям, которые внушили бы ему доверие. Женщинам с хозяйственными сумками, явно живущими неподалеку. Почтенным пенсионерам. Мужчинам средних лет в хорошей одежде.

Все они, изначально настороженные, услышав сумму, сразу как-то оживали, мялись, торговались, просили подождать, спрашивали, что им говорить, если поймут и отведут в милицию, и когда они получают всю сумму... Почти от всех пришлось избавляться, говоря, что расчет с ними произойдет завтра. Вот тут-то он и наслушался в свой адрес, что он жулик, мошенник и дурит голову честным людям. Лишь один пенсионер, может, даже воевавший, чуть не огрел Олега своей палкой, сказав, что «сам бы отдал всю пенсию, только чтобы таких, как ты, расстреливали на месте!»

Олег было обрадовался, что нашел честного человека, и попытался тут же разубедить его, что он-то как раз и ищет честного человека для ответственного задания. Но старик и слушать не хотел. Второй удар палкой был уже более точен, а третьего Олег ждать не стал.

Его охватило отчаяние. План не сработал. Вера в честность людей тоже была потеряна. В желудке уже урчало от голода. Он вообще похудел за последние дни. Олег поднял голову вверх. Темное небо без единой звездочки. Уличные фонари разных оттенков – от голубых до оранжевых. Окна... окна. Старые и немые, с ящиком под подоконником, новые пластиковые, закрытые наглухо занавесками и частично переливающиеся бриллиантами кинескопов телевизоров, так сильно манящих людей к себе после тяжелого рабочего дня. Мелкая морось начинала сыпаться на землю.

Опустив голову вниз, он обнаружил перед собой наряд ППС, за широкими спинами которых стоял ветеран и довольно потирал руки.

– Гражданин! Предъявите документы! Только без резких движений! – нарочито басисто сказал сержант с круглым лицом, круглыми глазами и круглым носом. По левую и правую руку от него стояли два молодца, почти одинаковых с лица – худощавых младших сержанта, резиновые палки которых составляли треть их роста.

– Да, пожалуйста. Вот мой паспорт, – Олег протянул паспорт сержанту. – Представьтесь, пожалуйста и вы, – нарочито спокойно попросил он.

– Я те щас представлюсь так, что ты у меня преставишься!

Последнюю фразу скомкал звук тормозов подъехавшего «уазика».

– Садись в «стакан»! Живее!

Двое молодых сержантов вежливо, но настойчиво подпихивали его к задним дверям «уазика». (Слово «стакан», коим обозначалось заднее отделение «уазика», в котором перевозили антиобщественный элемент, было знакомо ему еще с первой работы). Большой сержант записывал в блокнотик адрес и телефон деда. Дед улыбался, вытягивался по стойке смирно и помахал вслед палкой. Наверное, купит сейчас маленькую и выпьет сто граммов, как за подбитый танк во время Великой Отечественной. Двери «уазика» захлопнулись, когда задница Олега оказалась на жесткой скамейке. Машина помчалась, подпрыгивая от удовольствия, увозя его все дальше и дальше от его машины и его денег.

Все это было бы невероятно смешно, если бы не было суровой правдой жизни. Очень хотелось бы увидеть, выходя из машины, букет цветов и плакат с надписью «Розыгрыш!», а потом вспоминать это в компании друзей, которые это устроили, сидя в удобных креслах и потягивая... что-нибудь потягивая.

Минут через пять «уазик» подъехал к ближайшему отделу милиции. Двери «стакана» распахнулись. На пороге стоял все тот же сержант и ухмылялся.

– Слушай, сержант, давай, может, договоримся, – машинально сказал Олег. (Такова генетическая привычка российско-советского человека.) Олег, конечно, понимал, что ничего инкриминировать ему не смогут и отпустят через три часа, но торчать три часа в «обезьяннике» с бомжами и наркотами... брр.

– А давай! – тут же откликнулся служивый. (Суровая правда жизни.)

– Вот тебе пятьсот рублей и как будто я растворился в «стакане» без остатка от тряски по дороге, идет?

Сержант вращал глазами вокруг орбит. «Зря я, наверно, так метафорично выразился», – уже пожалел Олег, а вслух произнес:

– Время – деньги! Вы все равно меня отпустите, потому что я ничего не совершал, а за ускорение этого процесса – вот вам на пиво тысячу!

– Нет. Слушай, давай так. Пока решаю я ситуацию. Мое дежурство. Мои помощники. Давай ты нам полтос отвалишь, а мы, где надо, на стреме постоим, но только ты ребятам не скажешь, что полтос, а скажешь, что, например, десятку нам дал, ну, чтобы я с ними по-нормальному поделился. По-честному как бы. Без зависти. А то знаешь, зависть такая хреновая штука! – Сержант смачно сплюнул, искоса поглядывая на напарников, стоящих метрах в десяти от него. – А, может, еще десятку подкинешь? Мы тебя еще подвезем куда надо! Но в пределах района. А то, знаешь, я живу с тещей, сил больше нет! Разменяться надо... или развестись. Но пока хочу разменяться.

Было видно, что в голове у милиционера уже решили все его проблемы, и так не хотелось его расстраивать. И было жалко чисто по-человечески, зная, во сколько государство оценивает его труд. Но, с другой стороны: подписал контракт биться до последнего с преступностью за пятнадцать тыщ в месяц и казенное обмундирование – выполняй. Твоей рукой никто в контракте не водил и на ПФЛ галочки в таблички тестов не ставил. Есть ведь такие, как Кирилл...

Все это пронеслось за пять секунд в голове Олега, после чего он просто протянул руки вперед и сказал: «Вяжи врага. Исполняй долг перед Родиной».

Сержант побагровел: «Сейчас я такой рапорт накатаю, на десять суток хватит!»

Олега действительно попросили сесть в «обезьянник». Кроме двух обморочных студентов и пьяницы неопределенного возраста, который, видимо, работал при отделе освежителем воздуха, в клетке больше никого не было.

Олег не стал присаживаться на пропитанные звериным запахом скамейки, а подошел к решетке. Возле решетки стоял старлей – видимо, помощник дежурного. В дежурке три борца с преступностью писали рапорта под диктовку старшего и переглядывались.

– Товарищ старший лейтенант! Моя Фамилия Мурин. Мурин Олег Юрьевич. На каком

основании меня посадили в КПЗ, если у меня есть при себе документы? Насколько я понимаю, личность моя уже установлена!

– Личность твоя установлена, Мурин! А сейчас установим субъективную сторону твоего преступления! – последние слова он произнес особенно четко, чтобы все присутствующее поняли, что недолго ему еще быть помощником дежурного, так как учится он на юридическом и обязательно его закончит.

– Понятно. Только я бы на вашем месте еще попросил взять объяснение с дедушки, а то, когда следователь придет, все равно его вызовет. Дедушка так поздно не придет, следователь отправит меня домой, а ваш материал откажет, поскольку ваши гвардейцы не являются свидетелями чего бы то ни было, а настроичить могут при всем своем желании только на административку! Якобы я мочился посредине улицы, оскорбительно приставал к прохожим, а потом еще нецензурно выражался в отношении сотрудников милиции! Верно? – особенно громко произнес Олег.

Старлей сплюнул под ноги, удивленно посмотрел на Олега и даже слегка криво улыбнулся:

– Нет, это еще не все, не первый год работаю!

Старлей пошел в дежурку. Олег остался ждать, стоя возле решетки. Наверное, в последнее время его психика стала более эластичной от большого количества упражнений. У него возникло ощущение, что прошел уже месяц с тех пор, как он впервые столкнулся с Михаилом, а прошла-то еще всего неделя. Столько событий.

«Ко всему надо относиться философски. А если бы дед согласился? Что было бы? Отнес бы мои деньги в милицию, чтобы до конца жизни хвастаться, что он остался последний из борцов с преступностью? С другой стороны, сержант разехался бы зато... или развелся... правда, для этого ему пришлось бы устранить свидетеля, то есть меня. Ну, ладно, че-то я многовато уже нафантазировал, вернемся к дню сегодняшнему! Максимум в чем меня могут подозревать – это подстрекательство к пособничеству в совершении преступления. В преступлении обязательно должен быть объект, то есть то, на что я посягал. А в данном случае нужен еще и потерпевший, потому что инкриминировать мне могут подстрекательство к пособничеству в краже – тайном хищении чужого имущества. А у кого и что я собирался украсть, не знает даже дед».

Мысль о том, чтобы рассказать об истинных мотивах своих поступков и о том, что фактически потерпевшим должен быть он сам, предлагая похитить его же собственные деньги, была еще более нелепа, чем оперирование чисто юридическими фактами.

Дежурная смена почему-то не обыскала его, не сняли ремень и шнурки, не забрали мобильник, значит, и сами не особо-то верили в успех мероприятия, а в клетку посадили для острастки. Олег мог позвонить Кириллу, но решил, что и сам разберется в ситуации.

Олег видел, как пришел дедок, как его проводили в какой-то кабинет, куда забежали по очереди то помощник дежурного, то сержант. Все они выходили, недовольно поеживаясь. Потом дедок вышел из кабинета, посылая на всех проклятья. После этого помощник дежурного о чем-то долго спорил с тремя богатырями и порвал их рапорта. Сотрудники ППС удалились из помещения отдела, не оглядываясь.

Старлей открыл ключом дверь решетки, протянул паспорт Олегу и, извиняясь, произнес:

– Извините, пожалуйста, Олег Юрьевич! Мы можем договориться, что мы вас не задерживали, а я забуду о рапортах наших сотрудников. Перестарались! Понимаете, этот старикашка – некто господин Конякин. Он состоит на учете в психоневрологическом диспансере. Периодически пишет на нас кляузы, обвиняет в коррупции и бездействии. А сейчас очень сильно расстроился, что его привезли в отдел не на черной «Чайке» и не для представления к награде, а для допроса. После этого он вдруг понял, что находится в гестапо, сейчас его будут пытаться, чтобы узнать, «где находятся партизаны...» В общем, я помог организовать ему побег.

– Хорошо, договоримся, только доведите меня до моей машины. Ночь на дворе. Я

честный человек – преступников боюсь.

– Извините, у нас свободного транспорта нет, только «козелок» ППС.

– Пойдет.

– Да, но там места на всех не хватит.

– А вы только меня отвезите, мне компания не нужна.

– Ладно, – вздохнул старший лейтенант, – еще раз извините! Коля – отвези товарища пару кварталов, – крикнул он водителю.

«Опять все так резко меняется. Только что готовил линию защиты, а тут вот как просто».

Он сел на переднее сиденье «козелка». Автомобиль тронулся. Как, впрочем, и весь мир... Водитель Коля несся по пустынным улицам и чему-то внутри улыбался.

– Коля, а давай с мигалкой! – пошутил Олег. Настроение было уже приподнятое.

– Давай! Я и сам так люблю! – не понял шутки Коля и врубил мигалку.

Синие лучи скакали по проезжающим мимо домам, внося хоть какое-то цветовое разнообразие в серость питерских улочек. «Так вот почему у нас так любят мигалки! Ярких красок мало в городе!» Машина домчалась до той улицы, где Олег оставил свою.

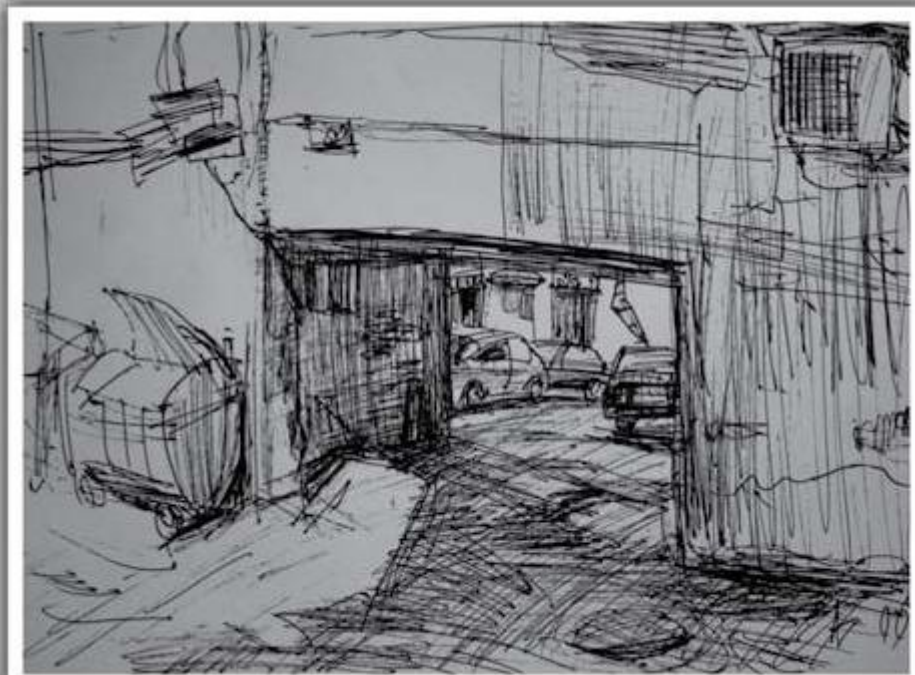
– На лампочки для цветомузыки! – сказал Олег, оставляя сто рублей на сиденье.

– Вот ты даешь, мужик! – крикнул в окно Коля. – Этак я таксистом захочу работать!

– Захочешь! Работай! Удачи!

Выйдя из казенной машинки с мигалками, Олег буквально с любовью сел в свою машину. Как приятно после засаленных и пыльных поверхностей наблюдать чистую кожу, прозрачное стекло, горящие маски приборов... Доехав за минуту до дома, Олег остался в машине. Куда еще идти? Кому что доверять? Единственный «честный» человек оказался натуральным психом. Ладно, видно все-таки эти испытания не для меня. Мне до них расти и расти. Завтра с утра пойду к Михаилу и расскажу все как есть, пусть он сам решает.

Пить Шабли

Проснувшись в полвосьмого утра, Олег почувствовал себя отдохнувшим и свежим. Он

уснул после короткого душа, едва положив голову на подушку, и проспал без снов. Окинув свое холостяцкое жилье бодрым взором, сделал себе яичницу, надел костюм и поехал по знакомому уже маршруту. Приехал, как в последнее время, заранее. Подождал минут пятнадцать в машине и сделал за это время несколько звонков. Затем взял портфель и позвонил в дверь.

Михаил встретил его в рубашке и брюках. Видимо, тоже собирался отъехать.

– Михаил, я приехал поблагодарить вас за все, что я понял в последнее время, за все, чему научился. По крайней мере, мой мозг теперь работает по-другому. Есть огромное желание сделать вам подарок, но, к сожалению, вчера я очень поздно лег и сегодня рано встал, так что привезу подарок позже...

– Погоди, погоди. Зайди сначала в дом. Ты завтракал? Могу угостить тебя омлетом из перепелиных яиц.

– Нет, спасибо. Может, только чаю.

Олег прошел за Михаилом на кухню.

– Да ты, я смотрю, пристрастился к моему волшебному чаю? Скоро будешь приезжать ко мне покупать его? – подмигнул Михаил. – Смотри! Он у меня дорогой!

Олег присел за стол, сделанный из палубной доски. Кухня была сделана в стиле кантри. Очень душевно. Натуральное дерево, аксессуары из соломы и семян, какие-то антикварные ручные кофемолки, мельницы, ступки. Красиво поблескивали медные тазики, кастрюли и чайники. Один из них как раз стоял на плите и начинал закипать. Михаил достал несколько баночек с полки комода, бросил из них щепотки трав в глиняный чайник и залил кипятком. Затем перекинул омлет из сковороды в большую глиняную тарелку. Поставил ее на стол и сел.

– Слушаю тебя, Олег.

– Я не справился с заданием на доверие. Я не смог найти человека, которому мог бы доверить конверт с деньгами. Если тебе интересно, я расскажу, как я это делал.

– Конечно, интересно!

Олег поведал Михаилу о своих вечерне-полночных приключениях. Михаил слушал внимательно, иногда улыбался, когда же Олег дошел до эпизода появления милиционеров, Михаил начал хохотать от души. От смеха он с трудом доел свой омлет. Налил себе и Олегу «волшебный» чай в большие глиняные кружки.

– Так ты не потерял деньги?

– Нет, они у меня с собой.

– Дружище! Ты блестяще прошел испытание! Деньги, которые у тебя были – это фактически были мои деньги. Я доверил тебе их, потому что был на сто процентов уверен, что ты не потеряешь их, что ты не станешь рисковать ими. Если бы ты создал ситуацию, в которой был бы на сто процентов уверен, ты так же смог бы отдать деньги и получить их обратно. То, что ты не смог этого, означает, что ты в чем-то ошибался, что-то делал не так. Ошибки – это хорошо. Ошибки – это опыт. Я уверен, что со временем ты сможешь блестяще справиться и с этой задачей. Ты сможешь контролировать ситуацию, свои деньги, даже не зная всех участников сделки. Это все впереди. Если бы ты решил любой ценой выполнить задание и в итоге потерял деньги, мы проиграли бы оба! Если бы ты был в армии – это считалось бы неисполнением приказа. Но моя жизнь – не армия. У меня другие правила. Гибкость, разумность и результат. Конечный результат. Я готов принять твои деньги, передать их Елене и продолжить контракт с тобой. Можешь считать, что это было испытанием моего доверия к тебе, и я понял, что тебе можно доверять, – заключил Михаил и протянул руку с чашкой чая, приглашая Олега чокнуться его чашкой.

Олег протянул свою чашку навстречу. Он опешил. В его сознании проносились мысли, которым пока не было ответа: «Почему правила этой подготовки всегда удивляют меня? Почему я никогда не знаю, что за задание будет следующим и каковы будут критерии успеха? Почему у меня то раскалывается голова, то мысли работают с такой легкостью, что кажется, я способен решить любую задачу? Почему тупик оказывается выходом, а то, что раньше

казалось выходом, – на самом деле тупик? И почему мне хочется идти дальше по этой дороге парадоксов? Блин, что же это будет за путешествие? Может, меня сразу отправят настоятелем монастыря Шаолинь?» Вслух он произнес:

– Я готов идти дальше.

– Тогда почему ты не в спортивном костюме?

– Да я думал – все! Конец подготовки. Задание отменяется...

– Сдаваться всегда рано! Теперь просто тебе придется потратить время на переодевание. Ну да у тебя его, наверное, вагон!

На часах было почти десять. В двенадцать подписание.

– Михаил, я поехал, мне действительно надо успеть!

– Хорошо, что ты не сказал «не опоздать»! Уроки усваиваешь! Не забудь поделиться радостью победы! Да, и еще, я на пять дней улетаю к своим. Вечером шестого дня – я дома. У тебя будет время устроить все свои дела так, чтобы ты мог спокойно уехать.

– А телефон оставишь?

– Когда я тебе понадобится, ты всегда меня найдешь. Вообще я стараюсь планировать встречи так, чтобы не пришлось созваниваться. Все звонки делаю вечером и обо всем договариваюсь заранее. Ты слышал, чтобы нашей встрече хоть раз помешал звонок мобильного?

– Нет.

– Я не против прогресса. Просто мобильник расслабляет, в плохом смысле слова. Всегда есть возможность позвонить, перенести встречу, сказать, что опаздываешь, наврать что-то... В общем, ладно. Беги.

Олег передал Михаилу деньги и выбежал.

Прыгнув в машину, Олег помчался домой. Где-то в шкафу еле-еле отыскал черный спортивный костюм, красную футболку и кроссовки. Надел все это на себя. Посмотрел в зеркало. «Боже мой! На что я похож! Да ладно, посмотрим, чем это закончится».

Поверх спортивного костюма он надел дубленку. На голову – черную шапочку «плевок» (еле отыскал). В кроссовках и спортивном костюме было как-то легко, непривычно легко.

Олег прыгнул в машину и быстро добрался до бизнес-центра. Охранники на входе попросили у него пропуск. Пришлось снять шапку-«плевок». Они удивленно переглянулись между собой. «То ли еще будет!»

Более интересной была реакция сотрудников офиса. В коридоре он встретился с Ариной, которая вышла обсудить интимные вопросы по телефону. Она неуверенно кивнула головой и перестала говорить по телефону.

Войдя в офис, он, естественно, не увидел Ксении. Она с Артуром еще не приехала. На ее месте сидела Лиза. «Олег Юрьевич, я тут почту пока приняла... за Ксению». Каждое слово она говорила медленнее, чем предыдущее, а потом спросила: «У вас все в порядке?»

– Если сотрудники заняты делом, то все! А почему ты об этом спросила?

– Просто у вас вид... непривычный.

Олег решил, что если каждый будет интересоваться, что у него случилось, на это уйдет много времени, поэтому он вошел в помещение, в котором сидели его сотрудники. Кроме тех, кто был в разъездах.

– Здравствуйте, коллеги! Чтобы больше ни у кого не было вопросов по поводу моей внешности и одежды... вас... это... не... касается! Даже если завтра я приду в водолазном костюме, это не значит, что вам нужно ловить рыб в мониторе. Требования к вашей работе остаются прежними. Также это не означает, что ваш дресс-код должен как-то меняться! Вам понятно? Улыбаться можно! Если вам это повысит настроение, а следовательно, работоспособность, я буду только рад. Всем успешной работы!

Сотрудники заулыбались и принялись за работу.

Олег вошел в свой кабинет. Все оказалось гораздо проще, чем он думал. Неделю назад он представить себе не мог, что способен на такие подвиги. А теперь... это даже было

забавно. По крайней мере, он почувствовал себя более свободным, и это уже было приятно.

«Что у нас по текущим? О, надо Кирилла побеспокоить!» Олег раскинулся в своем кресле и набрал номер.

– Кирилл, привет! Как служба? Есть новости?

– Да, есть. Осмотрели ребята все изъятое. Ничего, похоже, не нашли. Пусть твой Евгений забирает все завтра. Там по мелочи что-то нашли. Протокол составят по административке.

– Спасибо тебе, дружище!

– Ну, за лекарства спасибо не говорят! Завтра после восьми что делаешь?

– Это намек?

– Это предложение!

– Тогда я согласен. Как классно, что у нас в стране еще есть честные сотрудники! За это тебе низкий поклон. А то я вчера такого насмотрелся... Ну, ладно, при встрече.

«С удовольствием возьму его на работу, когда он уволится! Такие надежные люди большая редкость в наше время! Жаль, наверное, долго ждать придется!» – с сожалением отметил Олег.

Следующий звонок, звонок триумфа, делать всегда приятно.

– Женя, привет!

– О, здорово! Что, есть новости?

– Новости в телевизоре, а у меня результаты! Завтра езжай за своими компьютерами и бумагами, пока они не превратились в антиквариат.

– Да ты что?! Как это? Серьезно?

– Да. Но там на тебя какую-то административку наложат. Штраф небольшой. Посмотри, за что, и как все оформлено.

– Да бог с ним, со штрафом! Я все подпишу, лишь бы отдали!

– Ну, как знаешь.

– Что там с меня?

– Ты же знаешь, это не мой профиль. Мне это почти ничего не стоило. Все благодаря тому, что есть еще нормальные ребята в милиции, а я их знаю.

– Да, связи – это самое ценное... Но ты не представляешь, как мне помог, я в долгу не останусь.

– Ладно, давай. Только не забудь, что Попов тебе еще денег должен, надо просудить их в арбитраже, а потом включим механизмы восстановления справедливости, может, заявление на банкротство его фирмы подадим, если за три месяца не рассчитается. Вот это как раз и есть моя работа, которую ты оплатишь. Договорились?

– Да, давай, счастливо, спасибо!

Время к двенадцати. Олег начал немного нервничать. Налил себе чаю. Включил ноутбук и поработал с почтой. Начало первого. Никого нет. «Сам звонить не буду». Посмотрел в окно. За окном дворники лопатами расчищали стоянку под бизнес-центром. Грязно-серый снег.

На противоположной стороне от бизнес-центра искал парковку черный «глазастый» «Мерседес» Артура. Из него вышли Оксана и Артур, а также два господина в темных пальто и костюмах.

Олег сел на кресло и откинулся. Последующие три минуты ожидания показались ему вечностью.

В дверь постучали.

– Да, войдите! – сказал Олег громким и спокойным голосом.

На пороге появилась долгожданная четверка.

– Господа! Вы не вовремя, и это, к сожалению, сократит время нашей приятной встречи. Но я рад вас видеть!

Ксения и Артур впились глазами в шефа в спортивном костюме. Их взгляды перехватили американцы.

– Маркус, Дэйв, – поспешили представиться они.

Обоим господам было около сорока лет. Маркус был высокого роста, со светлыми, слегка вьющимися волосами, светлыми глазами и веснушками. Дэйв, напротив, был коренаст, крепок, с темными коротко-стриженными волосами, овальным лицом и смуглой кожей. Оба были одеты очень официально и неброско. В руках у Дэйва был темно-коричневый кожаный портфель.

– Артур! Переведи господам, что в 13 часов у меня по плану занятия спортом, и если до 12.50 мы не подпишем документы, нам придется встречаться после 15 часов.

Артур перевел, и Маркус спросил:

– Почему так быстро, разве нам не надо обсудить условия?

– Господин Маркус, господин Дэйв! Я даю вам персональную гарантию, что вы получите те услуги и того качества, которые вам необходимы для бизнеса. Мы – эксклюзивная компания и не будем брать на обслуживание несколько крупных клиентов. У нас есть еще две компании, которые хотят пользоваться нашими услугами. Если вы приехали не для подписания договора, то прошу вас не тратьте попусту время. В контракте прописаны все условия. Изменению они не подлежат. Вы можете позвонить в Нью-Йорк, можете посоветоваться друг с другом, но на все это у вас есть всего десять минут. Если я вам мешаю – вы можете выйти из моего кабинета и пообщаться конфиденциально.

Видно было, что Артур пытался смягчить речь босса, но потенциальные партнеры явно почувствовали не то, что ожидали. Маркус и Дэйв дали понять, что хотят выйти и пообщаться. Ксения проводила их.

Артур остался. Он не произнес ни слова, в недоумении смотря на шефа.

– Олег Юрьевич! Обычно в спортивном костюме ходят или спортсмены... или в больнице.

– Ну, какой же из меня спортсмен, Артур! – Олег улыбнулся. Артур был единственный, кто не побоялся сказать то, что думает. Если раньше его независимость и прямота раздражали Олега, то теперь явно импонировали. – Ты присядь лучше, в ногах правды нет!

Артур сел в дальнее от Олега кресло.

– А разве вы еще не договорились с ними? – решил все-таки уточнить Артур. – Я так понял по вашей СМС, что все уже решено... Мы с Ксюшей были в этом уверены, даже не обсудили детали. Показали ребятам город. Где лучше останавливаться на будущее, куда сходить. Они только удивленно переглядывались, шутили... О деле вообще ни слова... А тут вы! «У вас десять минут, чтобы подписать документы или идите в ж... мне на спорт надо!» Во прикол!!!

Артур засмеялся. Вместе с ним засмеялся и Олег.

В эту минуту дверь открылась, и иностранцы в сопровождении Ксении вошли в кабинет. Они тоже улыбались. Сели на кресла возле стола. Дэйв расстегнул портфель, достал из него бумаги, ручку в деревянном футляре и хотел уже начать подписывать документы. Олег остановил его жестом.

– Одну секундочку, Дэйв, маленькая формальность. Можно посмотреть ваши полномочия на подписание документов? Артур, переведи.

Артур к этому времени перестал улыбаться. Перевел Дэйву. Тот достал из кипы бумаг нужную и протянул ее Олегу. Олег жестом попросил посмотреть ее Артура со словами: «Я доверяю своим партнерам». Артур с большим удовольствием перевел и эту фразу. После проверки их доверенности он кивнул головой Олегу, что все в порядке.

Дэйв начал подписывать пачку документов. Когда он закончил, то передал ее Олегу. Контракт и приложения к нему, конечно, были на двух языках, но Олег не торопился ставить свои подписи.

– Ну что же, господа, сейчас я предлагаю следующий план действий: Артур, мой заместитель по международным контрактам, проверит соответствие русского и английского вариантов текста, а также сравнит с тем, что мы отправляли вам. Ксения в это время устроит вам культурную программу. Я пока схожу на фитнес. А затем мы встретимся в 16 часов у нас

в офисе, где, если не возникнет вопросов, я подпишу договор, после чего угощаю всех ужином. План принимается?

Артур перевел. Все улыбнулись. Иностранцы пожали руку Олегу и пошли с Ксенией. Олег окликнул ее: «Ксюша, возьми в бухгалтерии под отчет тысяч пять. Рублей, конечно. Программу продумай с учетом пожелания гостей».

Ксения кивнула и вышла с высоко поднятой головой.

Артур продолжал сидеть, удивленно глядя на Олега. Его мнение о начальнике явно как-то поменялось.

– Олег Юрьевич! Это было просто блестяще! Поздравляю вас с подписанием контракта!

Было видно, что Артур говорит искренне, да он и не умел лицемерить.

– Нас, Артур, а особенно тебя. Запомни свою новую должность – «директор департамента международного частного права», и то, что теперь это твой клиент. Постарайся работать с ним так, чтобы, кроме подписания актов приемки-сдачи работ и выписок с валютного счета, я больше ничего о них не знал. По техническим вопросам обращай к Валере. Зарплату я тебе повышаю на десять процентов – пока. Плюс, если все будет идти гладко, можешь рассчитывать на хорошую премию. А если все будет совсем хорошо, и ты сможешь подтянуть еще клиентов, сможешь взять себе помощников и... руководить этим подразделением нашей компании. Понятно?

– Чего ж непонятного! Спасибо за доверие! Честно говоря, еще с утра мы с Ксенией думали, что вы хотите нас уволить.

– Такой вариант тоже был возможен, – Олег посмотрел на Артура, и тот понял, что шеф не шутит. – Но я доверил вам часть работы, и выполнили вы ее блестяще. Так что благодарите себя. Ладно! Давай к работе. Тайм из мани!

Артур вышел, Олег набрал по селектору бухгалтерию и дал указания по поводу подотчетных денег Ксении, а также новой штатки по Артуру. С Ксенией надо было еще пообщаться.

Решив все вопросы, Олег несколько минут молча сидел в кресле и размышлял. «Что изменилось между сегодняшней встречей с потенциальными партнерами и предыдущими? Только одно! Я был более решителен и менее привязан к результату. Я отнесся к вопросу как к уже решенному и внушил такое же отношение моим сотрудникам. Я делегировал им большую часть того, чем занимался раньше сам. Я заинтересовал их результатом. Удивительная вещь: вроде я как бы отпустил контроль, а с другой стороны, я проконтролировал получение результата с большим эффектом, чем делая все самостоятельно. Схожу-ка я и вправду на спорт. Нехорошо обманывать новых партнеров».

Выходя из своего кабинета, Олег зашел в кабинет сотрудников и написал у них на доске маркером. «В пятницу – маскарад по случаю заключения сделки с компанией N! Объявляется приз на самый глупый наряд. О месте проведения будет сообщено дополнительно». Пока он выписывал это на доске, сотрудники начали посмеиваться и спрашивать, не шутка ли это? «Если кто не подготовится – пожалеет об этом!» – дописал Олег. Эта мысль родилась у него спонтанно и показалась очень удачной.

Легкая боль в спине напомнила Олегу, что он не железобетонный и надо восстанавливать ресурсы организма. Олег позвонил в свой клуб и спросил, когда будет ближайшее занятие по пилатесу. «Через час», – был ответ.

Олег заехал домой и взял костюм, рубашку и ботинки. Все же они занимают больше места, чем кроссовки и спортивный костюм, но переодеться обратно было лень.

У него было еще полчаса. Он заехал в медицинский центр, сделал прививку от гриппа. Он это делал каждый раз в феврале. Он считал это более разумным, чем неделю валяться в кровати. Пока помогало.

В клубе его встретила девушка с улыбкой, которая стала видна еще до того, как он разглядел ее лицо. «Здравствуйте! Рады вас видеть!» У девушки были светлые волосы, смугловатая от солярия кожа и белые зубы. На груди табличка «Анастасия».

– Анастасия! Здравствуйте! Скажите, пожалуйста: «Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали».

– Бык, бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка бела губа была тупа, – довольно четко с улыбкой произнесла она.

– Если захотите сменить здоровый климат спортклуба на деловой офис, знайте, что можете претендовать на вакансию помощника генерального директора.

– Это секретарь?

– Вы еще и сообразительная! Если это вас не гнетет, вы будете на своем месте.

– Мне нравится работать с людьми. Я подумаю.

«Ни черта она не позвонит, телефон мой не записала. Хотя, если захочет, найдет в базе клиентов». Олег сдал верхнюю одежду. Взял номерок, ключ и полотенце и отправился в раздевалку. В спортивной сумке у него лежала деловая одежда и банные принадлежности. Он снял кроссовки и надел банные тапочки на босу ногу. Пилатесом занимаются босиком – это он запомнил.

Оставалось пять минут до начала занятия, и он вошел в зал аэробики. Там уже собрались около десятка женщин разных возрастов. Ни одного мужчины! Он взял коврик и нашел себе место в заднем ряду. Никто не бросал косых взглядов, не показывал пальцем, никто не покинул зал. Собственно говоря, и действительно ничего экстраординарного не произошло.

Когда же началась тренировка, он вообще забыл обо всем остальном. Таким непослушным и тяжелым казалось тело. Он заставлял работать мышцы, которые до этого словно были законсервированы. Ему не хотелось показаться самым слабым звеном, поэтому выкладываться пришлось по полной. Приходилось постоянно держать в напряжении «мышцы центра» и при этом включать еще и другие мышцы. Молодая энергичная тренер по имени Елена периодически поправляла его движения для достижения максимального эффекта. Эффект действительно усиливался. Чуть-чуть другой наклон сустава, разворот конечности, угол наклона – и вся нагрузка менялась! Удивительно! После часа упражнений он почувствовал, будто его организм подменили. Спину хотелось держать прямо, грудную клетку широко, а усталость с плеч, рук и шеи пропала. Как будто снялся хомут с шеи. «Господи! Из-за каких-то дурацких предрассудков я терял возможность получать такое колоссальное удовольствие и поддерживать свое здоровье!»

Греясь в сауне после тренировки, он с удовольствием продолжал потягиваться, наклоняться и поглаживать мышцы, так напряженно работавшие сегодня.

Облившись из шланга холодной водой и обсохнув, Олег почувствовал невероятную легкость.

«Почему я раньше не ходил на спорт днем? Теперь буду!»

В раздевалке появились и другие сторонники «спортивного образа жизни», правда, он для себя отметил, что те, кто пришли после «железа», скорее чувствовали себя скованно, зажато и устало, чем легко и свободно.

Да он и сам раньше «качался» и знал, что на тренировку с «железом» идешь, как на тяжелую работу, и возвращаешься усталым, как после разгрузки вагона. Олег поспешил поделиться своими ощущениями после тренировки с некоторыми из них. Главным вопросом почти у всех было: «А сколько еще мужиков-то ходит?» Узнав ответ, некоторые говорили: «Надо будет как-нибудь», хотя было понятно, что «как-нибудь» в данном случае означает «никогда».

Не это было удивительно. Он вспомнил, как еще недавно сам, сидя в сауне с Михаилом, был твердо уверен в правильности своей позиции по поводу «бабских» занятий. Как все-таки сильно все меняется, когда выключаешь внутренние пластинки с заезженными мелодиями своей судьбы, покупаешь компьютер и закачиваешь нужные мелодии в нужное время и потом всегда знаешь, где их найти.

Это сравнение пришло к нему в голову не зря. Действительно, было ощущение, что раньше он довольствовался старым проигрывателем виниловых пластинок. При этом набор

пластинок не менялся уже годами. Вот что-то осталось от родителей, вот от бабушки с бабушкой, вот от дяди, от тети, от папиного друга, от старшеклассника Гоши, от учительницы по биологии и т. д. И при этом на каждый жизненный случай нужно было ставить определенную пластинку. Почему? Такой вопрос даже не задавался! «Такой порядок!» При стечении определенных обстоятельств рука автоматически вытягивала нужную пластинку, и она автоматически включалась. Да нет, это даже больше похоже на «джук-бокс» (он видел это чудо у одного любителя старины, бывшего консула Финляндии в Мексике, у которого он гостил в коттедже на Сайме, недалеко от Савонлинны). Тебе нужно нажать несколько кнопок, а дальше музыкальный автомат сам поставит нужную пластинку, и она заиграет. Беда в том, что сначала, образно выражаясь, даже кнопки нажимаешь не ты, а когда научишься нажимать, довольно не скоро поймешь, что пластинки выбираешь тоже не ты! Их выбрали за тебя! Когда ты это осознаешь, ты через какое-то время научишься сам выбирать пластинки. Если же твое развитие на этом не закончится – сможешь в конце концов пользоваться саморазвивающимся и самопрограммируемым компьютером, коим по сути и является твой мозг, который до этого стоял в красивой коробке у всех на виду только для того, чтобы все знали, что он есть. Когда запустишь его, сможешь самостоятельно выбирать любые мелодии, а в случае необходимости и сочинять их самостоятельно...

Да. Свобода начинается с осознания.

На выходе их спортклуба Олег оставил визитку Анастасии с предложением еще раз подумать над своим предложением и был вознагражден ее улыбкой и пожеланием хорошего дня.

Отдохнувший и довольный собой, переодевшийся в костюм, правда, без галстука, он ехал в офис. «А интересно, если бы я не пришел в спортивном костюме, результат был бы другим? Чувствую, из-за своего необычного наряда я вел себя по-другому. Мне пришлось быть более агрессивным и напористым. В очередной раз, когда пластинки не оказалось на месте, пришлось включать компьютер, а сегодня еще и программу создания мелодий...»

В 16 часов все были на месте. Артур сообщил, что в контракте все идеально и можно его подписывать. Маркус и Дэйв были очарованы обществом Ксении. Шутили и улыбались. Было видно, что и Ксения выросла в своих глазах.

Олег подписал бумаги и передал один экземпляр Дэйву. Тот взял их с гордым и возвышенным видом, после чего произнес фразу, которую Артур перевел так: «Мы рады, что остановились на сотрудничестве именно с вашей компанией, так как видим, что вы цените и чужое, и свое время, скрупулезно умеете отстаивать свои интересы, а, следовательно, сможете отстаивать и наши, не тратите деньги компании для пускания пыли в глаза, а, следовательно, не разоритесь, а кроме того, у вас здоровая голова компании, а, следовательно, и тело тоже здорово. Кстати, наша компания тоже выпускает спортивную одежду, и если в следующий раз вы появитесь на деловой встрече в спортивной одежде нашей марки – мы даже доплатим вам за рекламу (шутка). Ну а качество вашей юридической поддержки мы оценим в процессе работы».

После этого новые партнеры с удовольствием пожали друг другу руки, жестами и мимикой выражая взаимную симпатию и удовлетворенность от удачно заключенной сделки.

– Ну а теперь, по русской традиции, я приглашаю всех на обед! Ехать куда не надо. У нас внизу есть великолепный ресторан итальянской кухни!

Как в таких случаях принято писать, «обед прошел в теплой и дружественной обстановке». Олег откланялся немного раньше, оставив за столом Артура и Ксению. «Артур уже большой мальчик. Пусть рулит».

Решив поздравить сотрудников компании с подписанием контракта, Олег метнулся на машине до винного бутика «Каудаль», который был недалеко от бизнесцентра.

Приветливая брюнетка Женя с удовольствием отпустила ему бутылочку шабли. Олег решил побаловать своих сотрудников дорогим вином, купил немного винограда, сыр пармезан. Когда он вернулся в офис, все почувствовали, что случилось что-то хорошее. Всех,

конечно, интересовал предстоящий в пятницу маскарад, но Олег только сказал, что это будет в центре, что он позвонит всем в десять вечера и скажет, где нужно быть в одиннадцать. Все сотрудники жили недалеко от центра. Интрига, видимо, понравилась всем, кроме Лизы.

– Олег Юрьевич, я, наверное, не смогу! У меня день рождения у подруги.

– Замечательно! И какой у вас план празднования?

– Будем отмечать в кафе.

– В центре?

– Да.

– Во сколько начало?

– В семь.

– Отлично! К одиннадцати вы успеете на карнавал! Просто возьмите с собой костюмы – и все!

– Олег Юрьевич, ну что, карнавальные костюмы тащить с собой на день рождения? А потом непонятно, где переодеться, куда что деть?

– Лиза, можно, я тебе кое-что скажу не как начальник, а как мужчина?

Лиза слегка опешила, немного покраснела и закивала головой. Олег отвел ее чуть в сторону.

– Лиза, у тебя есть молодой человек?

– Нет пока, а что? – она захлопала своими испуганными глазками.

– А то, что и не будет, Лиза!

– Почему это?!

Было видно, что Лиза очень разозлена, задета и не знает, как ей реагировать на такой выпад шефа.

– Лиза, что ты сейчас чувствуешь?

– Мне обидно, и я злюсь!

– Так вот, Лиза, – говорил спокойно и тихо Олег, глядя ей в глаза, – сейчас в тебе играет пластинка обиды и злости. Ты всегда ее ставишь, когда тебе говорят то, что тебе не нравится, не так ли?

– Да!

– Представь себе, чисто гипотетически, что эту пластинку ставишь себе не ты. Понимаешь, она как бы уже есть в привычном наборе, но ты имеешь полное право поставить любую другую, например – любопытства, азарта, желания узнать что-то новое.

– Представила, а что это меняет? – спросила Лиза уже более спокойно.

– А меняет это многое. Во-первых: может быть, ты сможешь разглядеть не только свои эмоции, но и мой настрой. Ты сможешь увидеть, что у меня нет желания тебя обидеть. Я хочу, чтобы ты для себя что-то поняла. Во-вторых: ты сможешь принять информацию, которая может оказаться действительно для тебя важной. А в-третьих, и это самое главное, ты поймешь, что пластинки можно менять и по своему выбору, а это многое может изменить. «Венец безбрачия», кстати, тоже не приварен к твоей симпатичной головке.

Видно было, что Лиза успокоилась и уже с интересом смотрит на Олега.

– Я слушаю вас.

– Замечательно! Так вот, я ощущаю по твоей реакции, что ты боишься чего-то нового, боишься выглядеть глупо, боишься неизвестности. Это так?

– Ну да, но это же нормально – бояться неизвестности...

– Меняем эту пластинку и ставим такую: «Классно радоваться неизвестности, ведь все самое интересное еще предстоит найти и это так увлекает!» Эта пластинка лучше? С ней приятней идти на карнавал?

– Ну, если так думать, то да.

– А кто ж тебе мешает так думать?

– Мне... Никто... Не знаю... Привыкла... А что про мужчин?

– А про мужчин, Лиза, очень просто. Знакомства, отношения – это всегда новое. Это всегда – неизвестное. Это стресс. Причем результат-то важен, но страшно так, что аж ноги

подкашиваются, правда? Но надо действовать, надо идти вперед. Иначе все останется, как было!

– Правда. А откуда вы знаете?

– Можешь считать, что из собственного опыта.

– Да вы что? Правда? И как вы справились?

– Начал произвольно менять пластинки.

– Да. Спасибо. Я поняла. Я приду. С подругой.

Лиза присоединилась к ребятам.

Олег искренне поблагодарил весь коллектив за слаженную работу и попрощался. Были еще важные дела.

Было начало седьмого. Олег решил отдать свои «моральные долги». Во-первых, надо было поблагодарить Серафиму Степановну, которой он остался должен двадцать рублей. Адрес ее он помнил и через несколько минут был уже возле ее дома у метро «Чкаловская».

Олег купил букет цветов (не в том ларьке, из которого его выгнали, а у конкурентов!) и отправился в нужный двор. Хорошо, что бабуля сказала ему, как дойти, а не номер квартиры. На Петроградке, в этой старинной части Питера, номера квартир в доме – ребус не для слабонервных. Первая квартира не обязательно будет в первой парадной. Между квартирами 5 и 7 вполне может не быть квартиры 6, по крайней мере, в этой парадной и с этой стороны дома, а может она отсутствовать вообще. Некоторые дома были в царские времена доходными, некоторые – публичными, некоторые «личными резиденциями», а дети, возвращенные в «колыбели русской революции», упраздняли и кроили дома и судьбы как хотели. Отсюда появлялись коммуналки с узкими щелями-комнатами и кухнями-базарами. Когда в девяностые годы появилось слово «элитная недвижимость», куда сразу попал Невский проспект и так называемый «Золотой треугольник», а потом разрастающийся спрут «элитки» порадовал расселениями обитателей коммуналок с видами на все реки и каналы, соборы и памятники. Коммуналки оказались хорошим подспорьем для тех, кто хотел жить широко и богато. Дети новой экономической революции были очень похожи на первых представителей рабоче-крестьянской элиты. У них была своя справедливость, свои вожди, сумасшедшее желание перекроить мир по-своему, и методы ведения переговоров об освобождении понравившейся жилой площади варьировались от барских до пролетарских. Завоевав новые территории и поняв, что новые соседи по парадной душатся другим одеколоном и ездят на других машинах (зачастую подземных, многоместных, использующих электрическую тягу), а отдыхают не на Кипре, а в Синявино, им пришлось решать вопрос тотальной изоляции от тех, кто новые экономические возможности почему-то воспринял как «полную жопу». Пошли вторые и третьи железные двери, а наиболее ушлые умудрились сделать себе отдельные входы с лестниц, которые до этого считались «черными». Но те, кто ездили на черных машинах и выполняли черную работу, не боялись «черных» лестниц и превращали их в белые. Да, впрочем, в то время развелось много магов, превращающих и черное в белое, и спирт в золото.

С этими мыслями Олег добрался до квартиры Серафимы Степановны. Номера на двери не было вообще (это тоже нормально для Петроградки), звонка тоже... Олег постучал. Тишина. Постучал погромче. То же самое. Постучал ногой. Послышался звук открывающейся двери, но не этой, а соседней.

Сквозь дверную цепочку Олег увидел половину лица другой бабушки. Она молчаливо разглядывала Олега и шевелила губами. «Сейчас, наверное, спросит: «Дело пытаешь, али от дела лытаешь?» – подумал Олег.

– Бабулечка, не подскажите, где Серафима Степановна?

– А тебе на что? Квартира у нее приватизирована, и наследники есть, и из собеса девочка ходит часто!

– Да нет, мне от нее как раз ничего не нужно. Я поблагодарить ее хотел. Она тут помогла мне на днях!

Бабуля развернула лицо так, что стало видно два ее глаза, но пропал рот.

– Гуляет она в это время! На почту ходит! От сына все писем ждет!

– А, знаю, знаю про сына. Он у нее в Америке. Заботится о ней, деньги присылает.

Бабушка закрыла дверь. Через десять секунд открыла уже пошире, без цепочки. На голове у нее уже была надета косынка фиолетового цвета с красными цветами. Бабуля покрутила головой, нет ли кого еще в подъезде, и шепотом поведала:

– Да врет она все! Не пишет он ей и не звонит! И деньги не присылает! Сама она концы с концами еле-еле сводит! Я-то знаю! Да и все тут знают, но никто не говорит. Жалеют ее. И фотокарточку ту она из журнала вырезала. Не Пашка-сын на ней изображен, а какой-то американский телеведущий, мне соседка сверху сказала, она в журнале видела, что дочка ее приносит, в кланцевом.

– Глянцевом?

– Да, в нем.

Весь драматизм ситуации вдруг стал так очевиден Олегу, что в душе защемило, словно это он и был тем самым сыном Пашей и его мамой одновременно. Внезапно к нему в голову пришла идея.

– Бабулечка, а Вас-то как зовут?

– А меня-то Ангелина Матвеевна, Румянцева!

– Ангелина Матвеевна! Вы умеете хранить секреты?

– Я-то? Могила! Не смотрите, что одной ногой в могиле, извиняюсь за каламбур! Разум-то крепок! Я еще кроссворды как орешки щелкаю!

– Хорошо, тогда подержите цветы и подождите. Я через пять минут приду.

Олег добежал обратно до машины. Открыл бардачок, достал оттуда пустой конверт и положил в него две тысячи рублей. «Для меня это гораздо меньше, чем для нее двадцатка». Вскоре он постучал в дверь Ангелины Матвеевны. Та сразу открыла, словно и не уходила никуда от двери.

– Ангелина Матвеевна! Очень хорошо, что я застал вас. Передайте этот конверт Серафиме Степановне! Я скажу вам по большому секрету, но только если вы никому не скажете...

– ...нет, нет, что ты, милый!

– Так вот, Павел действительно живет в США и выполняет задания государственной значимости. Ему запрещено контактировать с близкими, иначе его могут... отстранить от выполнения особо важного задания, понимаете?

– Че ж не понять-то! Разведчик он! Да!

– Ангелина Матвеевна! – Олег принял максимально серьезный вид. – Ваши догадки оставьте при себе! Вам можно доверить одно важное задание?

– Конечно, можете рассчитывать!

– Передайте, пожалуйста, ей этот конверт, но не говорите от кого! Возможно, я периодически буду просить вас передавать ей конверты, вы не против?

– Да, что ж ты, голубчик, пока жива, помогу, чем могу! Радость-то! Значит, не врала! Только слушай! Вот и у меня просьба есть. Раз уж я ответственное такое задание взяла, пусть и обо мне государство позаботится. Вода у меня горячая еле-еле течет! Мне ни посуду не помыть толком, ни самой не помыться! Одно мучение, словом! Сантехники приходят, постучат, покрутят, уходят, а ничего не меняется! Вы уж намекните им сверху!

– Хорошо, Ангелина Матвеевна! Напишите мне для этого свои паспортные данные на листочке и адрес точный. Я включу вас в особый список, и жилконтора все будет делать правильно!

Дверь закрылась. Олег хорошо знал, как действуют на жилконтору грамотно составленные письма-претензии. Через пять минут Ангелина Матвеевна вернулась с ксерокопией страниц паспорта в одной руке и с букетом – в другой. С торжественным видом она заявила:

– Мы чай тоже не лыком шиты! Я тут для собеса делала копии, точнее, дочка моя, так я

и попросила побольше сделать! Это чтобы вы все правильно в список включили... Да, вот обрадуется Серафима-то! А соседи-то полопаются...

– Ангелина Матвеевна!

– Нет, нет, я все поняла, я ничего объяснять никому не буду. Но думаю, она сама поймет!

– Спасибо вам! До свидания! Цветочки оставьте себе!

– Ой! Спасибочки!

Когда дверь закрылась, Олег выдохнул. «Все же придумывать на ходу всегда тяжелее, чем говорить «чистую правду». Даже в благих целях. Хотя... что является правдой? Если наши желания, мысли, поступки являются не более чем заезженными пластинками, то правда – это тоже всего лишь одна из пластинок. И хороша она или нет, зависит скорее от того, какое настроение у тебя создает эта пластинка и к каким результатам приводит ее прослушивание.

Вот, например, у меня лет до двадцати была пластинка с названием «Я не умею руководить людьми и брать на себя ответственность за них». Ее мне подарили мои родители, они никогда не были на руководящих должностях, а им подарили их родители, у них тоже не было такого опыта. Я боялся как огня всего, что могло наложить на меня ответственность большую, чем за меня самого. Я был слишком снисходителен, чтобы требовать, слишком мягок, чтоб наказывать, и слишком эгоистичен, чтобы пытаться понять желания других людей и использовать их для достижения общих целей.

Однажды летом, когда я учился на последнем курсе своей альма-матер, мой друг Славка решил организовать турпоход – частично пеший, частично водный. Он был дока в этом и можно было смело рассчитывать, что с его участием все пройдет нормально. Кроме меня, он пригласил еще человек десять, и все с удовольствием согласились пойти. Он дал каждому указание, что нужно взять, и назначил место встречи в 7 часов утра, на Финляндском вокзале у Ленина. Все пришли в указанный день с вещами и боевым настроением... кроме Славы. Его сосед Коля, который тоже шел с нами в поход, сообщил, что Слава попал в аварию и лежит в больнице, у него ничего смертельного, но руководить он не сможет и поручает это своему другу, то есть мне. Коля передал мне конверт с картой и инструкциями. На несколько минут я впал в ступор, наподобие того, в котором пребывал уже не один десяток лет нависающий над нами своей железной массой дедушка Ленин. Во мне боролись два чувства: с одной стороны, я хотел убежать и спрятаться, чтобы меня никто не видел, не слышал и не нашел, с другой – я не мог подвести друга. К тому же другие ребята не знали об отсутствии у меня лидерских задатков. Мы были едва знакомы.

После прошедшего ступора я принял для себя решение, что эти несколько дней я просто побуду Славой. Не Олегом, а Славой. Я выпрямил спину и расправил плечи, вспомнил, как он разговаривает и что делает для того, чтобы его слушались, и начал буквально копировать его. Я играл роль лидера, требующего беспрекословного подчинения, а если честно, просто боялся объяснить, что и почему надо делать именно так... Я принимал решения о направлении маршрута, о разделении ролей при разбивке лагеря, о дежурствах, о том, кто за что отвечает... Все покорно слушались, задавали вопросы, ждали совета. Эти дни я прожил чужой жизнью... но как она обогатила мою! Правдой ли было то, что «я не имел способности управлять людьми»? Полная, чистая правда. Правда ли то, что «я был блестящим руководителем»? Тоже правда. Вопрос в том, какую правду ты выберешь для своего будущего. Я вдруг вспомнил слова Михаила по поводу оснований для решительности. Да, отсутствие оснований – самое лучшее основание, главное, чтобы было решение.

Я поддержал сегодня правду Серафимы Степановны. Правду, с которой жила только она и над которой злорадно посмеивались ее соседи. Ее правда мне нравилась больше. Она состояла из веры в то, что близкий человек поддерживает ее, и эта правда была так сильна, что помогала поддерживать других людей. Она делала ее сильнее. Я буду периодически приносить ей эти самые конвертики. Я давно думал о благотворительности, но меня смущало, что она всегда какая-то безадресная, неконкретная, а тут представился случай, и я им воспользуюсь».

Что же касается Ангелины Матвеевны, тут все было просто. Олег просто решил подготовить от ее имени юридически грамотную претензию, в которой привести соответствующие нормы по содержанию жилого фонда, а также пообещать обратиться в суд о взыскании необоснованно оплаченных сумм на горячее водоснабжение за все годы, пока оно не должным образом работает. Практика показывала, что эта мера – действенная. До суда никогда не доходило, все исправлялось за считанные дни.

Следующим пунктом назначения был магазинчик, где работала Оксана. Олег хотел пригласить ее на ужин, если она, конечно, сегодня не в ночную смену.

К досаде Олега, Оксаны в магазине он не увидел, а поинтересовавшись, узнал, что она сегодня выходная. А так хотелось пообщаться с веселой украинской девушкой! Олег поставил машину на стоянке у дома и направился в свое любимое кафе.

Пустые Шалости

На улице было теплее, чем обычно. По крайней мере, не было этого дурацкого ветра. Олег шел по оживленным улицам и улыбался сам себе. А вот и его кафе, куда он заходил почти каждый четверг. Официанты гостеприимно заулыбались, приглашая занять его любимый столик. Олег расшаркался с ними как с милейшими друзьями, задав несколько лишних вопросов об их жизни и настроении. Ему хотелось сегодня быть благодушным и открытым. В кафе было довольно-таки людно. Олег не мог не заметить, что единственным свободным столиком, справа у окна, был его столик. На нем красовалась табличка «зарезервировано». Он знал, что для него. Даже если бы он сегодня не пришел, в следующий четверг его ждали бы снова. Все-таки есть свои плюсы в постоянстве привычек. От взгляда Олега не ускользнуло, что официант Юра о чем-то горячо спорит с посетительницей возле его столика, которая вошла в кафе секундой позже, после чего, буквально оттолкнув его, устремилась к единственному свободному столику, пока он любезничал с персоналом заведения.

– В чем там дело, Катя? – спросил он, слегка напрягшись, стоящую возле него официантку. – Что за заминка возле моего столика? Или вы уже коррумпированы и продали

мое место новым любимчикам?

– Ну что вы, Олег! Ни в коем случае! Вы же наш САМЫЙ любимый клиент! Юра как раз объясняет это той стервозной дамочке. Но сейчас он все уладит, и вы присядете на свое место!

Олег внимательно посмотрел на незнакомку. Колготки в сеточку, ярко-красная облегающая юбка-тюльпан, белая шелковая блузка, прямые рыжие волосы, ухоженная кожа, крохотные аристократические ручки и ножки. Красные туфли и сумочка. Глаза, мягко подчеркнутые тенями, не яркие, но теплые, насыщенные глубоким красным теплом губы... «Вот это я удачно зашел! Пойду спасать незнакомку!»

– Юра, не говорите больше ни слова! – сказал уже на подходе Олег. – Еще немного, и вы убедите девушку уйти, совершив роковую ошибку! – Слово «роковую» Олег произнес, с упором на букву «р». – Позвольте, я сам с ней разберусь!

– Да. Конечно, очень обяжете! – с улыбкой сказал Юра и откланялся.

– Есть два варианта развития событий, – начал без паузы Олег. – Первый: я гуляю полчаса, вы пьете кофе, потом меняемся. Второй: мы вместе пьем кофе, а там – как пойдет. Выбирайте!

На лице новой знакомой, Олег уже в этом не сомневался, заиграла улыбка, которую она усиленно пыталась сдержать, делая при этом искусственно задумчивый взгляд.

– Подождите! У вас есть персональный столик, а вы не посоветуетесь с персональным астрологом, стоит ли сегодня пить кофе с незнакомкой?

– А чего мне нужно опасаться?

– Ну, знаете, звездам виднее, вдруг вы подвергаете себя смертельной опасности?

– За чашку кофе с вами я готов к смертельной опасности!

– Ну, тогда второй вариант, а там – как пойдет!

– Присаживайтесь же скорей! – Олег сделал гостеприимный жест рукой. Если бы у стола стояли стулья, а не диванчики, он обязательно бы подбежал и усадил ее на стул, заодно полюбовавшись красивым изгибом талии...

– Как зовут роковую красотку?

– Валерия! А бесстрашного ангажирующего незнакомца?

– Олег! – кивнул Олег, взял на секунду меню и тут же отложил его в сторону, показывая на винную карту. – А может, чего-нибудь погорячее в честь знакомства? Игристого вина, например? Есть хорошее итальянское «Асти», не желаете? Оно сладкое, но не приторное, веселое, но не пошлое...

– Прямо как обо мне сказано! Конечно, буду! – бесстыдно заявила Валерия.

– Возьмем еще фруктов, а там как пойдет, да? – оценив прямогу девушки, спросил Олег.

– А там – как пойдет! Мне уже второй раз нравится эта фраза! Пусть это будет девизом сегодняшнего вечера, если вы... ты не против? Ты не против на «ты»? – Валерия сделала какой-то безумно красивый жест пальчиком.

– И по первой, и по второй части вопроса я – за! – сказал безапелляционно Олег.

Олег приподнял руку и объяснил официанту, что надо принести, поглядывая тем временем на Валерию. От его глаз не ускользнули две расстегнутые сверху пуговицы, выглядывающий край ажурного бюстника, красивая шея, украшенная леской из белого золота с алмазной подвеской в виде капельки, и такие же сережки на ушах. Блестящие светло-карие глаза с легкими красивыми улыбчивыми морщинками, тонкий носик. Несколько красивых колец из белого золота на пальцах, но без обручального. Темно-рыжие волосы на просвет горели червонным золотом... А какой от нее исходил аромат! Нет, не просто дорогие, удачно подобранные духи. Это был ее запах. Запах горячего тела, опьяняющий и манящий, который был прикрыт этими духами, как тонким тюлем. И этот тюль служил только одной цели – вызвать желание, сорвать его поскорее.

– А как ты здесь оказалась в это время? Я тебя раньше не видел!

– Можно, я не буду это говорить?

– Ну, если у тебя секретная миссия, то да.

– Да, у меня секретная миссия. И, кстати, давай условимся вот о чем. Мы не спрашиваем сегодня друг друга о работе, о семье, о прошлом и планах на будущее, мы просто живем этим моментом и наслаждаемся им. Хорошо? – глаза Валерии смотрели с озорной, чуть нагловатой улыбкой. Она заговорщически чуть подалась вперед и поднесла маленький пальчик к своим губам.

– Отлично! Я принимаю эти правила!

О чем говорить, когда нельзя говорить ни о прошлом, ни о будущем? Тебя словно бы не существует. Нет твоей работы – того, чем ты живешь и дышишь. Не имеют значения ни твои прошлые заслуги, ни неудачи, ни твои планы на будущее. Непонятно, почему ты один, хотя уже далеко не мальчик. Почему хватаешься за эту встречу с радостью утопающего за соломинку? Что нужно ей от этой встречи? Почему она здесь, красивая и... что ли... нарядная? Так много вопросов, которые нельзя задавать! О чем тогда говорить? Официант принес бутылку игристого, открыл ее, налил в тонкие бокалы и поставил обратно в ведро со льдом. Блин, даже не рассказать о том, что на Новый год он купил ящик такого вина и почти все уже выпил. Олег взглянул на бокал. Маленькие пузырьки, возникая из небытия, рвались на волю, вверх и исчезали на поверхности.

– Валерия! Возьмите свой бокал, у меня есть тост! – Глаза спутницы загорелись, отражая блеск тонкого стекла. – Раз в эту минуту у нас нет ни прошлого, ни будущего, значит, мы с тобой застряли в мгновении, и я хочу, чтобы оно продлилось... как можно дольше!

Звон двух бокалов. Очередной вихрь пузырьков в красивых мягких руках. И вот вино медленно перетекает из одного сосуда в другой, еще более прекрасный.

– А каким временем ты располагаешь? – спросила Валерия игриво.

– Вообще-то это был мой вопрос, но до следующего утра я свободно располагаю каждой секундочкой своего времени! А ты?

– А я буду располагать до утра каждой секундочкой твоего времени, согласен?

– Абсолютно!

– А потом мы оба исчезнем, идет?

– В смысле, исчезнем из жизни друг друга?

– В смысле – исчезнем совсем!

– Все, конечно, могло бы быть и по-другому, но раз ты так хочешь, я согласен!

– Так скрепим же наш договор брудершафтиком!

– Скрепим!

Олег не стал дожидаться официанта и сам разлил вино по полному бокалу. Полотно стола не позволило бы выпить на брудершафт, и поэтому Олег обошел его и подсел к своей новой знакомой. Ее запах стал еще ближе, а усиленный игристым вином и волнительным развитием событий стал еще более одурманивающим. Руки обвиты, бокалы выпиты. Олег потянулся губами к Валерии и встретился с ее полуоткрытыми губами. Ее рот жадно приоткрылся навстречу, и вот он, сладчайший на земле миг, когда впервые встречаются губы людей, жаждущих друг друга. Это был какой-то бешеный поцелуй, они как будто хотели съесть друг друга. Вкус ее рта подавлял все желания, кроме одного – обладать ею полностью! Краем глаза Олег увидел удивленные лица официантов. Они, наверное, и представить не могли, что он способен на такое! Да он и сам не знал! Еще несколько минут назад он шел сюда, предвидя обычный ординарный вечер, а уже целуется с девушкой, которую видит в первый раз в жизни! Все вокруг померкло. Ему было наплевать и на официантов и на всех окружающих. Его сердце колотилось как у воробья. Он уже забыл это чувство! Забыл, как оно прекрасно! Кровь, пропитанная адреналином. Мозг, отключенный от управления организмом. Прилив бешеных сил, когда кажется, что можешь, не уставая, обежать всю землю или подпрыгнуть до потолка. Его руки, отключенные от мозга, начинают исследовать ее спину, плечи, ноги. Она не сопротивляется, не кокетничает. Она живая и жаждущая любви. Опьяняюще прекрасная и катастрофически сексуальная. Их мозги, похоже, отключились одновременно, одним рубильником, и это произошло, как только он поцеловал ее, или раньше?.. Неважно!

Прервав поцелуй, они смотрели друг на друга только с одной целью – представить то, что еще не видно. Вторая бутылка и фрукты исчезли между разговором, который больше напоминал плескание в мелком бассейне: брызги слов туда – брызги слов обратно, мурлыкания, касания, поцелуи... «Что мы до сих пор делаем в этом кафе?»

Олег рассчитался, оставив щедрые чаевые, и сел со своей страстью в такси. Благо не нужно было придумывать, куда ехать – его холостяцкая квартира пустовала.

Нелепые поиски ключа и замочной скважины. Короткая пауза после входа: на поцелуй. Кровать разостлана еще с утра. «Не забыть включить диск с особой музыкой». Щелчок ночника на стене. «Больше света не надо, а на свечи нет времени».

Олег вдруг понял, что у него уже давно не было женщины, атакой страстной... очень давно, слишком давно.

Его руки скользят по юбке и блузке, окутывая ее ласковой страстью. Ее руки гладят его по спине. Иногда они встречаются. Губы исследуют друг друга, шеи, уши. «Уже слишком много одежды», и они, как по команде, начинают раздевать друг друга, приходя в восторг от новых деталей и подробностей. «Бабочки в животе». Мурашки везде. Их тела находят все больше и больше площади для соприкосновения и превращаются в одну общую эрогенную зону.

Уже пора надевать презерватив, но раздел памяти, отвечающий за то, где они лежат, давно отключился. «Не надо. Я пью таблетки. Я люблю чистое наслаждение. К тому же мы все равно...» Она не договорила. Его не нужно было долго уговаривать. Ее разгоряченное и раскрытое навстречу ему тело, изгибающееся и пульсирующее, влекло его, как океаническое течение, выбраться из которого невозможно... можно только расслабиться и нестись, пока силы не иссякнут.

Сил хватило на несколько часов. На несколько восхитительных приливов и отливов в этом сумасшедшем океане. Океан – это было бы самым правильным сравнением, потому что их мокрые и соленые тела были словно вышедшими из океанической пучины. Это был сплав неистовой страсти и нереальной нежности. «Как в последний раз!» – периодически проносилось в голове Олега, и, пожалуй, эта была единственная мысль, которую пропускал фильтр подсознания, взявший ситуацию под свой контроль...

Лишь далеко за полночь они уснули, отпустив друг друга, будучи даже не в силах сходить в душ. И этот сон тоже был, как черная океаническая пучина.

Пазлы Шока

Проснувшись в той же позе, что и уснул, Олег долго не хотел открывать глаза. Когда наконец открыл и повернул голову, увидел свою рыжую гостью, смотрящую на него лежа, подложив голову на руку. Она была естественна и красива. Но в ее глазах Олег увидел какое-то новое выражение. В них не было уже страсти и похоти, а скорее вопрос.

– Даже не спрашивай, понравилось ли мне, – произнес Олег, слегка касаясь ее волос.

– Ты не пожалел, что отдал за это свою жизнь?

– Нет, отдал бы даже две!

– Это хорошо! Я рада, что ты не пожалел. Иначе я чувствовала бы себя виноватой.

Чувство неясной тревоги начало нарастать в груди Олега.

– Виноватой в чем? О чем ты, милая?

– В твоей смерти, милый, – спокойно ответила она и встала с постели.

Валерия отправилась в сторону душа.

– Да, я и вправду чуть не отдал богу душу, так мне было хорошо, – пытаюсь отшутиться, привстал на постели Олег.

– Не волнуйся, уже отдал, – смеясь, проговорила Валерия и скрылась в душе.

Олег встал и пошел на кухню. Ему не нравились ее шутки, хотя вечер и вправду настолько был восхитительным продолжением чудесного дня, что хотелось думать только о хорошем. Что могло быть лучше, чем секс без всяких обязательств с такой восхитительной девушкой? Воспоминания возвращали его ко вчерашним событиям и заставляли улыбаться, хотя с каждой минутой ожидания Валерии внутри росло какое-то напряжение. Он ждал, когда же она, наконец, выйдет, развеет свои глупые шутки умными, и ему останется только стартовать в новый день с таким прекрасным багажом воспоминаний.

Уже сварено кофе. Сделаны тосты. Олег даже прибрался в квартире, снял постельное белье – оно было насквозь сырое. Бешеный голод начинал завоевывать все его естество, кружилась голова. Олег подошел к ванной:

– Л ера! Ну что же ты так долго?!

– Ты разве не знаешь, что девушки долго принимают ванну? Я наслаждаюсь каждой минуточкой и тебе советую, пока есть такая возможность...

«Опять эти дурацкие шутки!»

– Я начинаю завтрак без тебя! – крикнул он и с жадностью принялся за тосты с ветчиной и сыром.

Съел свои, затем остальные. Выпил кофе, еще кофе. Сделал заново кофе и тосты.

Наконец Валерия вышла. С полотенцем на голове. И все. В утреннем свете ее тело было особенно восхитительно. В нем снова начало просыпаться желание, но сначала нужно было полностью успокоиться.

– Лерочка! А почему с утра такой черный юмор? Все шуточки о смерти?

– Почему же черный? Смерть ведь придает смысл времени, радость мгновению и глубину радости, – спокойно ответила Валерия, вытирая голову полотенцем.

– Да, но какое отношение это имеет к нам?

– А что, к нам это не имеет никакого отношения, красавчик?

– Имеет, конечно, ко всем, но, надеюсь, не скоро.

Валерия начала потихоньку одеваться.

– Люблю с утра надевать только свежее белье, – бросила она, положив трусики себе в сумку и надевая колготки на голое тело. Затем надела все остальное. Олег тоже надел рубашку и брюки.

– Видишь ли, Олег, – сказала Валерия, глядя ему прямо в глаза, – теперь тебе осталось жить года три, может быть, пять, если повезет.

– Что ты мелешь! – Олег начал уже выходить из себя.

– Да нет, я не мелю, плейбой. Видишь ли, у меня недавно обнаружили СПИД. После того как меня чем-то опоили в дорогом клубе хозяева жизни, типа тебя... а потом я ничего не помню, но уверена, что кто-то трахал меня, не знаю сколько, где и куда, но проснулась я в такси...

– Да ты че! Охренела совсем! Какой, бля, СПИД! Я то-тут при чем?

– Да, ты ни при чем! Но я тебе предложила, и ты согласился!

– На что я согласился? – Олег резко дернул руками вверх, задев чашку с кофе, она полетела на кафель, крутясь и расплескивая коричневую жижу по сторонам.

– Тебе напомнить? Мы договорились с тобой, что «ты будешь располагать каждой секундой моего времени, а потом мы исчезнем, исчезнем совсем!» Ты забыл? Может, ты еще забыл свои слова о том, что «за чашку кофе со мной готов к смертельной опасности?»

– Да ты совсем... Это же просто слова! Игра слов!

– Видно, слова имеют для нас разный вес! Такты мог бы это уточнить! Прощай, – так же спокойно сказала Валерия, взяла свое пальто, надела сапоги и вышла на лестницу, закрыв за собой дверь. Ей вслед полетел тост с ветчиной и сыром. Расплющившись о дверь, он как в замедленной съемке пополз вниз.

Олег почувствовал, что ком, давно вставший у него в горле, вырывается наружу... Он побежал в туалет. Его рвало. Рвало до самой последней крошки, до самой последней капли, до выдоха.

Потом его трясло мелкой дрожью. Потом он долго лежал в ванной. Потомпил успокоительное. «Господи! Почему я оказался так бесшабашен! Мне же не семнадцать лет! Что за дебил! Что за урод! Ненавижу себя!». Олег ходил из комнаты в ванную, из ванной на кухню. Он лупил то рукой, то ногой по всему, что вставало на его пути. В бессильной злобе он лупил подушку, представляя себе, что это – рыжая бестия Валерия, которая так цинично воспользовалась его минутной слабостью. Он отключил мобильник и выдернул штепсель городского. «За что?! За что?!» Он лежал на ковре и лупил руками по полу. «Подожди! Соберись! А вдруг это шутка? А какова вероятность заражения?» Олег теперь уже совсем по-другому оценивал воспоминания, когда Валерия просила не выходить из нее как можно дольше после оргазма. «Нет, все, надо взять себя в руки и что-то предпринимать!»

Олег включил ноутбук, зашел в Интернет и набрал в поиске «Анализы на СПИД. Петербург». Список впечатлял... Он выбрал наиболее разрекламированный центр, к тому же находившийся не так далеко.

Выбежал на улицу, прыгнул в машину Серый питерский день был уже в полном разгаре. На фоне серых облаков, посеребривших стен домов, серого снега и темного асфальта выделялись и горели яркими огнями только фонари автомобилей и светофоров. Все

проносилось мимо него как во сне. Давящее чувство не отпускало его дыхание. Мысли крутились только об этом... «Вот по тротуарам идут люди. Некоторые идут потому, что у них нет машины. Некоторые с завистью смотрят на аквариумные окна ресторанов и кафе. Но сейчас каждый из них в миллион раз должен быть счастливее, чем я! Им не о чем беспокоиться, у них еще куча времени все исправить!!! А у меня??? Я столько лет шел к своему триумфу, к своей независимости, последние дни так ярко пронеслись в моей жизни! С такими эмоциями, победами! Зачем это все, если завтра меня не будет...» Олег чувствовал, что к его горлу подкатываются слезы обиды. Почему-то вспомнилось его полунищее детство, пьянство и ругань в доме. Вспомнилось, как он заступался за мать, когда отец выбивал из нее деньги на бутылку. «Мне никто не помогал! Никто! Я мог скатиться, опуститься, но я боролся за свое счастье, за свою жизнь, и вот... Сам же ее сливаю в унитаз! Трепло!» Он вдруг понял, насколько цинично он добровольно променял свою жизнь на несколько часов удовольствия. «А ведь она, сука, и вправду спрашивала!» Он ехал быстро и агрессивно. Подрезал, обгонял, проезжал на мигающий желтый и почти красный, а если кто-то знаками ему показывал, что он не прав, он начинал в ответ орать отборнейшим матом. Видимо, на его лице было столько злости и решимости, что оппоненты быстро ретировались.

Вот и нужный адрес. Олег припарковался на пешеходном переходе. Вывеска. Стеклопакетные двери. Ресепшн в клинике – как барная стойка: высокая и неприступная. Только вместо улыбчивого бармена, кранов и бутылок – девушка с резиновой улыбкой и блестящими глазами.

– Добрый день! Чем могу быть полезна?

Сейчас Олегу не до этих идиотских любезностей. К тому же его отношение к слабой половине человечества резко изменилось несколько часов назад.

– Я хочу сдать анализ на СПИД.

– Заполните, пожалуйста, анкету! – снова дежурная улыбка.

– На кой черт мне ваша анкета! Я хочу сдать анализ! К тому же А-НО-НИМ-НО!

– О! Ну да, конечно, я заполню за вас. Шестой кабинет. Разденьтесь и возьмите бахилы!

Девушка растерянно пожимала плечами, пока Олег сдавал пальто и одевал бахилы. Процесс надевания полиэтиленовых бахил напомнил ему другой несложный, но жизненно важный процесс. «Черт! Черт! Даже пол здесь берегут больше, чем я свою жизнь».

Войдя в дверь нужного кабинета, Олег увидел молодого врача или лаборанта. Плакаты на стенах типа «Что нужно знать о СПИДе» и «Чем опасен гепатит?» говорили о том, что он попал по адресу.

– Что привело вас к нам? – формально спросил врач.

– У меня был половой контакт, и я хочу провериться на СПИД.

– Ваш партнер является ВИЧ-инфицированным?

– Не знаю, но подозреваю...

– Почему?

– Он, в смысле она, сама сказала...

– Так он или она?

– Вы серьезно или издеваетесь? Конечно, она!

– Нет, не издеваюсь, это суровая правда жизни...

– ...не моей!

– Ясно. Вам когда нужен результат?

– Как можно быстрее!

– Срочный дороже.

– Я плачу. Когда будет готов срочный?

– Сегодня вечером приходите. К девятнадцати часам.

– А сейчас сколько?

– Двенадцать.

– А раньше никак?

– В восемнадцать пятьдесят девять приходите.

– Это остроумно, доктор!

– Извините, пытался поднять вам настроение. Я не доктор... пока. Лаборант.

– До свидания.

Олег вышел из кабинета. Пошел на улицу, забыл взять пальто. Вернулся. Вышел опять и пошел к машине, которую уже со всех сторон оплевали пешеходы. Садясь в машину, заметил, что все еще в бахилах... «И хрен с ними!»

Олег плюхнулся в свое кресло и судорожно нажал кнопку блокировки дверей. Словно кто-то бежал за ним и сейчас ворвется в его машину.

Он откинул голову назад и закрыл глаза. «Никого нет рядом со мной в эту минуту... А если бы кто-то был, жена или любимая девушка, не было бы и этой минуты...» Вся тяжесть одиночества вдруг стала видна, как помеченные купюры при подсветке ультрафиолетовой лампочкой. Белыми светящими буквами было написано «Подделка». «Моя жизнь – подделка! Она ничего не стоит! И в эту минуту я никому не нужен. Мне даже не с кем поделиться! Друзья? Я привык делиться с ними только хорошими новостями, чтобы не прослыть нытиком. Коллеги по работе? Исключено! Мама? Боже, как давно я не видел ее... трезвой. Вообще не видел. Надо позвонить ей. Но говорить ей ничего не буду, зачем расстраивать? Просто заеду к ней, если она сможет взять трубку. Скоротать время. Домой ехать не хочется. Страшно. Блин! Где трубка?»

Олег стал судорожно шарить по карманам. «Вот она, во внутреннем кармане пиджака. Взял все-таки, машинально. Лучше бы так же машинально презик надевал...»

Олег включил трубку. «Все-таки как бесконечно долго она загружается».

За это время уже пару раз загорался зеленый свет для пешеходов. Они проходили мимо его машины. Олег старался не встречаться с ними глазами. Загрузилась. Набрал мамин номер. Несколько утомительно длинных гудков. «Неужели не возьмет? Неужели я не вправе рассчитывать на это?» Слезы подкатили к горлу. Ему стало себя очень жалко.

– Алло, – раздался голос мамы. Олег почувствовал, что она не совсем трезвая.

– Мам, привет! – Он был рад слышать ее голос, как ничто на свете. Это, наверное, в крови у людей. Искать защиты в самых сложных ситуациях, как в детстве, чтобы кто-то пожалел.

– Привет, Олеженька! Как ты, сынок?

Олег едва сдержал слезы. Напрягая что есть силы голосовые связки, он выдавил:

– Мам, я сейчас заеду, можно?

– Конечно, конечно, сыночка, только у меня угостить тебя нечем и бардак...

Олег нажал на кнопку сброса звонка. Слезы прорвались из глаз, как чертов водопад. Он стал вытирать глаза руками, завел машину и стал разворачиваться прямо на пешеходном переходе, не обращая внимания на чертыхания прохожих. Кто-то даже стукнул кулаком по железному телу его «Ниссана», но ему было все равно. Он ехал к ней домой. Точнее, в дом, где она жила у своего нового мужа.

Пролетая мимо светофоров, перекрестков, людей, он мчался, чтобы скорее приехать, чтобы не опоздать. Чтобы она никуда не ушла. Он и раньше так срывался к ней, но каждый раз его приезд заканчивался скандалом. Сейчас было все по-другому. Он вспоминал детство. Как она приезжала к нему в пионерский лагерь, в деревню, привозила машинки, конфеты. Как безумно рад он был ее видеть и как огорчался, когда она снова уезжала. Тогда она была самой красивой мамой. От нее пахло вкусными духами. Ее руки всегда были теплыми. Сейчас у нее холодные руки. Это от алкоголя. «Господи! Кто придумал эту отраву?!»

Мама жила в коммуналке в одном из старых домов на Обводном канале. Точнее, дом стоял в глубине двора, а окна выходили в маленький темный двор. Он заехал в арку дома, припарковал машину и подбежал к парадной. Домофон. «Сынуля, ты?» «Да, мам».

Недавно высушенные и вытертые глаза опять заслезились, да он и не сдерживал больше слез. Поднявшись на этаж, он увидел, что дверь уже открыта, и она стоит у раскрытой двери, улыбается. В грязном халате. Со слипшимися, покрашенными в желтый цвет волосами, сквозь которые уже давно снова пробилась седина. Запах из квартиры шел соответствующий.

Раньше все это приводило его в бешенство. Сейчас – жалость, отчаяние и... любовь. Он прошел с ней на кухню. Она явно была обескуражена его внезапным визитом, а еще больше тем, что он не кричит. И его слезами.

Олег обнял мать и заплакал еще сильнее.

– Ну что ты, сыночек? Что случилось? Почему ты плачешь?

Олег посмотрел в ее глаза, тоже полные слез.

– Мама! Мамочка! Я тебя очень люблю! Прости, что не звоню, не приезжаю! Просто я не могу тебя видеть такой! Ты словно чужая, как будто я давно тебя потерял! Ты не представляешь, как я расстраиваюсь, когда ты пьешь, и как я радуюсь, когда ты трезвая! У меня сердце кровью обливается! Понимаешь? Мам? Ты понимаешь? Я люблю тебя! Я хочу, чтобы мы нормально могли общаться. Чтобы я приезжал к вам в гости! Чтобы мы вместе пили чай, праздновали! Чтобы я мог звонить тебе и всегда слышать твой трезвый голос! Понимаешь? Я тебе и с квартирой помогу, и на отдых отправлю за границу! Только не пей.

Она не могла ответить. Она обняла его и тоже плакала. Только сейчас он почувствовал, насколько она стала тонкой, хрупкой и незащитной. Она утопала в его объятьях, как когда-то он в ее.

– Все, сынок! Все! Я так устала сама от этого всего! Я больше не могу. Я работать хочу. Я еще соображаю. Не плачь! Пожалуйста! Прости меня! Я обещаю! Ты вот еще Вите скажи. Знаешь, как сложно быть трезвой, когда он бухает днями напролет! Придешь с работы уставшая, дома ни еды, ничего, а тут он еще начинает терроризировать!

Олег почувствовал, как легко вдруг стало на душе. Слезы прекратились. Появилась надежда. Он прошел вместе с мамой в комнату. На кровати сидел Виктор. Полутрезвый. Курил.

– Виктор! Ты мужчина. Я хочу с тобой поговорить по-мужски. Я хочу тебя попросить поддержать мою маму, твою жену. Ты же взял ее в жены. Обещал беречь. Ты понимаешь, что она скоро сопьется окончательно! Ты же сильный мужик! Подводник! Найди силы бросить пить! Хочешь, я вас на Красное море отправлю?! Поныряешь с аквалангом! Ты же в молодости увлекался!

– Олег! Я понял. Буду стараться!

– Не надо стараться! Просто будь трезвым и все! Будешь мне, как второй отец! У тебя ж нет никого, кроме мамы моей и меня!

– Это правда.

– Так и это все можешь потерять. Она решила больше не пить, но невозможно удержаться, когда ты постоянно бухаешь...

– ...ну, не постоянно...

– Не спорь! Просто пойми! Я сниму ей квартиру где-нибудь, и пропадешь один здесь! Соседи тебе даже «скорую» не вызовут, если что с тобой случится!

– Это точно!

– Ну что, договорились?!

Олег протянул ему руку.

– Договорились! – Виктор крепко ее пожал, глядя в глаза Олегу.

Олег посмотрел по сторонам. Состояние комнаты красноречиво говорило о том, что пьяная неделя прошла по всем правилам: по всей комнате валялись бутылки и окурки, на столе – куча тарелок с недоеденной закуской, повсюду пятна и грязь, постельное белье не менялось, наверное, с месяц. Повсюду прожженные пятна от сигарет.

– Так, давайте начнем с уборки!

Вся окружающая обстановка уже не казалась ему такой ужасающей по сравнению с той грязью, которая могла быть внутри. Он снял пиджак, засучил рукава рубашки. Он все делал «на автомате». И мама, и Виктор помогали. Через полтора часа после того, как он вынес с десяток мусорных пакетов на помойку, комнату было не узнать.

Олег забежал в ближайший магазин и купил продуктов, а также в аптеку за лекарствами, помогающими снять похмельный синдром.

Мама помылась и надела чистое платье. Поставила чайник. Заварила и разлила по кружкам чай. Они сидели вдвоем за столом и смотрели друг на друга, не произнеся ни слова. В глазах Виктора он читал уважение. В глазах – мамы бесконечную любовь. «Как же она постарела!»

– Мама, Виктор, – начал Олег, – мы все очень сильно подрываем себе здоровье, непонятно зачем. Неизвестно кому и сколько еще отпущено на этом свете. Давайте забудем прошлое и проживем остаток времени, пока мы можем видеть и слышать друг друга, с заботой друг о друге.

Мама прослезилась снова, Виктор закурил. Он курил какие-то жуткие вонючие сигареты.

– Виктор, слушай, я понимаю, что бросать курить в твоём возрасте уже нельзя. А ты куришь трубку? В смысле – курил?

– Видишь ли, Олег, ваш покорный слуга много чего увидел и попробовал на свете (Виктор всегда говорил витиевато) и трубку курил тоже.

– А какой табак тебе нравится?

– «Клан». Вишневый.

– А какую трубку ты бы хотел?

– Да брось ты, Олежя, перестань, они же все жутко дорогие.

– Ну все же?

– Я бы предпочел английскую прямую трубку со съёмным мундштуком, но ради бога, не обращай внимания, это ни в коем случае тебя ни к чему не обязывает, и вообще, забудь об этом, без этого вполне можно прожить. Не утруждай себя, ради бога.

Олег услышал в этих словах всю жизнь Виктора. Теперь он часто себя ловил на мысли о том, как много люди говорят о себе и о том, почему они находятся в таком положении, в котором есть. Вот, например, Виктор, несколько раз подчеркнув свою собственную незначимость, сделал за Олега вывод о том, что Олегу что-то трудно сделать, и довольствуется только тем, без чего нельзя прожить. Его «джук-бокс» запустил три эти пластинки в одном предложении. Вся беда в том, что у многих в таком возрасте музыкальный автомат невозможно превратить в компьютер. Пытаться это сделать – все равно, что пытаться вставить флэшку в музыкальный автомат. Нет ни разъема, ни процессора, ничего. Единственное, что можно делать в таком случае – это найти более-менее хорошие пластинки и научиться их находить в нужное время.

– Виктор, не спорь! У нас сегодня событие, и я хочу сделать всем подарки. Мам, что тебе подарить?

– Мне ничего не надо, сыночек.

«Та же история», – подумал с грустью Олег.

– Хорошо, я сам придумаю.

Они посидели, пообщались еще немного. Мама и Виктор жаловались на соседей, рассказывали про друзей и приятелей, спрашивали, как дела у него. На какое-то время у него в душе вновь воцарились мир и покой. Периодически Олег поглядывал на часы. Шел пятый час. Нужно было решить еще один вопрос. Олег тепло попрощался с мамой и Виктором и пошел к машине.

Олег находился в странном эмоциональном состоянии. Еще вчера маятник его положительных эмоций зашкаливал на верхней отметке, сегодня весь мир казался ему черным, неправильным, безумным, нелогичным и очень, очень жестоким.

Тема предстоящего путешествия ушла на задний план и потеряла свою актуальность. «С другой стороны, на что еще тратить деньги, как не на эмоции и удовольствия, если представить... самое худшее... что мне осталось еще несколько лет? Фу, черт! Я что, уже начинаю к этому привыкать?! В любом случае надо что-то решать с бизнесом».

Олег вдруг понял, что не хочет остаток своих дней (а сколько их осталось?) проводить каждый день в офис, сидеть в кабинете, просматривать почту, ездить на встречи. «Разве это

жизнь? Пора уже решить вопрос о делегировании большей части своих полномочий и задач. Надо встретиться с Валерой. Заодно отвлекусь от черных мыслей».

Олег достал мобильник, звук которого был выключен. «Двадцать один пропущенный вызов! И это притом, что у меня нет любимой девушки, которая волновалась бы и звонила каждые пятнадцать минут... жаль, что нет». Среди пропущенных звонков были звонки и от Валеры, он набрал его.

– Шеф! Ты куда пропал! Мы тут все с ума сходим! Что, до сих пор празднуешь сделку с иностранцами?

– А что случилось?

– Да нет, ничего не случилось, просто не могу тебя найти!

– Валер, как раз об этом мне надо с тобой поговорить. Давай встретимся через полчаса у нас внизу в ресторанчике!

Олег допил чай, обнял на прощанье маму и Виктора и, слегка успокоенный, уехал.

Олег приехал на встречу раньше, чем рассчитывал, а Валера опоздал на пять минут.

– Валера! Давай начнем с того, что это было твое последнее опоздание!

– Ну, Олег, я думал, пока ты доедешь, там пробки и все такое...

– Ты не о том думал. Я хочу сделать тебе очень важное предложение, но для начала ты должен пообещать мне, что отныне будешь всегда вовремя приходить на все встречи. Это важно. Поверь, есть люди, для которых твое опоздание поставит крест на дальнейшей работе с нашей компанией.

– Так ты же сам едешь на встречи, Олег!

– Вот об этом я и хочу с тобой поговорить.

Валера замер в ожидании. Он был его ровесником, окончил юрфак питерского университета. Ростом чуть выше среднего, слегка худоват. Его черные волнистые волосы нравились девушкам и судьям арбитражного суда, внимательные карие глаза – клиентам, а хорошо подвешенный язык и умение ладить и договариваться со всеми делали его бесценным сотрудником. На нем хорошо сидели костюмы и плохо – футболки, и поэтому он всегда был официален, являясь даже на дружеские встречи, как и Олег, хотя бы в пиджаке.

– О чем именно, Олег?

– Я хочу отойти от активного руководства фирмой и передать тебе пост генерального директора и сорок девять процентов компании.

– Почему, зачем? За что?

– Не задавай вопросов. Пока слушай. Это не манна небесная, хоть наша компания и получила хороший долгосрочный контракт, надо еще работать и работать, развивать все направления, особенно международное. Ты это понимаешь? Ты понимаешь, что работы будет очень много? Очень-очень много и всю ее будешь выполнять ты? Я не буду вообще принимать участие в делах компании, а получать половину от прибыли. Ты это понимаешь?

– Да, понимаю. Я согласен.

– Так быстро?

– А вдруг ты передумаешь? Я знаю доход компании и вижу перспективы, и меня это более чем устроит.

– Замечательно, тогда приступаем с завтрашнего дня. Подготовь документы об избрании тебя генеральным, а также о продаже мною тебе девяти процентов фирмы. Остальные сорок будешь получать каждые три месяца по десять процентов, пока принимаешь у меня дела и советуешься. При этом сорок девять процентов прибыли будешь получать уже со следующего месяца. Подумайте с бухгалтером, как это оформить. Да, и еще, я отдаю тебе в управление прибыльную компанию. Отдаю потому, что знаю, что ты сможешь преумножить прибыль и сделать компанию еще более успешной. Поначалу ты мне будешь делать еженедельный отчет по своим действиям, по вопросам, которые возникают, и как ты их решаешь. Но это только в первые два месяца. Затем перейдем к периодичности раз в месяц. Пойми, я не жду от тебя, чтобы ты все делал без ошибок. Поэтому действуй решительно и прибегай к моим советам только в крайних случаях. Артур будет твоим

заместителем по международным вопросам. Он толковый парень, справится, но не давай ему переигрывать тебя и ставь ему задачи посложнее. В этом году я жду от вас как минимум еще два международных контракта. Все усвоил?.. Ну ладно, я тебе все это еще продублирую в письме. Естественно, как два юриста, мы с тобой подпишем все наши соглашения.

– Хорошо, Олег. Все же ты, может, объяснишь, что тебя сподвигло?

– Скажу, но позже. Это очень долгая история. А в двух словах: я решил попутешествовать. Я хочу уехать из страны, возможно, надолго.

Официанты уже хорошо знали, что иногда Олег приходит в ресторанчик просто поговорить, и поэтому не приставали с вопросами и меню. Олег предложил подняться в офис и объявить всем сотрудникам о переменах в компании. Валера согласился.

Они молча поднялись на лифте, вошли в офис. Ксения сидела на своем прежнем месте, но было видно, что ее это уже не напрягает.

– Ксюша, пригласи, пожалуйста, бухгалтерию и всех, кто курит или гуляет. Скажи, что у нас через пять минут внеплановое совещание.

– Хорошо, Олег Юрьевич! – сказала Ксения и выпорхнула из кабинета.

– Валера, пойдем, я тебе покажу, где и что находится в моем кабинете.

Валерий проследовал за ним, и Олег провел краткий инструктаж.

Через пять минут все были в сборе. Олег начал.

– Коллеги! Только вчера мы праздновали здесь подписание важного контракта. Сегодня я хочу сказать всем вам еще одну важную новость: я передаю руководство компанией своему заместителю – Валерию. Вы все его хорошо знаете. Я ему полностью доверяю и уверен, что отношения с ним сложатся у вас еще более продуктивные, чем со мной. Сам я решил немного отдохнуть. Я не устраниюсь полностью из бизнеса, остаюсь соучредителем, так что мы с вами еще неоднократно увидимся.

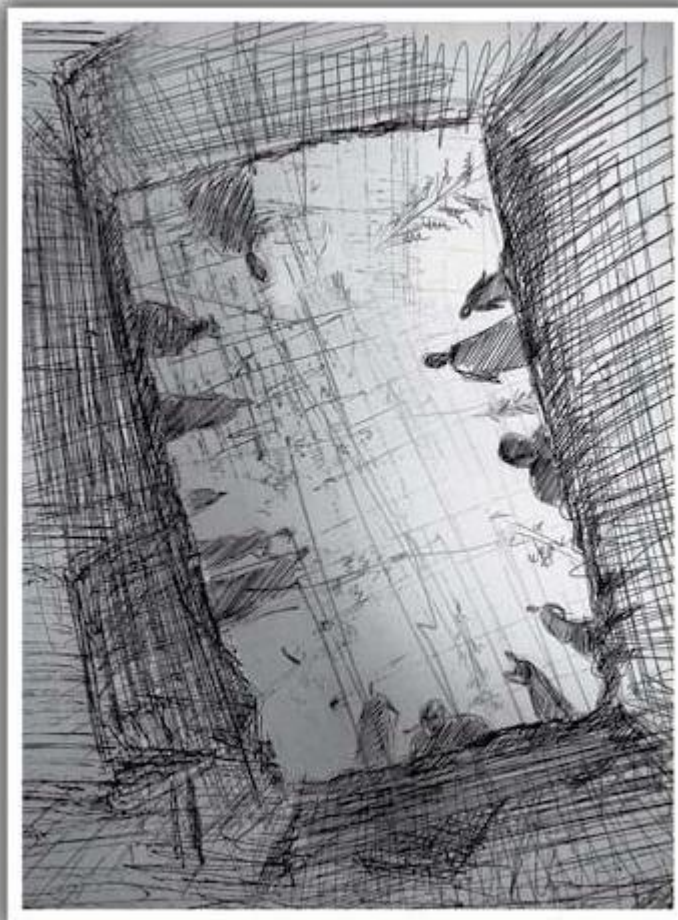
– А как же маскарад в пятницу? – спросила Лиза.

Олег чуть было не забыл про него, но быстро нашелся.

– А маскарад как раз будет устроен в честь перемен в нашей компании. Конечно же, он в силе! Да, и если у кого-то будут вопросы, звоните! Я не собираюсь менять номер трубки! Всем успехов!

Олег развернулся и пошел. Кто-то начал хлопать. Прямо как артисту, уходящему со сцены. Занавес.

Плач Шакалов

Без десяти семь Олег был в клинике. Более напряженной дороги до нее и более томительных минут ожидания у него не было никогда в жизни. Сейчас, через десять минут, все изменится. Сейчас у него есть надежда и страх. Через десять минут не будет ни того, ни другого. Будет только радость или отчаяние. Он отстукивал чечетку ботинками в бахилах. Он считал количество лампочек и прикидывал, сколько они потребляют энергии. Он смотрел, какие фигуры складываются из причудливых узоров на линолеуме...

– Молодой человек! Проходите!

Олег вошел в знакомый кабинет и сел на знакомое место.

– Ну, что? В десант меня возьмут?

– Ваш анализ положительный.

– Что это значит? Положительный – это хорошо?

– Результат проверки на ВИЧ-инфекцию дал положительный результат.

– Положительный – в смысле все нормально? – словно не понимая смысла слов, переспросил Олег.

– Мы обнаружили в вашей крови ВИЧ-инфекцию.

– Так значит, у меня СПИД?

Все куда-то побежало. Рой темных мух заполнил все пространство. Словно сквозь толщу воды доносился голос доктора, который что-то говорил...

Резкий запах нашатырного спирта вернул Олега в кабинет и в ту ситуацию, с которой ему придется смириться.

– Пожалуйста, возьмите себя в руки! Я рекомендую сдать вам через неделю повторный анализ, для верности. ВИЧ еще не СПИД. В конце концов вы можете не болеть сами, а быть просто носителем. В крайнем случае, медицина не стоит на месте. Средства лечения постоянно разрабатываются! Весь мир ищет решение этой проблемы. Может, его нашли уже

сейчас, пока мы с вами разговариваем...

– Что? Нашли? Сколько это стоит? Я готов лечиться, вы только скажите: где, что и сколько? Доктор, слышите? Я готов! Деньги у меня есть! Может, вы узнаете, есть ли какие-то успешные клиники за границей. Я заплачу и за эту информацию! Но мне нужен выход, доктор! Слышите, мне нужно решение проблемы! В мои планы не входило подыхать лысым в ближайшие пять лет!

Олег чувствовал, что начинает стучать рукой по столу, а его голос стал переходить в визг.

– Примите, пожалуйста, успокоительное! Не нервничайте! Через неделю сдайте опять! Вдруг все нормально! Ошибки бывают! Тесты не совершенны!

Олег взял таблетку, которую давал ему доктор, проглотил ее. Запил стаканом воды. Она застряла где-то в горле. Он выпил еще стакан.

– Что мне сейчас делать? Какие рекомендации?

– Не вести беспорядочную половую жизнь в ближайшее время, пока вы не пройдете повторный тест.

– Какую половую жизнь! Да я его отрежу, на хер!

– Да. Ну ладно. До свидания. Мужайтесь! Вам потребуется ваше мужество.

«Он снова оставил мне надежду. Вдруг и вправду какая-то ошибка. В конце концов вероятность такая есть, а значит, это может случиться даже со мной. Ведь в теории вероятности сказано, что сколь бы мала ни была вероятность какого-то события, оно остается вероятным. Или вдруг за неделю как-то все само рассосется?»

Олег с трудом добрался до дома. Пробки. Чертовы пробки! Он старался отвлечься, заглушить свою тревогу, переключал волны радио, в надежде найти хоть что-то отвлекающее, но все было тщетно. Он старался не думать вообще ни о чем. Он вогнал себя в состояние зомби, у которого была только одна задача: донести тело до дома. Поворот, еще поворот, яма, руль вправо, шлагбаум, два поворота на 90 градусов. Парковка. Ключ из замка, хлопок двери. Шаг, еще шаг... Ключ домофона. Лестница. Ключ от квартиры. Свет в прихожей. Свет в комнате. Музыкальный центр. «Metallica»: «Fide to Black», «One», «The Unforgiven»... Мини-бар. Виски? Водка. Рюмка. Нет. Стакан. Еще стакан. Еще стакан, «...and nothing else matters...» Мягкий удар кроватью по спине. Стены и потолок танцуют причудливый танец, целясь друг в друга, вторя ударам барабанщика. «...Open mind for a different view. And nothing else matters...»

«Энд наху... элс мэтэрс!» – орал Олег в слезах, лежа на кровати со стаканом в руке. Он пытался пить лежа из горла, но водка стекала на грудь, на шею. Он пытался присесть и начал приподниматься, но диван ударил его по спине с еще большей силой, а дальше был долгий полет в черную дыру вниз спиной и сон...

...Его несли в больницу на носилках. Нести нужно было очень далеко и долго. Через пустыню. Потом по развалинам какого-то города. Потом через мусорную свалку. Носильщики постоянно уставали и менялись. Это были его знакомые и друзья. Вот у своей головы он видит лицо Валеры, который хлопает его по плечу, потом Серафиму Степановну, Лизу, Евгения... они все время меняются, то появляются, то исчезают... Он очень хочет пить, но не может произнести ни слова. Он не может пошевелить ни рукой, ни ногой, ни губами, ни даже моргнуть. Вдруг он понимает, что и дышать он тоже не может. Длинное бетонное здание с грязными серыми колоннами и окнами без стекол. Его тащит кто-то один, ногами вперед, неся часть носилок, где лежат его ноги, а голова его бьется по полу. Но он не чувствует боли. Только картинка перед глазами скачет как в испорченном телевизоре... И вот он лежит в огромном белом зале, в котором не видно ни стен, ни потолка. На нем лежит белая простыня. Вдруг рядом с ним появляется Валерия. Она приносит белоснежный костюм, вешает его куда-то на невидимый крючок. Затем она скидывает с него простыню и начинает его раздевать. Раздев его, она пытается заняться с ним сексом, он хочет заорать на нее, но остается неподвижным, и она начинает со злостью одевать его в костюм. Ей это легко

удается, потому что на рубашке, пиджаке и брюках сделаны разрезы сзади, чтобы его можно было одеть, не поднимая его тела. Она надевает на его шею галстук и завязывает его. Очень туго. Но он ничего не может сделать.

Вдруг свет гаснет, и он оказывается в полной темноте и мертвой тишине. Он ждет помощи, он ждет, что кто-то придет и спасет его...

Внезапно появляется полоска света. Она становится все шире и шире – это снимают крышку гроба. Он видит лицо матери. Наконец-то он спасен. Но она начинает плакать. Ее пытается утешить Виктор. Олег хочет сказать, что купил ему трубку из нефрита, а маме – халат из парчи, но не может. Дяди и тети смотрят на него сверху вниз, целуют в лоб и уходят, растворяются в воздухе. Ему хочется кричать, но он понимает, что не владеет ни единой клеточкой своего организма. Он видит, что дальше всех стоит его бывшая – Катя, она держит в руках ребенка, показывает ему и улыбается, и тоже уходит. «Да ведь это же мой ребенок», – проносится в голове у Олега. Он хочет всем рассказать, что у него есть ребенок, но слышит шепот со всех сторон: «Он умер бездетным, как жаль... как жаль, он не оставил потомства... никто о нем и не вспомнит... он никому по-настоящему не нужен... жаль его мать... жаль мать, пережившую своего сына». Кто-то пытается говорить торжественную речь о том, как многого он успел добиться в жизни, но все это выглядит так тихо и неубедительно. Кто-то рассказывает кому-то, что он умер от того, что у него сломался позвоночник, «какая нелепая смерть, ведь нужно было просто заниматься спортом...» Постепенно все отходят и растворяются. Он видит уходящие вверх стволы деревьев и серое небо. Где-то рядом он слышит тьяканье и завывание шакалов. Холодный ветер свистит в верхушках деревьев в унисон шакалам и откуда-то сверху ему на лицо падает сосновая иголка... Но это уже ни для кого не имеет значения.

Последнее, что он видит, – это равнодушные лица незнакомых ему людей в грязных одеждах, которые накрывают его сверху крышкой гроба. Все уже становится полоска света. Сквозь глухую тишину и в полной темноте он слышит, как заколачивают гвоздями крышку гроба... удар за ударом... от каждого такого удара все тело его содрогается, как от удара молнии, а затем шум падающих сверху комьев земли.

Он лежит и плачет. Плачет без слез. Но плачет все его тело. Оно трясется невидимой дрожью. «Как нелепо я сдох! Как последний урод! Я ни черта не сделал в своей жизни! Я никого не любил и никто не любил меня, кроме матери и Кати, наверное... Никто не держал меня за руку перед смертью! Никто не остался после меня! Никто не расскажет, каким я был отцом и дедом! Никто не скажет первое слово, не сделает первый шаг с моей помощью, не получит первую двойку в школе, не сыграет свадьбу, не родит детей и не привезет мне на выходные внуков! Никто не вспомнит мое имя светлым словом и с чувством благодарности! Я не сделал ничего значимого! Я бежал к своему успеху и не обращал внимания ни на кого. Я не сделал ничью жизнь счастливее и просрал свою! Что я могу вспомнить в своей жизни? Только последнюю неделю, да несколько эпизодов из детства и юности! Все вместе наберется, может, на несколько месяцев, из которых половина – это отпуска и путешествия. Несколько месяцев. А куда девалась остальные десятки лет?!»

Ему казалось, что он лежит так несколько дней или недель, или месяцев в полной темноте и тишине. «Почему же я все это чувствую? Почему я не на небесах? Почему не в аду? Где полет в трубу?» Он попытался пошевелить рукой. Получилось! Пошевелил ногой! «Меня похоронили заживо? Меня похоронили, пока я был пьяным! Я жив! Мне нечего здесь делать! Я живой!» Олег почувствовал сосновую иголку, лежавшую у него на лице, и взял ее в руку. Он начал ковырять ею крышку гроба. На удивление ему удалось проковырять дырку. Он начал засовывать туда пальцы, разрывая отверстие все шире и шире. Стучал кулаками по крышке, что есть силы уперся в нее руками и ногами и стал толкать. Нечеловеческое напряжение в прессе, руках и ногах. Ему казалось, что его кости не выдержат и лопнут. «Бах!» И крышка взлетает высоко в небо. Земля разлетается в стороны, как от взрыва бомбы! Он выскакивает из могилы и, что есть сил, куда-то бежит. За ним гонятся шакалы, но у него столько сил, что он без труда убегает от них. Он оказывается в оживленном месте, на

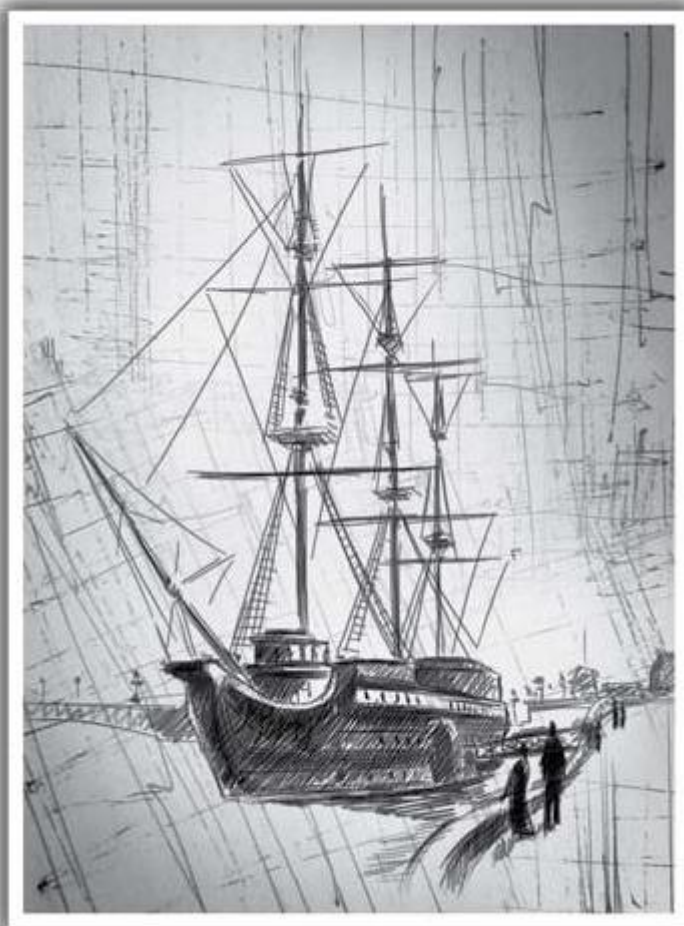
каком-то проспекте, где люди с мрачными лицами ходят каждый в своем направлении. У них очень сосредоточенные лица, очки на глазах, наушники в ушах... все, чтобы максимально отгородиться от этого мира!

Он подбегает к каждому из них, трясет за руки, хватается за плечи, обнимает, целует и кричит, что есть сил: «Люди! Я живой! Вы живые! Радуйтесь! Мы живые! Не будьте такими серьезными! Нечего грустить, пока ты живой! Радуйся! Пока ты живой, у тебя есть все возможности сделать все, что ты захочешь! После смерти будет поздно! Никто не знает, когда она придет! Торопитесь радоваться! Торопитесь жить!»

Люди отстранялись от него, закрывались газетами, плащами, кепками, отводили взгляд. Внезапно на улице появился наряд ППС, который побежал к нему навстречу. Он узнал лицо сержанта и его коллег. Он даже пытался обнять его от радости, крича ему: «Сержант! Есть хорошие новости! Можно все изменить, пока ты живой! Потом поздно! Торопись!» Но сержант достал наручники. «Ты не догонишь меня, потому что я живой!» – закричал Олег и помчался по улице. Он прыгал огромными прыжками, пока не понял, что бежать совсем не обязательно, можно просто лететь! Он летел и кричал сверху: «Я живой! Вы живые! Мы живые! Поверьте!»

Вдруг какая-то сила поменяла небо и землю местами, развернула его вверх лицом, и он уже летел спиной вниз, при этом небо было у него внизу за спиной, а земля наверху. Он пролетал и видел, как уличные фонари чередуются с крышами домов. Асфальт становится белым и гладким как... блестящий натяжной потолок его комнаты. Олег понял, что он проснулся. Несмотря на это, потолок продолжал куда-то бежать...

Плитка Шоколада

Непонятная радость, с которой он проснулся, заставила его закрыть глаза, чтобы вспомнить свой сон. Сон вспомнился в каждой мельчайшей черточке. Было ощущение, что это и не сон был вовсе. Он снова чуть не заплакал, вспоминая свои похороны, а потом снова прожил и прочувствовал тот восторг освобождения из могилы и ту радость, которая охватила его, когда он понял, что все еще живой...

Все еще живой! Несмотря на две бутылки водки без закуски. Несмотря на ужасную головную боль и привкус железа во рту. «Как же хочется пить! Но, слава богу, я могу это сделать!» Олег выпил, наверное, литр воды, припав губами к крану. Стало чуть легче. На глаза ему попала тетрадка, та самая, которую он выпросил у Оксаны и в которую делал свои первые записи. Олег взял ручку и открыл последнюю чистую страницу.

«Каждое утро, просыпаясь и открывая глаза, я могу быть уверен в том, что Вселенная любит меня, потому что дает мне в аренду еще одну жизнь. Что такое жизнь человека? Всего один день – от рассвета до заката. В отражении твоего одного дня отражается вся жизнь. Все можно изменить за один день. Все можно начать заново. Но что такое день? Это всего лишь отрезок времени. Время – оно безлико, безэмоционально, бесцельно. У времени нет цели, есть только направление. У дня тоже нет ни цели, ни смысла. Есть только направление: от утра к вечеру. Ты можешь плыть по течению, ныряя в ночь и выныривая днем. Все мы дети океана, и этот способ плавания есть у каждого из нас в крови. При этом, пlying, ты можешь даже не открывать глаз. Пlying «на автомате», рано или поздно ты куда-нибудь приплывешь, а почувствовав землю, откроешь глаза и поймешь, где оказался. И не важно, понравится тебе эта земля или нет. Сил плыть куда-то еще все равно уже не останется, поэтому тебе просто придется смириться с тем, что ты имеешь...

Кроме этого способа, что подарила тебе природа, она же подарила тебе возможность осознанного выбора. Ты можешь сказать себе: «Я выбираю прожить этот день с утра до вечера, полностью, от пробуждения и до сна, осознанно и ярко, целенаправленно и с пользой. Вчерашняя жизнь уже прожита, ее семена уже дали свои всходы. Если это были семена чертополоха, я выдерну их всходы как можно быстрее и посажу те растения, которые желаю, не дожидаясь, пока чертополох вырастет и даст новые семена, бороться с которыми будет уже практически невозможно».

Я совершил ошибку, которую уже не исправить. И я не знаю, сколько дней или лет мне предстоит прожить, как впрочем, не знает никто. Все мы, на самом деле, в этом смысле в равном положении. Правда, у меня есть одно преимущество: я проснулся и вижу край своей жизни более четко и могу примерно сосчитать, сколько шагов мне осталось до этого края, поэтому каждый свой шаг я наполню смыслом. Ты же можешь думать, что тебе еще бежать и бежать, поэтому можешь тратить свои шаги попусту, бежать в полусне и в один из дней разбиться о стеклянную стену... так и не проснувшись.

Не страшно умереть, страшно так и не начать жить. Я свою жизнь начал... Когда начал, тогда начал. У меня впереди еще увлекательное путешествие, и поэтому как хорошо, что я приобрел эту путевку!»

Олегу очень захотелось кислых щей. Время приближалось уже к обеду. Надо развеяться и отблагодарить Оксану. Вспомнив про нее, Олег запихал в рот половину пачки жвачки, чтобы не мучить ее перегаром. Затем одел джинсы, рубашку, джемпер с ромбиками и пошел на стоянку. Выйдя на улицу и попав снова в один из питерских дней, он почувствовал, что город изменился, пока он спал.

Он всматривался в узор сплетения голых веток деревьев, в причудливые барельефы на стенах домов, мимо которых он проходил. Даже плесень и мох на кирпичках в местах, где отвалилась штукатурка, выглядели живописно. Да и сами старинные кирпичи были разных оттенков, от ярко-оранжевого до темно-бурого и даже черного.

Воздух пах снегом, мокрыми стволами деревьев, железом и автомобилями. Олег вдыхал этот воздух полной грудью и не мог надышаться. У него закружилась голова, но не от

выпитого вчера, а от пьянящего ощущения свободы. Он уже решил все, или почти все дела, которые прежде отнимали у него массу времени. И теперь он решил прогуляться до магазина, где работает Оксана, пешком. Всего-то потребуется полчаса времени, а заодно удастся продышаться после вчерашнего.

Когда идешь пешком, мир воспринимается совсем по-другому. Время идет медленнее. Знакомые улицы преподносят новые сюрпризы. Замечаешь появление новых магазинчиков, кафешек и даже... домов. Их не много строят на Петроградке.

«Все так оказывается интересно, жаль что...» Олег тяжело выдохнул. Ему было бы сейчас гораздо тяжелее, если бы с детства он не обрел способность ставить заслон между плохими событиями своей жизни и хорошими. Периоды семейных скандалов выработали у него своего рода иммунитет на плохие эмоции. Как только он попадал в среду, где бояться было нечего и переживать не о чем, он тут же наполнялся жизненной силой и весельем, иногда даже беспричинным. Он часто улыбался, и это вызывало постоянные вопросы окружающих. Все думали, что у него все благополучно и здорово. Лишь пара друзей знали часть правды. Самое главное, что он не играл в хорошее настроение, оно действительно возникало в нем! Зачем напрягаться и расстраиваться, когда в данную минуту все хорошо! Это очень помогало ему и в детстве, и потом, когда начались проблемы с маминым... здоровьем. В дружественной среде он был весельчаком и душой компании, когда этого хотел.

Добравшись до магазинчика, он на минуту остановился у двери, успокоил сердцебиение от непривычно долгой прогулки.

Шаг внутрь. Вот и она. Такая же беззаботная и красивая, как в тот день.

– Здравствуй, Оксана!

– О, привет! Ты зашел? Какой сюрприз! Приделся! – на лице Оксаны было неподдельное удивление. Ее и без того большие глаза теперь, казалось, были еще больше. Олегу даже стало немного смешно. Он не ожидал таких бурных эмоций. «Неужели она и вправду не поверила мне?»

– Оксана, я пришел пообедать с тобой! Ты сможешь?

– Вообще-то я прям здесь обедаю. Но ради такого случая! Погоди, сейчас договорюсь с помощницей.

Оксана скрылась в подсобке. Минуты через три оттуда вышла помощница Оксаны, которая заняла ее место – молодая, светлая девчонка. Олег перехватил ее слегка завистливый взгляд и улыбнулся. Она отвернулась к полкам с товаром.

Олег придержал дверь, и Оксана вышла на улицу.

– Куда пойдешь обедать? Здесь недалеко пельменная есть!

– Оксан, можно, место выберу я? Нам придется прогуляться минут десять.

– Хорошо! Ты что, устроился на работу? Взял денег в долг или ограбил банк? Хотя, если бы ты ограбил банк, то приехал бы на машине. А на работе денег бы так быстро не дали. Значит, одолжил?

Олег засмеялся. От души. Ему нравилась ее простота. Что на уме, то и на языке. Это забавно.

– А если я скажу тебе, что я собственник небольшого, но прибыльного бизнеса, согласишься?

– Ты начал продавать наркотики? Смотри, у меня один знакомый был, Костик, он тоже ввязался в эту дрянь. Поначалу довольный ходил, машину себе купил, «десятку», приделся... сейчас где-то отдыхает... в Сибири. Давай так, ты мне ничего не говори про свою работу и что с тобой случилось, а я не буду спрашивать.

Меньше знаешь, крепче спишь. Если меня будут потом допрашивать, я правду скажу, что ничего не знаю, а то я плохо вру. Хорошо?

– Хорошо, – сказал Олег, едва сдерживаясь от смеха, – но можно с тобой посоветоваться по одному вопросу?

– Это можно, советовать я люблю. Я вообще-то девушка умная, хоть и в магазине

работаю. Ты же не думаешь, что если я работаю в магазине, значит глупая?

– Не думаю, конечно! Наоборот, я восхищаюсь тобой сейчас. Мне нравится, как ты разговариваешь, как смеешься, как прищуриваешь глаза. Я это тебе говорю не потому, что мне что-то нужно от тебя... вторая тетрадка, например... а просто, чтобы ты знала.

– Спасибо! А куда мы все-таки идем?

– Скоро увидишь.

Они вышли на Добролюбова и пошли в сторону Биржевого моста. Одно из красивейших мест в Питере, откуда открывается вид на Стрелку Васильевского острова и Эрмитаж. Они свернули налево на Мытнинскую набережную, где был пришвартован «Летучий голландец» – ресторан и фитнес-центр в одном корпусе.

– Добро пожаловать на борт, – сказал Олег, когда они поравнялись с трапом корабля.

– Ты с ума сошел! Я с тобой туда не пойду! Ты знаешь, какие там цены? У меня там подруга была... Я не хочу остаться там в заложниках и мыть посуду до конца своих дней.

Оксана категорически отказывалась заходить на трап. Олег даже показал свой бумажник, чтобы успокоить ее, что денег у него хватит, но она была непреклонна.

– Скажи мне прямо, в чем дело?

– Да ты надо мной издеваешься! Посмотри, в чем я одета! – Оксана расстегнула пальто. На ней были джинсы и блузка.

– Нормально одета. Все целое. Без дырок. Хотя ты знаешь, я, кажется, тебя понимаю. Я тоже один раз пришел на очень важную встречу и не знал, что придется снимать ботинки, а когда стал снимать, вспомнил, что с утра надел дырявый носок. Я чуть не ушел. Если бы ушел, то потерял бы расположение очень важного человека...

– Того, что продает тебе наркотики? – перебила Оксана.

– Можно и так сказать! – рассмеялся Олег.

– То есть, ты хочешь сказать, что если я не зайду с тобой на этот оплот пафоса, то потеряю твое расположение? – с прищуром спросила Оксана.

– Нет, не потеряешь.

– Тогда я пойду! – сказала Оксана и первой шагнула на трап.

Швейцар, наблюдавший за ними через затемненные стекла входных дверей, открыл перед ними дверь, вежливо и учтиво улыбаясь. Так же вежливо их обслужили в гардеробе и проводили в ресторан «Палуба». Олег любил его больше всего. В нем сходство с кораблем было максимальным.

Они заняли столик с видом на Стрелку Васильевского острова, обрамленную Ростральными колоннами. Официант принес меню. Олег решил заказать уху – кислых щей тут не было, а Оксана – салатик с морепродуктами и черную треску с рулетиками из цукини. Олег и Оксана посмотрели друг на друга. В глазах Оксаны читалось удивление и вопрос.

– Оксана, не смотри на меня так. Если ты думаешь, что для меня это – экстра-ординарный поступок, и я теперь год буду голодать, то ты ошибаешься. Привести тебя сюда – абсолютно ничего не значит для меня в финансовом плане. Я это говорю к тому, чтобы ты не чувствовала себя неловко. Поверь, твоя тетрадка имела для меня гораздо более важное значение, и сегодняшним обедом я вряд ли смогу отблагодарить тебя за нее.

– Ну, если они так тебе нужны, у меня еще есть! – попыталась отшутиться Оксана.

– Я хочу еще объяснить тебе, почему выбрал именно это место. Видишь ли, этот корабль, на котором мы сейчас находимся, никогда не плавал и никогда не поплывет. Да он и изначально делался для того, чтобы всегда здесь стоять, причем это не недостаток, он замечательно выполняет те функции, которые ему и были уготованы. Я похож на этот корабль, но с одним исключением: я был предназначен для плавания и вдруг узнал, что пора швартоваться навсегда. В общем, мне просто больше некому это рассказать, но очень велика вероятность того, что мне нельзя будет иметь детей, да и жить мне, похоже, осталось недолго.

– Ты что, серьезно? Не может быть ошибки? – удивленно и расстроено произнесла Оксана.

– Может быть. Я на это надеюсь. Но понимаю, что лучше подготовиться к худшему... Ну, это слова. Наверное, я хочу казаться героем. На самом деле мне очень страшно. Страшно и плохо. Мне никому не хочется об этом говорить, кроме тебя, наверное, потому, что ты – единственный человек, которому я доверяю, из тех, кто ничего обо мне не знает. В общем, я, извини, в полной заднице, и не знаю, как мне выбраться из нее. Понимаешь, что бы я ни делал, я все время возвращаюсь к мыслям об этом, начинаю себя жалеть, у меня начинают трястись поджилки. Меня начинает подташнивать...

– Олег, извини, я тебя перебую... Судя по всему, у тебя все действительно плохо, но давать советы можно из собственного опыта, и я тебе могу рассказать об одном принципе, который помогает мне. Если тебе интересно...

– Конечно, интересно!

– Тогда послушай. Ты ведь знаешь, что я не из Питера. Я тут уже больше года. Ты, наверное, представляешь... хотя нет, вряд ли представляешь... Ты же не девушка... Сколько мерзости, грязи и унижений мне пришлось испытать за это время. Я за всю предыдущую жизнь столько не испытывала. Сколько раз мне хотелось все бросить к черту! Уехать! Вернуться! Как мне не хватало своих родных и друзей! Но я не хочу возвращаться без победы, без того, чтобы мои близкие гордились мною, а враги и те, кто в меня не верил, заткнулись бы и захлебнулись собственной желчью. Я остаюсь! Я каждый день выбираю остаться! Каждый божий день я принимаю такое решение, а когда мне совсем уж плохо, вспоминаю слова своей школьной учительницы, Татьяны Алексеевны, она была моей классной и вела русскую литературу. Она была странной учительницей литературы. При личном общении иногда выражалась крепким словом. У нее был хриловатый голос, светлая голова и невероятное чувство юмора. Так вот, когда я как-то не выполнила несколько домашних заданий подряд, она попросила остаться со мной после уроков и спросила, в чем дело. Я начала жаловаться ей на то, как трудно мне сейчас живется, приходится помогать родителям, а обстановка в семье тяжелая и в денежном, и в моральном плане, и так далее... Она остановила меня и спросила: «Деточка моя, Оксаночка, а что ты чувствуешь, когда мне это рассказываешь?» На такой честный вопрос я ответила, не раздумывая: «Жалость. Жалость к себе». – «А что такое жалость? Что это за ощущение? Вот если бы ты каждое свое чувство могла описать по аналогии с местом, с атмосферой, в которой находишься, как бы ты это описала?» Я ответила «Темно. Влажно. Очень противно. Тяжело дышать...» – «Полная задница, да?» – неожиданно прервала она меня. «Ну да», – ответила я. «Милочка моя! Так вытаски голову из собственной задницы и оглянись вокруг!» Меня словно подменили. Я засмеялась. Я вдруг все представила себе в буквальном смысле и не могла удержаться от смеха. Показалось так глупо себя жалеть. А Татьяна Алексеевна, улыбнувшись, продолжала: «Если тебе плохо, это значит, ты думаешь о том, как тебе плохо, и варишься в собственном соку, а какой, извини меня, сок может быть в заднице? Посмотри вокруг себя: наверняка кто-то может нуждаться в твоей помощи, тот, кому гораздо тяжелее, чем тебе. Вот ты жалуешься на трудности с родителями, а у Андрея их вообще нет. Его бабушка воспитывает, которая даже грамоты толком не знает. Она у него даже уроки проверить не может и подсказать ничего не может. А он старается больше тебя, хотя учится хуже. В общем, делай выводы и помни про это темное место. Как только тебе плохо и жалко себя – просто вытаски голову из..., не буду повторяться, но думаю, ты поняла!» Я тогда начала помогать Андрею, он стал лучше учиться, да и я тоже. И полегче мне стало, было с кем поделиться проблемами и посоветоваться. Я когда начинала ему жаловаться на родителей, он меня тут же останавливал: «Вот если бы у меня были живы мама и папа, я был бы самый счастливый человек и смог бы как-то помочь им». Я и вправду нашла, что сделать, чтобы отношения в нашей семье стали лучше. Вот так странно получилось. Я думала, что помогаю ему, а получилось, что он мне помог. Так что вытаскивай голову...

– Спасибо, Оксан! – Олегу тоже вдруг стало стыдно за жалость к себе (а в голове мелькнуло: «Такой пластинкой многим не мешало бы пополнить фонотеку!»), но вслух он спросил: – А кому ты теперь помогаешь?

– Ты только не смейся, ладно?

– Обещаю.

– Ну, я периодически иду волонтером там в детский дом какой-то или в больницу, где не деньгами надо помогать, а своим трудом... Когда посмотришь на несчастных больных детей, на лежачих больных, сразу мозги на место встают. А самое главное – им немного надо-то. Поговорить просто, проявить немного заботы... А благодарность их настолько искренняя, она не в словах, в глазах... Потом, правда, плачу, бывает, но уже не по себе. У меня-то все отлично!

– Что же здесь смешного, Оксаночка? Я не перестаю восхищаться твоей мудростью и силой! Слушай! Спасибо тебе огромное. Ты мне что-то важное сказала...

Обедали дальше они молча. Обсуждать вкус блюд и свои гастрономические предпочтения было как-то не в тему. Интерьер ресторана и вышколенность официантов словно подчеркивали контраст между разными реальностями, которые существуют одновременно, но друг друга не замечают.

«А ведь и вправду. Люди создают в своей богатой фантазии книги о путешествиях в параллельные миры, о разных реальностях. Это кажется таким недостижимым, таким захватывающим. Об этом спорят физики и лирики. Это пытаются доказать виднейшие умы эпох. Гипотезы о том, как там живет в параллельных мирах, где материя ведет себя по-другому, а время течет совсем иначе...

На самом деле, как все просто в действительности. Вот я, например, в последние дни так напутешествовался по параллельным мирам. Поменять одежду, оставить дома деньги, документы и средства связи и попробовать решить свои обычные вопросы – чем не параллельный мир? В нем все по-другому: меняется система ценностей, время замедляется, прошлые навыки больше не нужны, а новых еще нет...

А ведь есть сферы, к которым я еще не прикасался и даже отбрасывал мысль об их существовании в моей жизни. Они как бы есть, но это не про меня: дети-сироты, инвалиды, старики, да и просто люди других профессиональных сфер и уровней: чернорабочие, гастарбайтеры, депутаты, государственные чиновники, дипломаты, военные... Это можно перечислять бесконечно. Все вроде знают друг о друге, но живут в параллельных мирах, никак не соприкасаясь друг с другом. Об этом как-то не принято говорить. Ведь вроде равенство? А ты попробуй-ка реально попасть из одного мира в другой со всеми его установками, ценностями, моралью. Блин, это все дурацкие громкие слова какие-то, ни о чем!»

Олег вспомнил, как однажды побывал в доме престарелых с другом, навещавшим своего родственника. В течение часа, который они пробыли там, Олег отгораживался от этой ситуации, как ушлый чиновник от прокурорской проверки. Но подсознательно он запомнил и прочувствовал, как видел, слышал и чувствовал этот пожилой человек... Олег хранил свои воспоминания под замком и, как мог, избегал их, а сейчас этот тайник оказался открытым, и он вдруг мысленно поменялся местами с тем человеком. Это как высадка инопланетян на Землю! Попробуй-ка стать престарелым хотя бы на час, по-настоящему! И тогда ты вдруг почувствуешь, что здоровье – это уже не нормальное состояние, которое ты раньше не замечал, а недостижимый идеал! Почувствуешь, что с каждым днем ты не становишься взрослее и сильнее, а совсем наоборот! «Принять душ» – это не гигиеническая процедура, а подвиг, связанный с риском для жизни. Ты услышишь каждый телефонный звонок не с раздражением, а с радостью и замиранием сердца. Ты будешь пытаться продлить каждую его секунду, потому что знаешь, что зазвонит он в следующий раз не скоро. Ведь у того, кто звонит из другого измерения, молодого и перспективного, хотя времени и вагон, но мчится оно со скоростью света, а нужно сделать еще пятьдесят звонков, и этот звонок только один из пятидесяти... и ему все равно, что для тебя это, может быть, единственный звонок за день. Представь, что каждое свое дело сегодня ты делаешь, возможно, в последний раз. Представь, что это утро ты хочешь запомнить в мельчайших подробностях. И облака сегодня совсем уже не те, что вчера, и деревья уже другие. А старым друзьям, с которыми общался всю жизнь,

которым привык и жаловаться, и хвастаться – не позвонить. Похоронил их...

«Зачем все это? К чему эти страсти?» – может возникнуть вопрос у кого-то. А ты вернись обратно в свое измерение с новым опытом. Что ты теперь скажешь о своих вредных привычках, о том, что важнее – сходить в спортзал или попить пива, о том, на что потратить время – на унылую праздность или создание прочной финансовой основы своего будущего, как ты построишь отношения со своими детьми и будут ли они (дети) вообще. Что ты теперь предпримешь, будешь отстаивать свое мнение и во что бы то ни стало ставить свои пластинки или найдешь точки соприкосновения с любимым человеком?

А примерять на себя реальности олигархов или президентов, или какого-то своего другого недостижимого идеала – для чего? Да просто для того, чтобы почувствовать себя тем, кем ты хочешь стать, и понять, а счастлив ли ты, а то ли это, ради чего потребовалось положить столько сил и здоровья, а может, сначала надо было на экскурсию в дом престарелых... и не было бы тогда тупиковых ветвей развития.

То, что такие переходы между мирами возможны, Олег почувствовал на себе. Это уже был его личный бесценный опыт.

К сожалению, большинство людей не хотят даже слышать о каких-то «экстремальных» для них измерениях. Переходу в «параллельные миры» мешают дырки на носках, пятна на блузках, а еще чаще – пластинки под названием «а что обо мне подумают?» или «что обо мне люди скажут?», «а как я буду выглядеть?», «а вдруг не получится?», «а зачем это вообще надо?», «мне это не дано», «каждый сверчок – знай свой шесток»... «...» (как говорится, продолжи список сам!)

– Здесь очень здорово! Спасибо! – прервала размышления Олега Оксана, которая уже перешла к десерту. – Слушай! И еще, можно, я у тебя прямо спрошу? Зачем ты сказал в самом начале, что этот обед для тебя ничего не значит?

«Надо же! Как правильно поставила вопрос: не почему, а зачем», – сразу заметил Олег.

– А затем, Оксана, чтобы сразу дать тебе понять, что я встречаюсь с тобой не как ухажер, а как друг. К сожалению, у меня нет даже цели переспать с тобой. В общем, у меня нашли СПИД. И все.

Оксана посмотрела на Олега с напряжением во взгляде, словно пыталась прочитать, врет или нет. Потом напряжение сменилось на сочувствие. Она смяла салфетку в руке и проткнула ее зубочисткой.

– Жаль! А то я начала уже к тебе присматриваться... Ну ты, наверное, знаешь, это на уровне рефлекса у незамужних! Точнее – нет, очень жаль, что у тебя такая болезнь страшная. Но ты не выглядишь больным! Значит, ты здоров! По крайней мере, сейчас! – попыталась она подбодрить Олега.

– Да, и главное – жив! Посоветуй, куда мне можно сходить волонтером?

– Ты и вправду хочешь?

– Да.

– Трудно найти того, у кого ситуация еще хуже, чем у тебя. В твоём случае это только хоспис.

«Хоспис». От этого жуткого слова Олега передернуло. Место, куда привозят умирать. Без вариантов. Ну да, это и вправду хуже, чем у меня. У меня, по крайней мере, еще есть варианты.

– Олег, ты извини, что я тут со своими нравоучениями. В твоём варианте и вправду жопа.

– Перестань извиняться. Жопа – она и есть жопа. И выход из нее только один – достать оттуда голову и посмотреть вокруг. Ты абсолютно права.

– Слушай, Олег! А как так получилось? Ты все-таки употребляешь наркотики? Или ты гей? Извини. Просто я любопытная, а раз уж ты сказал, что мы друзья – друзьям доверяют все тайны. Да и тебе станет полегче.

– Нет, все-таки я не наркоман и не гей. Скажем так, случайная связь с красивой девушкой, которая оказалась ВИЧ-инфицированной. Хотя в моем случае слово «случайная» я

бы поменял на «специальная».

– Как это – «специальная»? Ты что, самоубийца?

– Выходит, что так. Она предупреждала меня. Намеками. А я так хотел заняться с ней сексом, что говорил всякую чушь, которую говорит, наверное, любой мужчина в таких случаях, типа того, что «жизнь отдам за ночь с тобой» и прочее. Вот и отдал, похоже. С отсрочкой исполнения приговора сроком на... лет.

– Знаешь, наверное, если бы все мужчины, которые говорили своим женщинам: «Я умру за тебя!» – умирали на самом деле, на земле не осталось бы мужчин!

– Да... Или пустых слов.

– Ты что, не злишься на нее?

– Иногда я готов броситься на поиски, найти ее и задушить собственными руками или посадить, благо специальная статья в Кодексе есть. Может, раньше я так бы и сделал, но за последние пару недель очень многое в моей жизни изменилось. На нее я злюсь. Но она выбрала, как ей поступать в своей жизни. Это ее правда. Это факт. За свою же жизнь и здоровье я отвечаю сам. Несу полную ответственность за все то, что приходит в нее и уходит из нее.

– Но подожди, нельзя же так категорично – полную ответственность, ты же не Бог!

– Можно, Оксана! Даже нужно! Как бы тебе объяснить... Вот, смотри, в слове ответственность – корень «ответ», так?

– Так.

– Если это ответ, то кто задает вопрос? Почему нет слова «вопроственность»? Мне кажется, что ответственность не связана с тем, кто конкретно в твоей жизни задает тебе вопрос или дает задание. Это не важно. Ответ ты всегда даешь своей жизни. Это как на экзамене. Если ты на все вопросы будешь отвечать: «Не знаю, не выучил, не успел подготовиться», – ты сдашь экзамен?

– Нет.

– Вот так и в жизни. Чем больше вопросов, на которые ты отвечаешь, точнее, в жизни это называется, за которые отвечаешь, тем более ты успешен. Но есть очень большая разница – в жизни отвечать надо не словами, а поступками. Те, кто отвечают словами, пропадают на обочине. Те, у кого на все есть готовые ответы, продвинутся в жизни не дальше, чем автоответчик.

– Поясни, – откинувшись немного назад с чашкой кофе, попросила Оксана.

Олег налил себе чаю. Зеленого с женьшенем. От настоящего зеленого чая с женьшенем во рту остается приятное сладковатое послевкусие.

– Ну вот, смотри, представь себе гипотетически, что ребенок задает тебе вопрос: «Папа, а почему бы нам не съездить в Южную Африку? Я так хочу посмотреть диких животных в саванне!», или, например, жена просит мужа переехать в новую квартиру, потому что в старой уже тесно, или тебе хочется жить как-то по-другому, лучше, интереснее, разнообразнее, дороже, и ты думаешь: «А почему бы мне не разбогатеть?», или: «Почему бы мне не стать старшим менеджером? Директором?», «Почему бы не начать свой бизнес?», «Почему бы не найти себе любовь?» – и так далее.

Оксана поежилась, видно, вспомнила о чем-то своем.

– Так вот, после любого из этих вопросов есть только два варианта ответа: один – словами, другой – поступками. Словами ты можешь объяснить все, что угодно: почему это невозможно, как несправедлив мир, или рассказывать, что ты уже на пути к цели, а можешь орать, злиться, спорить, но оставаться на месте. А можно ответить действиями: наметить себе цель и делать каждый день по маленькому или большому шагу. Причем результат будет в любом случае. Результат будет твоим ответом и в первом, и во втором варианте. Вопрос: каким он будет? Материальным или словесным? Слова – не катят. В природе слов нет вообще. Дерево растет, река течет, лев делает прыжок, райская птица танцует брачный танец, привлекая пару...

Всем природа дала кости, мясо, кожу и мозги, некоторым, как тебе, еще и красоту, –

Олег улыбнулся. – Так вот, если ты выйдешь в своем естественном виде на мороз – ты замерзнешь, если выйдешь в пустыню – сгоришь, в джунглях тебя загрызут дикие звери или умрешь от голода и жажды, если ничего не будешь делать. При этом ты можешь говорить разные слова, но все равно умрешь! Да, ты не можешь отвечать за то, что солнце палит, а мороз – морозит, ты не можешь остановить дождь, ты не отвечаешь за это. Но ты можешь одеться подобающим образом, взять пищи и воды, зонт – это будет твой ответ, твоя ответственность за собственную жизнь. Некоторые на этом и останавливаются.

Тот же, кто идет к успеху, отвечает за все большее количество вопросов и людей. Не попадает в ситуации, а создает их, не повинуется обстоятельствам, а учитывает их...

В общем, ответственность – это то, что со мной происходит сейчас. Это то, как мир ответил мне на то, что я творю в своей жизни... Что-то я заболтался! Тебе, наверное, на работу пора?

– Ой, да! – Оксана засобиралась.

– Счет, пожалуйста! – крикнул Олег официанту, стоящему неподалеку.

Официант принес счет. Олег расплатился.

Покидая корабль-ресторан, Олег более внимательно осматривал его и нашел очень много интересных мелочей, которых он раньше просто не замечал. Он любовался мельчайшими деталями морского интерьера. Он вдруг заметил, что круглые спинки стульев напоминают ему вид сверху на бочонок... на пороховой бочонок.

Распрощавшись с персоналом и поблагодарив всех за чудесный обед, Олег и Оксана вышли на набережную.

– Слушай, Олег, я уже поняла, что ты состоятельный человек, и даже не из-за ресторана и не из-за того, что ты переоделся, но не важно... Теперь не могу понять одну вещь: что ты делал у меня в магазине в таком виде и в такое время?

– Вживался в роль бродяги, – ответил Олег. Он не хотел говорить, что это было задание, иначе пришлось бы рассказывать и все остальное, а ему не хотелось.

– Ты что, актер?

– Скорее естествоиспытатель.

– И что же ты естественно испытываешь? – с улыбкой спросила Оксана.

– Я искусственно испытываю свое естество, – ответил ей, тоже улыбаясь, Олег.

– И каковы результаты опытов?

– Свобода, деньги, СПИД и ты. Хотя нет, СПИДа не было в обязательной программе, это скорее лирическое отступление от нее.

– А ты знаешь, мне кажется, нет у тебя никакого СПИДа... Это какая-то ошибка. Ты выглядишь здоровее многих.

– Я тоже говорю это себе периодически.

– Куда поедешь или пойдешь дальше?

– В хоспис.

– Ты быстрый.

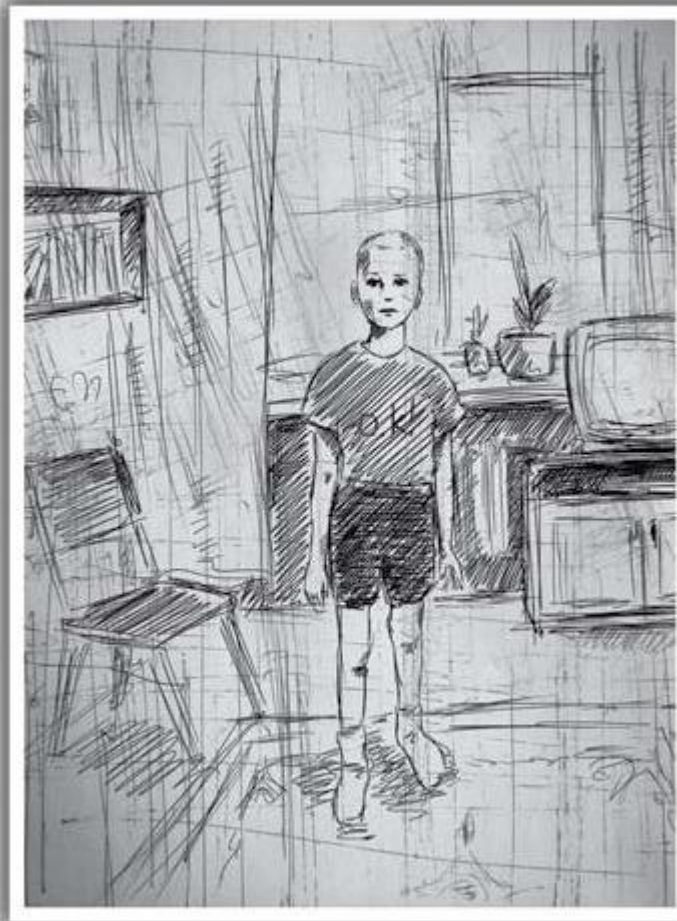
– Времени мало.

Дойдя до магазина, Олег чмокнул Оксану в щеку. Она помахала ему рукой. Он собирался уже уходить, но вдруг вошел в магазин и купил две шоколадки. Одну дал Оксане со словами: «Спасибо за прекрасный обед», вторую положил в карман пальто.

– Зайдешь еще? – спросила она.

– Зайду.

Поэт и Шахматист

Олег достал мобильник. Он решил проведать маму. «Хоть бы у них все было в порядке». Несколько гудков.

– Алло, мам, привет!

– Привет, Олеженька! Как ты?

– Все хорошо, мам! Очень рад слышать твой трезвый голос!

– Олег! Я все поняла. Можешь не переживать. Я сейчас новую работу ищу. Виктор грезит о трубке. Я его постригла. Он побрился. Разобрали там кое-что из вещей. Все хорошо.

– Здорово! Подарки на днях завезу.

– Мне кажется, у тебя немного голос грустный. Что-то случилось.

От матери ничего не скроешь.

– Мам, есть проблемы, но я их решаю. В рабочем порядке. Да, я тут в отпуск собрался съездить, отдохнуть.

– Вот и правильно! А то все работаешь да работаешь! Один едешь? – мама спросила это спокойно, но он тоже почувствовал в ее голосе нотки страдания.

– Да мам, пока один. Есть варианты. Но пока не хочу говорить...

– Ой, ну ладно. Так хочется с внуком помянчиться!

– Да. И мне хочется, чтобы ты с внуком помянчилась! Ты даже не представляешь, как хочется!

– Вот и хорошо! «Если долго мучиться...»

– «...что-нибудь получится». Знаю, мам. Хотя хотелось бы не мучиться.

– Ну ладно, сыночек, не буду тебя отвлекать, ты, наверное, занят как всегда.

– Да нет, не очень, но есть дела.

– Ну пока, целую! – Они так говорили между собой, с деревенским акцентом.

– Целую!

Олег достал коммуникатор и вошел в Интернет. Набрал в Яндексе «детские хосписы», выбрал один из них и направился туда.

Директор хосписа – женщина с глазами вечной матери, по имени Светлана, средних лет, приятной полноты, одетая в простое синее платье в белый горошек, была очень рада видеть Олега. Она приняла его в небольшом кабинете, увешанном детскими рисунками и уставленном детскими поделками. Под этим пестрым слоем мебели было практически не видно, хотя ее силуэты читались. Она села в кресло и пригласила Олега присесть за стол напротив. Олег сел и начал разговор.

– Светлана, мне бы хотелось как-то помочь вашему учреждению...

– Вы хотите оказать нам спонсорскую помощь?

– И спонсорскую тоже. Но для меня это не главное. Я бы хотел побыть волонтером.

– Это так неожиданно. У нас в основном студенты волонтерами приходят или буддисты, или очень воцерковленные люди. Вы по каким соображениям?.. Вы поймите – это не праздное любопытство. Просто у нас все пациенты, наши детки, у них и так психика очень травмирована из-за того, что им пришлось пережить. С ними не просто общаться бывает. Но самое главное – не нанести им травму еще более тяжелую каким-то неправильным словом. Еще не хотелось бы, чтобы ребенок привязался, а вы потом куда-нибудь пропадете. Они потом скучают очень сильно, сильнее, чем обычные дети, понимаете? Какова ваша причина и цель?

– Все очень просто. Несмотря на мой молодой цветущий вид, у меня обнаружили смертельную болезнь. Я не знаю, сколько мне осталось...

– Не объясняйте дальше... Я поняла... Вы тоже – одна из категорий. Правда, редкая. В основном люди прячутся в таких случаях. Ну, хорошо, выбирайте, кого вы хотели бы навестить и, возможно, подружиться?

– С кем-то, кому очень плохо, с кем не могут общаться другие. Но при этом, чтобы с ним можно было бы говорить, то есть не очень маленького.

– Вам, наверное, подойдет Кеша. Иннокентий. У него рак. Он очень замкнут. Никогда не улыбается. Но глаза у него очень мудрые. Он еще стихи пишет, правда, тоже грустные, и в шахматы играть любит.

– Да, я хочу с ним познакомиться. Он в хосписе?

– Нет, он сейчас дома, сюда приезжает только периодически, на курсы терапии. Он живет с мамой в однокомнатной квартире. Недалеко отсюда. Адрес запишете?

– Да, конечно. А что он любит? Что ему привезти?

– Шоколадку, он их очень любит. Это даст вам фору минут на десять. Если за эти десять минут вам не удастся его разговорить – значит, у вас не получилось. Не переживайте из-за этого. Он даже со мной не общается, только с мамой, и то редко. Пишите адрес и телефон. Заранее позвоните, предупредите маму, ее зовут Полина Сергеевна.

Олег записал.

– Спасибо!

– Вам спасибо! Держитесь!

Выйдя из здания, Олег набрал номер. Ответила женщина с очень уставшим голосом. Он прямо физически почувствовал эту усталость.

– Полина Сергеевна! Здравствуйте!

– Здравствуйте!

– Это Олег беспокоит. Я волонтер. Мне в хосписе дали ваш телефон.

– По голосу вы на студента не похожи.

– А я и не студент.

– Это хорошо, а то от них толку мало.

– Я хотел бы навестить Кешу.

– Когда?

– Сейчас, если можно.

– Хорошо, приходите.

Через пятнадцать минут Олег был на месте. Обычная «хрущевка». Домофон. Не работает. Третий этаж. «Интересно, как тут гулять с ребенком-инвалидом, без лифта?» Старая «картонная» дверь с цифрой 16, выкрашенная в коричневый цвет. Звонок.

Дверь открылась. На пороге в спортивном костюме стояла женщина лет сорока с седыми, но слегка покрашенными в рыжий цвет волосами. Худая. Уставшая. Морщины изрезали ее лоб и шею, и... руки. Натруженные руки, покрытые сеткой морщин, как сдувшийся шарик. Руки были гораздо старше, чем она сама. Наверное, для них год шел за два. Испытующие серые, почти прозрачные глаза.

В нос сразу ударил запах лекарств и больницы. Его так непривычно было ощущать в домашней обстановке. Очень скромной обстановке. Неизвестно, сколько в Питере еще таких квартир, но скорее всего очень много. Время в них словно остановилось. Тумбочка и зеркало в прихожей. Круглый плафон. Ковровая дорожка...

– Бахилы дать?

– Нет, я разуюсь.

«Даже бахилы есть, сколько же народу сюда ходит!» Олег разулся. Его немного трясло. Он и понятия не имел, о чем сможет поговорить с мальчиком. Из коридора дверь вела в комнату. Она была открыта.

На кровати сидел мальчик. В серых шортиках и красной футболке с надписью «О.К.!» У него почти не было волос. Не потому, что он был побрит налысо. Он был пострижен под машинку, но оставшиеся волосы производили впечатление пушка. Еще бросилось в глаза, что он очень худой и маленький. На вид ему было лет шесть-семь. На всей поверхности его кожи, и даже на голове, тут и там виднелись очаги язвочек.

Олег встретился глазами с ребенком. Это не были глаза ребенка. Это были глаза взрослого человека, очень взрослого.

– Привет, я Олег!

Олег протянул ребенку руку. Маленькая, худенькая, почему-то очень сухая, почти что шершавая, ручка потянулась навстречу. «Какая же она холодная и тонкая», – подумал про себя Олег. Он не стал жать ее сильно, боясь сделать ребенку больно.

– Я Кеша, мне десять лет, у меня рак...

– Кеш, я не доктор и не спрашиваю у тебя диагноз. Я не буду колоть тебе уколы и давать таблетки. Я принес тебе шоколадку.

Олег улыбнулся и дал шоколадку, которую держал в другой руке.

– Спасибо! – сказал Кеша, не улыбувшись.

– Можно, я присяду рядом с тобой? – спросил Олег, показывая рукой на место на диване рядом с мальчиком.

– Возьми, пожалуйста, стул. Мне так будет лучше тебя видно. – Кеша показал рукой на стул, стоящий возле лакированного стола из темного дерева, обычного раскладного советского стола.

Олег поставил стул и сел на него. Он пробежал взглядом по комнате: поблекшие обои голубовато-серого тона с растительным рисунком. Стенка, писк моды восьмидесятых, книжные полки, телевизор на тумбочке, DVD-плеер, диски, ковер на стене и ковер на полу, цветы на подоконнике, на стене – картина с кораблем. Продолжение декораций застывшей эпохи. Если бы не DVD и диски – это могло бы все быть ровно таким же и десять, и двадцать лет назад. Разве что телевизор был бы другой. Единственное, что выделяло эту квартиру – это тот самый больничный запах и мелочи, бросающиеся в глаза: баночки с таблетками, коробка с лекарствами, штанга для капельницы, упаковки шприцов и ваты. Все это настолько давило на Олега, что он почувствовал у себя легкое головокружение и слабость. «Какая чудовищная атмосфера. Находиться в ней изо дня в день – уже само по себе смертельно опасно!» – пронеслось в голове Олега.

Кеша внимательно следил за Олегом.

– Мрачновато у нас, да? Это потому, что все деньги мама тратит на лекарства. Она

говорит, что вылечит меня и сделает ремонт. Но я-то знаю, что не вылечит. Моя болезнь не лечится.

– Иннокентий! Я вижу, ты взрослый и серьезный мальчик. Я хотел бы тебя кое о чем попросить.

– О чем? – испытующе посмотрел Кеша.

– Давай договоримся, что не будем говорить о твоей болезни вообще. Я понимаю, это тебе непривычно, но понимаешь, болезнь постоянно борется с твоим здоровьем. Если ты думаешь о здоровье, о чем-то хорошем, ты помогаешь здоровью, если ты думаешь и говоришь о болезни – помогаешь ей. На чьей тебе хочется быть стороне?

– Здоровья, конечно. Я знаю. Мне об этом говорил психолог – Эдуард Львович. Он еще говорил про позитивное мышление и положительные эмоции. У тебя есть что-нибудь еще, что ты хотел бы сказать?

Олег почувствовал, что мальчик отстранился. «Должно быть, у него уже иммунитет на эти слова. Они уже не выражают собой никаких образов. Надо что-то конкретное».

– Давай сделаем ремонт в вашей комнате! – внезапно произнес Олег то, что действительно хотел сказать.

– Я же тебе говорю, у мамы нет денег на это! – обиженно произнес Кеша и посмотрел на Олега укоризненно.

– Знаешь, я состою в одной комиссии, ты знаешь, что такое комиссия?

– Шутишь? – еще более укоризненно посмотрел Кеша.

– Хорошо, что знаешь. В общем, мы проводим конкурс на лучший дизайн-проект комнаты среди детей. Ты, конечно же, знаешь, что такое дизайн-проект? Несомненно знаешь! Так вот, лучший проект будет воплощен в ремонте. Хочешь поучаствовать?

– Это как квартирный вопрос? А по телевизору покажут? Мне бы очень хотелось, чтобы по телевизору показали! – видно было, что Кеша оживился.

– Ну да, типа того. Насчет телевизора не знаю. Надо сначала в конкурсе победить!

– Мама мне говорила, что все конкурсы куплены, надо давать эту, взятку, чтобы победить. Дело проигрышное! – Кеша отвернулся.

– Подожди, а ты участвовал уже в каких-то конкурсах сам?

– Нет. Хотя... участвовал. В чемпионате по шахматам. В хосписе. Я выиграл! У меня даже грамота есть! Хочешь, покажу?

– Конечно, хочу!

Кеша слез с дивана и пошел к книжным полкам. На одной из них красовалась грамота. Он принес ее Олегу и с гордостью передал ему в руки. Олег внимательно прочитал.

– И что? Этот конкурс купил ты?

– Нет, что ты! – серьезно и слегка обиженно произнес Кеша. – Тут все по-честному было! Я хорошо играю!

– Ну вот, видишь! Значит, не все конкурсы куплены! Правда?

– Значит, не все, – с удивлением признался Кеша.

– Вот и у нас все по-честному будет. Я за этим прослежу!

– Это хорошо, что по-честному!

Кеша начал ходить по комнате взад и вперед, смотря то на стены, то на потолок. Он прищуривал глаза и что-то шепотом проговаривал.

– А много еще детей участвует в конкурсе? – вдруг спросил он.

– Человек сто! – не раздумывая, ответил Олег.

– О! Блин! Бесперспективняк! Точно не выиграю! Найдется кто-то, кто рисует здорово – и все! Я-то не очень хорошо рисую!

На глазах Кеша навернулись слезы. Он сел, ссутулившись, на диван, и обхватил голову руками. Стал чесывать тело. Надо было как-то спасать ситуацию.

– Кеша! У меня есть хорошие новости! Конкурс состоится не завтра, а через неделю! У нас будет время подготовиться получше. Мы найдем художников, которые научат тебя рисовать, и твои шансы резко возрастут! Кроме того, запомни очень важную вещь:

«Сдаваться всегда рано!» Надо бороться до конца! Как только ты сдался – ты проиграл! Вот у тебя в шахматах были сложные ситуации?

– Конечно! Не раз! Как-то я играл с мальчиком, которому четырнадцать лет! И он несколько раз ставил мне шах!

– И что ты делал?

– Думал и ходил.

– И кто выиграл?

– Ну я, конечно! – Кеша с гордостью и немного снисходительно посмотрел в глаза Олега. – А ты сам-то умеешь в шахматы?

– Немного умею. Вроде, помню, как кто ходит, но давно не играл, может, и забыл уже.

– Ладно. Я тебя поучу немного.

– Отлично! Договорились! Только ответь мне на один вопрос: что бы было, если бы ты сдался в той игре?

– Проиграл бы, конечно!

– Вот видишь! И тут – то же самое! Надо думать и ходить, а не сдаваться! Ты же чемпион!

– Да. Хорошо! Я буду участвовать! Что надо делать?

– Для начала эскиз. Ты же знаешь, что такое эскиз.

– Слушай, Олег, я очень много книг прочитал и энциклопедию. У меня много книг дома, ты же сам видишь. И я много читал. Мне это нравится. Мне еще очень нравится гулять, но гулять я долго не могу. А вот читать могу сколько угодно! Никто не запрещает! А еще у меня словарь есть толковый. В нем я смотрю слова, если мне что-то непонятно.

– Классно! И какие последние слова ты смотрел там?

– Вот, например, «эзекуция» – это когда пытаются, я в одном рассказе прочитал, а еще «конспирация» – это когда нужно все делать тайно, «экспроприация» – это тоже из истории, когда что-то отнимают. Ну, в общем, словом «эскиз» ты меня точно не удивишь – это как бы предварительный рисунок чего-то. Я сделаю эскиз. А на каком формате? Ты же знаешь, что такое формат? – прищурился, спросил Кеша.

– Да Кеш, конечно, знаю! Это размер бумаги!

– Вообще-то не только, ну в этом случае так.

– Формат А-3.

– Есть у меня такие листы. А чем?

– Карандаш, краски, что хочешь, не важно.

– А можно, я маме расскажу?

– Валяй!

Кеша убежал на кухню. Олег выдохнул. «Вроде получилось! Теперь осталось найти художника, провести занятие, потом все остальное. Десять минут давно прошло! Значит, у меня получилось!» Олег был очень горд собой. Наверное, даже больше, чем после успешных переговоров с иностранцами. Маленький, но очень и очень важный для него человек принял его дружбу!

– Олег! Можно вас на минуточку! – раздался слегка напряженный голос Кешиной мамы.

– Да, конечно! – Олег встал и подошел к ней.

– Кешенька, посиди пока здесь, мне нужно кое-что у дяди Олега уточнить про условия конкурса. Пойдемте на кухню, Олег!

Олег прошел на кухню. Маленькая кухонька. Белая кухонная мебель, которая приобрела уже оттенок слоновой кости, а кое-где и землисто-желтый. Белая мойка с отколотой эмалью. Незамысловатая посуда. Кастрюля на столе с бурлящим куриным бульоном.

– Олег, что за конкурс? Светлана мне ничего не рассказывала! Да и если он есть, зачем давать пустую надежду, все равно победим не мы! Кешка так обрадовался! Даже улыбнулся! Представляете, какое будет у него разочарование, когда выяснится, что он проиграл! Зачем

же вы так? Что же вы со мной-то не посоветовались! Хуже студентов!

Было видно, что она готова заплакать.

– Полина Сергеевна! – Олег взял ее за руку. – Успокойтесь! Почему же вы сразу так все нарисовали мрачно! Неужели вас только и делают, что обманывают?

Полина Сергеевна подняла глаза на Олега.

– А что, вы сможете как-то повлиять на мнение жюри?

– Полина Сергеевна! – Олег перешел на шепот. – Этот конкурс придумал я. Только что. Когда понял, что можно сделать для Кеша, чтобы он был счастливее. Я и жюри, и организатор, а Кеша – единственный участник!

– Это все замечательно! А как я сделаю ремонт по его эскизам? Вы знаете, сколько это стоит? Мне не достать таких денег. Придется в хосписе просить!

– Да подождите же вы! – Олег слегка дернул за руку разволновавшуюся мать. – Дослушайте! Я найду рабочих и выделю деньги на ремонт! – продолжал он шепотом, после чего громким голосом сказал: – Конечно, будет сложно! Участников много! Есть и талантливые художники! Но мы сделаем все, чтобы помочь вашему сыну победить! Я сделаю все, что могу, и вы поможете! Договорились?

– Договорились! – громко сказала Кешина мама, а шепотом произнесла: – Я надеюсь, вы понимаете, что делаете, и рассчитали свои силы. Так вы не волонтер, а меценат?

– Два в одном! Точнее, три. Еще к тому же, возможно, будущий пациент хосписа, – довольно тихо произнес Олег.

– Да вы что?! Как же так? Что у вас? Тоже рак?

– Давайте не будем о моих болячках. Давайте вообще не будем о болячках.

– Но это не заразно? У Кеша слабый иммунитет.

– Не волнуйтесь. Не заразно в быту. Как говорят врачи.

– Хорошо. Спасибо. Я доверяю вам. Не подведите, пожалуйста! Я вас очень, очень прошу! Если вы не уверены в своих силах, лучше скажите сейчас, я еще смогу как-то переиграть.

– Не надо ничего переигрывать. Доверьтесь.

– Храни вас Бог!

– И вас!

Последние фразы были сказаны ими вполголоса, но отпечатались в сознании Олега, как крик.

Олег вернулся в комнату. Кеша уже сидел за столом и рисовал. Это был уже не первый лист бумаги. Кеша старательно что-то выводил и раскрашивал карандашами. Услышав, что вошел Олег, он обернулся и произнес:

– Эскизов должно быть много, чтобы из них выбрать самый-самый лучший. Ведь так?

– Да, конечно! Рисуй много! Я не буду тебя отвлекать. Я пока поищу художника, который тебе поможет развить свои способности. Как только найду – позвоню! Хорошо?

– Да, да, Олег! До свидания! – Кеша подбежал и подал Олегу свою руку.

Олег бережно пожал ее. Ему показалось, что на лице у Кеша возник намек на улыбку. Пока только намек. Но он обязательно научит его улыбаться!

Олег распрощался с Кешинной мамой. Она не сразу закрыла после него дверь. Было ощущение, что она смотрит ему вслед.

– Вы забыли снять бахилы! – услышал ее голос Олег, когда прошел уже два пролета.

«Дежа вю», – подумал Олег. Он снял бахилы и выкинул их в урну возле парадной.

Полет Шмеля

«Еще день. Уже много чего сделано. И еще куча времени. Где же мне найти художника? Надо позвонить Анне!» Анна, его давнишняя подруга, имела небольшой арт-салон на Васильевском и проводила мастер-классы, куда приглашала и его, но ему все было как-то недосуг. Олег, не садясь в машину, набрал ее номер.

– Анна, здравствуй!

– О, привет, Олег, каким судьбами? Опять идешь на день рождения и нужна открытка сорок на пятьдесят?

– Нет. На этот раз все еще запущенней. У тебя есть кто-то, кто сможет провести мастер-класс для меня и еще одного мальчика?

– Мы разве столько лет не виделись, что ты успел завести ребенка, и я об этом ничего не знаю? – засмеялась Анна.

– Я по ускоренной программе. Экстерном. Ребенку уже десять лет. Ну, а если без шуток – это мой друг. А если еще точнее – это очень больной ребенок, которому нужно помочь научиться рисовать.

– Что ж... молодец. А второму ребенку?

– А второму ребенку тоже не мешало бы попробовать себя в чем-то новом.

– Понятно! В субботу сможете прийти? В два?

– Я точно смогу. Узнаю у... друга и, если будут какие-то коррективы, то перезвоню... Да, а что с собой брать?

– Ничего. Оденься попроще. Джинсы какие-нибудь, которые не жалко испачкать, и футболку.

– Спасибо! До встречи!

– Пока!

Олег набрал номер Полины Сергеевны.

– Полина Сергеевна! Еще раз здравствуйте! Полина Сергеевна, я бы хотел в субботу забрать Кешу, где-то в час, часа на три. Это возможно?

– Олег! Я только что вас узнала! Я и предыдущие новости не успела переварить, а вы мне уже с новыми звоните! Да что же это такое? Да как же так быстро?

– Полина Сергеевна! Это не новости, во-первых. Я вам уже говорил, что нужно будет провести подготовку к конкурсу, а во-вторых, вы считаете, что торопиться некуда?

Пауза в трубке. «Не слышит? Плачет? Отключилась?»

– Вы как-то ворвались в нашу жизнь. Как-то слишком напористо, – ответила Кешина мама спустя минуту. – Я все понимаю, вы хотите помочь. Но зачем его увозить куда-то? Нельзя пригласить на дом преподавателя?

– Полина Сергеевна, он и так проводит дома слишком много времени! Вы думаете, ваши стены лечат? Извините, но мне так не показалось...

– Может, вы и правы. Не лечат. Но я поеду с вами. Вдруг что!

– Хорошо. Но только у меня к вам будет просьба. Я бы хотел, чтобы вы посидели где-то рядом, в ресторанчике. Мне, кажется, вам нужно друг от друга отдохнуть.

– Я ни разу его не оставляла. С чужим человеком. Это все очень неожиданно. Я не знаю. Я подумаю.

– Хорошо, в субботу в час я у вас!

– Приезжайте. Посмотрим, конечно, как он себя чувствовать будет. У него разные дни бывают...

– Этот день будет хорошим. Вы ему скажите заранее, хорошо?

– Хорошо. До свидания, Олег.

Эти новые вопросы так захватили его мысли, что не осталось места для жалости к себе. Он увидел действительно больного человека, ребенка, который прожил в три раза меньше его и уже готовится умереть. Ребенка, который большую часть времени провел в своих серых стенах либо в больничных. Ребенка, для которого уколы, таблетки, капельницы и боль стали нормой жизни. Ребенка, который не умеет улыбаться. «Так о чем горевать мне! Мое положение гораздо более выгодное с любой точки зрения! И пожил я подольше, и будущее, возможно, не так уж беспросветно... Права была Оксана! Как полезно бывает вытащить голову из собственной задницы!»

Олег сел в машину. Завел двигатель. «Как там, интересно, дела в конторе?» Набрал номер Валеры.

– Валера, привет! Ну что? Справляешься там?

– О, привет! Да, спасибо! Вхожу в курс дел.

– Вопросы, сложности есть?

– Да пока вроде все понятно.

– Как настроение в коллективе?

– Все работают. Ничего особенно не изменилось. Ксюша, конечно, расцвела. Артур при деле. Важный такой стал. Но трудится за двоих, еще и других подгоняет.

Да, еще все фантазируют по поводу завтрашнего маскарада. Спрашивают, куда подъезжать и какая тема будет.

– Ну, это я попозже скажу. Пусть не ограничивают себя темами. Приз будет за самый безбашенный костюм.

– Ну, я в общем так и понял. А вообще все в порядке, если будут вопросы – я позвоню.

– Ну и отлично! Пока.

Олег вдруг понял, что совсем не занимается организацией завтрашнего маскарада. Настало время подумать и над этим. Снимать какой-то ресторан или клуб и вариться в собственном соку – наиболее понятно для всех, безопасно, просто и... неинтересно. Хочется растормошить немного уставших юристов. Олегу пришла в голову одна мысль...

Он остановился у первого попавшегося по дороге приличного кафе, заказал там кофе, зашел в Интернет, затем сделал пару звонков и остался доволен своим планом. Он стал оглядывать помещение кафе, людей, сидевших за столом, официанток и барменов.

Это было ничем не примечательное кафе. Таких тысячи. Еще тысячи – гораздо лучше. Олег вдруг понял, в чем отличие «обычных» кафе от «хороших». «Хорошее» кафе или ресторан, не важно, стремится найти свою «изюминку» и создать какое-то особое место, наполнить его своей энергетикой, рассказать свою «историю», заставить людей говорить об этом, рассказывать друг другу. Для кого-то поход в такое место, возможно, будет

единственным ярким событием за год, и он будет рассказывать об этом всем, привлекая туда новых «искателей приключений». Кто-то ходит в «хорошие» места, чтобы создавать у себя нужное настроение, подчеркивать свой статус, убеждать себя в своем статусе, сказать себе «я могу», или «я уже могу!», или «я все еще могу!» За эти ощущения, эмоции, статус платит человек самые хорошие деньги. Это самый дорогой товар. Это часть декораций спектакля под названием «Успех».

Но всегда ли успешны актеры, играющие в спектакле под названием «Успех»? Внешне – да. Ведь все есть: и декорации, и грим, и костюмы, и хорошо выученная роль. А что внутри? Засыпает ли этот актер в объятиях своей любви и с благодарностью за еще один прожитый день? Слышит ли он смех и благодарность своих детей? Просыпается ли он с утра с улыбкой и мыслью: «Ну вот, еще один восхитительный день!»? Восхищается ли он теми деталями и изысками интерьера, которые с таким старанием и душой продумывали дизайнеры? Если «нет» является ответом на большинство этих вопросов, остается только одно – декорации. Они должны быть безупречны. Играть успешность и быть успешным – не одно и то же, но как часто зрители ассоциируют актера с его героем...

«Обычные» кафе на самом деле не призваны создавать настроение и быть особенными, хотя могут и стараться делать это. На самом деле их задача в другом. Это словно нейтральные пункты на картах жизни большинства людей. Они призваны вырвать человека из его времени, из его проблем, из его мест обитания и поместить в место, где ничего нет: ни времени, ни проблем, ни пространства. Одинаковые напитки, вывески, названия блюд, официанты... Если возить человека по таким кафе, ресторанчикам и барам по всему миру с завязанными глазами и развязывать их только в заведениях, показывать ему меню только на одном языке – он никогда не поймет, в какой стране мира он находится. Догадаться можно будет только по людям. Они везде немного разные, но большинство из них предпочитают периодически пропадать в этих «порталах» без времени и пространства. Так было и сто лет назад, так будет и через сто лет. Люди в этих «порталах» смогли бы легко общаться независимо от века, в котором они живут. Проблемы в личных взаимоотношениях, в работе – всегда одни и те же. Просто чем больше времени ты попадаешь в этой «пустоте», тем больше сам становишься ею. В один «прекрасный» день ты можешь понять, что способен жить только в ней, но беда в том, что жизни там нет, и нет ничего, что нужно для жизни...

Можно радоваться прекрасным дизайнерским и кулинарным изыскам, а можно побыть наедине с самим собой в «нулевой» точке. Не важно, в каком из мест находишься ты, главное – не отождествлять себя ни с тем, ни с другим.

Все это сложилось в голове Олега как ответ на вопрос: «Почему сейчас ему так комфортно даже в этой забегаловке?» Может, потому, что Михаил дал ему возможность приобрести опыт, как не отождествлять себя со своей одеждой и внешним видом, а это как-то перекинулось и на другие сферы его жизни. Может быть, это и есть то, что называется «самодостаточностью»? А может, дело в том, вопросы какого уровня решаешь ты в этот период? Если озабочен мелочевкой – любая мелочь будет иметь значение и менять настроение, если же, осознавая ограниченность своего существования, ставишь себе вопрос: «Что я хочу сказать своей жизнью этому миру?» – все остальные детали перестают иметь значение.

Олегу вдруг захотелось поделиться своим состоянием, своей радостью, передать это кому-то. Он позвал официантку. Подошла девушка лет восемнадцати, худенькая, с каре на голове и усталостью в глазах. Он прочитал ее имя на бейджике: «Валя».

– Валя! Ты знаешь, какой сегодня день?

– Извините. Вы имеете в виду день недели или число?

– Нет, какой это день для тебя?

– Обычный день. Рабочий, – пожав плечами, ответила Валя.

– Нет, Валя, это не так! Сегодня лучший день в твоей жизни!

– Почему это? Вы мне что, угрожаете? Я сейчас позову охрану! – Валя стала искать глазами охранника.

– Да нет, что ты, наоборот! Я сейчас объясню! – поспешил ответить Олег, искренне улыбаясь. – Вспомни что-нибудь хорошее из прошлого!

– Допустим, вспомнила, – на секунду посмотрев в потолок, ответила Валя.

– Так вот, где оно? Ну, то, что ты вспомнила?

– У меня в воспоминаниях.

– А в реальном мире – это есть? Это можно потрогать?

– Уже нет.

– Хорошо, а у тебя есть мечты?

– Конечно!

– А где они?

– В будущем!

– Ты можешь туда попасть?

– Нет, конечно.

– Вот отсюда и получается, что счастье может быть только сейчас. Может, оно и происходит от слова «сейчас». А получается, что несчастный человек – это человек «не сейчастный», то есть тот, кто не живет этой минутой, этим днем, а находится где-то в прошлом или в будущем... а их нет. Поэтому сегодня, сейчас – самый лучший день в твоей жизни, вопрос – понимаешь ты это или нет и что ты делаешь для того, чтобы это было так. Лучшего времени, чем «сейчас», все равно нет и не будет.

– А чему же мне радоваться сейчас? Работы неприлично много, а денег неприлично мало... Клиенты все какие-то нервные, а начальство дергает за каждую мелочь.

– Ты спрашиваешь у меня? Я не знаю. Ты это сама должна для себя решить. Вот просто представь, что ты тонешь на «Титанике», появляется Бог и говорит: «Я спасу тебя, но ты до конца жизни будешь работать официанткой!» Ты бы обрадовалась такому шансу? Считала бы себя счастливицей?

– Да, наверное, считала бы!

– А тут еще, прикинь, до конца жизни официанткой работать не придется, если не захочешь. Вообще лафа! Да?

– Да, вы, наверное, правы, спасибо! Я побежала к клиентам!

– Хорошего тебе дня и чудного вечера!

Валя побежала к столику, где ее уже ждали. На лице у нее появилась улыбка. Клиенты шутили и заигрывали с ней. Она обернулась к его столику и подмигнула. Он ответил ей кивком. Заплатил по счету, оставив хорошие чаевые, и вышел.

Управляя машиной, Олег прислушивался к своим внутренним ощущениям: есть ли какие-то изменения, свидетельствующие об ухудшении здоровья? Он их не почувствовал. «Может, все обойдется? Ведь есть исключения. Вот, например, майский жук летает, нарушая все правила аэродинамики, но не знает этого и летает себе дальше!»

Перебегая по волнам автомагнитолы, он услышал «Полет шмеля» Римского-Корсакова. «Не майский жук, конечно, но тушка тоже не стрекозиная».

Публичные Шалости

Полдня Олег потратил, готовясь к карнавалу. Он не стал всецело полагаться на энтузиазм сотрудников компании – ведь это была его идея, поэтому он сделал запас из костюмов. Здесь ему пригодилась его знакомая актриса Юлия. Она подсказала ему нужные телефоны, и через пару часов он грузил в свою машину коробки с костюмами. Для себя он выбрал костюм Бэтмена.

Потом он заказал небольшой автобус для сотрудников и сообщил Валере, что к шести часам автобус будет стоять у входа в бизнес-центр.

По ходу дела он обзванивал своих друзей и дальних родственников, которым давно уже не звонил, желал им хорошего дня и чудесного настроения. Судя по тому, как многие из них реагировали, раньше они явно не воспринимали его как человека, несущего позитив. Это

было даже забавно.

Маме он тоже позвонил. Был очень рад, что она держит свое слово. Почему-то очень хотелось позвонить Кате, а если точнее, не позвонить, а увидеть ее. Он решил, что обязательно заедет к ней в понедельник или во вторник. Что ни говори, а такой внутренней близости, как с ней, у него еще не было ни с кем. Он вспоминал, как они гуляли, как дурачились, как называли друг друга. А их ссора теперь казалась ему лишь глупым упрямством. Каким счастьем было бы воспитать с ней общего ребенка! Почему, почему такие простые вещи становятся такими невозможными из-за глупых ошибок?

Еще он звонил Кеше. Тот сделал уже двадцать эскизов и очень ждал завтрашней поездки к художнику.

Все-таки так непривычно быть свободным. Ехать на машине без пробок. Не ждать судорожно счет в ресторане. Не просыпаться по будильнику. Не срывать куда-то, потому что надо. Время идет медленней, чем обычно, но при желании успеваешь сделать больше, потому что не тратишь его на уговаривание себя, а также на «настрой» в виде бесконечных чашек чая или кофе. Осталось только понять, что делать с этой свободой дальше. Имея деятельный характер, Олег терпеть не мог пустой праздности. Хорошо, что пока еще дел было достаточно. А что дальше? Он нашел много времени для жизни. Теперь осталось понять, что для него «жизнь».

К половине шестого он подъехал к бизнес-центру. Автобус уже стоял. Он перенес туда коробки с костюмами. Переделся в автобусе в Бэтмена и сел рядом с водителем. Как выяснилось, его звали Гена.

– Гена, дружище, давай ты оденешь котелок, а то я весь при параде, а тебе, наверное, грустно в штатском?

– Нет, нет, что ты?! – замахал руками водитель, словно защищаясь от нечистой силы. – Это в мои обязанности не входит! Мне за это не платят – в котелки наряжаться!

– Неужели не хочется раскрасить этот предвыходной день чем-то необычным?

– Во-первых, завтра я работаю, во-вторых, зачем я буду ездить в котелке, как дурак, а в-третьих, я и сам найду, как, что и чем мне красить! – Гена явно был горд своей речью. В свои лет сорок он выглядел чересчур серьезно.

– А если я тебе тыщу доплачу?

Гена явно прикинул что-то в уме.

– Полторы тыщи. Цена моего позора полторы тысячи.

– Договорились!

Геннадий напялил на себя котелок. Посмотрелся в зеркало. Поморщился. Плюнул в окно и сложил в карман две хрустящие бумажки. Появившиеся на его лице на минуту эмоции снова затухли. Гена напомнил ему одного из героев фильма «Экзистенция», который, несмотря на всю свою внешнюю реалистичность, мог реагировать только на вопросы, на которые был запрограммирован. Нет, ну Гена, конечно, более прогрессивный.

– Ген, а фрак накинешь? А я еще пятьсот добавлю!

Гена снова ожил.

– Давай, все равно уже позориться, а лишние деньги не помешают.

Олег сходил и принес из коробки фрак. Гена снял водительскую замшевую куртку и одел фрак. Конечно, не хватало белой рубашки с жабо, но ее в костюмах почему-то тоже не было.

– Ген, а голышом ты за сколько согласился бы управлять автобусом?

– Ты что, серьезно? У тебя денег не хватит!

– Нет, ну чисто теоретически.

– За миллион бы, наверное, согласился. Что там? Час позора – и дачу достроил бы.

– Да, жаль, что за это никто не платит.

– Жаль. Пятихатку не забудь.

Олег сидел и улыбался. У него не было привычки транжирить деньги. Ему хотелось

просто создать соответствующее настроение у сотрудников прямо с порога автобуса.

Гена заработал две тысячи, но остался точно таким же, каким был и пять минут назад. «Делай то, что делаешь, и будешь иметь то, что имеешь», – вспомнил пословицу Олег. Ему стало немного обидно за Геннадия. Конечно, можно говорить все, что угодно. О несправедливости мира, о предначертанности судьбы. Но вот – живой пример. Почему мне «не в падлу» было одеться бомжом и совершить для себя какие-то интересные открытия, а ему цивилизный котелок одеть представляется возможным только из жадности? Может, поэтому я управляю бизнесом, а он – автобусом?

– Гена, а ты хотел бы изменить свою жизнь?

– От добра добра не ищут.

– Ты хоть знаешь, что эта пословица означает?

– Мой отец был водилой, и дед был! И все всегда сытые были. «Баранка всегда прокормит!» – батя говорил. Опять же, к трезвости обязывает. У меня уж знаешь, сколько приятелей спились, а я держусь. Может, иногда и хочется чарочку, но нельзя! Дисциплина! Руль обязывает! Я лучше лишнюю халтурку возьму, да лишнюю юбку дочке куплю. А все перемены – от них одна беда. Бесовство это все!

– Хороший ты мужик, Гена! Правильный! На таких, как ты, Россия еще держится! – совершенно искренне сказал Олег.

«Не всем же быть юристами и директорами. Кто-то должен и хлеб печь, и автобусы водить. Другое дело – если ты водишь автобус, а хочешь быть кинорежиссером – тогда беда. Мысль-слово-действие – одна линия, – снова вспомнил Олег. – Еще вопрос – действительно ли ты хочешь водить автобус или убеждаешь себя в этом? Или просто боишься попробовать что-то еще? Честным нужно быть, прежде всего, с самим собой. А как это проверишь? Наверное, по внутреннему ощущению. Если тебе приносит радость то, что ты делаешь, если ты постоянно находишь что-то новое и интересное в этом, чувствуешь, что это твое призвание, и люди это тоже замечают – путь верный. Да, пожалуй, ключевое слово – «радость».

Стук в дверь автобуса прервал размышления Олега. Часть его сотрудников стояла возле двери, остальные выходили из здания. В руках у всех были большие пакеты. «Подготовились! Молодцы», – подумал Олег и распахнул свой бэтменский плащ. Он улыбался, предвкушая реакцию сотрудников. Дверь автобуса открылась, первым делом в него вошла некурящая часть сотрудников, остальные остались докуривать.

Тепло здороваясь с каждым, Олег замечал удивление на знакомых лицах. Пришли все. Артур был единственный, кто пришел уже в костюме. Он был в костюме мушкетера. Ему это шло, и он явно испытывал кураж от этого. «Лишний раз понимаю, что не ошибся в выборе. Смелый парень. Далеко пойдет. А ведь я его чуть не уволил». Последним зашел Валера. Валера был в застегнутом пальто.

– Где твой костюм?

– Все с собой, – сказал Валера и помахал черным полиэтиленовым пакетом, находящимся в его руке.

– Трогайте, сэр! – сказал Олег водителю, и автобус неспеша покатился по забитым в это время улицам города.

Олег взял в руки микрофон. Самое время почувствовать себя экскурсоводом... или проводником... или сталкером.

– Раз, раз! Меня слышно? Всем слышно? Поднимите руки, кому слышно!

Все подняли руки.

– Отлично! Друзья мои! Начну с главного! Забудьте о том, что вы юристы, бухгалтеры, начальники и подчиненные! У нас есть более важная миссия сегодня! Мы едем спасать мир! Кто готов спасать мир?

Сотрудники задумались. «Все понятно. Начали включаться джук-боксы, а нужной пластинки нет. Мозги самостоятельно отключать не умеем. Придется пользоваться проверенными способами».

– Извиняюсь! Поторопился! Митя! Загляни за последнее сиденье, там есть небольшая коробочка! Вы же все юристы, экономисты! Привыкли работать с литературой. В коробочке лежат словари и энциклопедии, чтобы мои слова стали более понятными!

Митя исчез за задним сиденьем, потом вынырнул с двумя бутылками шампанского в руках: «Вы это имели в виду?»

– Абсолютно верно! Открывайте пока справочники! Бокалы там же!

Скоро раздались хлопки открывающихся бутылок, и по салону пронесся сладковатый запах шампанского. Ребята оживились. Так как автобус довольно часто останавливался в пробках, разлить шампанское не составляло труда. Скоро веселые реплики дали Олегу знать о том, что шампанское нашло свои цели и поразило их. Ему оно, кстати, не требовалось – он и так ощущал себя самым пьяным.

– Вы прочитали словари, все слова вам теперь понятны, и я хочу спросить вас снова: «Кто готов спасти мир?» – крикнул Олег в микрофон.

В этот раз все ответили дружным хором и подняли руки.

– Отлично! Для выполнения миссии нам всем нужно быть должным образом экипированными! Я вообще ждал вас всех уже в костюмах, но, раз уж вы схаливали, переодеться придется здесь, потому что из автобуса мы все должны выйти в костюмах. Вопросы есть?

– Что, прям здесь? Но как? Зачем? Почему? – посыпались вопросы и женской и мужской половины.

– Это приказ, бойцы! Приказ сложный, но кому нужны дополнительные инструкции – можете снова воспользоваться коробкой с литературой!

Митя, как уже опытный боец, тут же принес еще две бутылки шампанского, они быстро разбежались по рукам и губам. Началась веселая возня с костюмами и пакетами. Автобус иногда покачивало, ребята и девчонки падали друг на друга, смеясь и визжа. Те, кому надо было снимать свои костюмы, брюки или юбки, добавили эротизма в этот компот веселья, нарочито стесняясь и прикрываясь и вдруг случайно демонстрируя все то, что было спрятано, при резком повороте. Спустя сорок минут, когда автобус доехал до нужного места, все сотрудники были уже переодеты в свои карнавальные костюмы, в приподнятом настроении и вошедшие в свои роли. Дело было даже не в шампанском. Каждый выпил, может быть, по половине бокала. В данном случае шампанское сыграло скорее роль пластинки, которая имеется у большинства людей и лежит с этикеткой: «Чтобы чувствовать себя раскованным и делать глупости, мне надо немного выпить». Почему-то большинство людей считают, что вести себя свободно, уметь дурачиться и расслабляться на трезвую голову неприлично, но то же самое после выпитого – вполне законно и приветствуется.

А еще Олег заметил, что чем серьезнее человек должен вести себя на работе, чем суровее его маска и умнее лицо – тем больше в нем накапливается энергии бесшабашности, которая требует выхода. Здесь, в массе рафинированных юристов и экономистов, это было наиболее наглядно заметно. В коробке с костюмами было несколько небольших подушек, а также мягкие игрушки, которые были тут же использованы как оружие массового поражения. Люди, называвшие друг друга при клиентах час назад по имени-отчеству, тщательно подбиравшие слова и жесты, девушки, тщательно следящие за макияжем и прическами... все они сейчас превратились в Мальвин, Поросят, Мушкетеров, Вампиров, Черных Мамб, Суперменов, Фей и устроили такую кучу малу с криками, визгами и драками, что позавидовал бы любой дурдом.

Олег периодически отправлял прилетавшие в него подушки обратно и защищал от них водителя. Геннадий только пожимал плечами и с укором мотал головой. Олег улыбался. Широко. От души.

– Приехали, ребята! – сказал Олег в микрофон, когда они остановились рядом со зданием на Обводном канале недалеко от Московского проспекта. – Сейчас наша задача – войти в это здание со всем нашим реквизитом для спасения мира, одеть коньки и устроить цирк на льду!

– А кто кататься не умеет?! – слышалось несколько голосов.

– Слушаем внимательно! Если бы все умели кататься – я бы сказал «фигурное катание», а я употребил термин «цирк на льду»! Еще вопросы есть?

– А там еще кто-то есть, кроме нас? – спросил Степа, одетый в костюм Супермена.

– Степа! Конечно, есть! Надо же кого-то спасать – во-первых, а во-вторых, ты же не думаешь, что я выкупил на час весь каток, чтобы вы все остались без зарплаты?!

«Да ладно, Степашка! Это прикольно же! Не ссы!» – посыпались на него со всех сторон комментарии.

– Если вопросов больше нет – вперед!

Выходя из автобуса, Олег предложил идти с ними и Геннадию, но тот, как истинный капитан, не захотел покидать свой корабль.

Ребята высыпали на улицу и всей толпой ввалились в здание катка. Верхнюю одежду все оставили в автобусе, поэтому сразу же направились в очередь за коньками. В это время в здании было довольнолюдно. Народ приехал отдыхать в пятницу. Вопреки опасениям некоторых коллег, все люди реагировали на этот маскарад или нейтрально, или очень позитивно. Кто-то сразу доставал фотоаппарат или снимал на мобильник. Кто-то показывал жестами, а кто-то словами выражал свое одобрение. Такая реакция явно понравилась ребятам, и адреналин, рожденный волнением, превратился в кураж.

Олег взял коньки первым и с удовольствием наблюдал, как на льду появлялось все больше и больше ярких пятен – в лице его сотрудников. На появление каждого нового героя все окружающие реагировали с восторгом, кое-кто даже хлопал. «Это флэш-моб?» – спрашивал кто-то у Степы. «Да нет, это мы просто так отдыхаем с коллегами по работе», – небрежно отвечал Степа. «Вот молодцы! Классно отрываетесь! Надо будет и нам так оттянуться! Вы без комплексов!..»

Ребята и девочки и вправду оттягивались по полной. Кто умел кататься – выписывал пируэты, кто не мог – цеплялся за тех, кто мог, или падал, предварительно закинув подушку под попу. Олег катался как начинающий, то есть держаться и кататься мог, но резко остановиться или повернуть – было проблемой... подушки у него не было.

Периодически ребята подъезжали к Олегу и благодарили его. «Мы можем на этом и не останавливаться!» – отвечал Олег. «Спасибо! Круто! Я и не думал, что способен на такое!» – говорили многие. Олег улыбался. Он был доволен и рад. Искренне рад.

Скоро в его кармане завибрировал телефон.

– Алло! Бэтмен слушает!

– Олег Юрьевич! Это Лиза! Мы уже освободились. Куда подъехать?

Олег назвал адрес. Через пятнадцать минут подъехала Лиза с подругой Леной и ее другом Максом. Олег объяснил им правила игры. У Лизы был с собой костюм ведьмы, а друзьям нашлись костюмы в автобусе. Максиму достался костюм Чебурашки, а Лене – медсестры, в реквизит которого входил также огромный пластмассовый шприц и клизма. Ребята были уже навеселе, поэтому, хохоча, оделись и присоединились к общему вертепу. Оказалось, что Лена хорошо каталась на коньках, и поэтому ее пируэты со шприцем и клизмой вызвали всеобщий восторг.

Олег не удержался и плюхнулся попой на лед. Он не спешил вставать. Сухие брызги льда. Лампы. Потертые бортики. Развешивающиеся складки разноцветных одежд. Раскрасневшиеся лица. Движение воздуха. Ароматы чужих духов. Все это кружится в бессмысленном веселом хороводе вокруг него. Тонкая энергия жизни окутывала все это, струилась и вихрилась, связывая все это броуновское движение в гармоничную картину под названием «радость жизни».

– Чего расселся? – в мысленный поток Олега ворвался голос Валерки. Валера протянул руку, и Олег встал.

– Ну, как тебе?

– Супер!

– Конечно, супер! Ты же Супермен! Где ты так научился кататься?

– В хоккей играл в юности.

– Ну, давай! Отдыхай!

Где-то у бортика стоял Артур-мушкетер и клеил девчонок. С катанием у него явно не шло, но время он даром не терял. Ксюша в костюме принцессы горделиво и плавно ехала, держа за руку Евгения.

Час пролетел незаметно. Сняв коньки, веселые и довольные, все вместе ввалились в автобус, где отметили триумфальное спасение мира оставшимся шампанским, а заодно поздравили с днем рождения Лену.

– У меня был потрясающий день рождения! – расчувствовавшись, призналась Лена. – У вас классный начальник! Нам бы такого!

Максим ревниво обнял Лену. «Как там, интересно, Катюха?» – почему-то подумалось Олегу.

Тут все снова вспомнили про Олега и начали горячо его благодарить. Олег поспешил заметить, что начальник уже не он, но теплые слова от своих сотрудников было слушать приятно. Еще больше Олегу нравились глаза, живые, точнее, ожившие глаза ребят. Такими он их никогда не видел. Такими он их и хотел запомнить...

– А давайте продолжим! – предложил Степан. – Сходим в какую-нибудь кафешку! Порадуем там народ?!

Предложение Степы встретило горячую поддержку. Водитель Гена, проснувшийся после возвращения, показал Олегу рукой на часы.

– Коллеги! Время заказа автобуса истекает через час, а тут ваша одежда! Если вы договоритесь с водителем, он подождет еще, но я-то точно к вам не присоединюсь, потому что мне надо домой.

Ребята навалились всей гурьбой на Гену. Уговаривать его долго не пришлось. У ребят нашлись хрустящие аргументы, и он остался доволен. Олег тепло попрощался с коллегами, попросил Валеру собрать после праздника костюмы обратно в коробки и забрать к себе, потом поймал машину, на которой добрался до дома.

Уснул он как убитый. Или как младенец. Нет, как убитый младенец. Жутковато звучит. В общем, крепко уснул.

Палитра и Шунгит

«Здравствуй, новый день! Спасибо, что ты пришел! – подумал Олег, прежде чем открыть глаза, а открыв их, посмотрел на часы, не опаздывает ли он к Кеше. – Десять часов. Успею даже позавтракать!»

Олег решил позавтракать в кафе возле дома, где на завтрак готовили вкусные блинчики. Он по-быстрому оделся и выбежал на улицу. В животе скреблись динозавры. Лицо овеял холодный ветер и окончательно стряхнул сон.

«Как вкусно пахнет выпечка! Как красиво смотрятся пирожные за стеклянной витриной! Как приветливы официантки!» Олег провел рукой вдоль деревянной рейки стола. Гладкая на ощупь с выступающими ребрами годовых колец. «Все-таки даже дешевое дерево лучше, чем дорогой пластик».

Олег достал телефон. Ему захотелось пожелать всем сотрудникам хороших выходных, но эту затею ему пришлось немного отложить, потому что ему пришлось прочитать несколько СМС от них же с благодарностью за праздник.

Позавтракав, Олег набрал номер Полины Сергеевны.

– Доброе утро, Полина Сергеевна! Как там Кеша?

– Здравствуйте, Олег. Вроде нормально, но я очень переживаю...

На заднем плане слышался Кешин голос: «Мама! Мамочка! Я хочу поехать!»

– Не переживайте, точнее, будьте уверены! Все будет отлично! Я скоро приеду! До встречи!

Олег поспешил отключиться, чтобы она не успела передумать.

В назначенное время, даже чуть раньше, он подъехал на машине к дому своих новых друзей. По дороге он купил цветы для Кешинной мамы и шоколадку Кеше. Полина Сергеевна была очень растрогана цветами: «Давно мне не дарили цветы просто так!»

Олег подождал, пока они соберутся. Кеша прыгал от счастья и сейчас ничем не отличался от любого другого здорового ребенка, разве только отсутствием улыбки... Она все еще была пока чужда его лицу.

Кеша с мамой сели на заднее сиденье его машины.

– О, как в самолете! – поспешил заметить Кеша.

Олег любил, когда так говорили.

– Да, скоро вам будут предложены напитки и горячий обед! – бодро ответил он.

Машина плыла по предвесенним улицам. Кеша, как и все дети, смотрел в окно, периодически заостряя внимание на каких-то деталях и задавая вопросы Олегу. Было видно, что ему не хватает мужского внимания. Олег с удовольствием отвечал на Кешины вопросы. Так они добрались до двора, в котором располагалась галерея.

– Полина Сергеевна! Здесь рядышком есть замечательный ресторанчик! Позвольте, мы с Кешой вас туда проводим, а сами уединимся мужской компанией?

– Ой, ладно. Только я буду звонить иногда, хорошо? И вы если что, сразу звоните! Ой, давайте мобильниками обменяемся!

Пока они обменивались номерами, они оказались возле ресторанчика. Олег знал его хозяина – Владимира. Это был один из немногих ресторанчиков, где можно было встретить хозяина за барной стойкой. Владимир всегда мог ненавязчиво развлечь гостей легким разговором, или подсунуть им шашки или карты. Какая-нибудь развлекуха всегда находилась и для детей, так как в ресторанчике было полно разных старых вещичек и игрушек.

– Владимир, здравствуйте!

– Здравствуйте, Олег!

– Я вам оставлю на попечение мою хорошую знакомую?

– Конечно, Олег!

– Удивите ее чем-нибудь из вашей интернациональной кухни!

– Обязательно!

Через пять минут Олег и Кеша были в галерее. Аня тепло поприветствовала их. Она любила детей и умела с ними ладить. Ей не было и тридцати лет. Она всегда лучезарно улыбалась и умела внимательно слушать. Сколько ее знал Олег, она всегда жила творчеством и постоянно что-то придумывала. Кроме того, она была жутко гостеприимна и умела создать ощущение уюта. Вот и сейчас она предложила первым делом испить чайку, для которого были припасены и различные сладости. Кеша с удовольствием попил чаю.

Минут через десять в салон ввалился немного запыхавшийся и покрасневший молодой человек с львиной шевелюрой, крепким телом и румяными щеками.

– О! Познакомьтесь, это Филипп, – отреагировала Анна, – наш художник!

Филипп пожал всем руки, обнял Анну и тут же начал общаться с Кешей. Было удивительно, как быстро они нашли общий язык. Филипп показывал ему разные кисти, краски, что-то объяснял.

– У Филиппа своих двое! – прокомментировала Анна.

– Классно! Респект! – одобрительно покачал головой Олег.

– А ты, Олежа, когда своих уже заведешь? – тихонько спросила Анна.

– Ну, до своих еще надо дожить! – искренне ответил он.

Он вдруг вспомнил, что эту фразу любил повторять его дед. На любые вопросы он отвечал: «До этого надо дожить!» Дожил дед до восьмидесяти лет, хотя незадолго до смерти у него обнаружили рак кишечника. Олег вдруг понял, какой силой обладала эта фраза. Она очень сильно отличалась от фразы «если доживу», как говорят некоторые. Во фразе деда была сила, потому что ключевым словом было слово «надо».

Олег очень любил деда. В детстве частенько приезжал к нему в деревню, где научился пасти скотину, косить сено, собирать грибы и ягоды и красиво ругаться матом. Последнее, к сожалению, не оценили в школе. Еще у деда было прекрасное чувство юмора. Он говорил абсолютно серьезным голосом простые вещи, от которых все окружающие хватались за животы...

– О чем задумался? У тебя все в порядке? – спросила вдруг Анна.

– Сейчас – да!

– Ну, тогда готовься к сеансу живописи!

– Ты что, серьезно? Я со школы не рисовал ничего. Я лошадь и собаку всегда рисовал одинаково, только у лошади гриву подрисовывал!

– А это не имеет никакого значения! Правда, Филипп?

– Это имеет очень большое значение! Потому что это очень хорошо! С чистого листа всегда проще начинать. Берите холст!

– Холст? Может, для начала бумажку, акварельку?

– Нет, Олег! У нас другая метода! – поспешила заметить Анна. – Она близка к тому, как учат плавать. Мы сразу в воду бросаем, но только метров за триста от берега, чтобы ты не только научился плыть, но еще и успел научиться получать от этого удовольствие, так что давай!

Олег заметил, что Кеша уже горделиво поставил свой холст на мольберт. Сам он на минутку замешкался. Он принципиально не ввязывался ни в какие творческие процессы, потому что зарекся, видя, какую трагичную жизнь прожил его отец-художник. Его мучило от одного только слова «художник». Пока Филипп выкладывал масляные краски на палитру, помещение наполнилось запахом, который вернул его в детские воспоминания. Почему-то сейчас они не были неприятными, а даже наоборот.... В дни, когда папа работал, в семье воцарялся мир, радость и надежда. Олегу нравилось смотреть, как невзрачные пятна на холсте постепенно превращались в пейзаж или портрет. Он видел, как отец смешивает краски, смешивал их сам, с удивлением обнаруживая, что если в желтую краску добавить чуть-чуть черной – получается зеленая. Когда папа заканчивал работу, он позволял Олегу делать с оставшимися красками все, что угодно, и Олег брал в руки мастихин (тонкую металлическую пластинку специальной формы с ручкой) и, снимая им краски с палитры, размазывал их на кусках картона, любуясь, как цвета проникали друг в друга, образовывали новые цвета и оттенки, а через несколько дней засыхали, навсегда оставив блестящий рельеф... Наверное, если бы отец больше писал, а не рассказывал о том, как труден путь художника, все сложилось бы по-другому. Жаль, что нельзя изменить прошлое...

– Филипп! А есть у вас мастихин?

– О! Да ты профессионал?! Я тоже люблю работать мастихином!

– Нет, я не профи. Отец был художником, поэтому кое-что помню.

– Да ты что, а как его фамилия?

– Ты наверняка не знаешь. Он... ни разу не выставлялся и мало писал. Вы лучше с Кешей занимайтесь, а я тут сам поэкспериментирую.

Олег до сих пор не любил разговоры об отце и всегда старался переводить тему на что-то другое. Как это печально, когда не можешь гордиться своим отцом, жизнь которого закончилась так бессмысленно, когда не на кого равняться, не с кем советоваться.

Кеша уже вовсю работал с Филиппом. Они переносили его лучший эскиз на холст. Филипп что-то по ходу объяснял, Кеша внимательно слушал, старательно водил кисточкой, с удовольствием смешивал краски и аккуратно наносил их на холст. Тем временем Олег выложил на свою палитру с десятков красок: с одной стороны теплые красные, оранжевые и желтые, с другой – холодные: голубые, синие, фиолетовые, между ними «белила цинковые», черный «шунгит» и «кость жженая». Зеленые краски Олег выдавил частично к теплым, частично к холодным. Так выкладывал краски отец, он это помнил.

Олег положил свой холст на маленький столик и стал мастихином класть на него краски – без всякой системы, стремясь лишь к тому, чтобы сочетались соседние цвета. Он

бережно растягивал их по холсту мастихином. После каждого движения мастихин покрывался все новыми слоями краски, которые произвольно смешивались между собой, и каждое последующее движение умножало в геометрической прогрессии количество цветных линий. Они становились все тоньше, уже смешиваясь в единую массу, и превратились бы в общую безликую серо-коричневую краску, но Олег вовремя остановился. У него получился силуэт какого-то города, и следующими движениями он начал подчеркивать силуэты башен, окон, арок... Ему нравилась эта игра с цветом, он почувствовал, как гармонируется его внутреннее состояние вслед за движениями мастихина, создающего гармонию на холсте...

Кеша тоже был увлечен игрой красок. Он никогда до этого не рисовал масляной краской и поэтому был поражен их яркостью и плотностью. Филипп умело руководил процессом, и вот на картине уже проступило окно, через которое было видно ярко-голубое летнее небо. Окно было обрамлено оранжевым подоконником, а вокруг всего этого были светло-зеленые стены и очень много зелени, пальм, цветов – настоящие джунгли. В критические моменты Филипп немного помогал Кеше, иногда подправлял что-то, но исправлял так, чтобы работа оставалась Кешиной.

Закончили они почти одновременно. Олег еще ждал, пока Кеша придумает свою фирменную подпись и нанесет ее на картину. Олегу показалось, что губы Кешы изображают полуулыбку, но оказалось, что он просто высунул язык от старания с другой стороны рта.

Позвонила Кешина мама, сказала, что сыну надо скоро принимать таблетки, Олег успокоил, сказав, что они уже заканчивают.

Попив чаю с конфетами, Олег и Кеша стали одеваться.

– А когда высохнет моя картина? – спросил Кеша.

– Дня через три, – ответила Анна. – А вы не хотите ли сходить завтра в гончарную мастерскую? Сделать себе что-то на гончарном круге?

– Хочу! Хочу! – ответил за двоих Кеша. – Очень хочу! Я давно хотел сделать себе маленький горшочек для варенья!

– Да, мы хотим, но надо еще с Кешиной мамой согласовать.

– Спасибо вам, дядя Филипп! – сказал Кеша.

– На здоровье, Иннокентий! – ответил, улыбаясь, Филипп и пожал ему руку.

– Приходите завтра! Я договорюсь! Вам понравится! – сказала Анна и обняла сначала Кешу, а потом Олега.

Олег и Кеша вышли вместе во двор, потом на Седьмую пешеходную линию, а оттуда быстро дошли до ресторанчика.

– Мама! Мама! Мне так понравилось! Я нарисовал настоящую картину, а завтра я хочу пойти лепить горшочек для варенья! Ты меняпустишь? – затараторил Кеша, едва войдя в уютное помещение ресторанчика.

Они все присели за столик, где сидела Кешина мама.

– Молодчина! Спасибо вам, Олег! Какой горшочек? О чем ты? У Олега наверняка завтра совсем другие планы, он взрослый человек и не может развлекать тебя каждый день.

– Полина Сергеевна! Вы бы для начала у меня спросили о моих планах! Я найду время! Вы, главное, скажите, согласуется ли это с вашими планами?

– А какие у нас планы? В хоспис надо будет в понедельник ехать. А завтра все равно выходной. Таблетки я ему дам. Так что, если у вас вправду есть время – езжайте... Я так вам признательна!

– Да нет! Это я вам признателен! Я и сам картину сегодня написал! Мне очень понравилось. Так что благодаря Кеше я открыл в себе новый талант. А завтра еще с удовольствием с глиной повоюю! Кстати, может, вы к нам присоединитесь?

– Вы знаете, с удовольствием! Я всегда с восхищением смотрела на работу гончара, правда, только по телевизору.

– Вот и отлично! А сейчас Кеша, наверное, хочет перекусить! Заказывай, дружок!

Меню поднес Владимир.

– Вот смотрите. Для самых важных клиентов, то есть детишек, у нас есть особые

блюда...

Кеша, посоветовавшись с мамой, заказал куриный бульон и рис с тушеной курицей, а Олег заказал солянку и свинину по-французски.

– Может, пока в шашки? – спросил Владимир.

– А шахматы есть у вас? – спросил Кеша.

– О! Приветствую юного шахматиста! Я тоже умею играть, но наверняка не так хорошо, как ты!

– А вы зря смеетесь! Он у нас замечательно играет! – с гордостью вставила свое слово Полина Сергеевна.

– Да вы что? Похоже, что я смеюсь? В общем, шахматы у меня есть, и я готов сразиться с тобой, если ты не против. Ставлю на свою победу вот эту игрушку! – Владимир достал откуда-то небольшую модель танка.

– Годится! А я ставлю... – Кеша покопался в кармане куртки. – Этот камень. Он красивый. Я его сам нашел! Годится?

– Все, давай! Сейчас я отдам заказ на кухню и вернусь!

Владимир убежал за барную стойку и через пять минут вернулся с коробкой шахмат. Партия началась. Кеша стал очень сосредоточенным. Владимир, поначалу ходивший быстро и расслабленно, стал все больше времени тратить на обдумывание ходов. Олег и Кешина мама сидели, наблюдая за партией, не проронив ни слова: мама рядом с сыном, Олег – с Владимиром. Все болели за Кешу, даже Владимир, но было видно, что партия дается ему не просто. Через двадцать минут, при минимальных потерях, Кеша одержал победу. Владимир сидел с полминуты молча.

– А ведь я раньше был мастером спорта! Ты где так научился, вундеркинд?

– Дома. Ко мне приходил один друг, который учил меня играть в шахматы, правда, потом я и у него выигрывать стал, и он перестал ходить. Конечно, ему-то двадцать лет было. Или он уехал просто. Не знаю. Наверное, уехал. Но вообще-то я всегда выигрываю. Я забираю танк?

– Да, конечно! Слушай, и твой обед я в счет включать не буду! Это тебе подарок.

– Спасибо.

Принесли обед. Олег с Кешей с удовольствием поели.

– Кеша! Я горжусь, что у меня есть такой друг, как ты!

– Угу, – буркнул в ответ Кеша, дожевывая курицу.

Попив чаю по-домашнему с вишневым вареньем, они тепло попрощались с Владимиром, Олег рассчитался, и всей компанией они поехали к дому. На улице уже слегка стемнело. Город начал зажигать свои огни. Олег специально выбрал маршрут, чтобы проехать мимо самых красивых мест в городе. Он видел, что Кеша внимательно смотрит в окно. Именно внимательно. Словно хотел все запомнить. Что творилось в душе мальчика, Олег не знал, но тоже начал по возможности всматриваться в питерские красоты, немного провожать их взглядом. Он даже слегка снизил скорость, чтобы лучше все разглядеть.

Сейчас у него было такое же чувство, как в конце отпуска. Он про себя называл это «синдромом последнего дня отпуска». Он не раз ловил себя на мысли, что этот день всегда запоминается по одной причине – в нем ты все делаешь в последний раз и осознаешь это. Это твой последний завтрак. Хочется обязательно съесть все самое вкусное, потому что завтра это уже будет нереально. По дороге на пляж идешь неспеша, пытаешься запомнить ее мельчайшие детали, сильнее слышишь стрекотание сверчков... На пляже неспеша оглядываешь все вокруг. Пытаешься запомнить лица случайных соседей. Медленно заходишь в море. Море. Вот оно какое! Ласковое, теплое и любящее всех без исключения, без ревности и без предпочтений. Сейчас хочется пропитаться им, чтобы каждая твоя клеточка запомнила это божественное ощущение. С каждой минутой чувствуешь это все острее и ярче. Потом обмываешься под душем и падаешь на лежак, стараясь примагнитить на себя все солнце, которое в ближайшие несколько месяцев будет так далеко от тебя. И вот ты на лежаке.

Смотришь на море. Вот оно. Рядышком. Всего несколько шагов до него! Но это уже не шаги в пространстве! Ты уже понимаешь, что купался в последний раз и, как бы ни было море близко от тебя, оно уже невозможно далеко! Оно в прошлом! Даже если сейчас ворвешься в него, поднимая кучу брызг, чтобы искупаться в последний-последний раз – это ничего не изменит. Все равно надо попрощаться. И не имеет значения, сколько раз ты еще собираешься приехать сюда. Сегодня ты в последний раз видишь это море! От этого на душе становится слегка тягостно, но в то же время ты понимаешь, что в этой ограниченности есть великий смысл. Он помогает оценить и запомнить, и насладиться каждым мгновением. Никогда пища не бывает такой вкусной и желанной, солнце таким теплым, море таким ласковым, а близкий человек – таким любимым, как в последний день. В последний день отпуска... Может, бог дал нам разум и осознание своей конечности лишь для того, чтобы каждый свой день мы могли прожить... как последний.

«Спасибо, Кеша!» – подумал про себя Олег. Они уже почти подъехали к дому.

Олег проводил Кешу с мамой до квартиры и попрощался с ними. Было видно, что Кеша очень устал, но не проронил ни слова об этом, наверное, чтобы не испугать маму.

– Завтра утром я позвоню! Хорошего вам вечера!

– Всего хорошего, Олег! Спасибо! – прижав руку к груди, сказала Полина Сергеевна.

– Пока, друг! – сказал Кеша, глядя в глаза Олегу.

Было еще шесть часов. Олег набрал домашний телефон мамы и сказал, что приедет. Она обрадовалась. По дороге Олег заехал в табачный магазинчик и купил Виктору трубку со всеми принадлежностями для нее, а также табак. Маме купил красивый домашний халат и жемчужные бусы и сережки с жемчугом. Жемчуг шел к ее светло-серым глазам. Кроме того, он забежал в магазин и купил продукты, те, которые никогда не покупали мама с Виктором, экономя деньги.

Подарки всем понравились, хотя и мама, и Виктор пытались журить его за то, что он потратил столько денег.

– Родные мои! Мне не жалко! Главное, чтобы вы здоровы были! Лучше на спиртном экономить, чем на хороших продуктах.

– Олеженька, ты же видишь. У нас все хорошо!

– Вижу, вижу! И очень этому рад! Вы даже не представляете, как!

А потом все вместе пили чай и кофе с вкусным тортом. Мир и покой. Радость от осознания того, что любовь и искренность – единственный эффективный путь достучаться до заветных дверей в душу близких людей. И он нашел этот путь. Не было бы счастья...

Выехав домой, Олег набрал Анну и договорился о занятии по гончарному делу на одиннадцать утра. Потом перезвонил Полине Сергеевне и сказал, что заедет завтра в десять.

Портьеры и Шторы

«Ура! Еще один день!» – подумал Олег, открывая глаза. Было почти девять. Как раз есть время выпить чашечку чая с купленными вчера круассанами. «Сегодня должен вернуться Михаил. Очень хочется поделиться с ним последними событиями».

Позавтракав, Олег заехал за Кешей и его мамой, и все вместе они отправились в Александро-Невскую лавру, где работал тот самый гончар по имени Андрей.

Андрей встретил их у входа и проводил в одно из зданий комплекса, где жили и работали монахи. Андрей с женой приехали из Молдавии и жили здесь же, при монастыре. Андрей выполнял заказы на изготовление церковной утвари и за это пользовался возможностью жить в монастыре.

Как и у многих людей, приехавших в Питер из городов ближнего зарубежья, у Андрея был очень деятельный характер. Невысокого роста, с темными прямыми волосами и карими глазами, он производил впечатление энергичного и сильного человека. За очень короткий промежуток времени он наладил контакт и с Кешей, и с Полиной Сергеевной, и с Олегом. С

шутками и прибаутками они добрались до мастерской.

В мастерской, как, наверное, и положено, все было покрыто слоем сероватой глиняной пыли. Повсюду лежали какие-то заготовки, инструменты, стояло оборудование, похожее на гигантскую мясорубку для уплотнения и усреднения, а также удаления воздуха из глины, огромная печь, в которой без труда поместился бы человек. В самом освещенном углу располагался гончарный круг. Как выяснилось, все это оборудование Андрей сделал своими руками. Вот уж поистине «золотые руки». На столике неподалеку стояли и сохли глиняные игрушки, которые, как выяснилось, делает его жена Эвелина.

– Ну, кто первый? – задорно спросил Андрей, протягивая фартук, заляпанный глиной.

Полина Сергеевна переглянулась с Кешей.

– Можно я сначала посмотрю, как Олег будет делать? – спросил Кеша.

– Олег! Вперед! К станку!

Олег забрался за гончарный круг.

– С чего начинать?

– А что хочешь слепить?

– Кружку для чая. Да побольше!

– Понятно! – Андрей отрезал проволокой кусок глины и дал его Олегу – Прикрепляй к центру.

Олег аккуратно поставил глину в центр.

– И как ты собираешься с ней работать? Она же упадет!

Олег прижал ее посильнее к кругу.

– Ладно, показываю! – сказал Андрей, оторвал кусок глины от круга и с силой шлепнул его обратно в центр. – Понятно? Попробуй сам! – Он оторвал его снова и подал Олегу.

Несколько раз Олег прицеливался и шлепал куском глины, но он постоянно скашивался то на одну, то на другую сторону от круга.

– Ладно! С первого раза ни у кого не выходит! – сказал Андрей и повторил процедуру прикрепления материала к станку.

– Что теперь? Крутить ногами круг?

– Обижаешь, мы в двадцать первом веке! Педальку жми! Ногой – только притормаживать!

Олег нажал на педаль, и круг начал вращение.

– Смачивай руки в ведре и начинай! – скомандовал Андрей.

Олег так и сделал. Кусок глины под руками плясал из стороны в сторону.

– Что надо сделать сначала?

– Женскую грудь! – ответил, улыбаясь, Андрей. – В общем, куполообразную форму делай.

Олег начал прижимать, обнимать ладонями кусок глины, стараясь собрать его в гладкий купол. Андрей слегка помог своими руками. Олег почувствовал, насколько крепко, но в то же время без напряжения держит свои руки мастер.

– Теперь найди центр и начинай формировать с него толщину дна и внутреннюю полость. – Андрей показал, в каком положении должны быть пальцы для того, чтобы выполнить эту задачу.

Олег плавно продавил пальцами ямку и начал ее расширять. Андрей периодически поправлял его руки или легонько помогал своими, но важно было не это. Важен был сам контакт с глиной. Ее тягучая земная энергия словно втягивала в себя все проблемы и заботы, все суетные мысли и остатки напряжения. Это медленное вращение вводило организм в состояние транса, а задача удержания центра изделия приводила его в равновесие.

– Скорость вращения гончарного круга равна скорости пульса в спокойном состоянии, примерно шестьдесят оборотов в минуту, – словно прочитав мысли Олега, пояснил Андрей. – Многие говорят, что испытывают состояние внутреннего покоя, когда работают за кругом. А в другом состоянии – просто не получится. А еще, может быть, дело в том, что глина – это остатки биологических организмов, точнее, их жиров, образовавшиеся миллионы лет назад.

Говорят также, что ДНК, имеющееся в глине, частично соответствует ДНК человека. Есть же религии, которые утверждают, что Бог слепил человека из глины.

На глазах совершалось чудо. Бесформенный комок глины с каждой минутой трансформировался и становился все более похожим на кружку, конечно, не без помощи мастера.

– Андрей! Да ты почти все за меня делаешь! – опомнился Олег.

– Хорошо! Давай сам! – отреагировал Андрей.

Олег пытался вытянуть стенки кружки, но неловким движением надорвал ее. Тут же бесформенная масса жалостливо скособочилась на гончарном круге.

– Блин! – вырвалось у Олега.

– Ничего страшного. Останавливай круг.

Олег отпустил педаль. Круг остановился. Андрей смочил руки и вернул изделие на несколько стадий назад.

– Олег! Как ты думаешь, сколько нужно учиться, чтобы самостоятельно сделать кувшин? – прищурившись, спросил Андрей, возвращая изделию форму кружки.

– Месяц или два?

– Я учился на Украине у одного старого гончара. Он мне рассказывал, что раньше подмастерье три года должен был месить глину до того, как его допускали к гончарному станку. Вообще для того, чтобы научиться делать изделия, нужно пропустить через свои руки «КамАЗ» глины. Так что ты уж не расстраивайся, что не все сразу получается. Здесь нахрапом не бывает. Ну вот! Кружка почти готова! Снимай ее!

– Как? – удивленно спросил Олег. – Она же сырая еще.

– Вот тебе проволочка. Просто натягиваешь ее и проводишь под кружкой, а потом очень нежно и аккуратно снимаешь и ставишь вон туда.

Олег бережно проделал всю процедуру и поставил свою будущую кружку на лист гипсокартона.

– А ручка?! – вдруг вспомнил Олег.

– Вот тебе кусочек глины, – Андрей дал ему небольшой комочек. – Сделай из него колбаску и заberi с собой, высуши, потом положи на пять часов в духовку на самую большую температуру.

– А потом?

– А я тем временем сделаю нормальную ручку и прикреплю.

– А почему не сейчас? – Олег засмеялся.

– Глина должна быть в полутвердом состоянии. Сейчас только форму испортим. Ну ладно! Следующим, наверное, будете вы, молодой человек! – Андрей взял за руку Кешу.

– Да, только вы помогайте мне, ладно?

– Ну, ты-то и сам справишься! Я только рядом постою!

Кеша устроился на круге. Он едва доставал ногой до педали и очень старательно повторял все то, что говорил ему Андрей. Олег заметил, что Кеша снова высовывает язык, пытаясь сосредоточиться.

– Да, Кеша, ты уж, если язык высовываешь, то помогай им хотя бы, смачивай свое изделие! – прокомментировал Андрей.

– Угу, – буркнул Кеша и спрятал язык. Его маленькие ручки старались изо всех сил. Минут через пятнадцать к его радости на круге стоял небольшой горшочек для варенья. Он аккуратно срезал его и с радостью заметил, что ему-то ручка вовсе не нужна.

– А крышечку тебе сделать? – спросил Андрей.

– Да, пригодится, сделай... те, пожалуйста.

В помещение мастерской вошла Эвелина – худенькая женщина с серо-голубыми глазами. Она похвалила Кешу за горшочек и начала показывать ему глиняные игрушки, рассказывая, какой из школ принадлежит каждая игрушка и что символизирует. «Это каргопольская, это опошнянская, это калужская, а это – моя, авторская».

– А можно, я сделаю такую свинку? – спросил Кеша.

– Хорошо, давай, пока мама делает свой кувшин...

Полина Сергеевна уже устроилась на рабочем месте и внимательно постигала азы гончарных секретов. Было видно, что ей очень нравилось. Она сопровождала бурными восклицаниями каждый этап изготовления своего кувшина.

Олег курсировал между мальчиком и его мамой, разминая в руках кусочек глины, который дал ему Андрей. Он с удовольствием подметил, как увлечены они были этим процессом.

Олег обратил внимание, что их изделия получаются серого цвета, а готовые изделия стоят – красного, кирпичного.

– Это что, разная глина? – спросил он, показывая на полуфабрикаты и готовые кувшины и горшочки.

– Ну, в общем – да, разная. Там сырая – тут обожженная. Но ваши произведения после обжига тоже станут красными, если, конечно, вы не попросите меня их покрасить в серый цвет, – Андрей лукаво улыбался. – Просто во время обжига кислород окисляет находящееся в этом сорте глины железо, и получается такой цвет.

Вскоре закончила свой кувшин Кешина мама, сам Кеша уже пытался свистеть на вылепленном им поросенке, а колбаска Олега высохла от тепла рук и уже не мялась, а только крошилась.

Оставив свои изделия на сушку и обжиг, они договорились, что Олег заберет их на следующей неделе. Поблагодарив мастеров, они почувствовали, что сильно проголодались.

Идя по территории лавры, они обнаружили монастырскую столовую, которую нахваливал Андрей. С удовольствием поели там и поехали домой. Кеша с мамой были в приподнятом настроении. Олег тоже был доволен. Договорились созвониться в понедельник насчет дальнейших планов.

Распрощавшись с друзьями, Олег поехал в сторону Каменного острова. Как много событий прошло с тех пор, как Михаил уехал. Как много изменилось. «Интересно, допустит ли Михаил мое участие в путешествии с моим диагнозом, если он подтвердится? Не сказать о нем не могу. К тому же, вдруг он знает каких-нибудь врачей, которые смогут помочь...»

Припарковав машину возле дома Михаила, Олег подошел к домофону. С минуту он стоял, не нажимая кнопку. Не то, чтобы он чего-то боялся, просто думал, как ему рассказать и с чего начать...

– Долго будешь греть кнопку звонка? – слышался вдруг голос Михаила через приоткрытую дверь.

– О, Михаил! Привет! Я так рад тебя видеть! – сказал Олег, поспешив в открывшуюся калитку. – Ты что, поджидал меня?

– Неужели ты думаешь, что вход ко мне не оборудован видеокамерами? Если кто-то задерживается возле двери больше чем на пять секунд, срабатывает предупреждение, так что застать врасплох меня трудно.

На этот раз Михаил был одет в спортивный костюм и футболку. Олег вошел внутрь, снял дубленку и ботинки.

– О, Олег! У тебя джинсы испачканы в чем-то сером! Может, сходишь сначала домой постираешь? – смеясь, спросил Михаил, приглашая его за собой.

– Нет уж, времени нет на лишние хлопоты! – ответил Олег. – К тому же это творческая грязь! Я сегодня осваивал гончарное искусство.

Они дошли до большого холла с камином, возле которого стояли два кресла с накинутыми сверху волчьими шкурами. Остальная мебель была в колониальном стиле, иначе говоря, что и откуда – не важно, лишь бы смотрелось хорошо вместе. А смотрелось и вправду хорошо. Камин приятно потрескивал.

– Уж, случайно, не в лавре ли? – спросил Михаил в продолжение темы.

– В лавре! Ты меня не перестаешь удивлять! Ты что, за мной следишь? – полушутя спросил Олег, хотя такие мысли не могли не прийти в голову трезвомыслящего человека.

– Слежу, конечно! Я же отвечаю за тебя! – сказал Михаил, выдержав театральную паузу. Олег не знал, шутит он или нет, и пытался узнать это по его глазам.

– Не пытайся высверлить меня взглядом! Все очень просто! Андрей едва ли ни единственный в городе гончар. По крайней мере, я о других не слышал. А ты же знаешь мою тягу к творческим мероприятиям – неужели я обошел бы мимо гончарное искусство?! Вон, посмотри в угол.

В углу стояла глиняная ваза на кованом треножнике, в которой уютно поместилось фикусовое дерево.

– Вазу я лепил в лавре, а треножник – сам знаешь. А тебя-то что вдруг потянуло на творческие подвиги?

– Это долгая история.

– Я специально запланировал время для разговора с тобой.

– Без чая не расскажу.

– Понял. Сейчас принесу.

Михаил вышел. Олег смотрел на огонь в камине. Уютно. Тепло. Тихо. Думать ни о чем не хотелось. Через пять минут пришел Михаил с большим глиняным чайником.

– Это, кстати, тоже дело рук Андрея, – сказал Михаил, поставив чай на небольшой столик с мозаичной крышкой в марокканском стиле. После чего поставил на стол две стеклянные чашки из прозрачного стекла с пузырьками внутри стекла. – А это еще предстоит тебе освоить. – Михаил присел на кресло рядом. – Ну, что, рассказывай, как твои дела?

Олег рассказал о том, как отреагировали сотрудники на то, что он пришел на работу в спортивном костюме, и как изменился его подход к переговорам из-за этого, и как это повлияло на результат и привело к успеху в переговорах (спасибо ситуации с дырявым носком). Рассказал, как делегировал полномочия по управлению фирмой и освободил кучу времени для жизни. Михаил внимательно слушал. Иногда одобрительно кивал, иногда смеялся, порой что-то уточнял.

– Ты блестяще справился с заданием. Ты научился гибко реагировать на ситуацию. Ты научился вести себя уверенно независимо от того, как ты выглядишь и что о тебе могут подумать. Ты научился быть свободным от работы, и теперь у тебя есть время для путешествия. Поздравляю!

– Спасибо. Но есть один нюанс, который мне необходимо озвучить.

– Какой нюанс?

– Видишь ли, Михаил, я на радостях познакомился с девушкой, очень красивой девушкой. У нас возникла взаимная симпатия. В тот же вечер мы с ней переспали, а на следующее утро она сказала, что больна СПИДом...

– Она что, специально заразила тебя? – с недоумением спросил Михаил.

– Понимаешь, там такая история. В общем, ее изнасиловали в свое время, и она мстит мужчинам. Ненормальная. Но мстит как бы со смыслом. Она говорит, что, мол, я сам согласился...

– А ты согласился? Я был лучшего о тебе мнения!

– Михаил встал и подошел к окну. Было видно, что он расстроен.

– Миш! Да она говорила то же, что лепечут все бабы! Типа, согласен ли я отдать свою жизнь за чашку кофе с ней, согласен ли исчезнуть! Хрень полная! Полная же хрень!

– Олег, – сказал Михаил, отвернувшись от окна, – если к тебе подойдет человек и спросит, можно ли украсть твой кошелек, что ты ответишь?

– Да пошлю его подальше! Но это же не посторонний человек! Мы же были уже знакомы! – Олег тоже встал, ему надоело выкручивать голову, так как Михаил стоял почти за его спиной.

– Хорошо, Олег! Ты не кипятись! Допустим, я тебе говорю: «Олег, можно, я украду у тебя кошелек?» – что ты мне ответишь?

– Подумаю, что шутишь!

– И... отдашь?

– Нет, конечно!

– Так какого хрена ты так разбрасываешься своей жизнью? Или тебе несколько тысяч рублей или долларов важнее собственной жизни? Я не понимаю! Объясни!

– Блин, но кто же знал, что это все серьезно! – Олег перешел на повышенный тон. В последние несколько дней он гасил в себе эмоции, связанные с этим событием, отвлекался на разные важные дела, но теперь... все вспыхнуло, как тлеющий без воздуха огонь, внезапно получивший поток кислорода.

– Олег, Олег... Олег! Ну как же ты? Что за детский сад? – Михаил махнул рукой и сжал губы, он пытался найти подходящие слова. – Мы же с тобой даже говорили об этом «мысль-слово-действие – прямая линия»! Разве я не говорил тебе, что это будет важно в путешествии? Разве не предупреждал, что это жизненно важно? Представь, что ты всю жизнь растил сад, а потом приходит человек с топором и спрашивает: «Можно, я срублю это все?» И ты отвечаешь: «Да!» Неважно, почему: тебе нравится его топор, одежда, или это девушка, или тебе кажется, что это шутка!

– Да я все это уже понял! Я уже тысячу раз прокручивал у себя эту ситуацию в голове! Я ненавижу себя за это! – сказал с дрожью в голосе Олег и плюхнулся на кресло.

– Только что ты объяснил причину того, что ты сделал! – Михаил остановился и пристально посмотрел на Олега, – Ты ненавидишь себя! И уже не важно, за что! И пока ты так к себе относишься, твое подсознание, твой скрытый, самый глубинный контекст будет убивать тебя! В предстоящем путешествии, которое может таить в себе опасности для жизни, это сработает как программа самоуничтожения, и ты обязательно найдешь способ умереть!

– Уже нашел, – буркнул обреченно Олег. Он уже отвечал, не поворачивая головы, словно разговаривал с огнем в камине.

– Ну подожди, мало ли что сказала эта девушка, как там ее...

– Валерия.

– ... Валерия. Красивое имя. Но ведь ты должен был сдать анализы и успокоиться.

– Я сдал.

– И что?

– Что, что? Реакция на ВИЧ – положительная.

– Как положительная? – Михаил остановился как вкопанный.

Было слышно, что прекратилось поскрипывание дубового паркета. Только дрова в камине потрескивали, догорая. Спустя минуту Михаил подошел к креслу Олега.

– Завтра мы с тобой съездим в лабораторию Военно-Медицинской Академии, и ты сдашь анализы повторно.

– Хорошо. Если положительный результат теста подтвердится... Если окажется, что я... болен, я смогу принять участие в путешествии?

Михаил снова сел в кресло и налил чаю себе и Олегу. Делая маленькие плоточки горячего чая, от которого поднималась струйка ароматного пара, со спины они были похожи на Шерлока Холмса и доктора Ватсона, решающие загадку очередного убийства. Только в роли и убийцы, и жертвы на этот раз выступал «Ватсон», и поэтому загадка была очень сложной для «Холмса».

– Олег! Если диагноз подтвердится, это не будет причиной для того, чтобы отказать тебе в путешествии. Здесь вопрос в другом. Я не могу отвечать за твою жизнь в путешествии, пока ты не начнешь отвечать за нее сам. Ты не начнешь отвечать за свою жизнь, пока не полюбишь себя. Ты не полюбишь себя, пока не простишь себя за все. Я не знаю, за что ты должен себя простить. Скажу больше, я даже не хочу этого знать. Я не жду от тебя откровений на эту тему, но я смогу тебе помочь, если ты доверишься самому себе, своим ощущениям и воспоминаниям и сделаешь без вопросов и обсуждений то, что я скажу. Если ты помнишь, ответ находится всегда сам, но находится только в конце пути. Для того чтобы понять, зачем тебе был нужен этот путь, тебе просто нужно пройти его полностью. Это как с бомжом, спортивным костюмом. Сначала все твое нутро протестует против этого, тебе кажется это мерзким, нелогичным, ненужным, издевательством, и если ты на этом

останавливаешься, оно таким и останется, но если ты проходишь этот путь до конца, ты навсегда становишься другим и попутно решаешь очень много вопросов, которые раньше тебе казались неразрешимыми.

– Да, я помню это и доверяю тебе.

– Тогда возьми с собой свою тетрадку и пойдём со мной.

За тетрадкой Олегу пришлось сбежать в машину. В последнее время он постоянно таскал ее с собой и записывал свои новые ощущения и свой новый опыт. Когда Олег вернулся, Михаил повел его по коридору в дальнюю часть дома. Коридор закончился лестницей, ведущей вниз, в цокольное помещение. В одной части цоколя находилась баня, в другой части Олег еще не был. Коридор, ведущий в нее, был отделан природным камнем. На стенах висели бра в виде факелов. Михаил прошел в конец коридора, где открыл дверь, сразу за которой оказалась штора из темно-красного бархата. Откинув штору, Михаил и Олег вошли в помещение, в котором медленно зажегся приглушенный свет. Его хватило, чтобы увидеть, что это помещение домашнего кинотеатра мест на пятьдесят. Удобные кресла, выстроенные в виде амфитеатра, смотрели на небольшую сцену и экран. Олег сел в кресло первого ряда.

– Скажи, Олег, у тебя есть музыка, какая-нибудь группа, которая проходит через все твою сознательную жизнь?

– Да, пожалуй, есть, «Depeche Mode», – ответил Олег.

– Что ж, это тоже кое-что объясняет. Сейчас я поставлю тебе ее, чтобы ты сконцентрировался на своем прошлом. Тебе нужно будет мысленно идти в обратном направлении. Я включу экран, на котором будет идти в расфокусированном виде какой-нибудь фильм. Не пытайся вглядываться в экран, это бесполезно, ты там ничего не увидишь. Главный фильм будет происходить у тебя внутри. Это будет фильм о твоей собственной жизни, но он будет развиваться в обратном направлении, от настоящего в прошлое. По ходу всего фильма тебе нужно будет говорить только две фразы: «Я виню себя за то, что...» и «я обвиняю тебя в том, что...». Просто записывай все в свою тетрадь. Когда закончишь, приходи, я буду в каминном зале.

Михаил вышел из помещения. Через минуту свет проектора ударил в экран, а из динамиков послышалась песня «Walking in My Shoes».

Олег мысленно повторял перевод слов песни. Он не переводил текст по ходу, он этого не умел, просто знал наизусть:

«Я рассказал бы вам о том,
Через что я прошел.
О боли, что овладевала мной,
Но этим я смутил бы даже Бога.
О бесчисленных тварях, что возлежали предо мной,
О запретных плодах, что я отведал,
Но, представляю, как бы заколотилось ваше сердце...

А сейчас я не ожидаю абсолютного прощения
За поступки, которые я совершил.
Но прежде, чем вы придете к какому-нибудь
заклучению,
Поставьте себя на мое место.

Да вы бы сломались под тяжестью
Гнета, который я взвалил себе на плечи,
Если бы оказались на моем месте,
Если бы оказались на моем месте...»

Олег хотел спросить, как Михаил смог подобрать как раз ту песню, которая максимально соответствует его состоянию, но Михаил уже вышел.

На экране начали плясать расфокусированные кадры какого-то фильма. Олег пытался понять, что на них происходит, но это было нереально.

Он взял свою тетрадку (вспомнил про Оксану и улыбнулся). Каждое кресло было оборудовано портативным столиком с лампочкой, все это было, вероятно, предназначено для того, чтобы освещать меню, когда сюда приглашались гости, и гостям приносили угощение официанты. Раскрыв тетрадку и положив ее на стол, он откинулся назад, пытаясь сконцентрироваться... или, наоборот, расслабиться, и начал прокручивать свою жизнь назад.

Он мысленно представил тот день, когда впервые очутился у ворот Михаила, и запустил время назад. Его мысли плыли в обратном порядке, как в старом клипе группы «Enigma» под названием «Return to innocence».

...Теплый зал, удобная поза... Мерные блики света и знакомая музыка. В какой-то момент Олег перестал понимать, спит он или бодрствует... Он так устал за последнюю неделю, что организм решил как-то все по-своему. На сознательно задаваемые вопросы ответы стали приходиться в виде ярких сновидений.

Он видел сон, в котором мимо него проходили его друзья, коллеги по работе, близкие, клиенты... Никому из них ему не хотелось сказать: «Я обвиняю тебя в том...» или «я виню себя за то...»

Герои его фильма появлялись улыбающимися и счастливыми и быстро исчезали, уступая место новым, точнее, более старым...

Внезапно он увидел лицо Валерии с презрительной улыбкой. Она тоже хотела пролететь мимо, но он посадил ее усилием воли на стул и сказал ей в глаза: «Я обвиняю тебя в том, что ты заразила меня СПИДом!»

Он вдруг понял, что они находятся с ней в больничной палате, оба лысые и бледные, но почему-то в палате играет музыка. Она играет так громко, что он не слышит даже своего голоса. Она тоже не слышит его, а лишь дерзко улыбается. Повысив голос, он сказал ей то же самое, но опять не услышал себя. Тогда он встал и заорал что есть сил: «Я обвиняю тебя в том, что ты заразила меня СПИДом!» Она прислушивалась и улыбалась, а его это начало бесить. Он хотел схватить ее за полы больничного халата, но руки провалились в пустоту...

Что есть сил Олег принялся орать, не слыша себя, но она не уходила. Он начал колошматить руками по больничной койке, кидать все, что попадало под руку, об стены и пол и в этот наглый фантом Валерии. При этом он орал как сумасшедший, и это продолжалось до тех пор, пока ярость его не ослабла. Фантом Валерии растворился, и вдруг он увидел на койке напротив себя... себя. Лысого, в полосатой пижаме, с выпученными глазами. Он вдруг понял, что это и есть главный виновник его бед. Он встал и заорал: «Я виню себя за то, что так невнимателен к своим словам! Я виню себя за то, что так раздолбайски отношусь к своему здоровью и жизни! Я виню себя за свою безответственность! Я виню себя за свою слабость! Я виню себя за свое... самоубийство!» – вдруг вырвалось у Олега, и он увидел в своей руке красный пистолет. Он целился из него в свой фантом и начал нажимать спусковой крючок, но вдруг понял, что дуло пистолета повернуто на него самого... но было поздно, и он увидел вылетающую из дула пулю. Она летела медленно и степенно, крутясь и разрезая воздух, который расходился в сторону по спирали, как вода от винта корабля... Он развернулся и бросился бежать от этой пули. Первые шаги дались очень трудно, и пуля чуть не коснулась его затылка, но с каждым шагом он бежал все быстрее и быстрее. Это становилось все проще и проще, потому что он становился моложе с каждым шагом. Он ускорялся. Вместе с ним ускорялся ход времени. Сначала минутами летели часы, потом дни, потом недели, потом месяцы, потом годы. Он бежал по улицам своей молодости и видел расступающиеся силуэты старых знакомых. Некоторым он махал рукой, с некоторыми здоровался, но боялся остановиться. Он искал дверь, в которую можно свернуть и спрятаться от пули, которая не оставляла его в покое... Вдруг он понял, что бежит по очень знакомому коридору, коридору следственного управления, где он начинал свою карьеру... а вот и

табличка с его именем.

Он ворвался в свой кабинет и плюхнулся за свой рабочий стол. На столе дребезжал старый желтый телефон с крутящимся циферблатом, он схватил телефонную трубку и закричал: «Да! Алло!» «Ваш отец умер!» – сказал голос из трубки. «Когда?» – «Сегодня ночью, мои соболезнования».

Олег сидел на скамейке возле свежей могилы отца и плакал, выдавливая из себя слезы: «Почему же я не был с тобой рядом?! Почему не держал тебя за руку?! Почему не простался с тобой?!» Он поднял голову вверх и заорал: «Я виню себя за свою черствость! Я виню себя за свой эгоизм! Я виню себя за свою жестокость! Я виню себя за свою бессердечность! Я виню себя за свою слабость! Я виню себя за свое предательство! Я виню себя за свою трусость!» Стая ворон поднялась в небо, закрыв собой солнечный свет.

Он был зол, но зол не только на себя. Перед ним вдруг встали стеной самые тяжкие воспоминания – из его юности и детства, в которых он не мог уже винить себя, так как был еще слишком мал и зависим и, кроме боли и страха, не мог испытывать больше ничего.

Он вдруг ясно увидел залитую желтым светом кухню с потемневшими от сигаретного дыма и засаленных спин стенами, и сидящего на стуле в уголке пьяного отца. Он стоял перед ним и смотрел на него. Он сделал то, что не делал никогда, он закричал со всей силой неистовства, бушевавшего в его душе: «Я виню тебя за то, что ты был старше меня, ты отвечал за мою жизнь, за мое воспитание, но ты плюнул на все это и променял меня на водку! Я виню тебя за твою слабость! Я виню тебя за твою злость, с которой ты выколачивал с мамы деньги на выпивку! Я виню тебя за твою безответственность! Я виню тебя за твое беспробудное пьянство! Я виню тебя за то, что ты ничего не добился, ничего не сделал, а все пропил, и меня, и маму тоже!»

Кухня растворилась в воздухе, а кадры на экране выхватывали сюжеты из его студенчества, школы, но силуэт отца не исчезал, становился лишь моложе, а он, Олег становился все меньше и меньше. «Я виню тебя за то, что вздрагивал по ночам, когда открывалась дверь, потому что боялся, что ты пришел пьяным! Я виню тебя за твою ложь! Я виню тебя за то, что ты никогда не выполнял свои обещания! Я виню тебя за то, что недоедал и недосыпал! Я виню тебя за то, что ты обрек семью на нищее существование!»

Слезы потекли по его щекам. Дальнейшая шкала его детства невольно натыкалась на воспоминания и образы его же, плачущего в подушку и обнимающего свою игрушку – черного с белыми пятнами медведя. Слезы душили его. Он чувствовал, как вся эта невысказанная боль, эти страдания, которые он уже давно забыл, колотили и трясли его, как он тряс своего медвежонка. Он уткнул свою голову в колени, закрыл ее руками и плакал.

Изображение на экране пропало. Олег открыл глаза под «Never let me down again» и почувствовал, что голова его лежит на руках, сложенных на столике. Его тетрадка была чиста, но он запомнил каждый образ и каждое слово из своего сна. «И сон ли это был...» – подумал он, настолько все было явным и осязаемым.

Посидев минут пять и успокоившись, Олег вышел из зала и направился туда, где сидел Михаил.

Увидев измотанного и опустошенного Олега, Михаил кивнул и прямо с порога спросил:

– Нашел ли ты то, что искал? Нашел ли ты то, за что ненавидишь себя? Нашел ли ты того, кого ненавидишь и не можешь простить?

Олег собрался с мыслями и присел на стул у окна. Ему было комфортно от того, что в полутьме Михаил не видел его лица.

– Да, Миш. Я нашел главную причину и чувства вины, и чувства обиды. Я не могу без слез вспомнить свое детство. Причиной является отец, который... вел себя недостойно и с которым я поступил по-свински в конце его жизни... – Олег едва справился с новым приливом эмоций.

– Я понял. Мне не нужны подробности. Ты сам их прекрасно знаешь. Я хочу тебе сказать лишь одно. Все это было в прошлом. А где находится прошлое?

– Его не существует.

– Да, да, именно так. Его не существует. При этом оно продолжает влиять на твою жизнь, мучает тебя, заставляет тебя ненавидеть самого себя и пытается уничтожить! Разве это не бред?!

– Бред. Я понимаю! Но как мне избавиться от этого? Как мне жить с этим грузом?

– Ну, давай начнем с простого, с логики. Если бы не он – ты бы появился на этом свете?

– Нет.

– Идем дальше... Есть ли какие-то хорошие черты, которые помнишь ты, которые тебе передались и помогают, которые нравились другим людям?

– Безусловно, да, что-то есть. Дай, я подумаю... Он в общем-то добрый был, когда трезвый, то есть по-настоящему. Другьям помогал, умел с людьми общаться, с любыми людьми: и сапожниками, и профессорами. Говорил красиво. Чувство юмора имел, память хорошую. Вообще он умный был мужик, читал много в молодости. Ну и еще творческий, хоть я и не люблю в последние годы это слово... А еще он очень свободу любил.

– Хорошо. Ты много чего перечислил. Теперь скажи: есть ли какие-то из этих качеств у тебя? Помогают ли они тебе?

Олег задумался. Для него ответ, который он почувствовал, был удивительным.

– Да, почти все. Да все. И они помогают мне. Помогли достигнуть того, что я имею.

– Хорошо, а что он говорил о тебе, о твоём будущем?

– Он гордился мной, очень часто говорил, что я многого достигну, хвалил меня за любые мелочи, которые я делал сам... когда был трезвый.

– Постой! погоди! Стоп! Этого уже достаточно, чтобы вырастить успешного человека! Твоя программа роста – это не столько вопреки, сколько благодаря! Ты должен это понять и признать! Теперь следующий вопрос: как его отрицательные стороны повлияли на тебя? На твою жизнь? В положительном смысле? Есть ли какой-то плюс?

– Разве только тот, что я не могу обидеть женщину и причинить ей боль. Еще, к алкоголю отношусь очень осторожно. Очень редко пью. Да и профессию выбрал специально противоположную. И поклялся себе, что буду состоятельным, когда вырасту.

– Вот видишь! Ты получил колоссальную прививку от самых частых причин человеческого несчастья! Если расценивать вас как единый организм – то он сыграл роль тех клеток, которые должны были умереть от прививки, зато другие – научились распознавать заразу и бороться с ней! Понимаешь? Мы не можем досконально знать, для чего нас создала Вселенная, каждого из нас, кто какую должен сыграть роль, но представь себе, что его роль – это подготовить тебя к активной и созидательной жизни. Да, таким некрасивым способом! Но Вселенная не выбирает способы по красоте! Есть лишь один критерий – эффективность! Он жил для этой роли и умер для нее. Для того чтобы у тебя все было хорошо! Чтобы ты жил активной, сознательной, обеспеченной жизнью, осыпав бы какую-нибудь девушку и воспитал прекрасных детей. А ты – из-за своей дурацкой обиды и вины бросаешь этот дар под ноги первой попавшейся потаскушке, осознавая, что идешь на риск! При этом ты зачеркиваешь смысл жизни тысяч поколений, которые жили до тебя и чей генный состав улучшался с каждым поколением! Откуда ты знаешь? Может, ты лучший из всех твоих предков? Может, ты венец генной цепочки длиной в тысячу жизней?! Может, твоя задача – развить и передать самые лучшие качества следующему поколению?! Ты хотя бы понимаешь, что ты – это не только гены твоего отца? Их-то, как раз, в общей цепочке, может быть минимум. Ты потомок народа, который завоевал северные территории и научился жить в условиях рискованного земледелия. Народа, который сотни лет оборонялся от нашествий самых могущественных империй! Народа, который совершил множество величайших открытий! Ты это понимаешь? Или твоя близорукость упирается в одно поколение, а дальше как будто ничего не было?

– Да, Миш, я понимаю, о чем ты... Точнее, ощущаю... Ты, когда говорил... Ты не видишь, но у меня даже плечи расправились. Ведь и вправду, не все так плохо было. Иными словами, можно много чего хорошего еще найти и вспомнить!

– Да. Попробуй! Поищи еще что-то хорошее. Запиши себе в календарь – вспоминать

каждый день по одной хорошей вещи из твоего детства! Только хорошей! Да, и еще я хочу тебе дать одну волшебную формулу, которая тебе очень сильно поможет, если ты поймешь ее глубину. Она будет волшебной дверцей в мир новых возможностей и новых ощущений. Ты готов ее запомнить?

– Да, я внимательно слушаю.

– Повторяй ее за мной: «Никогда не поздно иметь счастливое детство». Или давай сформулирую без негатива: «Всегда есть возможность иметь счастливое детство!»

– То есть, ты имеешь в виду представление о детстве?

– Да, еще точнее, разговор о нем, твой внутренний разговор! Ведь где находится детство?

– В прошлом.

– А прошлое у нас где? Нигде. Его нет. Есть только разговоры о нем. Поэтому никто не вправе помешать тебе создать у себя внутри такое детство, которым бы ты гордился, которое вдохновляло бы тебя и вело к подвигам. Это очень просто! Вспоминай! Придумывай! Не важно! Создавай базис для своей будущей счастливой жизни и опирайся на него. Это гораздо проще, чем кажется. Это вопрос решения, вопрос твоего персонального выбора! Если тебе придется выбирать между телегой без лошади и скоростным автомобилем, притом, что у тебя есть цель доехать в пункт «А», что ты выберешь?

– Конечно, машину.

– Так вот, телега без лошади – это твои грустные, тяжелые воспоминания, которые скорее выступают в роли балласта, который ты зачем-то тянешь за собой всю жизнь! На хрен они тебе нужны? Выбрось их к чертовой матери и сядь в машину – в контекст светлых воспоминаний и позитивных внутренних разговоров о себе, если тебе, конечно, хочется добраться в пункт «А», а не рассуждать о том, какой у тебя тяжкий груз за спиной и что сам ты в роли лошади вынужден тащить тяжелую телегу, без колес, бедненький!

Олег засмеялся. Картинка с самим собой, впряженным в телегу, уже выглядела забавно, а без колес...

– Хорошо! Со счастливым детством я понял! Но на всякий случай спрошу, как быть с чувством вины? Ведь если отец был таким хорошим, мне еще сложнее вспоминать, что... что даже не приехал к нему в больницу...

– Хорошо. Давай опять начнем с логики. Тебя это напугало бы самого? Такая перспектива? Такое отношение к тебе твоих детей, если бы они у тебя были?

– Да, конечно, еще как!

– Тогда давай мыслить масштабно. С точки зрения Вселенной, с точки зрения справедливости. Если он вел себя так, как вел, у тебя были причины относиться к нему так, как ты относился? Ведь были?

– Да, объективно были.

– Ну, вот представь, что ты бы с честью выполнил свой сыновний долг, взамен на то, что он не выполнил свой – отцовский. Что бы это могло посеять в твоём подсознании? Какие семена?

– Безнаказанности. Делай что хочешь, все равно все будет хорошо. Так, скорее всего.

– Да. Я тоже так думаю. Возможно, ты понял бы для себя, что тебе тоже можно особенно не стараться...

– Просто понимаешь, Миш. У меня в чем-то похожая ситуация сейчас с другим близким человеком... с мамой. И я нашел путь изменить ситуацию... Совсем недавно. Буквально на прошлой неделе.

– А может, потому и нашел, что прошлая ситуация окончилась так печально для тебя? Может, это уберегло тебя от новой потери? И ты не сравнивай свой опыт сегодня и опыт двадцатилетнего (тебе же примерно так было?) пацана. Все-таки в его возрасте он должен был отвечать за тебя, а не наоборот. Каждый должен нести ответственность или выносить уроки из своих поступков! Ты не всегда боец на страже интересов Вселенной... иногда просто орудие, особенно тогда, когда не осознаешь, что и зачем ты делаешь.

– Да я все это разумом понимаю! Но все равно тяжковато на душе. Я бы хотел перед ним извиниться...

– Тяжко и будет, пока ты не сделаешь то, что хотел бы сделать!

– Миш! Ты в своем уме? Он умер уже десять лет назад.

– Олег! Я знаю, что ему уже, наверное, все равно. Я понимаю, что это нужно тебе, только он для этого тебе не нужен. Мне кажется, его образ настолько ярко живет в тебе, что ты без труда сможешь с ним пообщаться мысленно, или написать ему письмо. Этого будет вполне достаточно. Вернись обратно в зал и сделай это. Просто пойми – это даже более реально, чем ты думаешь.

Олег вернулся в зал. Когда глаза привыкли к темноте, он нашел свое место, сел за столик и открыл тетрадь. Здесь, в полумраке, в большом зале, в звуках тихой музыки (звучала как раз «World Full of Nothing» Depeche Mode, из альбома 1986 года) он ощущал, что он не один, не одинок. На минуту он представил себе сидящими в зале всех предков и по отцовской, и по материнской линии. Он как будто должен был держать перед ними ответ, должен был извиниться перед ними за свое отношение к тому дару, который он только теперь смог оценить.

Он вдруг на физическом уровне почуял запах отцовского одеколона и табака, но сейчас он не раздражал его. Отец много курил. Когда он возвращался откуда-то, когда Олег его долго не видел и обнимал его, от него так приятно пахло одеколоном и табаком...

Олег начал писать... Сначала медленно, обдумывая каждое слово, затем слова понеслись, уже как бы независимо от его сознания, и он только успевал записывать их на бумагу...

«Привет, пап! Как я давно тебя не видел! Пап, я хочу тебе сказать... Ты не представляешь, как много я хочу тебе сказать... Я соскучился по тебе. Мне не хватает тебя. Мне всегда очень не хватало тебя... даже когда ты был живой. Пап, ты не представляешь, как сложно расти в мире, где надо драться и не видеть перед собой идеал! Но я сейчас не об этом! Да, мне было тяжело, ты мучил и меня, и мать. Я стыдился тебя, вместо того, чтобы гордиться. Я боялся тебя, вместо того, чтобы уважать, а когда перестал бояться, перестал обращать на тебя внимание! Но я сейчас понимаю! Ты не мог по-другому. Ты не знал того, что сейчас знаю я. Тебя воспитывали тоже мама с папой, которых воспитали их родители... Мне нельзя тебя за это винить. Просто пойми, что мне было очень больно... Пойми и прости меня! Прости, что не был с тобой в твой последний час! Может, поэтому ты и умер, что никто не сидел с тобой рядом и не держал за руку! Я хочу тебе сказать одно, что я простил тебя. Я прощаю тебя! Я обещаю позаботиться о маме! Я обещаю, что проживу остаток своих дней так, чтобы ты гордился мной... Да, мы, возможно, скоро встретимся с тобой, хотя и не должны были встретиться так рано. Но я все равно обещаю тебе, что моя жизнь не будет пустой! Я хочу сделать что-то очень важное! Я хочу, чтобы в этом мире стало больше света и любви! Я многое понял и хочу делиться этим с другими! Я знаю ответы на многие вопросы, которые раньше не давали мне покоя! У меня есть таланты, которые ты передал мне, и один из них – это талант общения с людьми! Я воспользуюсь им, чтобы сделать этот мир добрее! Я понял, пап, только любовь может изменить человека! И сейчас я хочу сказать тебе очень важную вещь... Я хочу сказать, что люблю тебя. Вот я здесь, рядышком с тобой, твой Олег. Ты называл меня в детстве Мультиком. Вот я рядом с тобой, я люблю тебя, хочу, чтобы ты знал об этом. Знай, я помню все хорошее в тебе и обещаю, что сохраню этот дар... Ты можешь теперь спокойно идти! Я отпускаю тебя и прощаю тебя!

Я прощаю и тебя, Валерия, за то, что ты сознательно подвергала меня смертельному риску. В конце концов, я многое понял благодаря тебе.

Я прощаю себя за все, что не давало мне раньше покоя. И за мою черствость и безразличие, и за то, что подвергал себя риску. Я делал это не осознанно, а теперь я понимаю все. Я благодарю себя за тот путь, который я проделал. Я прощаю себя. Я люблю себя!»

Олег положил ручку и закрыл тетрадку. На душе вдруг стало тепло и спокойно, как в детстве, когда тебя спасает от темноты рука любящего родителя. Олег захотел встать, выпрямиться, и вдруг почувствовал, как огромная каменная глыба, лежавшая на его плечах, упала вниз с вершины горы, на которой он стоял теперь с высоко поднятой головой и дышал широкой грудью.

Слезы высохли на глазах. Спокойствие и уверенность сделали его на пару сантиметров выше и убрали с лица маску напряженности и тревогу в глазах. Он вышел из кинозала и пошел по коридору. Он ощущал на физическом уровне небывалую легкость и решимость. Словно бы сотни рук, рук его предков, поддерживали каждое его движение... Он не вспоминал то, что происходило в последние несколько часов. Это было уже в прошлом и было уже не важно. Он даже не знал, сколько времени прошло, но понимал, что он стал совсем другим. Он словно бы выплакал все слезы, которые копились в нем эти годы, выкричал все слова, которые боялся произносить даже в мыслях, и поменял все клеточки в своем организме. Тело стало более молодым и пружинистым. Ему хотелось физической нагрузки и... танцевать.

Михаил оторвался от книги и окинул Олега взглядом, как только тот вошел.

– Я даже не буду спрашивать, как твои дела. Спрашивать не у кого! – с улыбкой произнес Михаил. – Отсюда уходил один Олег, а вернулся другой! Видел бы ты себя в зеркало! Ай, красавчик! Не мальчик, но муж! – продолжал приговаривать Михаил.

– Спасибо! Я знаю! Я рад, что и ты это заметил! А вообще, Миша, спасибо тебе за все, что произошло со мной в последнее время. Клянусь, я ни о чем не жалею! Я благодарен тебе!

– На здоровье, Олег! В этом есть и мой прямой интерес! Чем больше вокруг здоровых, сильных и успешных людей, тем крепче мир вокруг меня, тем меньше предрассудков и больше возможностей! Ты сейчас находишься в очень мощном энергетическом состоянии. От тебя буквально искрит! В этом состоянии ты можешь совершать все, что запланируешь. Запомни его, как я тебя учил, и возвращайся к нему, когда нужны будут силы.

Олег сложил с силой пальцы рук, как показывал ему Михаил, и почувствовал состояние каждой клеточки своего тела, запоминая малейшие детали.

– Присядь уж, супермен! – сказал с одобрительной улыбкой Михаил.

Олег присел на кресло.

– Так что, говоришь, за преграда стоит между желанием и результатом? – с прищуром спросил Михаил.

– Кроме самого слова «преграда» – больше ничего, – улыбнувшись, ответил Олег.

– Что ж, замечательно! Ты тут сидишь, такой сильный и решительный. Знаешь, как достигать своих целей. Полюбил себя... а что дальше?

– В смысле? – Олег настолько пребывал в упоении от своего состояния, что даже не понял, что за мелочные вопросы задает ему Михаил.

– В смысле – зачем это все тебе? Что ты будешь с этим делать дальше? У тебя есть хороший автомобиль, ты нашел свой пункт «А», но где твой пункт «Б», куда нужно прибыть, и есть ли он вообще у тебя? Или будешь теперь гонять по всем дорогам, как прыщавый пацан, пока не кончится бензин или не разобьется машина?

– Миш, я понимаю, о чем ты говоришь. Ты говоришь о смысле жизни. Точнее, о смысле моей жизни.

– Я не знаю, что такое смысл жизни.

– Как? А мне, кажется, знаешь больше, чем многие другие...

– Те, кто пытались его найти, заканчивали жизнь самоубийством. Знаешь, почему? – Михаил сделал паузу. – Потому что его... не существует!

Олег снова впал в состояние неопределенности. Он подыскивал слова.

– Подожди, но есть же какие-то объективные вещи: что-то построить, посадить дерево, ребенка родить...

– И что, сделав это, ты готов будешь умереть в ту же секунду?

– Нет! А зачем умирать?

– Просто смысл – это конечная цель, достигнув которую, ты выполнил то, ради чего тебе дан этот инструмент! Думать, что ты нашел смысл жизни и исполнил его – так же губительно, как и думать, что не нашел его!

– Почему?! Ты же противоречишь самому себе!

– Да нет тут никакого противоречия. У меня есть один знакомый. Очень интересный, перспективный бизнесмен... был. Вдруг запил в пятьдесят лет... Пил страшно, очень быстро стал скатываться. Каждый день тянулся к бутылке. А у него семья. Нормальная семья. Жена. Сын и дочь. Мне жена его говорит: «Поговори с ним! Вроде все нормально же у нас... Почему он так пьет?» Я с ним встретился как-то с утра, когда он еще трезвый был, и задал такой же вопрос, и знаешь, что он мне говорит? «А зачем мне жить? У меня все есть, чего я достичь хотел. Дочку и сына вырастил. Внуки уже родились. Квартира есть. Бизнес работает. Жена не пропадет. Я все сделал. Зачем мне жить?»

Понимаешь? Если ты решил, что смысл твоей жизни в чем-то конкретном, чего можно достичь – ты заранее ставишь себя под пулю или петлю!

В чем смысл первой ступени космического корабля? Вывести его на определенную высоту, после чего она отбрасывается! В чем смысл карточной игры в дурака? Остаться без карт! Вот ты без карт! И что? А ничего! Карты больше не нужны, если не будет следующей игры! Сколько будет еще таких партий? Сколько сотен и тысяч поколений видоизменялись – животные, птицы, рыбы, насекомые, травы, чтобы приобрести средства для выживания и развития: защитную окраску, способы добывания пищи, способы защиты от неблагоприятных погодных условий и т. д. В чем был смысл жизни конкретной рыбы, если ее не сожрала другая рыба еще мальком? Да ни в чем! Кроме того, чтобы стать на одну клеточку совершеннее и передать это свойство следующему поколению! Если смысл твоей жизни лежит далеко за ее пределами, тебе не дано его понять. Единственное, что ты можешь делать, это развиваться и расти! Быть чуть лучше, чем твои родители, и воспитать детей, которые должны быть лучше тебя! В этом я вижу глобальный смысл.

– Так, подожди! А как же тогда жить? Ради чего? Просто совершенствоваться в самом себе и все? Это же скучно и... глупо!

– Вот тут ты попадаешь в другую ловушку. Если ты считаешь, что смысл есть, но ты не нашел его, это тоже петля.

– Так как же быть? Как жить, если там и там петля? Если настоящего смысла не понять? Как же стремиться к чему-то, что считаешь великим, делать открытия, делать добрые дела?

– Попей еще чайку. – Михаил налил чашку ароматного чая. – М-да... Между двумя петлями. А ведь знаешь, так оно и есть... Ты рождаешься независимо от твоей воли и умираешь тоже. Это две вещи, которые от тебя не зависят. Все же остальное в твоей сознательной жизни должно зависеть от тебя, в том числе и смысл жизни.

– Как это? Если я не могу его знать? – Олег отхлебнул чаю.

– А воображение тебе на что?! Придумай его! Придумай себе смысл жизни! Придумай его таким, чтобы он выходил за пределы твоей жизни, то есть был гораздо больше, шире, дольше, глобальнее, увлекал новых людей! Придумай его так, чтобы он зажигал тебя и людей вокруг тебя. Придумай его таким, чтобы он соответствовал законам природы и вселенной, то есть был созидательным и экологичным. Пусть он соответствует твоим внутренним природным талантам. Тебе должно нравиться исполнять его! Тогда твоя жизнь превратится в увлекательнейшую историю, которую тебе будет интересно прожить. У тебя больше не будет вопроса: в чем смысл жизни, и ты никогда не сможешь сказать, что сделал уже все, что хотел. Это можно не называть смыслом жизни, можно назвать миссией. Твоей миссией на земле. Для чего-то ведь ты родился на этот свет! Со своими особенностями и талантами. Просто прислушайся к себе. Что ты умеешь делать лучше всего? Что тебе нравится делать независимо ни от чего? От чего ты получаешь настоящее удовольствие? Как это можно использовать, чтобы сделать этот мир немного лучше. Подумай. Прислушайся к себе. Запиши это к себе в тетрадку и возвращайся к ней всегда, когда тебе тяжело или когда что-то идет не так.

Эти слова заставили Олега задуматься. Он стал вспоминать, что же он делал в последние дни, что приносило ему внутреннее умиротворение и имело смысл больший, чем удовлетворение сугубо личных потребностей. «Общение с Кешей!» Его образ появился сразу же перед глазами Олега. Он вдруг понял, что видеть то, с каким интересом Кеша трудится над своими маленькими шедеврами, и то, с какой благодарностью он потом смотрит на него – для него является самым ярким и самым теплым впечатлением и самой большой радостью. Еще он с удивлением обнаружил, что сам с удовольствием участвует в этих мастер-классах. То табу, которое он наложил сам себе на занятие творчеством, вдруг показалось смешным и инфантильным... Он вспомнил, что с детства любил делать что-то своими руками: рисовать, лепить, раскрашивать – и отказался от этого абсолютно сознательно, чтобы противопоставить свою рациональную часть природы – эмоциональной. И вдруг выяснилось, что он скучает по этому. По запаху льняного масла и живичного скипидара. По густой яркой краске. А эти новые ощущения при работе с раскаленным металлом и живой глиной...

Это отвлекало его от черных мыслей, заразило энтузиазмом Кешу.

«А скольких еще детей со страшными диагнозами могут вернуть к радости жизни такие нехитрые занятия? И ведь каждое изделие – это микроцель, микрорезультат. Ведь как много их еще можно достичь, несмотря на то, что жить, может быть, осталось и не очень много... Я вижу огромный центр, – продолжал размышлять Олег, – где все мастерские находятся вместе. Возможно, где-то за городом. Чтобы был свой двор и свежий воздух. Ведь сколько еще можно всего придумать: делать бумагу, а потом рисовать на ней пастелью, выдувать что-то из стекла, расписывать ткани, резать из дерева, расписывать деревянные и глиняные игрушки. Ведь можно найти хороших мастеров, которые научили бы таких детишек делать это профессионально. Лучшие вещи можно было бы тут же продавать в благотворительном магазинчике. У ребенка появится предпринимательская жилка, кому это надо. Опять же, таких лоботрясов, как я, можно было бы развлекать платно и деньги использовать для нужд тех же детей! Вот ведь как красиво все получается! Да. Потом это все можно открывать в других городах и, может быть, даже странах. В общем, точно, не на одну жизнь хватит».

Олег одним глотком допил оставшийся чай и выдохнул. Михаил с любопытством посмотрел в его одухотворенное лицо.

– Миш! А ведь я, похоже, нашел, точнее придумал, смысл своей оставшейся жизни! Правда, сейчас это все гораздо грандиознее, чем мои финансовые возможности...

– Опять ты за старое! Не успел придумать себе мега-цель, как тут же придумываешь препятствия. Не забывай, что ты не один на планете! Есть люди, которые также пробудились, поняли что-то для себя и хотят помогать этому миру быть лучше. Ты будешь встречать их с каждым днем все больше и больше.

– А как мы друг друга узнаем? Есть кодовые слова или специальные татуировки? Или хотя бы спецодежда, типа оранжевых балахонов? – Олег засмеялся.

– Зря смеешься. Скоро сам удивишься, как легко вы будете узнавать и находить друг друга.

– Миш, знаешь, я не привык как-то к сотрудничеству. Честно. Привык на себя полагаться. Руководить вроде научился. Делегировать тоже, причем не без твоей помощи. – Олег прижал руку к груди и слегка поклонился головой. – А вот работать в команде не умею.

– Ты жалуешься или хвастаешься?

– Блин, наверное, хвастаюсь! – Олег засмеялся.

– Даже ты, уже в чем-то более продвинутый и подготовленный к рискованному путешествию, периодически застреваешь в своих установках, которые тебе явно мешают. Вот скажи, объективно, – умение работать в команде сделало бы тебя сильнее?

– Да, сделало бы.

– Тогда не говори «не умею». Эта фраза выключает твой мозг. Он отказывается работать после нее. Фактически «не умею» означает «не хочу учиться». Поэтому, если ты не намерен ставить крест на чем-то, лучше говорить...

– ...«хочу научиться». Я догнал. Я и вправду хочу. Но не з... Точнее, хочу узнать, как

это сделать.

– Вот видишь! Поменял всего несколько слов в предложении и открыл разум для восприятия нового.

Олег наклонился вперед, чтобы выслушать внимательно, что ему скажет Михаил.

– Только извини, Олег, ничем помочь тебе не могу.

– В смысле? Почему?

– Ты машину как учился водить?

– Сидел в машине и ехал вместе с инструктором.

– А если бы учился по рассказам инструктора – далеко бы уехал?

– Понял. Практика.

– Да, Олег, только она, родимая. Практика. От виртуального секса дети не рождаются.

– ... и СПИД не подхватишь, – вырвалось у Олега.

– Не путай обдуманый риск и раздолбайство! Если действительно хочешь научиться работать в команде, предлагаю тебе следующий способ: приди домой, запиши в тетрадку свою миссию, которую ты хочешь выполнить, и запиши, какие первые пять шагов тебе нужно сделать, чтобы все начать. При этом по каждому пункту обязательно запланируй действия, которые ты не сможешь сделать один, а тебе нужно будет обратиться к кому-то за помощью, в том числе и к незнакомым людям. Это должны быть люди, каждый из которых в чем-то сильнее и опытнее тебя. Да и они должны зажечься твоей идеей, как и ты. Нет более жалкого зрелища, чем тоталитарный лидер и стадо баранов вокруг него. Запомни! Команда победы – это команда лидеров, команда сильных людей, которых объединяет самое главное – общая цель.

– Да, но как быть, если один из них ужасно хочет есть?! – внезапно спросил Олег. Он вдруг почувствовал, как он голоден. Он почти ничего не ел. А все его предыдущие переживания высушили его желудок, как белье в стиральной машине в режиме сушки.

– Ой, да, слушай, заболтались мы что-то! Хорошо, что не постеснялся напомнить, а то пропала бы свежайшая телятинка, которую я успел поставить тушиться, пока ты работал над собой. Пойдем.

Михаил и Олег проследовали на кухню.

Оказалось, что Михаил великолепно готовит. В стеклянных пузырьках и баночках у него красовались настойки разных трав на оливковом масле, бальзамико, сухие травы в баночках, привезенные с разных концов Земли.

К телятине прилагался великолепный ризотто с черносливом. Михаил достал бутылку красного вина и большие бокалы.

– Пока стоят такие холода, еще можно пить бордо. У меня есть очень мягкое, на удивление, бордо к телятине. Много я тебе не налью, тебе еще за руль сегодня. Но ведь несколько часов ты еще побудешь? Хочешь продегустировать?

– Да, если только чуть-чуть.

Михаил налил из бутылки в прозрачный декантер пол-бутылки вина и начал взбалтывать. Вино взорвалось, вращаясь по спирали сотней рубиновых цепочек, сверкающих и движущихся, как украшения на теле танцовщицы фламенко.

– Это молодое танинное вино. Нужно насытить его кислородом, если ты не хочешь ждать час, а то и больше, пока оно раскроется, – пояснил Михаил.

Разлив по половине бокала вина, Михаил предложил тост за здоровье Олега. Вдохнув аромат вина, пахнувшего землей и земляникой, Олег медленно сделал глоток, ожидая, как вино совершит свое путешествие по языку, коснется нёба и просочится внутрь. Еще никогда вино не было таким вкусным! Он почувствовал запах тенистых ферм и нагретых солнцем камней. Воистину, хорошее вино способно рожать образы тех мест, где был собран виноград.

Михаил положил еду на большие тарелки, сделанные вручную из глины и не покрытые эмалью. После этого он достал большой глиняный горшок с мясом из печки. «Все это тоже из лавры», – прокомментировал Михаил. Эти живые оттенки красной глины с темными

прожилками темных рисок, мелкими неровностями и «неидеальностями» замечательно украшали стол.

Мясо было удивительно нежное с пикантным привкусом трав, названия которых Олег даже не знал. Расколотый на мелкие кубики кусок пармезана дополнял картину запахов, фактур и вкусов. Мелкие зернышки скристаллизовавшегося молока приятно терлись о зубы.

– Попробуй, макни в бальзамико! Такого ты точно у нас не купишь, мне подарила эту бутылочку хозяйка фермы в Италии, где мы останавливались с семьей этим летом. У них там в каждом уважающем себя доме обязательно делают свой бальзамико. Вот этому – двадцать пять лет! – Михаил налил немного в блюдечко, бальзамико был густой, как свежий мед. В сочетании с сыром он действительно давал неповторимый вкус.

Олег с удовольствием ел. Вот ведь! Казалось бы, такая мелочь, как еда, а тоже может вовлечь тебя в определенную историю, создать особенное настроение. Может, поэтому он не любил гамбургеры. Они так молчаливы!

– Миш! Я восхищен! Великолепное мясо! И все твои приправы! Я в восторге! Как ты готовишь такую телятину?

– А как ее можно готовить невкусно?! Знаешь, в чем главный секрет?

– Да уж поведай! Раскрой секретный ингредиент!

– Все очень просто. Я не имею права плохо приготовить кусок плоти из бывшего живым существа. Я благодарю его за то, что он попал на мой стол, и обещаю ему, что приложу все силы для того, чтобы он стал кулинарным шедевром.

– «Плохая отмазка», – сказали бы тебе вегетарианцы.

– Поэтому я у них и не спрашиваю! Я не каждый день ем мясо. Люблю морепродукты, но раз в неделю обязательно себя балую.

Доев в тишине свою пищу, Олег еще раз поблагодарил Михаила и попросил заварить чаю с чабрецом.

Михаил заварил чай и разлил его по чашкам. За окном было уже темно. Он включил лампу над столом, приглушив остальной свет, сел напротив Олега и спросил:

– Слушай, Олег! Я хочу задать тебе вопрос. А куда ты тратишь все свое освободившееся время? И не ухудшило ли твое решение твое материальное положение?

– Начну со второго вопроса. Нет, не ухудшило. Пока рано считать цыплят, но новый договор должен прибавить в моем кошельке денег, даже несмотря на то, что половину я теперь отдаю.

– А ты считаешь себя финансово независимым?

– В общем, да.

– А если твои компаньоны не справятся с бизнесом и развалят его? У тебя останется финансовая независимость?

– Ну, уж год-то точно проживу.

– А ты уже дальше, чем на год, не заглядываешь? Рановато на себе крест поставил!

– А к чему ты спрашиваешь?

– Хочу узнать, что ты думаешь об инвестировании, пользуешься ли таким финансовым инструментом?

– Ничего в этом не понимаю, к сожалению. А словосочетание «финансовый инструмент» звучит для меня так же страшно, как и «инструмент стоматолога». Для меня это темный лес. К тому же, боюсь, что не доживу до того момента, когда смогу применить полученные знания, если начну их осваивать сейчас. – Олег задумчиво посмотрел в потолок. – Но если вдруг завтра выяснится, что у меня все в порядке, тогда займусь этим вопросом.

– Да, кстати, по поводу завтрашней встречи, в ю часов жду тебя у метро «Площадь Ленина».

– Хорошо, я буду.

– Слушай, Олег, а почему у тебя нет до сих пор семьи? Ты вроде взрослый мужик уже? – Михаил пристально посмотрел на Олега.

– Да ты знаешь, еще не нашел свою единственную.

– А варианты есть?

– Пока нет. Или уже нет.

– И что, ты никогда не влюблялся, ни с кем не встречался?

– Да уж полгода случайными связями перебиваюсь. А до этого была девушка. Красивая. Хорошая. И вроде долго встречались: несколько лет и любовь была, и страсть, а потом как-то все стало остывать. Сначала привыкли друг к другу, потом стали раздражать. Ну, знаешь, как это бывает?

– Не знаю. – Михаил пожал плечами. – У всех по-разному бывает.

– А у тебя как?

– А я до сих пор периодически влюбляюсь заново в свою жену.

– А сколько лет вы вместе?

– Двадцать пять.

– Обалдеть! И что, все двадцать пять лет тишь, гладь, да божья благодать?

– Нет, конечно! Были и трудные моменты в жизни, и разочарования, и сомнения, и усталость... Все было, это жизнь! Но, оглядываясь назад, могу сказать, что не жалею ни о чем, что случилось, и ни разу за всю жизнь не встречал другой женщины, которую мысленно мог бы поставить на место моей жены.

– Повезло. Нашел свою половину.

– Бред сивой кобылы...

– Что?

– Нытье прыщавых подростков и инфантильных личностей про «единственную», про «нашел – не нашел», про то, что «все дело в человеке, которого надо просто найти». Хрень полная и чушь собачья!

– Поясни! – Олег недовольно хмыкнул.

– Пойдем к камину!

Михаил вышел, за ним вышел Олег. Свет автоматически выключился и зажегся в коридоре. Придя в гостиную, Михаил открыл камин и бросил туда три полена. Поленья занялись пламенем, приятно озарив комнату. Точечки искр взмыли вверх.

– Что я сейчас сделал? – спросил Михаил.

– Подкинул дров в камин.

– А если бы не подкинул, что было бы?

– Погас бы огонь через некоторое время.

– И что бы ты на это сказал? «Это не настоящий огонь! Это не те дрова были!» Или что еще?

– По-моему, аналогия с огнем привязана за уши, – Олег решил поспорить.

– Ну, во-первых – аналогия с чувствами как раз таки прямая. Если говорить о гормональном фоне влюбленности, то он как раз постепенно поднимается, достигает максимальной точки, а потом падает. А во-вторых, любовь – это не влюбленность.

– А что?

– Решение, за которое надо отвечать.

– Подожди, а чувства, а влечение, а симпатия, а когда не можешь быть без своей половинки?

– Это все относится к влюбленности. Она у тебя была с твоей последней девушкой?

– С Катей? Да! Знаешь, как мы... В общем, да, была.

– Тебе нравился ее запах? Я спрашиваю не из любопытства. Просто это генетический код, который позволяет людям не вступать в половые связи с людьми со сходным ДНК во избежание уродств. Не зря же есть расхожее выражение – «снюхались». Современные духи и дезодоранты забивают этот естественный ориентир, но в момент близости все становится понятно.

– Да, я слышал об этом. Я балдел от ее запаха.

– Вам было хорошо хоть какое-то время? Вам было интересно друг с другом?

- Какое-то время было. А потом... Как-то все сошло на нет. Угасло.
- Ага! Все-таки дрова?!
- Ну, пусть будут дрова, что это меняет?
- Это меняет все. Чтобы огонь горел, их нужно подбрасывать постоянно. А для этого нужно просто принять решение об этом. В определенный момент. Когда влюбленность уже прошла, а вам все еще хорошо вместе.
- И что это за дрова?
- А ты вспомни сам. Вспомни тот период, когда вы только начинали встречаться. С ее стороны это новое платье или юбочка, новая прическа, другой макияж, новый образ, новые ласковые слова. С твоей – новые поступки, новые места, удивительные ресторанчики, музеи, театры, выставки. Пока есть ощущение новизны, первого раза, неизведанного – жизнь полна красок и каждый день запоминается, как и любой день, когда что-то делаешь в первый раз...
- Я, кстати, недавно думал о том, что старость – это когда все делаешь, возможно, в последний раз...
- Ну, так и продолжи аналогию! Значит, молодость – это пока что-то делаешь в первый раз! Каждый день делаешь что-то в первый раз! Любовь – это не слова и чувства! Это действия! Это желание сделать что-то новое, интересное для любимого человека! Удивлять его!
- Но ведь рано или поздно первые разы закончатся, и что тогда?
- Да кто тебе сказал, что они закончатся? В мире столько интересного! Столько новых мест, где можно побывать, стран, городов, деревенок. Каждый день выходят новые спектакли, книги, фильмы. Столько возможностей попробовать себя в новых видах отдыха, спорта, творчества! Баловать друг друга новыми кулинарными изысками, сейчас ведь купить можно все, что хочешь, из продуктов! Хоть морского черта! А сколько можно придумать образов друг для друга, чтобы разнообразить секс! Можно периодически «знакомиться» друг с другом заново. При этом каждый раз придумывать себе новую профессию и историю жизни! Быть капитаном, подводником, стюардессой, врачом, бандитом, шпионом!
- Слушай! Ну, это как-то все искусственно!
- Да. Как мы не любим слово «искусственно»! Оно стало как ярлык! А ведь корень в нем – слово «искусство»! Что плохого в искусстве? Что плохого в том, чтобы проявить фантазию и создать образ, создать настроение? «Искусственность» и отличает человека от животного! Животное живет «естественно» в том мире, в котором родилось, и приспособливается к нему. Человек же создает свой мир! Оглянись вокруг – все, что ты видишь – создано искусственно, кроме самой природы!
- Ну, хорошо, а как быть, если любовь закончилась?
- Она может быть закончена только в одном случае – если ты принимаешь решение ее закончить!
- А если я хочу, чтобы она продолжалась!
- Что ты делаешь, если у тебя закончился хлеб?
- Иду в магазин и покупаю.
- Когда закончился тот, что купил?
- Снова иду и покупаю.
- А если в магазине нет?
- Как нет?
- А вот так. Кончился. Кризис наступил. Неурожай. Не привезли.
- Значит, без хлеба.
- А как сделать так, чтобы он никогда не кончался? Вообще никогда!
- Жить в хлебном магазине?
- Там его не производят. Он может закончиться и в нем.
- Ну, не знаю. Значит, там, где производят. Построить свой хлебозавод?
- Видишь, а говоришь – «не знаю»! Все правильно! Если тебе не хватает любви, доброты, нежности, заботы, понимания, сексуальности – начни быть любящим, добрым,

нежным, заботливым, понимающим, сексуальным! Все просто! Кончилась любовь – начни любить! Я не говорю о случаях, когда взаимной любви никогда и не было! Тут, как говорится, насильно мил не будешь. Но это же не ваша история? Как я понимаю, она не сливала на тебя с балкона помои, пока ты пел серенады, и не нанимала себе телохранителя, чтобы ты к ней не пристававал, когда она возвращается вечером домой?

Олег засмеялся.

– В общем, нет, все было очень даже хорошо, до поры до времени... А как насчет того, что нельзя войти в одну реку дважды, и т. д.?

– Во-первых, река все время меняется, меняетесь и вы. Посмотри на себя. Поэтому в любом случае то же самое не будет. А, во-вторых, вы еще и первый раз не вышли из реки.

– Почему это? – удивленно спросил Олег.

– Да потому что я вижу, что тебя это до сих пор волнует. Ты же переживаешь. Это видно. Если она в таком же состоянии, зачем заниматься мазохизмом? Сидите, как два дурака, и страдаете. Бред.

– Может, откроешь еще какой-нибудь секрет семейной жизни?

– А ты что, со мной в брак решил вступить? – Михаил засмеялся.

Олег посмеялся тоже. Достал из кармана портмоне. Там лежала фотография Кати. Он посмотрел на нее с ностальгией. Ведь и вправду, столько ярких и приятных моментов он не переживал больше ни с кем.

– А если серьезно, надо не у меня спрашивать, – продолжил Михаил. – Спроси у Кати! Потрудишься научиться разговаривать с человеком, близким тебе. Научись доносить до ее понимания все, что тебе хочется и не хочется, нравится и не нравится. Имей смелость высказывать свои фантазии, делиться ими. Договорись, что она будет поступать так же! Договоритесь, что это будет единственный ваш общий путь решения всех вопросов. Это процесс обязательно взаимный! Нет ничего более разрушительного, чем молчание с намеком: «Догадайся сам!» Все многозначительные молчания – унижительнейшая манипуляция, которая ни к чему, кроме финала, не приведет. В общем, мой секрет в том, что я разговариваю со своей женой.

– Да. Все просто звучит.

– Гораздо проще, чем ты думаешь. Вот, например, сейчас я тебе скажу, что у меня есть еще некоторые дела, и я хочу на сегодня прервать наше общение. Тебя это обидит?

– Нет, конечно. – Олег подумал, что уже и вправду засиделся.

– А если бы я сейчас начал раздражаться, хмурить брови, комкать ответы на вопросы и посматривать в окно, тебе было бы понятно, что у меня просто больше нет времени с тобой общаться?

– Нет, варианты могли бы быть разные...

– Вот и я о том же! Домой, Олег! Не забудь записать в тетрадку все свои выводы и переживания, если они у тебя были. Это пригодится, когда снова начнешь терять ориентиры.

– Не начну!

– Запиши.

– Запишу.

Олег проследовал к выходу. Михаил проводил его. Одевшись, Олег замешкался. Ему хотелось как-то поблагодарить Михаила. Чувство благодарности билось в нем как птица в клетке. «Блин, да что я торможу!» – подумал Олег, а вслух сказал:

– Дай обниму тебя, гуру!

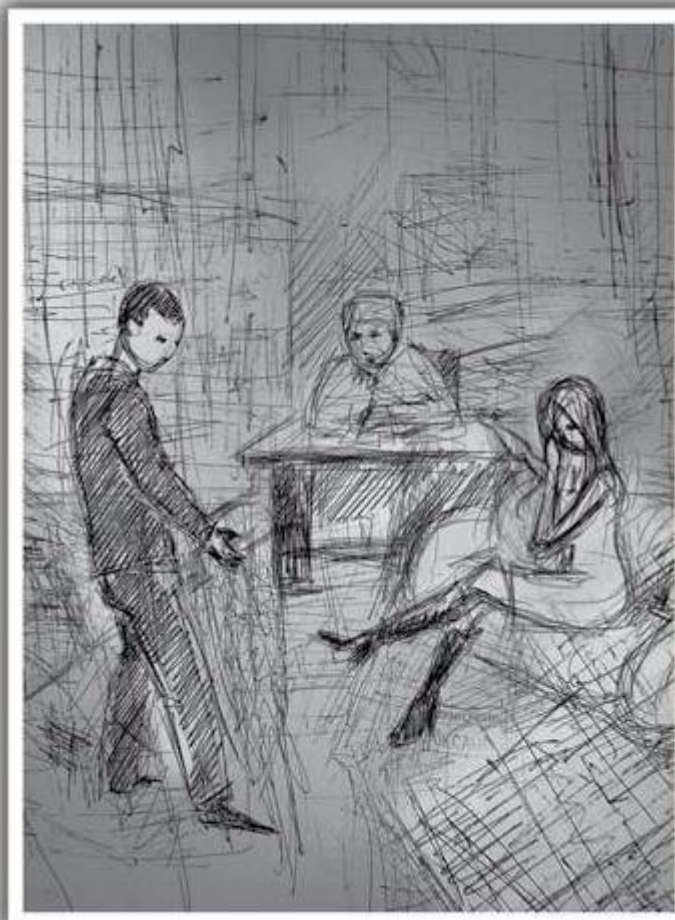
Михаил ничего не ответил, просто сделал шаг навстречу и обнял Олега.

– Я рад, что ты научился быть искренним. Ты сейчас открыт. От тебя исходит тепло и свет! Будь таким, и все у тебя получится! – с теплом сказал Михаил, прощаясь с Олегом.

По дороге домой Олег позвонил маме, позвонил Кеше, позвонил дяде, с которым давно не общался. Ему просто хотелось пожелать всем хорошего, теплого вечера.

За окном автомобиля лупил дождь.

Покер Шутов

Без двадцати десять Олег был у Финляндского вокзала. Озирающиеся по сторонам бабушки колдовали над шерстяными носками и квашеной капустой (кому нужна квашеная капуста и носки в десять утра?!). Люди, прячущие в землю свои глаза, одетые в оранжевые комбинезоны, подметали грязный снег. А снег снова падал. Озабоченные люди, уже с утра уставшие и раздраженные, спешили, опережая друг друга, к своим конвейерам, станкам и столам.

Олег вышел из машины и встал посередине этой спящей толпы. Он стоял и улыбался. Мокрые снежинки падали на его щеки. Он улыбался и искал глаза людей, чтобы подарить им частичку хорошего настроения. Но люди не обращали на него никакого внимания. «Может, я уже умер и стою здесь призраком? Как в кино! – с улыбкой подумал Олег. – Впрочем, снежинки тают на лице!»

Он стал желать прохожим доброго утра и хорошего дня. Люди начали шарахаться и обходить его стороной. Одна девочка с портфелем за спиной ответила: «Спасибо, дядя!» – и, проходя, проводила его глазами, пока мама не одернула ее за руку.

Внезапно перед ним появился человек в плаще-пуховике, с натянутой на брови шапочкой. Лет сорока, с бегающими глазами.

– Что продаешь или покупаешь? – быстро спросил он.

– Да ничего! Улыбаюсь! Хорошего дня всем желаю! И вам тоже!

Мужчина порылся в кармане, наклонил голову. Сплюнул и произнес:

– В нашей стране бесплатно не улыбаются. Наверняка что-то втюхать хочешь! Знаю я вас! Только расслабься – тут же присунут! – И практически бегом пошел в сторону метро.

Олег засмеялся. Народ шел. Снег падал.

На глаза Олегу попала паркующаяся машина Михаила. Олег направился в его сторону.

Михаил вышел из машины. Не стовариваясь, они обнялись.

– Ну что, Олег, стоишь, лицом торгуешь? Я тебя сразу заметил. Пытаешься достучаться до сердец наших граждан?

– Да, хотел пожелать всем хорошего дня, а то как-то стремно видеть с утра траурную церемонию.

– Это сложно, дружище, они все в матрице.

– Ты прав. Похоже.

Михаил сел обратно в машину. Олег последовал за ним.

– Но надо стучаться, – продолжил Михаил. – В одиночку, правда, сложно. Тебя обязательно посчитают психом. Пока тебя меньше, чем остальных – ты исключение.

Машина плавно тронулась.

– Заедем на территорию на машине, я договорился. Так вот, в продолжение темы, ты не один такой, кому хочется расшевелить толпу, в которой все всегда слишком серьезно, рационально и безэмоционально. Ты слышал про флэшмоберов?

– Какое-то молодежное течение?

– Да. Ребята (хотя среди них могут быть и вполне взрослые, серьезные люди) договариваются через Интернет о месте и времени какого-то общего действия и о сигнале к его началу. Представь, сидишь ты на вокзале в зале ожидания и вдруг видишь, что несколько десятков человек одновременно достали мобильные телефоны и начали по ним говорить на каких-то тарабарских, явно вымышленных языках. Причем делают они все это абсолютно серьезно. Продолжается представление театра абсурда две-три минуты, а потом все тихонько встают и рассасываются. Как бы ты себя почувствовал?

– Подумал бы, что спятил.

– Такого эффекта они и добиваются! Своими массовыми подчеркнуто-абсурдными действиями они добиваются того, что ты начинаешь задумываться, а все ли в порядке с тобой?! Ведь со всеми окружающими все в порядке! Ты начинаешь искать смысл в этой ситуации, у тебя возникает чувство интереса, потом тревоги: «А все ли в порядке с моей головой?»

– Здорово!

– Еще была тема, когда толпа народа с чемоданами выстроилась в очередь на вылет возле памятника самолету в одном из городов нашей родины. Или представь ситуацию: приходит молодой человек в магазин бытовой техники, где полно народу. Говорит продавцу, что выбирает магнитофон, и просит послушать, как будет звучать на нем его любимый диск. Ни о чем не подозревающий продавец вставляет диск и нажимает «Play». Парень тут же достает из кармана шапочку, надевает ее и начинает танцевать. Одновременно с ним несколько десятков человек, которые до этого сосредоточенно рассматривали полки, тоже надевают шапочки и подхватывают танец.

– Умора! – Олег засмеялся, представив картину.

– Да, умора – тебе, а представь, каково было продавцу и людям вокруг. В общем, много интересного можно рассказать о флэш-моберах. Но у нас сейчас другая задача.

Автомобиль остановился у ворот Военно-Медицинской Академии, Михаил показал какой-то пропуск солдату, после чего ворота медленно открылись, и они оказались на территории.

Территория была вычищена и ухожена, как и во всех военных учреждениях. Снег убран с дорожек и сформирован в горки правильной формы. Они остановились у одного из небольших корпусов, где располагалась лаборатория.

У Олега непроизвольно затряслись руки. Легкий пот прошиб все тело. Сердце забило в удвоенном темпе.

– Можно, я открою форточку? – спросил Олег.

– Давай лучше подышим воздухом, – предложил Михаил, – надо дождаться одного человека. Она будет с минуты на минуту.

– Она? Я думал, что все военные врачи – мужчины.

– Она не врач, а скорее наоборот, – произнес Михаил, выходя из машины. Олег последовал за ним.

Влажный холодный воздух мгновенно заставил сменить нервную дрожь на дрожь от холода. Одинокие подтянутые люди в военной форме стремительно появлялись и пропадали.

Внимание Олега привлекла женская фигура, появившаяся со стороны входа. Сначала ему показалось, что это медсестра в белом халате. Она приближалась к ним мягкой, грациозной походкой уверенной в себе женщины. Вскоре стало ясно, что она одета не в халат, а в белое пальто с капюшоном. На ногах красовались красные сапожки. Красная сумочка дополняла вид. Когда она подошла настолько близко, что Олег смог различить черты ее лица, его дыхание остановилось, а движения женщины показались замедленными, как в каком-то клипе. «Валерия?» – пронеслось в мыслях Олега. Он замер в оцепенении, не зная, как ему себя вести, не понимая, что она тут делает, и как Михаил ее нашел.

Метрах в десяти от Олега она увидела его и закричала:

– Подлец! Сволочь! Гнида! Я тебя задую собственными руками! Ты мерзкий урод! Как ты мог! – Она ускорила шаг и набросилась на Олега с кулаками, пытаясь расцарапать ему лицо. Олег прикрывался руками, не в силах вымолвить ни слова. Он был обескуражен происходящим и не понимал, чем вызвана ее реакция, ведь все должно быть наоборот! Ведь это она испортила его жизнь!

Михаил преградил Валерии дорогу и попытался оттащить ее от Олега.

Когда Олег пришел в себя от шока, он закричал сам:

– Да ты что, охренела, дура?! Заразила меня СПИДом!

– Я заразила? Это ты меня заразил! – в гневе орала она.

Проходящие мимо офицеры и солдаты замедляли шаг. Не часто такое увидишь!

То, насколько откровенно Валерия была в бешенстве, окончательно выбило его из колеи.

– Кстати, а что ты здесь делаешь? – задал Олег вопрос, который был ему наиболее непонятен в этот момент. – Что она тут делает? – адресовал этот вопрос Олег уже Михаилу, так как Валерия не ответила.

– Так и будете орать друг на друга на улице? Давайте хоть в машину сядем, – спокойным голосом предложил Михаил.

Олег сел на переднее сиденье рядом с ним, а Валерия устроилась на заднем. Она скинула с головы капюшон. Огненные волосы выпорхнули из-под него, рассыпаясь по плечам. Как Олегу хотелось схватить за эти волосы и орать на нее в тот день, когда она выпорхнула из его квартиры. Но почему-то, наоравшись на нее вчера в своем сне, а потом простив, на сегодня злости он уже почти не оставил.

– Михаил, может, ты все объяснишь? – обернувшись к нему, спросил Олег. – Ты ведь явно знаешь ее!

– Да уж, я знакома с ним... к своему несчастью, как оказалось! – Валерия скривилась, потом опустила голову на свои красивые колени, обтянутые темными колготками, и зарыдала.

Сквозь рыдания донеслось: «Всю жизнь мне испортил, говнюк!» К кому из них относилась данная фраза, было непонятно. У Олега начало нарастать чувство тревоги.

– Миш, я жду объяснений.

– Хорошо. Если вы оба помолчите, я все объясню. Только прошу не перебивать меня ни в коем случае. Все вопросы в конце. Договорились?

Олег кивнул головой. Валерия подняла заплаканные глаза. Сейчас ничего, кроме жалости, она не вызывала. Ему даже хотелось ее как-то утешить. Вот уж не так представлял он себе эту встречу...

– Так вот, Олег, у нас произошел форс-мажор. Все пошло не по плану.

– Какой форс-мажор? Какому плану? Почему у нас?

– Олег! Договорились не перебивать! Слушай меня спокойно и все поймешь. Мне нет смысла от тебя что-то утаивать. Уже нет. Ты помнишь, что ты заключил договор и готовишься к путешествию?

– Да, помню.

– Это было последним пунктом твоей подготовки. Вспомни, как называется наше агентство?

– «Последний шаг»... Так вы что... Все-таки похоронное агентство?! Назвались бы тогда «Последний путь»!

– Да не называемся мы так! В том-то и дело!

– У вас же на табличке у двери написано!

– Может, поспорим? Съезди сегодня и посмотри внимательно! Там написано только «П» и «Ш», а между ними растительный орнамент, напоминающий буквы. Просто никто не обращает на него внимание. А те, кто обращают, додумывают название, исходя из своего контекста, понимаешь?

– Ну, допустим, и что? Какое отношение это имеет к вашим клиническим опытам?

– Олег! Мы должны были найти твое слабое место! Это обычно очень сложно! Но ты сам нам подсказал его, прямо с порога! Понимаешь? Твое подсознание выдало тебя с потрохами. Понимал ты это или нет, но ты был на грани... Если бы что-то пошло не так в твоём путешествии, твоя программа – программа саморазрушения, сработала бы, и все! Не о чем было бы говорить! И ошибки исправлять было бы некому!

– И поэтому я должен сдохнуть от СПИДа?

– Нет, Олег! Нам нужно было просто смоделировать ситуацию, в которой ты повел бы себя безответственно по отношению к своей жизни и получил урок, который запомнился бы тебе навсегда. Урок, который изменил бы твою программу, но после которого ты мог бы все исправить! Мы узнали о том, куда ты чаще всего ходишь (потратив на это часть твоих же денег), договорились с Валерией, что она проведет с тобой время, заранее предупредив о последствиях, а утром скажет, что болеет СПИДом. И все! Это должно было послужить тебе уроком. Ты должен был сделать для себя выводы, а потом сдать анализ и успокоиться!

– Так она проститутка? Вы что, за мной следили?

– Пришлось немного, ты же хорошо заплатил! Дело в том... – Михаил не договорил, так как его речь прервала Валерия.

– Сам ты проститутка! – зашипела на Олега с заднего сиденья Валерия. – Мне просто нравится иногда заниматься сексом с незнакомыми мужчинами, приличными мужчинами. Это что, преступление?! И презервативы я не люблю! Я заранее себе ввожу препарат, который убивает все живое, все инфекции, даже если они есть. Всегда без последствий! Я же говорю, что люблю приличных, обеспеченных мужчин, а не придурков, которые трахают все, что подает признаки жизни! А лишних денег тоже не бывает. Но если бы ты мне не понравился, я бы не стала с тобой трахаться! А ты оказался уродом! Уродом! Козел самовлюбленный!

– Ну все, тихо, тихо! – Михаил обернулся к Лере и стал жестами успокаивать ее.

– Что – тихо?! Что – тихо?! Я должна была ему сказать, что он болен СПИДом, а не заразиться от него! Что вы наделали!

– Ну, ни фиги себе! – Олег вскипел. – Спишь с кем попало, а потом обвиняешь меня!

– Да ты сам кобель! У меня уже месяц секса не было! А проверялась я две недели назад! Откуда ему взяться? Ветром надуло?! Только от тебя!

– Так, подожди, ты сдала анализ на ВИЧ после нашей встречи? – У Олега начал просыпаться рациональный ум.

– Нет, конечно! Я думала, ты нормальный! Средство я свое использовала! Ничего у меня не жгло и не текло после тебя! Думала, приличный мужик! Что проверяться-то?!

– Так, а с чего ты взяла, что ты инфицирована?

– Да ни с чего я не взяла! Мне Михаил позвонил и попросил приехать провериться,

сдать анализы, сказал, что у тебя обнаружили! Сволочь! – Лера опять заплакала.

– Блин, да подожди ты, не реви! Я до тебя без презика последний раз больше полугода назад трахался! С постоянной партнершей! Мы встречались больше двух лет!

– ...ага, а потом выяснилось, что она тебе рога с негром наставила, и вы разбежались! Да?

– Да ничего она мне не наставляла! – выпалил он. – Я ее хорошо знаю! – А сам подумал: «Господи, неужели правда – Катька? Больше ведь я ни с кем! Наркотики не колю! Зубы не лечил. Уколы не делал... Хотя... Блин! Я же делал прививку от гриппа, может, меня там заразили!»

– Да! Еще лучше! – выпалила разгневанная Валерия! – Значит, ты уже полгода в себе заразу таскаешь! Стопудняк меня заразил! Козел!

Она снова попыталась ударить Олега, привстав с сиденья, но он отклонился вперед и перехватил ее. Она начала вырываться и визжать: «Пусти меня, сволочь!» Мимо как раз проходил офицер. Услышав крики, он обернулся в сторону машины. Михаил улыбнулся, глядя на него, а вслух сказал:

– Хватит вам орать! Как дети малые! Что вы друг на друга накинулись! Если каждый в себе уверен, может, ничего и нет! Давайте все-таки проверьтесь! Мы для этого сюда и приехали вообще-то!

– Здравая мысль! – сказал Олег, отпуская Валерию. – Не будешь больше кидаться, как собака бешеная?

– Да лучше уж бешеная, чем спидоносная! Не буду!

Олег отпустил ее, и она села обратно.

– Что-то, когда ты мне победоносно сообщала, что болеешь СПИДом и заразила меня, ты вела себя гораздо спокойнее и сдержаннее! – буркнул Олег.

– Говорить, что болеешь СПИДом, и подцепить его – совсем разные вещи! – парировала Валерия.

– Если вы успокоились, то можете пойти и сдать анализы, пока лаборатория не закрылась.

– Хорошо, – сказал Олег.

– Ладно, – подтвердила Валерия.

Всей делегацией они зашли в здание, в котором стоял запах... медицинской лаборатории. Узкий коридор, стены покрашены зеленой краской (какой еще!), кафельный пол. Потасканные топчаны с нацарапанными на них именами и фразами, типа «ДМБ forever!».

Михаил постучал в дверь, на которой под стеклом висела табличка «Лаборатория». Табличка была красная. Слово написано по трафарету лет тридцать назад бронзовой краской. Дверь открыла женщина средних лет, средней полноты.

– Вам что? – вяло спросила она.

– Мы от Федора Викторовича, – пояснил Михаил.

– А, да, он говорил. Вы все вместе, что ли? – спросила она у всех одновременно. Олег с Валерией кивнули. – Входите по одному.

– Иди, сердцеед! – сказала Валерия.

– Только после вас! А там как пойдет! – передразнил Олег.

– Вы еще подеритесь, – равнодушно заметила сестра.

– А мы уже подрались! – фыркнула Валерия и вошла.

Воцарилось напряженное ожидание.

– Миш! Ну, у вас, конечно, методы! Жаль, что вы не принимаете клятву Гиппократова насчет «не навреди» и т. д.

– А что, я кому-то навредил? – спокойно спросил Михаил.

– Уж кому-то из нас точно! Вскрытие покажет!

– Ты сердишься?

– На тебя нет. Если бы не этот досадный анализ... Я действительно много чего для себя

понял и в любом случае признателен тебе. Вы гениально все придумали. Вообще у меня такое ощущение, что за последнюю неделю я прожил лет сто! Проблема в том, что хочется прожить еще столько же...

– Хочется? Проживешь! Не торопись с выводами!

Дверь открылась, и на пороге показалась Валерия, придерживающая ватку на вене.

– Отлично. Хотя две минуты не сможешь драться! – съязвил Олег.

Валерия бросила в него ваткой.

– Ошибаешься!

– Береги кровь, дурочка, а то вся вытечет!

Олег быстро зашел в кабинет. Все то же, что и в первый раз, только... слегка попроще и никто не улыбается.

– Руку давайте! Или вам сначала сказку рассказать? – бросила лаборантка.

– Да нет, сказки у меня другие. И сказочники свои есть. Колите. – Олег присел на стул и положил на стол руку. Жгутик. Несколько жимов невидимого эспандера. «Господи! Дай мне сил и мудрости!»

– Имя?

– Аноним.

– Полностью Ф.И.О.!

– Аноним Пароль Шифринович, так и запишите!

– Дошутитесь! – сказала лаборант и воткнула иглу в вену Олегу. Емкость для крови быстро наполнилась.

– Только, пожалуйста, не перепутайте с дамочкой, – беспокойно сказал Олег.

– Путают чемоданы в аэропорту, а у нас как в аптеке! – сказала сухо и без эмоций лаборантка.

– Вы там посмотрите внимательно...

– Следующий.

– До свидания.

– На свидание стервозочку свою приглашай, а со мной лучше попрощайся!

– Прощайте!

Олег вышел в коридор. Михаила и Валерии не было. «Блин, да что же такое-то?» – подумал он, ускоряя шаг по пути к выходу.

Валерия стояла на улице и курила. Рядом стоял Михаил.

– Ты ж не куришь! – сказал Олег.

– Какой ты заботливый! Я щас заплачу!

Михаил пошел к машине. Олег остался стоять возле Валерии. В ее руках нервно дрожала сигарета. Она кусала губы. «Особенно красива сейчас, когда не кривляется. Даже в гневе – она прекрасна!» – подумал Олег.

– Ты очень красивая, – сказал Олег Валерии.

Она уставилась на него своими пронзительными глазами. Было похоже, что она собирается его убить.

– Олеж! Ты что, меня опять клеишь? Второй серии не будет! Главные герои умерли!

– Да не клею я тебя. У меня сейчас даже на Дженнифер Лопес... не поднимется.

– Даже? Да ты охренел! Лопес! Одной ногой в могиле, а все туда же!

– Ладно. Все, подожди. – Олег взял ее за руку.

– Посмотри на меня!

Валерия бросила окурок на мокрый асфальт. Он выглядел очень неуместно среди вычищенных дорожек Академии. Убрав его руку, она посмотрела ему в глаза.

– Ну, что еще ты мне скажешь? Пригласишь на прогулку по кладбищу или подаришь путевку на лечебные грязи, к земле попривыкнуть?

– Подожди. Я хочу тебе сказать. Это серьезно. Хотелось бы, чтобы вся эта история с ВИЧ оказалась недоразумением, но в любом случае я хочу, чтобы ты простила меня, если чувствуешь мою вину.

Валерия посмотрела пристально на Олега. Она пыталась найти подвох. Ее волнистые волосы развивались на холодном ветру. Она дрожала, но не спешила говорить. Спустя минуту она произнесла:

– Хорошо. Я прощаю тебя, что бы там ни оказалось. В конце концов, если мы вдвоем с тобой в этом участвовали, то виноваты оба. И ты прости меня.

– Знаешь. Если вдруг окажется, что жизнь моя начнет приближаться к финалу быстрее, чем хотелось бы, встреча с тобой все равно останется для меня одним из самых ярких событий. Спасибо тебе за ту ночь. Я не успел тебе это сказать тогда... Ты слишком быстро убежала...

Губы Валерии дрогнули. Она повернула голову в сторону, глубоко вздохнула, пытаясь сдержать слезы, но не сдержала и бросилась к нему в руки. Олег обнял ее. Она стояла и рыдала, а Олег гладил ее по волосам. По этим бесстыжим рыжим волосам. Они простояли так минут десять. Мимо проплывали офицеры, пробегали солдаты-срочники, ковыляли из корпуса в корпус больные, а они стояли. «Это то, что я хочу запомнить навсегда. Когда пленка моей жизни будет пробегать перед глазами, на этом моменте я поставлю ее на паузу».

Потом они пошли к машине. Михаил обрадовался, увидев, что они идут за руку друг с другом.

– Давайте, садитесь быстрее, я уже машину натопил к вашему приходу.

Олег сел на заднее сиденье вместе с Валерией. Она положила голову на его плечо. Машина выехала на улицу. Покружив по кварталу, они снова подъехали к Финляндскому вокзалу. Ленин стоял к ним спиной. «Как невежливо!» – подумал Олег.

Автомобиль плавно остановился.

– Ну что, к шести часам вечера жду вас снова.

– Спасибо, Михаил! – сказал Олег и протянул ему руку попрощаться. – А может, дашь мне наконец-то свой телефон? Созваниваться как, если что?

– В моей реальности нет понятия «если что». Но с учетом твоего психического состояния, если тебе это надо, возьми! – Михаил нагнулся к бардачку, достал оттуда дешевый телефончик «Нокиа» и дал его Олегу.

– Я не шучу! – слегка обиженно сказал Олег.

– Я тоже. Возьми. Он звонит только по одному номеру, хотя этот номер и не отображается. И принимает вызовы только с него.

– Ты часом не «ноль, ноль, семь»?

– Чем ты теперь недоволен? Ты просил телефон, я дал. Жду к шести.

– Не перестаю тебе удивляться! Счастливо! Хорошего дня!

– Не переставай вообще удивляться! Тебе тоже хорошего дня!

Олег вышел из машины и подошел к Валерии.

– Куда ты сейчас? – спросил он.

– Домой, а ты?

– А я по делам. До встречи!

– Пока!

Валерия пошла в сторону метро.

– Тебя, может, подвезти? – крикнул вслед ей Олег.

Валерия помахала рукой, не оборачиваясь.

Олег сел в машину. Достал свою тетрадку. Накануне вечером он набросал в ней свой план по созданию центра творческой адаптации.

Нужны мастера, помещения, работа со спонсорами, с хосписами, детскими домами, психологами и администрирование всего процесса. Все эти вопросы, кроме помещений, были чисто административными. Нужно было найти специалистов в каждом из этих вопросов, но все они не имели смысла без необходимых помещений.

Было понятно, что найти спонсора для покупки здания на этом этапе практически невозможно. Олег стал размышлять, как можно найти помещения без арендной платы и желательно в центре. А спонсоры наверняка найдутся, увидев результаты. Олег в этом не

сомневался.

Сразу пришли в голову государственные учреждения, на балансе которых могут иметься большие площади. Олег позвонил Оксане.

– Оксана, привет! Как торговля?

– О, привет, Олег! Рада тебя слышать!

– Я тоже рад. Слушай, я сразу к делу. Ты говорила, что ходишь добровольцем в больницы, детские дома. У тебя есть телефон кого-то из руководителей этих учреждений?

– Да, есть, одного. Очень приятный дядечка. Зовут Владимир Дмитриевич. Сам, кстати, инвалид по зрению, но очень успешно возглавляет один из приютов. Записывай...

Приют находился в центре города. Олег созвонился с его директором, съездил к нему и рассказал о своей идее.

– А вы уверены, что потянете? Вы же этим не занимались раньше, – довольно логично заметил тот.

– Я бизнесмен, и мой бизнес работает успешно. Уверен, что и тут справлюсь, – спокойно ответил Олег.

Через полчаса Олег был уже в кабинете директора одного из питерских вузов, располагавшихся в центре города.

Директор вуза, Ольга Михайловна, серьезная женщина средних лет, встретила его приветливо и с интересом. Когда Олег подал свою идею, она тут же ответила:

– Да, я могу помочь вам, если помещения вам нужны не более чем года на два-три. Примерно столько мы будем еще воевать с рейдерами, которые пытаются захватить у нас здание. Оно сейчас пустует и там надо делать ремонт. Если вас это не смущает – пожалуйста. Я могу подписать договор. У вас, конечно же, есть некоммерческая организация?

– Будет, если надо.

– Конечно, надо!

– А с рейдерами я вам помогу. У меня команда классных юристов и, если хотите, поможем вам или вернуть здание или, по крайней мере, протянуть суды как можно дольше.

– Годится! Пойдемте, посмотрим здание!

Здание оказалось двухэтажным флигелем площадью метров триста квадратных. На первом этаже стояли устаревшие швейные станки, на втором был свален всякий хлам.

– Вот! То, что имеем. Если устраивает, готовые некоммерческую организацию, заключаем договор о сотрудничестве (в аренду я вам его сдать не смогу) – и вперед.

– Хорошо! С удовольствием, – ответил Олег, – вечером на вашей электронной почте будет соглашение о намерениях!

– Отлично!

Олег сел в машину. Набрал номер Анны из арт-салона и рассказал о своей идее. Он хотел быть уверен, что мастера смогут приходить и работать несколько часов в неделю в новом центре. Анна была обескуражена таким резким поворотом Олега от полного отрицания творческого начала в себе до создания творческого центра.

– Олег! Ты что, какой-то новый вирус подцепил?

– Можно и так сказать! – засмеялся Олег.

– А как ты собираешься им платить?

– Спонсорские деньги, плюс доход, полученный от платных занятий для взрослых.

– Хорошо. К вечеру я составлю тебе список мастер-классов, материалов, необходимых для них, и стоимость работы мастеров.

Затем Олег сделал звонок своему заму Валере и попросил подготовить документы для регистрации некоммерческого партнерства. Не мудрствуя лукаво, решил назвать его «Центр творческого развития».

– Олег! Но в партнерстве должно быть как минимум двое! Сам с собой ты не сможешь партнерствовать!

– Ты прав! Отвык я что-то от работы! Оставь пока место вакантным, я тебе попозже скажу, кто будет вторым.

– Хорошо! Завтра будет готово! Приезжай. Заодно подпишешь наши с тобой документы.

Следующим звонком был снова звонок Оксане.

– О, привет! Снова ты! Ну что, дозвонился до директора?

– Уже практически решил все вопросы, и даже с помещением! Остался один очень важный вопрос.

– Какой?

– Мне нужно найти толкового администратора, чтобы связываться со всеми государственными учреждениями, приютами, детскими домами, хосписами, организовывать занятия и принимать руководство некоммерческим партнерством, когда я буду в отъезде.

– Некоммерческим партнерством? Ты его уже организовал?

– Почти. Не хватает второго участника. Так что, если у тебя кто-то есть на примете на роль администратора...

– Есть! Я! – перебила Оксана.

– Смело!

– А я сюда не бояться приехала!

– Условия будут такими: даю тебе сутки испытательного срока. За это время ты должна подготовить списки всех учреждений, предварительно договориться со всеми о встречах, а также составить перечень благотворительных организаций, которые могут поучаствовать в проекте. Да – и еще посмотреть в Интернете, есть ли гранты для некоммерческих организаций в этой сфере. У тебя же есть компьютер и Интернет?

– Да, есть, конечно, а вводная информация?

– Все, что тебе нужно для работы, ты знаешь.

– Не все!

– А что?

– Зарплата?

– Сколько платят в магазине?

– Пятнадцать тысяч.

– Будешь получать столько же.

– А почему не больше?

– А больше будет, когда будут результаты, спонсоры и гранты. Плюс ты будешь заниматься еще коммерческой частью проекта – платными занятиями, и получать с них премии.

– Все очень непонятно... Меня устраивает!

– Да, и еще, если к завтрашнему вечеру я увижу, что ты успешно справились – будешь соучредителем в партнерстве.

– Ух ты! Дух захватывает! Спасибо за предложение!

– Спасибо за тетрадку!

«Пожалуй, она в нужном контексте!» – подумал Олег, повесив трубку. Он знал по себе, что для того, чтобы научиться зарабатывать деньги... нужно научиться работать бесплатно. Люди, которые сразу претендуют на непомерную зарплату, скорее всего, хотят жить на зарплату всю жизнь, а это противоречит складу ума бизнесмена. Предпринимательство – это всегда риск. Он вспомнил, как сам, уйдя с последней работы, больше года жил в постоянном стрессе, пытаясь самостоятельно найти новые направления, новых клиентов. Иногда приходилось ужинать «дошираком» за двадцать рублей, чтобы с утра выпить чашечку кофе за триста в пафосном ресторане с новым клиентом. Экономя на еде, тратил сумасшедшие деньги на дорогой костюм, рубашку, галстук и ботинки. А едва поднявшись и начав зарабатывать деньги, нужно было тратить их на аренду первого офиса, на рекламу, связь, канцелярию, оргтехнику, зарплату первым сотрудникам. В первый раз он позволил себе поехать в отпуск спустя три года.

Безусловно, кто-то лишен этой части пути. Те, кому бизнес подарил папа или дядя. Те, чьи первые ошибки оплачивал кто-то другой. Но есть ли удовольствие от таких побед, сделанных чужими руками? Есть ли чувство самоуважения и ощущение того, что ты действительно что-то сделал? Олег этого не знал. Ему не с кем было себя сравнивать. Он не имел в друзьях таких людей. Они жили где-то на другой планете. Наверное, им самоуважения необходимо добиваться по-другому... например, становясь спонсорами в действительно важных проектах! Ведь и им Вселенная отвела свою роль в этой жизни!

Осталось только решить вопрос с ремонтом и оборудованием. Олег прикинул, что сможет без труда вложить порядка миллиона рублей в это мероприятие. Он, конечно, мог найти и спонсоров для этого, но на такое дело он хотел потратить часть собственных сбережений.

Решив все вопросы, которые запланировал для себя, он достиг, наконец, ощущения покоя и радости. Все как-то легко складывалось, появлялись нужные люди, вопросы решались со скоростью их задавания. «Может, это и есть моя миссия на этой земле? Моя роль? Мое предназначение?» Еще он вдруг понял, что искать спонсоров и помощников для дела, которое не затрагивает его личных интересов, гораздо проще и интереснее, чем для себя. Точнее, так: он ни за что не стал бы просить деньги для себя и поднимать шумиху, чтобы поднять свой бизнес, а здесь как-то все было естественно.

Еще он понял, что ужасно голоден. До шести вечера оставалось чуть больше часа. Он отправился в сторону Финляндского, нашел недалеко от Академии небольшой ресторанчик, в котором вкусно пахло, а администратор улыбалась, и с удовольствием пообедал украинским борщом, драниками и котлетой по-киевски.

Без пятнадцати шесть он стоял на том же месте, что и с утра. С тех пор практически ничего не изменилось. Люди так же озадаченно спешили, только теперь направлялись они в другую сторону и выглядели еще более уставшими. А ведь когда-то и он так же спешил на работу, потом спешил домой, на работе ждал пятницы, в пятницу пил пиво и наслаждался субботой, когда «еще целый выходной впереди!», а в воскресенье после обеда чувствовал приступ тошноты от того, что завтра снова на работу.

«Ведь все эти люди сами выбрали себе такой путь! Почему?» – Олег не мог понять. Этот вопрос оставался для него головоломкой, на которую он тщетно пытался найти ответ.

Кто-то постучал его по плечу. Обернувшись, он увидел, что это была Валерия.

– О, привет! Ты из подземки?

В ответ Валерия влепила ему звонкую пощечину. Олег застыл от изумления.

– Да что с тобой опять?! – вскрикнул он.

– Извини, Олег, – вдруг сказала она и улыбнулась. – Я давно хотела это сделать и продолжала бы злиться на тебя и на себя, если бы этого не сделала! Спасибо, что не дал сдачи!

– Я женщин не бью... почему-то. Тебе повезло. Может, еще раз треснешь или пинка дашь? Я не знаю, что там у тебя еще за пазухой!

– Нет, теперь все! Правда! – она снова улыбнулась и обняла его.

Он обнял ее тоже. «Блин! Намучается же кто-то с этой стервой!» Хотя в этом даже что-то есть. Никогда не знаешь, что от нее ждать. Скучной семейной жизни точно не будет!»

– Уже воркуете, голубки! – услышали они голос подходящего к ним Михаила.

Они поздоровались, но ничего не ответили. Повернулись лицом к Михаилу, ожидая дальнейших инструкций.

– Сейчас пойдем пешком. Нам немножко в другое место.

– Не в Академию? – хором спросили Олег и Лера.

– Я же сказал – немножко. В Академию. Только не в лабораторию, а к одному профессору, доктору медицинских наук, полковнику.

– А какое отношение он имеет к нашим тестам? Он что, лаборантом подрабатывает? – съязвила Валерия.

– Он всю жизнь занимается вирусами. В своем предмете он дока. Результаты ваших тестов у него.

– У нас что, все так плохо, что вам пришлось нанимать профессора для нашего лечения? – спросил на этот раз уже Олег. Все внутри у него опустилось. «Хотя вряд ли Михаил попросил бы профессора донести до нас отрицательный результат». – Ты уже знаешь результаты наших анализов?

– Потерпите минут десять.

«Как неприятно это ожидание! Когда знаешь, что есть проблема, начинаешь с ней бороться. Когда знаешь, что ее нет – можно расслабиться и заниматься более важными делами. Когда не знаешь, есть она или нет – мечешься, как рыба, сорвавшаяся с крючка и упавшая на берег. Вроде вода и рядом, и нет ее».

Они вошли в очередной КПП. Постовой спросил: «Вы к кому?» «К Федору Викторовичу», – ответил Михаил. Постовой глянул документы Олега и Валерии, сравнил с каким-то списком и кивнул: «Проходите».

Очередная серия зданий, тротуарчиков, дорожек, деревьев. Поднявшись на второй этаж одного из зданий, стоящего в глубине комплекса, все трое остановились у двери, находящейся в начале коридора. Сердце Олега готово было выскочить из груди. Валерия тоже нервничала. Он почувствовал дрожь, когда дотронулся до ее холодной руки.

Открыв дверь, Михаил попросил разрешения войти, и они оказались в просторном кабинете, в конце которого, спиной к окну, за большим столом времен Наполеона Бонапарта сидел мужчина лет пятидесяти с темными волосами, посеребренными, как инеем, сединой, и небольшой залысиной. Мужчина был одет в форму, поверх которой был накинут светло-зеленый медицинский халат. На столе стоял открытый ноутбук.

– Миша! Здравствуй, здравствуй, дорогой! – произнес очень тепло полковник, выходя из-за стола с протянутой вперед ладонью для рукопожатия. – Как зовут наших дорогих гостей?

Олег и Валерия представились.

– Что же, замечательно, замечательно, присаживайтесь! – сказал профессор, указывая рукой на небольшой кожаный диванчик. Олег и Валерия сели. Напротив диванчика стоял журнальный столик и кресло. Профессор разместился в кресле, Михаил присел сбоку, воспользовавшись стулом, стоявшим у стола.

– Вы курите? – спросил профессор.

– Нет! – одновременно ответили Олег и Валерия и переглянулись. Валерия улыбнулась.

– Ну и прекрасно! А я буду! – сказал он и взял трубку откуда-то из нижней части журнального столика. Набил табак из табакерки, бережно утрамбовав тампером. В его жестах читалась размеренность и спокойствие. По кабинету стал расплзаться запах вишневого табака.

– Мы хотели узнать результаты нашего теста на ВИЧ, – не выдержав, напомнил Олег.

– А, собственно, какое это имеет значение?

– В смысле? – спросила на этот раз Валерия.

– Зачем вам знать результаты анализа на то, чего в принципе нет? С таким же успехом вы могли бы сдать анализы на «золотую лихорадку», или «вирус глупости», или «палочку легковурия».

– Подождите! Профессор! – Нервы Олега начали сдавать. – Вы называете какие-то вымышленные болезни! Вы же ученый! Доктор наук! Мы же говорим про смертельно опасную болезнь, вирус, который угрожает человечеству! Неделю назад я получил положительный результат на ВИЧ и хочу узнать результаты повторного анализа!

– А хотите, я вас выгоню, и вы никогда ничего не узнаете, хотя от моего ответа и зависит ваша жизнь?! – выпустив дым, спокойно, но безапелляционно и жестко заявил полковник. Почувствовалась военная выучка. – Молодые люди! Вы могли бы получить ваши результаты и спокойно уйти, но Михаил, как мой хороший друг, попросил вас рассказать, что я думаю по этому поводу. Немного расширить границы вашего познания, а заодно кое-что

прояснить в том, какое место вам уготовано в мире без вашего согласия. Итак, если вы готовы послушать, я расскажу, а если нет – ваше дело, тогда не будем тратить времени друг друга.

– Хорошо, – кивнул Олег.

– Если вы немедленно не скажете мне результат моего теста, я ухожу! – вдруг выпалила Валерия.

– Лера, потерпи пять минут! – попытался успокоить ее Олег.

– Сам терпи! А я пошла! – она попыталась встать. Олег схватил ее за руку.

– Валерия! Я очень прошу! – попытался образумить ее Олег.

– Скажите немедленно! – топнув ногой, сказала Валерия. Она была не на шутку рассержена. Ее лицо пылало жаром.

– Да хорошо! Хорошо! – засмеявшись и попыхивая трубкой, пробурчал доктор, видимо, поняв, что с Валерией спорить бесполезно. – Нету вас ничего!

– У вас, это – у нее или у нас обоих? – уточнил теперь Олег.

– Ни-у-ко-го! Ваши результаты отрицательные! – сказал Федор Викторович, продолжая попыхивать трубкой.

– Блядь! Как я счастлива! – закричала Валерия. – Спасибо, профессор! Дайте я вас расцелую! Вы лучший мужчина в моей жизни! Я вас обожаю! – Валерия, подпрыгивая, подбежала к профессору, пытаясь его поцеловать, но он, отмахиваясь дымящейся трубкой, не позволил этого сделать.

– Сядьте же, наконец! Вот этого я и боялся! С этой секунды вы уже ничего не воспринимаете! А я хотел сказать вам важные вещи...

– Да! Говорите, говорите, профессор! Я готова слушать вас теперь всю оставшуюся жизнь! – выпалила Валерия, прыгнув на диван рядом с Олегом, обнимая его и тиская.

Олег не сопротивлялся. То состояние, в котором находился он, можно было бы назвать «сладостная радость». Покоем и счастьем наполнилось его сердце. Он был готов теперь выдержать любые выходки Валерии. В этот чудесный миг, когда он заново родился, все было важным, все имело значение, и он пытался запомнить все, вплоть до названия каждой книжки, стоявшей у профессора на полках.

Михаил сидел на стуле, слегка откинувшись назад и закинув руки за голову. Он улыбался, наблюдая за всем происходящим.

– Скажите, профессор, почему при прошлом тестировании тест показал положительный результат? – слегка придя в себя, спросил Олег.

– Это называется «ложноположительным результатом». Вы этого не поймете все равно, если не выслушаете все по порядку. Но сначала ответьте мне на вопрос, Олег, что вы делали до того, как пошли сдавать анализ на ВИЧ. Давайте начнем с предшествующего анализу дня.

Валерия сидела на диване, засунув одну руку под спину Олега, слегка запрокинув голову и хлопая глазами, как морскими ракушками. Она слушала профессора, хотя ей было все равно, что он говорит. Даже если бы он читал ей отрывок из «Войны и мира», она испытывала бы не меньшую радость.

– Я заключил важную сделку, сходил на спорт, сделал прививку от гриппа, вечером встретился с Валерией. Э-э... без подробностей. А с утра она сказала мне, что наградила меня СПИДом.

Валерия радостно закивала головой, услышав свое имя.

– В принципе, после слов «прививка от гриппа» вы могли бы ничего и не говорить, хотя я мог бы добавить к этому еще состояние стресса, но об этом чуть позже.

– А какая связь между гриппом и СПИДом?

– Гораздо большая, чем между ВИЧ и гриппом, но не будем забегать вперед. Для начала вам не мешало бы узнать, что положительную реакцию на ВИЧ могут дать, кроме предшествовавшей прививки от ГРИППа, также и предшествующая беременность, алкоголизм, некоторые раковые образования, антитела малярии, антитела лепры, множество других вирусов, различные паразитозы, антитела гепатита В, ревматоидный артрит и так

далее.

– Но как? Как так можно?! Современная медицина! Ведь это же приговор! Нельзя же так играть с психикой человека!

– Кое-кто считает, что можно. И большинству никто никогда не скажет того, что я расскажу сейчас вам. Можете делать с этой информацией, что хотите. Имейте просто в виду, что никто не побежит вместе с вами бить в колокола и никакой поддержки от официальных медицинских ведомств вы тоже не получите. Можете считать это моим частным мнением. Оно расходится с официальной трактовкой ситуации, хотя и поддерживается более чем пятью тысячами учеными во всем мире, в том числе имеющими заслуги мирового масштаба в медицине.

– Час от часу интересней... – произнес Олег и наклонился вперед.

– Так вот. Давайте сначала разделим два понятия: ВИЧ и СПИД. СПИД как заболевание можно охарактеризовать пониженным иммунитетом у больного, при котором его организм может погибнуть от любой болезни, так как защищать организм нечем. Можно назвать это очень просто – иммунодефицитом, или, еще проще, дефицитом иммунитета. Это понятно?

– Да, пока понятно, – сказал Олег. Валерия кивнула. Она начала прислушиваться к смыслу слов, сказанных врачом.

– А теперь давайте вместе подумаем, отчего у человека может быть дефицит иммунитета? У любого человека? Мы пока не будем брать особые случаи.

– Например, если витаминов не хватает, – задумчиво произнесла Валерия.

– От стресса, недосыпания, недоедания, – сказал Олег, вспомнив, от чего раньше болел он сам.

– В общем, правильно. А теперь я скажу вам простую, но страшную вещь: если любой из нас сдаст свою кровь на ВИЧ в период, когда переживает тяжелый стресс, недоедает и недосыпает или страдает какой-нибудь вирусной инфекцией, тест с большой долей вероятности покажет положительный результат.

– Но как это возможно!?! Ведь для лечения нужно знать точный диагноз!

– Лечение чего? Недоедания? Малярии? Гепатита? Сколько нужно денег, чтобы накормить всех людей на Земле, питающихся менее чем на один доллар в день, или на дорогостоящие препараты от гепатита? Не проще ли раздать всем голодным бесплатные презервативы, всем умирающим от наркомании – бесплатные шприцы, а тем, кто действительно болен, вместо лечения его болезни – дать препарат, разработанный еще в шестьдесят четвертом году как средство для химиотерапии раковых больных и в том же году запрещенный ввиду его токсичности для человека? Зачем терять деньги, когда их можно зарабатывать!

– Это больше политика... Давайте вернемся к медицине, – осторожно поправил Олег.

– Да нет тут никакой медицины! Еще в прошлом столетии были приняты так называемые постулаты Коха, которые успешно применяются для того чтобы определить, носит ли болезнь вирусный характер или явилась результатом воздействия окружающей среды, токсинов, генетики. Если речь идет о вирусе, то ее виновником является микроорганизм, проникший снаружи. Таким образом массы людей заражались оспой, желтой лихорадкой, корью и другой заразой. Итак, перейдем к первому постулату Коха: если причиной болезни является вирус, то он должен обнаруживаться во всех случаях данной болезни. Логично? При исследовании причин смерти полумиллиарда человек, умерших в двадцатом веке от оспы, мы бы обнаружили у каждого!

– Федор Викторович поднял указательный палец вверх, – каждого умершего... один из двух видов вируса: вариолу мажор или вариолу минор. Надеюсь, это понятно?

– Куда уж понятнее! У всех, кто болеет гриппом, обязательно найдут вирус гриппа, – вставил Олег.

– Хорошо, что понятно. Идем дальше. – Доктор выпустил еще одно облако ароматного дыма. – Перейдем ко второму: любой вирус можно отделить от хозяина и вырастить в питательной среде в виде так называемой чистой культуры. Благодаря этому свойству в

настоящее время на клеточных культурах, а, прошу заметить, не на людях, выращивают вирусы и на их основе изготавливают вакцины против полиомиелита, кори, эпидемического паротита, краснухи, ветрянки. Есть ли здесь какие-то вопросы?

– Нет, все понятно, – сказала на этот раз Валерия.

– Замечательно! Тогда мы можем перейти к третьему: вирус, будучи введенным в восприимчивый организм, должен вызвать исходную болезнь. Тут ясно?

– Я слышал, что вирус оспы использовали как оружие во время войны за независимость и для войны с индейцами.

– Все верно. Вирус оспы, при отсутствии иммунитета в организме вызовет оспу. Тогда перейдем к четвертому постулату: этот же самый вирус должен быть обнаружен у инфицированного хозяина. Есть ли здесь вопросы?

– Федор Викторович, вы разжевываете, как для первоклассников, какие могут быть вопросы! Все логично и ясно! Надо полагать, что какой-то из критериев не соблюдается в случае с ВИЧ? Раз вы так на этом акцентировали внимание...

– Вы очень наблюдательны, Олег... Проблема с ВИЧ в том, что ни один из этих постулатов в случае с ним не соблюдается! Ни-о-дин! – Профессор торжествующе затаился и выпустил дым, оглядывая собеседников.

Воцарилась тишина. Олег услышал стук часов и голоса разговаривающих на улице. Михаил слегка покачал головой. Валерия молча смотрела то на профессора, то на Михаила.

– Дальше продолжать? – выждав паузу, спросил профессор. Было видно, что ему нравится шокировать свою немногочисленную публику.

– А что, есть что-то еще? – удивленно спросила Валерия.

– Ну, если исходить только из фактов, можно еще добавить, что до сих пор нет фотографии вируса иммунодефицита в чистом виде. Он не выделен и не сфотографирован, как это имеет место быть со всеми другими вирусами. Кроме того, стоит заметить, что в той самой, пресловутой Африке, являющейся «родиной» ВИЧ, с момента начала так называемой эпидемии, с восьмидесятого года, население практически удвоилось. Не похоже на эпидемию, правда? Кстати, лично у вас есть знакомые, друзья или друзья друзей, которые умерли бы от СПИДа?

– Нет, – ответил Олег. Лера тоже отрицательно покачала головой.

– А от гепатита или туберкулеза?

– Да, такие есть, – ответил Олег.

– И у меня тоже, – поддержала его Валерия.

– Да, и у меня, к сожалению, тоже. Вместе с тем, никто не делает из этого чуму двадцатого века.

– Подождите! А как же пугающие цифры статистики? Их что, придумывают? – Олег продолжал допытываться до истины.

– Давайте тогда сделаем краткий экскурс в историю вопроса. Во-первых, вспышка «эпидемии», о которой трубили в начале восьмидесятых все СМИ, на деле ограничивалась тысячей случаев болезни и практически все они относились к двум районам Лос-Анджелеса и Сан-Франциско, в которых всегда отмечалась повышенная плотность наркоманов и мужчин-гомосексуалистов. На протяжении многих лет эти группы риска почему-то оставались неизменными! Вирусы так себя не ведут! Как бы этого ни хотелось католической церкви, называющей СПИД карающим мечом грешников. Гетеросексуалы не заражались СПИДом за исключением единичных случаев.

– Но люди же умирали! Это факт! – вставил Олег.

– Да, умирали! Вопрос – от чего? Да все очень просто! – продолжил профессор. – Наркоманы умирали от наркомании, от химического отравления организма, разрушая себя токсинами наркотиков! Заражая свой и без того ослабленный недоеданием и бессонницей организм пневмонией и туберкулезом через грязные иглы. Гомосексуалисты убивали свой иммунитет, используя азотные ингаляторы, что называется, «во все дыры», убивая бактерии, поддерживающие иммунитет и находящиеся по большей части в кишечнике. Они лопали

тоннами антибиотики «для профилактики», в результате чего полезные защитные бактерии погибали, а их хозяева становились жертвами так называемых дрожжевых инфекций. Кроме того, практикуя анальный секс, они «знакомили» бактериофагов партнера с кодом своего ДНК, выпуская для этого знакомства до ста миллионов своих сперматозоидов в каловые массы, которые на двадцать процентов состоят из бактерий! А знакомство происходит очень просто. Бактериофаг атакует сперматозоид, извлекает из него ДНК, затем атакует бактерию. Если побеждает бактерия, она запоминает генетический код человека, мутирует и в следующий раз «приходит в гости без стука». Организм не воспринимает ее как чужеродную. Иммуитет как бы отключается. Именно поэтому человек может умереть от любой безобидной бактерии.

«Бедные» гомосексуалисты об этом не знают. Им предпочитают об этом не рассказывать. Это закрытая информация. Вместо этого идеологи общества заставляют учитывать права гомосексуалистов, добиваются разрешения однополых браков, развращают подростков видеофильмами, гей-парадами... Куда мы катимся!

– Хорошо, а что с Африкой? Там, по-моему, все же наибольший процент смертности от СПИДа. Там что, все гомосексуалисты и наркоманы?

– С Африкой-то, Олег, еще проще! Любой африканец, живущий на грани нищеты и умерший от малярии, гепатита, туберкулеза или просто от голода, автоматически пополняет статистику умерших от СПИДа. Для того чтобы поставить диагноз ВИЧ в Африке, достаточно двух полосок на тесте, при том, что в Америке надо – три, а в Европе – четыре. И даже несмотря на это, лжеэпидемия росла недостаточно быстро. Тогда Всемирная Организация Здравоохранения составила список болезней, заболеванием которыми теперь должно квалифицироваться как СПИД. Этот список включает в себя, в частности, различные кандидозы, сальмонеллезные септицемии, туберкулез легких и внелегочный, простой герпес, саркому Капоши, инвазивный рак шейки матки, токсоплазмоз мозга, синдром истощения, норвежскую чесотку и еще несколько десятков болезней, имеющих своих, уже давно известных, возбудителей.

– А что и как тогда лечат под видом СПИДа?

– В том то и дело, что ничего. Человек с таким диагнозом поступает в клинику, специализирующуюся на лечении СПИДа. При этом его перестают лечить от тех заболеваний, которыми он действительно болен, и начинают химиотерапию препаратом, основное предназначение которого – разрушать цепочки ДНК. Он убивает любую клетку, которая пытается репродуцироваться, и, в первую очередь, клетки костного мозга, и таким образом подавляет иммунитет. Его побочные эффекты выглядят точно так же, как СПИД. При этом человека держат в изолированном помещении, трогают только в перчатках и внушают ему мысль о том, что он все равно должен умереть. В таких условиях умер бы даже здоровый человек. Смерть же такого больного пополняет печальную статистику летальных исходов СПИДа. – Доктор снова сделал паузу и вздохнул. – В заключение могу сказать, что американский врач Роберт Уиллнер двадцать пять лет назад ввел себе ВИЧ-положительную кровь, появив, что делает это, «чтобы положить конец величайшей лжи в истории медицины». Он жив и здоров до сих пор.

Доктор замолчал. Лицо его выражало грусть, а плечи опустились, словно ему тоже приходится нести груз этой ответственности.

– Но кому это все нужно? – встрепенувшись, возмущенно спросила Валерия.

– А этот вопрос позвольте адресовать уже Михаилу, так как этот вопрос не медицинский, ибо он не имеет никакого отношения к медицине как к науке, разве что к медицине как к бизнесу. Еще раз хочу подчеркнуть, что это мое персональное мнение, и таких, как я, принято называть СПИД-диссидентами... Я собираюсь заварить чаю, кто-нибудь еще будет?

Все дружно закивали. Федор Викторович положил трубку и пошел к столику, на котором стоял электрочайник, кружки, сахарница и коробка с чайными пакетиками. Вода в электрочайнике быстро закипела, и доктор поставил чайник и чашки на журнальный столик.

– Спасибо, Федор, за чай и за столь подробный рассказ, – подхватил разговор Михаил, – я не знаю, кому персонально это нужно, но давайте просто посмотрим фактам в глаза. Даже если взять за аксиому то, что СПИД и ВИЧ – это разные вещи, и СПИД действительно существует, то он далеко не самая страшная болезнь на Земле. По статистике смертности его значительно опережают онкологические и сердечно-сосудистые заболевания, но медицинские направления, занимающиеся их лечением, финансируются в тысячи раз скромнее, чем те, которые борются со СПИДом. Факт первый: патент на тесты по обнаружению вируса ВИЧ в крови по антителам и прибыль от их использования делятся между французским институтом Луи Пастера и американским департаментом здравоохранения. Факт второй: ежегодно на борьбу со СПИДом тратится около десяти миллиардов долларов, а к две тысячи десятому году планируется увеличить расходы до двадцати трех миллиардов. Факт третий: несмотря на то, что только американские налогоплательщики потратили на поиск вакцины сорок пять миллиардов долларов, вакцина до сих пор не найдена и ни один больной не вылечен.

Думаю, не надо объяснять, что больше всех от этого «мирового зла» выигрывают сами медицинские структуры, выпускающие тесты на ВИЧ и антиретровирусные препараты, а также различные общественные организации, получающие гранты на проведение различных благотворительных мероприятий.

Есть сведения, что идею создания СПИДа предложила секретная структура Центра контроля и профилактики заболеваний США – Служба эпидемсведений. Центр ежегодно получал пару миллиардов долларов на борьбу с эпидемиями, имел огромный штат, вот его руководители и решили, что, научившись создавать псевдовirusы и управлять методами борьбы с ними, можно зарабатывать сумасшедшие деньги и управлять общественным сознанием. Еще какие-то аналогии прослеживаете?

– Ну да, птичий, свиной грипп, коровье бешенство. Ты же это имеешь в виду?

Михаил ничего не ответил, но кивнул, подтверждая слова Олега.

– Совсем как в фильме «Миссия невыполнима-2», – осенило Олега, – где коварный бизнесмен покупает новый вирус, чтобы заразить им весь мир, а потом продавать антивирусный препарат!

– Замечательная аналогия, Олег! Есть еще ряд фильмов с похожим сценарием! Самое удивительное, что все они до безобразия реалистичны, точнее – правдивы. Но вернемся к нашим паразитам. Второе по доходам место занимают производители презервативов, реклама которых внезапно стала для них бесплатной, так как подкрепляется мощнейшими социальными программами, а производство выросло в тысячи раз. При этом скромно замалчивается, что предполагаемый размер вируса – примерно одна десятая микрона, а минимальный размер поры латекса – пять микрон, то есть попасть вирусу в организм человека – все равно, что тебе пройти на Дворцовую площадь через Арку Главного штаба.

Хорошо присоседились и продавцы порноэротической продукции, которые также, под эгидой пропаганды безопасного секса, элементарно призывают попробовать, что это такое, подростков, начиная с двенадцатилетнего возраста. В нашей стране, кстати, сексуальная революция началась как раз под знаменем борьбы со СПИДом. Кто помнит первую в Советском Союзе газету, вставшую под эти знамена?

– Кто же не помнит газету «СПИД-инфо»? Я зачитывалась! – бодро ответила Валерия.

– Правильно! Почему-то считалось, что статьи о сексуальных извращениях вкупе с подборкой статей о сексуальных преступлениях и письма читателей со своими эротическими фантазиями станут железным щитом для надвигающейся угрозы человечеству.

– Ведь действительно – бред, хотя кто тогда об этом задумывался? Все были рады этой вони, как глотку свежего воздуха! – задумчиво произнес Олег.

– Да, но не это самое печальное. Самое печальное, что косвенную выгоду от этого получает и всемирная наркоиндустрия, от плодов которой и гибнет большая часть больных лжевирусом. Что мы видим? Матери говорят, что ее единственный ребенок, которого она растила шестнадцать лет, умер не от употребления наркотиков, а от какого-то вируса,

который он занес вместе с наркотиком! Какой отсюда делают вывод другие подростки?

– Что дело не в наркотиках, а в том, что товарищ их неправильно употреблял.

– Да, да! Получается именно так! – встав со своего стула, сказал Михаил. – Акцент с того, что является действительно злом, переносится на мнимого врага. Вместо того чтобы говорить о том, что наркотики – это корень зла, школьникам рассказывают, как правильно их употреблять и раздают одноразовые шприцы, причем почему-то этим не брезгают и первые лица в здравоохранении, ответственные за борьбу со СПИДом в нашей стране.

– Бесовщина какая-то! – вырвалось у Валерии.

– Не иначе! Вот мы и получаем странную картину: вместо того чтобы бороться за повышение иммунитета у человека – улучшать экологию земного шара, обеспечить голодающих полноценным питанием, а больных – нужными лекарствами, деньги уходят в карманы борцов с ветряными мельницами, но, к сожалению, не донкихотов.

– Ой, блин! Как жить-то с этим? – грустно заметила Валерия, допив свой чай.

– Лучше иметь хорошее зрение и видеть грязь, чем топтать по ней с закрытыми глазами! – внезапно вырвалось у Олега.

– Да. Яркая аналогия. К тому же это лишь мельчайшая деталь картины под названием «иллюзия бытия», которую нам пытаются нарисовать... Ну что же! Мы и так уже заняли достаточно времени у профессора! Давайте оставим его, наконец, в покое! Спасибо, Федор!

Олег и Валерия встали и обменялись с доктором сердечным рукопожатием, всячески благодаря его. Тот лишь вежливо кланялся. Его глаза, слегка прищуренные, выражали какую-то любовь, но не к ним конкретно, а ко всему человечеству. «Истинный доктор!» – подумал про себя Олег.

Они вышли из кабинета, свернули на лестницу и пошли вниз. Валерия что-то напевала под нос. Олег не шел, а летел над землей. Было ощущение, что только что его смертный приговор отменили и отпустили на волю. Куда девать теперь столько времени?! Это же можно десять жизней прожить! Олега переполняло ощущение радости. Он также смотрел по сторонам и восхищался каждой мелочью: трещинкам на стене, уличному фонарю, замысловатой форме сугроба, вечной игре теней, отбрасываемых ветвями деревьев. Только чувство легкой грусти, ощущение «последнего раза» пропало. Вместо него появилось новое ощущение – любви к жизни и ко всему вокруг. Хотелось поддержать каждого хмурого прохожего и рассказать ему, как это классно – быть живым.

Валерия держала его за руку. Она тоже чему-то улыбалась про себя. Радость от того, что все оказалось не так страшно, как она себе представляла, перевесила чашу тяжести от рассказанного Федором Викторовичем.

– Миш, а ты знал все это?

– Глупый вопрос. Конечно, знал. У этой фикции под названием ВИЧ есть уникальное свойство – она внушает страх смерти без всяких объяснений, притом, что я тоже уверен в полной ее профанации.

– Почему ты так уверен?

– Потому что присутствовал на экспериментах, которые проводил Федор с кровью ВИЧ-положительных больных. Знаешь ли, лучше один раз увидеть.

– Миша! А можно узнать, почему ты хотя бы мне этого не сказал? – вдруг спросила Валерия.

– Ты не смогла бы так убедительно испугать Олега, если бы знала, что «Бабы-яги» не существует!

– Ну, ты подлец! – сказала, смеясь, Валерия.

– Ты же знала о всех рисках мероприятия и согласилась на это пойти добровольно, не так ли?

– Да, так, так! – Валерии было нечего возразить.

Добравшись до метро, все тепло попрощались. Михаил сел в машину и уехал, сообщив напоследок Олегу, что теперь тот готов к путешествию и скоро он ему позвонит.

– Ну, что, Валерия, прости и прощай! Успеха тебе и поменьше экстремальных

приключений!

– Спасибо, Олег! И ты прощай!

Она обернулась и пошла к метро. Олег не стал ей предлагать подвезти ее. Им было уже и так слишком много друг друга.

Олег приехал домой довольно быстро. Казалось, что машина тоже сбросила лишний груз и едет как-то шустрее. Он наспех поужинал и лег спать. Сон упал на него белым покрывалом. Ему снился океан, небо, солнце и море. Он прыгал в океан и купался, наслаждаясь каждой каплей соленой воды. Ему снилось, что он может дышать под водой, выпрыгивать из нее, как дельфин, и он наслаждался этими ощущениями.

Полубаночек и Шихта

Олег проснулся позже, чем обычно. Утро было потрясающе приятным! Таких чудесных пробуждений у него не было, наверное, с детства. Это то ощущение, когда понимаешь, что в мире еще столько интересного и вся жизнь впереди!

В подтверждение его слов в окно пробивались лучи солнца, ощупывая его спальню и оживляя по очереди все предметы.

«Вот оно, долгожданное!» Олег включил на музыкальном центре свой сборник самых энергичных песен, принял душ, облился холодной водой, с удовольствием пофырчал под ее потоком, помурлыкал песни и даже отжался раз тридцать от пола.

После этого он приготовил себе омлет с беконом и помидорками – свой любимый завтрак.

Сидя за столом, обзвонил всех, с кем нужно было обязательно поговорить. Оксана великолепно справилась с задачей и выслала ему на электронную почту все, что он просил. Олег набрал ее номер.

– Доброе утро, партнер!

– Привет, Олег! Ты в каком смысле?

– В смысле того, что пришли мне скан своего паспорта и ИНН, ты будешь моим партнером в некоммерческом партнерстве «Центр творческого развития» с долей в двадцать

пять процентов.

– Вау! Спасибо! Я рада, что тебе все понравилось! Я очень старалась! И мне нравится этим заниматься! Правда. Это мое. Знаешь, чувствую себя как-то больше и значимее.

– Знаю! Кстати, можешь меня поздравить. Я сдал повторный тест на ВИЧ и оказалось, что ВИЧ не существует!

– В смысле? У тебя его нет?

– Вообще нет! Это я тебе попозже расскажу. Да, а свои документы пришли лучше Валере, моему помощнику, я сейчас пришлю тебе СМС с его телефоном и «мылом».

– Хорошо! Пока! Спасибо за доверие!

– Это тебе спасибо, что могу доверять тебе!

Олег просмотрел почту дальше. Анна прислала ему необходимые списки мастеров и мастер-классов. Написала, что картина Кеша уже высохла. Все остальные тоже сделали все, что надо. Олег был доволен.

Он позвонил маме, чтобы лишний раз сказать ей, что любит ее, она всплакнула в телефон. Не привыкла к таким выражениям чувств сына. Позвонив Полине Сергеевне, Олег справился, как Кеша, и попросил его к телефону.

– Привет, Олег! Как там моя картина? – как обычно, серьезно спросил Кеша.

– Сегодня привезу тебе ее, но тут же заберу, отдам после конкурса, договорились?

– Да, хорошо! Я буду тебя ждать.

Осталось сделать последний звонок. Звонок Кате. Его Олег умышленно оттягивал. Это был не страх, скорее детское желание съесть самое вкусненькое в последнюю очередь... Хотя нет, немного страшновато было тоже... Он не общался с ней уже более полугода. Он не знал, одна она или нет, хочет ли вспоминать о нем, но решил, что это не имеет никакого значения для него сейчас. Этот звонок нужен прежде всего ему. Если да, он попробует начать все сначала, если нет, тоже все сначала, жаль, что без нее.

Олег набрал номер. Какая-то беззаботная мелодия играла вместо гудка. Лучше бы гудки. По ним можно хотя бы время мерить, а тут... как будто вечность проходит. Не взяла... «Извините, связь прервалась», – спокойно и деловито ответил голос оператора. «Как точно сказано!» – подумал Олег... Вопреки внутреннему настрою, стало грустно. «Господи, что же я так на ней заикнулся! Ведь прошло, переболело! Она себе, наверное, давно уже другого нашла. Да пошла она...» Его мысли прервал звонок мобильного. «Перезванивает!» Олег выждал паузу секунд пять, вдохнул, выдохнул, успокоился, взял трубку.

– Катя, привет! Как я рад тебя слышать!

– Привет, Олег! Ты хочешь вернуть мне мои колготки? Можешь оставить их себе! – съязвила Катя.

– О! А ты до сих пор помнишь, что оставила у меня свои колготки?! Значит, у меня есть шанс!

– Какой шанс? О чем ты?

– Слушай, ты уже нашла себе мужчину своей мечты?

– Есть претенденты, а что?

– Значит, не нашла! Давай встретимся!

– Олег! Если у тебя давно не было секса, ничем не могу тебе помочь...

– Почему же, был недавно, но я не об этом...

– Ах, значит, был?! Ну, тогда катись к черту!

Катя повесила трубку. «Ага, ревнует! Ей не все равно! Значит, шанс все-таки есть!» Олег снова набрал ее номер. Она почти сразу взяла трубку:

– Что еще? Ты похвастаться, что ли, звонишь? Напрасно! Я тоже даром время не теряю и на молнию не застегивалась! Если хочешь знать, ты не единственный мужчина, с которым мне было хорошо!

Олег вдруг понял, что не злится на нее совсем! Как он соскучился по этой ее эмоциональности и непосредственности. Она никогда не притворялась несчастной, чтобы вызвать его жалость. Она всегда вела себе так, что ему хотелось завоевать ее, покорить ее

сердце, а не пожалеть и погладить... хотя и это было, но очень, очень редко. И в свое время она... честно с ним соскучилась. Он улыбнулся и сказал:

– Ты даже не представляешь, как я по тебе соскучился! Правда! Давай встретимся. Я хочу тебя увидеть.

Пауза. Олег прижал трубку посильнее к уху. Словно бы это помогло услышать ее мысли. «О чем она сейчас думает? Как назвать меня порезче или какую придумать причину, чтобы не встречаться...»

– Давай. А где?

Этот вопрос застал Олега врасплох. Он был настолько поглощен задачей решить все в принципе, что о деталях не подумал...

– Я тебе скажу позже. Перезвоню в пять и скажу, хорошо? Договорились?

– Ладно, – слегка удивленно промолвила Катя.

– До встречи!

– До встречи.

Сердце Олега забилося немного быстрее. Он еще никогда не приглашал девушку на второе первое свидание. «Надо придумать что-то феерическое! И не важно, чем закончится наша встреча. Я хочу просто поблагодарить ее за все хорошее, что было между нами, и отпраздновать свое второе рождение».

Олег решил поразмыслить о предстоящей встрече в дороге. Он оделся и вышел на улицу. Солнце делало цветные наброски предстоящей весны. Ему пришлось слегка поморщиться от этих проб солнечного пера. Он вообще постоянно щурил глаза на солнце, хоть и любил его, как все, рожденные в СССР, любят дефицитные вещи. Воздух пах... Да неважно, чем он пах! Он имел запах! Все вокруг имело цвет и размер! Все двигалось, жило и каждую секунду говорило ему о том, что он видит, слышит, чувствует, живет! Олег шел к стоянке и улыбался. Он приветливо помахал рукой охраннику на стоянке и поздравил его с солнечным днем. Охранник улыбнулся и тоже помахал ему рукой.

Приветливое пикание сигнализации машины. Мягкое объятие кожаного кресла машины. Пока еще холодное, но это буквально на несколько секунд, пока не включится обогрев.

Олег выехал со стоянки и позвонил Анне, предупредив, что едет за картиной Кеша. Молодое солнце стояло низко и слепило глаза. Солнечные блики превращали привычные виды улиц в пейзажи импрессионистов. Васильевский остров встретил блеском трамвайных линий.

С трудом припарковав машину, Олег вышел из нее и направился в арт-салон. Его ботинки разбивали белые витражи луж. Стекла-льдинки хрустели под ногами.

На пороге его встретила Анна. Одетая в джинсы и блузку, она демонстрировала на себе очередной платок, расписанный ее руками.

– Привет, Олег! Рада тебя видеть! А еще больше рада твоему новому увлечению! Может, скажешь, что с тобой случилось? Ты что, влюбился?

– Да, Анна!

– И как ее зовут? – с любопытством осведомилась Анна.

– Жизнь! – с гордостью ответил Олег и вошел в салон.

– Ну, это не интересно! – надула губы Анна.

– Поверь! Это очень интересно! – понизив голос, заговорщически сообщил Олег, вешая пальто. – Ну, где наш шедевр?

Анна показала рукой на стоящий посередине артсалона мольберт. Олег, конечно, видел его, когда зашел, но не узнал Кешину работу. Она была красиво оформлена в рамочку и была похожа на картину какого-то современного художника. Ярко-оранжевые обои и светло-зеленый подоконник комнаты, изображенной на картине, обрамляли прямоугольник окна, за которым виднелось ярко-голубое небо. Несколько экзотических растений, множество игрушек на полу и маленький столик с шахматной доской, на которой старательно были

прорисованы все клеточки, но не было фигур.

Олег присвистнул. Анна с торжествующим видом смотрела на реакцию Олега.

– Видишь, как многое меняет хорошо подобранная рамка! – вымолвила она.

– С ума сойти! – подтвердил Олег.

– Но это еще не все! – многозначительно сказала Анна и достала из зеркального шкафа работу Олега, также обрамленную в рамку.

– Вот уж не ожидал от себя такого! – воскликнул Олег, рассматривая теперь свой шедевр. Картину вполне можно было выдать за купленную. Но Кешина работа ему нравилась больше.

– Ну, что? Теперь, может, чайку? – спросила довольная Анна.

– Да, с удовольствием!

Олег присел на кожаный диванчик, стоящий возле низкого стеклянного стола. Анна начала хлопотать над чаем.

– Слушай, Ань! У меня тут такой вопрос к тебе есть. Можешь посоветовать еще какой-нибудь мастер-класс, куда можно было бы сходить с девушкой? Что-то необычное?

– Ага! Все-таки ты, видимо, влюбился не только в жизнь! – с улыбкой изрекла она, наливая чай в чашки.

– Все сложнее. Скорее, надо обновить отношения. Подвести черту под прошлым и начать с нуля.

– Тут без огня не обойтись! – улыбнувшись, заметила Анна.

– В смысле?

– В прямом! Рецепт такой: нужна температура больше тысячи градусов, превращение и магический ужин.

– Ань! Я, конечно, уже начал развивать свои творческие способности, но помилуй! Объясни, что ты имеешь в виду!

Анна рассказала Олегу про свою задумку. Он внимательно выслушал, добавил кое-что от себя и остался очень доволен. Все действие логично делилось на две части, и вторую нужно было построить исходя из того, как пройдет первая. Можно было либо красиво подвести под прошлым черту и расстаться, либо начать все заново, написав яркую первую страницу нового романа.

– Естественно, как ты понимаешь, это эксклюзивное мероприятие. Это дорого стоит, – как бы извиняясь, сообщила Анна. – Очень высокая себестоимость и много задействованных лиц.

– Но оно того стоит! Я согласен!

– Вот и замечательно, попробую договориться на вечер!

Анна сделала звонок.

– Олег! Поздравляю! Все складывается как нельзя лучше! В семь часов вечера жду вас в Соляном переулке.

– Спасибо тебе, родное сердце!

Олег забрал Кешину и свою работы, тепло попрощался с Анной и вышел из галереи.

Он набрал номер Кешинной мамы и сообщил, что скоро приедет.

«Интересно, увидит ли Кеша, что у меня все изменилось в жизни?» Ему казалось, что Кеша очень тонко чувствует чужую боль и драму, хотя ничего и не говорит об этом. «Чудесный мальчик, очень хочется сделать его жизнь немного радостней».

Кеша с нетерпением ждал его. Даже трубку домофона снял он и он же открыл ему дверь, и даже вышел встречать на лестницу.

– Привет, Олег! – крикнул он и буквально выхватил картину из рук Олега. – Мама! Мама! Смотри, какую картину я нарисовал! – закричал он, оставив позади Олега.

Олег разулся, снял верхнюю одежду и вошел в комнату. Мама внимательно рассматривала произведение сына. Она улыбалась. Вместе с тем глаза ее слегка увлажнились. Кеша гордо стоял напротив своей картины. На его лице уже читался свет будущей улыбки. Осталось чуть-чуть подождать.

– Спасибо вам, Олег! Кеша с утра мне все уши прожужжал про свою картину! Он очень ждал вас! Хотите пообедать с нами?

– Да, с удовольствием!

– Ну и хорошо, я пойду подогрею пока.

Полина Сергеевна вышла на кухню. Олег понял, что она боится заплакать при нем.

– Олег, спасибо! А ты еще куда-нибудь меня отведешь?

– Обязательно! Обещаю! Ты знаешь, я даже хочу для тебя и таких же, как ты, ребят сделать специальный творческий центр!

– Таких же, как я? Или – как мы? – Кеша на секунду очень внимательно заглянул в глаза Олегу. Олег почувствовал его взгляд, как луч рентгена. Казалось, Кеша не может чего-то понять. Что-то не складывается в его голове.

– Олег! Давай сыграем в шахматы! – серьезно попросил он.

– Хорошо! Давай сыграем, только напоминай мне правила, если я что-то забуду, хорошо?

– Годится.

Кеша подтащил журнальный столик, стул для Олега, а сам сел на край дивана.

– Дам тебе фору. Ходи белыми.

Олег, не долго думая, походил пешкой, что напротив коня. Кеша сделал ответный ход. Олег свой. Кеша свой. Олег ходил чисто механически, не думая. У него не было желания победить. Он просто хотел угодить Кеше. Ходов через семь Кеша «съел» его коня, потом ладью. Олег «съел» его пешку. Кеша продвигался вплотную к его королю, причем делал это по нескольким фронтам одновременно. Совсем скоро Олег обнаружил, что почти все его ходы обречены на потери, и он уже просто старался минимизировать их. Кеша «съедал» его фигуры одну за одной и со злостью убирал их с доски. После шаха Кеша заявил:

– Олег! Ты плохо играешь! Не потому что не умеешь! Ты не борешься за победу! – в его голосе чувствовались нотки обиды. Он почти плакал. Он встал и отвернулся к окну. – Так нельзя играть! Ты играешь, чтобы играть, а не чтобы выиграть! Ты делаешь ходы, которые ничего не значат для тебя! Мне это неприятно.

Олег опешил. Он хотел встать и успокоить Кешу, но тот повернулся к нему лицом. Вздохнул несколько раз и посмотрел на Олега. Вдруг лицо его просветлело, и он спокойно сказал:

– Я не буду заканчивать эту партию. Я никогда не играю, чтобы просто играть. Я всегда играю, чтобы выиграть. Ты так не делаешь. Если бы ты жил так же, как играешь, ты бы жил очень плохо. Но у тебя все в порядке, значит твоя игра сейчас – это просто ход. В твоей жизни что-то произошло с момента нашей последней встречи, ведь так?

– Да. Откуда ты знаешь? – Олег был в шоке от таких взрослых рассуждений такого маленького мальчика. В его хрупком теле жил очень сильный дух.

– Ты пришел ко мне в первый раз другим. Над тобой висела как бы смертельная тяжесть, хоть ты этого и не показывал. Сейчас ее нет, хоть ты этого тоже не показываешь. Когда ты пришел – мы были одинаковы. Сейчас нет. Я чувствую, что на душе у тебя светло. Все остальное пропало для тебя. Большая радость – больше всех мелких дел и забот. Наша игра для тебя ничего не значит. Ты играл, просто чтобы угодить мне. Ты стараешься для меня. Ты приносишь мне радость, водишь в разные места, и это значит, что ты мой друг. Поэтому я не буду обижаться. Дай мне свою руку.

Кеша вытянул вперед свою руку. Олег пожал ее. Ему и вправду было немного неловко. Он словно хотел просить прощения за то, что их общая беда вдруг снова стала только Кешиной и тому придется нести ее дальше одному.

– Кеша, можно я тебе расскажу, что произошло?

– Ага, – сказал Кеша с интересом.

– Понимаешь, мне сначала поставили страшный диагноз. Я очень переживал по этому поводу. В это время я познакомился с тобой. А потом диагноз не подтвердился, и оказалось, что я здоров.

– Здорово! Везет тебе! Жаль, что у меня так не будет. У меня, наверное, скоро опять будет очередной курс химии. Опять строгая диета. Никаких шоколадок. Одни каши и вареные овощи. Как я это ненавижу!

– Кеша! Ты знаешь, я хочу тебе сказать, что я всегда буду твоим другом, и ты всегда можешь на меня рассчитывать. К тому же не забывай, завтра конкурс! Я уверен, что ты в нем победишь! У тебя такая замечательная работа!

Кеша замялся на месте. Было видно, что он хочет что-то сказать, но не решается.

– Ты что-то хочешь сказать? – спросил Олег.

– А ты не обидишься?

– Нет.

– Пообещай мне!

– Обещаю! – Олег был заинтригован.

– Олег, давай по-честному. Ведь конкурса никакого не будет и все уже решено! – выпалил Кеша, внимательно глядя в глаза Олегу.

– Почему ты так думаешь? – опешил Олег. – Да кто тебе сказал такое?

– Никто. Я сам все понял. Не забывай, что я хорошо играю в шахматы и все вижу наперед.

– Может, объяснишь?

– Легко! – Кеша гордо посмотрел на Олега. – Ты появился у нас как друг. Я понял это сразу. Я понял, что ты хочешь играть на моем поле и ни в коем случае не допустишь того, чтобы мы оказались по разные стороны шахматной доски. Кстати, наша игра в шахматы меня убедила в этом окончательно. Когда ты пришел к нам и говорил о конкурсе, я почему-то сразу понял, что вопрос с ремонтом уже решен, так как ты хотел доставить мне радость, а победа в конкурсе – совсем не обязательно произошла бы. Ты шептался о чем-то с мамой на кухне – это раз. Мама одобрила твое предложение – это два. Мама тоже играет на моем поле – это три. Она не позволила бы тебе допустить, чтобы я разочаровался. А так как конкурс не может зависеть от нее – значит, зависит от тебя. Я разговаривал с мамой, и она не готовила меня к плохому исходу, как это делает обычно, если не уверена, – это четыре. Конкурсы не проводят за один день – это пять.

Олег слушал внимательно логику этого маленького ребенка, но очень большого человека, и поражался ему все больше и больше. С каждым аргументом Кеша он кивал ему головой и улыбался.

– Кеша! Ты гроссмейстер! Я поражаюсь тебе и восхищаюсь тобой! Я абсолютно не обижаюсь на тебя! Надеюсь, ты тоже не будешь обижаться.

– А мне-то что обижаться? Ты все это затеял, потому что ты мой друг, и ты хотел сделать, чтобы все было правильно и красиво. Мне это приятно. Что ж мне обижаться? Я же не маленький. Только маме я не буду говорить, что раскусил тебя, хорошо? Давай сделаем так, как будто это конкурс и все такое. Она очень впечатлительная. Будет переживать, если все пойдет не по плану... Вдруг она обидится на тебя, а я этого не хочу!

– Хорошо. Договорились. Это будет нашей маленькой тайной.

– А ты расскажешь мне про творческий центр? – с интересом спросил Кеша.

– Обязательно.

В комнату вошла Полина Сергеевна.

– Олег, Кеша! Идите кушать!

Кеша убрал шахматы и поставил на место столик и стул. Они прошли на кухню. В тарелках на столе дымился куриный бульон. На столе стояла миска с сухариками из белого хлеба. Кеша тут же бросил себе пригоршню сухариков. Олег тоже.

– Олег, вы сегодня заберете Кешину работу на конкурс? – спросила она.

– Да, конечно! А завтра уже будет известен результат.

– Ой! Мы с Кешей так волнуемся и ждем его!

– Мама, мама! А знаешь, что придумал Олег? – перебил маму Кеша.

– Нет. Не знаю.

– Он создает центр творческого развития для тех, кто тяжело болен. Я правильно говорю? – спросил Кеша у Олега.

– Да. И для детей из детских домов. Чтобы все они могли заниматься там бесплатно. Мне кажется – это будет полезно детям.

– Ой, да что вы, Олег! Какой вы молодец! Это так здорово! Надо будет позвонить знакомым мамочкам, у кого больные детки, обрадовать их. Я им рассказывала, как это здорово помогло Кеше, они тоже захотели... Но не все могут себе позволить...

– Теперь смогут. А что, это и вправду помогло Кеше?

– Вы знаете, да! У него улучшилось настроение. Аппетит пришел. Спать лучше стал, меньше нервничать. Я даже отменила кое-какие лекарства. В общем, спасибо вам большое!

– Пожалуйста! Рад, что я на правильном пути! – Олег с удовольствием принялся есть бульон.

После обеда Олег забрал картину Кеша и пообещал завтра ее принести.

– Да вряд ли тебе ее вернут после конкурса! Обычно конкурсные работы не возвращают! Ну, а если уж я вдруг окажусь победителем, а тебе ее вернут, я тебе ее подарю.

Кеша подмигнул Олегу. Олег пожал его руку, попрощался с Полиной Сергеевной и вышел.

Он сел в машину. У него еще было время до встречи с Катей, и он решил заехать в офис. По дороге он вспоминал Кешу. У него в голове не укладывалось, как можно, прожив так мало лет, быть таким мудрым и прозорливым. Может, просто у него год за пять идет? Ведь он на себе узнал, как интенсивно проходят дни, когда уверен, что их осталось не так уж и много.

Олег позвонил Оксане.

– Оксана, привет! У тебя есть первое практическое задание. Нужно найти строительную компанию, которая хорошо сделает ремонт в комнате у мальчика, больного раком. Нужно, чтобы они просчитали стоимость с учетом только экологически безопасных материалов. Комната метров пятнадцать.

– Ух ты! У нас уже появились спонсоры?

– А ты как думала! – немного слукавил Олег. – Они появились еще до того, как мы решили, что будем создавать партнерство!

– Замечательно! Вечером не зайдешь проверить работу, пообщаться?

– Нет, Оксан. Я сегодня вечером встречаюсь со своей бывшей девушкой.

– Понятно. Удачи, – сказала слегка поникшим голосом Оксана и повесила трубку.

Только тут Олег понял, что, возможно, ее отношение к нему – не только деловое. Возможно, она уже начала строить какие-то планы. Ведь у нее вроде бы нет мужчины. Блин, вот дурак, теперь она может расстроиться и не захочет с ним работать. Как он сразу этот момент не прояснил! «Лучше поздно». Олег снова набрал Оксану.

– Да, Олег, что еще? – официально спросила она.

– Слушай, Оксана. Я хочу тебе сказать одну важную вещь. Важную для меня. Не знаю, как для тебя. Я хочу сказать, что очень ценю нашу дружбу и деловые отношения с тобой. Ты очень привлекательна как женщина. Красивая. С искоркой. Но на этом этапе моей жизни ты мне важна как друг и партнер. Мне необходимо разобраться в отношениях, которые я уже строил несколько лет и... не закончил их.

– Олег! Я все прекрасно понимаю и готова работать с тобой на чисто деловой основе. Не скрою, ты интересен как мужчина и нравишься мне все больше и больше, но я тоже не вчера родилась и понимаю, что у такого емкого мужчины, как ты, наверняка уже есть или жена, или претендентка на эту роль. Можешь не переживать, я не стану плакать в рукав и кусать себе пятки. Спасибо, что предупредил, практически заранее. Можешь этот вопрос больше не поднимать.

– Спасибо за понимание, Оксана!

– Всегда пожалуйста!

«Отпустило. Отлегло. Как все-таки правильно говорить правду и расставлять все точки. А иначе сейчас бы мучились оба...» – с удовлетворением отметил Олег.

Заехав в офис, он с радостью обнаружил, что все без него работает великолепно. Договоры подписываются, деньги платятся, новые клиенты появляются. Валера сообщил, что Артур и Ксения ведут переговоры с очередными иностранцами и очень много времени проводят вместе. Ксения похудела и стала чаще одевать юбку на работу. Вообще после конькового похода ребята стали более сплоченно работать и помогать друг другу.

Олег просмотрел отчеты, подписал необходимые бумаги и поблагодарил Валеру за то, что тот оправдывает его доверие. Валера был счастлив. Получив самостоятельность и право принимать решения, он перестал дергать Олега по пустякам, стал более уверенным и спокойным. Предварительный подсчет финансового состояния компании показывал, что в этом месяце они могут рассчитывать на хорошие бонусы, Валера уже подготовил список для премирования.

Выпив кофе и перекинувшись приветствиями со всеми, кто был в офисе, Олег вышел на улицу и набрал номер Кати.

– Да, Олег! – почему-то радостно ответила она.

– Катя! Как и обещал, звоню и хочу сообщить тебе, что сегодня у нас будет необычная вечерняя программа. Сначала мы слегка перекусим, а потом сходим туда, где ты точно никогда не была.

– Интригует! Заезжай за мной в шесть!

– Куда?

– Куда, куда? На работу! Я все там же, – съязвила Катя.

– Отлично, договорились.

– А на какой ты будешь машине?

– На какой, на какой? На той же! – передразнил ее Олег.

– Пока!

– До встречи!

В шесть Олег стоял у офиса Кати на Левашовском проспекте. Это было тут же, на Петроградке, и раньше он частенько заходил за ней пешком, и они гуляли или по Песочной набережной или переходили через мостик на Крестовский остров, а оттуда – на Елагин. «Интересно, почему люди так много гуляют в начале знакомства и так мало – потом? Логического объяснения в этом нет. Но это как-то глупо».

Он ждал ее в машине и слушал радио. Беззаботная трескотня ведущих напоминала ему о том, который час, где пробки, кто виноват и что делать. Все это, как обычно, катилось на волнах позитива и беспричинного счастья.

«Вот интересно, ведущий может не выйти в эфир оттого, что у него плохое настроение? Я вот ни разу не помню, чтобы кто-то из ведущих начал нагонять тоску и негатив на слушателей. Может, у них есть «клятва Попова» – по аналогии с клятвой Гиппократов, в которой они клянутся не причинять зла невинным слушателям ни при каких обстоятельствах? Вот было бы забавно, если бы все люди в городе вдруг в один день тоже приняли такую клятву и начали общаться между собой, как радиоведущие». Олег живо представил себе, как встречаются двое рабочих на «Адмиралтейских верфях» и один говорит другому с широкой улыбкой: «Доброе утро, Петр! Я, Иван Николаев, желаю тебе великолепного дня, полного надежд и открытий! Пусть тебе целый день сопутствует удача во всех начинаниях!», а второй рабочий, также широко улыбаясь, отвечает ему: «Спасибо, спасибо тебе за теплые слова! Добрейшего утречка и тебе, Иван! В этот магический день, продолжительность которого составит шесть часов и одну минуту, что на целую минуту больше чем вчера, а это значит, что сегодня будет еще больше света и радости, я тоже, дорогой ты мой коллега по работе, хочу пожелать тебе ударного трудового дня и дивного вечера!»

Мысли Олега прервал звук открывающейся двери его машины.

«Вот и она!» Гибкая и графичная, в длинной черной юбке с глубоким разрезом и короткой белой норковой шубке, она скользнула в его машину. Салон сразу наполнился благоуханием ее духов, которые она всегда подбирала так гармонично к своему природному аромату, что казалось, что она и не душится вовсе, а просто прошла по горным лугам, повалялась в цветущих фиалках, постояла у океанического побережья, а потом вот так, мгновенно, очутилась около него.

Ее маленькие ручки, от которых он был всегда без ума, придерживали черную лаковую сумочку с крокодиловыми узорами и металлической фурнитурой. Вздернутый носик был, как всегда, горделиво поднят, чувственные, но не полные, губы блестели практически натуральным цветом, а глубокие черные глаза, обрамленные тонкими бровями, с интересом изучали его.

– Привет, красавица! – тепло поздоровался Олег.

– А чего это ты такой любезный? В последний раз, когда мы виделись, ты мне кричал, что я всю твою кровушку выпила и твоим сердечком закусил! Ты что, много гематогена ел, снова кровушки накопил или сердечко отросло? – слегка со злостью спросила Катя.

– А ты все такая же... прямолинейная! Как винтовка! Можешь палить сколько угодно! Ровно половину этих выстрелов я наверняка заслужил! К тому же я больше не пользуюсь такими архаизмами, как кровь и плоть, я переместил свой бессмертный дух в гуманоидную форму жизни, и в моих жилах течет ртуть.

– Ты что, готовился?! – вдруг выпалила Катя и засмеялась.

– А то! – ответил Олег и тронулся с места.

– А куда мы едем?

– Ну, для начала перекусим.

Олег направил машину к ближайшему ресторанчику с японской кухней, который располагался в начале Большой Пушкинской.

– Ты еще не разлюбила суши?

– Нет, конечно! Ты что, думал, если мы разошлись, я должна была перекраситься, продать квартиру, постричься налысо, поменять свои пристрастия к кухне, записаться в общество анонимных ОЛЕГОголиков?

– Налысо? Прикольно. Мне кажется, у тебя красивая форма черепа! – проигнорировал тираду Кати Олег.

– Типа это был комплимент?

– А это уж зависит от тебя. Как ты захочешь!

– Слушай, ты какой-то странный! Не орешь, не обижаешься! Не выходишь из себя! Если тебе на меня наплевать, зачем ты вообще приехал? – с истерическими нотками в голосе спросила Катя.

– Ага, то есть, если я не вышел из себя, то мне на тебя наплевать, а если ору, значит, нет? Так, что ли, получается?

– Да. Я так привыкла!

– Спасибо за честность!

– Пожалуйста! – успокоившись, сказала Катя. – Правда, скажи, зачем ты приехал. Я уже от тебя отвыкла. Уже начала присматриваться к другим мужчинам...

– А я как раз другой мужчина! Присмотришь ко мне!

– Ну, то, что ты другой, я уже поняла. Может, теперь объяснишь, что произошло? Чего тебя торкнуло? Полгода не звонил! – Катя раскрыла зеркальце и поправила прическу.

– Если я объясню, что произошло со мной, ты все равно не поймешь, почему я изменился.

– Ты думаешь, что я такая тупая? – с обидой в голосе произнесла Катя.

– К счастью, нет! Недостаток ума никогда не был твоим коньком!

– Тогда почему?

– Слушай, ты смотрела спектакль «День радио»?

– Нет.

– Тогда давай я тебе сейчас его расскажу! Там еще, правда, песни есть, но ничего, напою тебе как-нибудь, что помню! Ты все поймешь!

– Ну, ты сравнил!

Они вышли из машины (Олег не забыл открыть ей дверь и подать руку) и прошли в суши-бар. Официанты вежливо поздоровались с ними, одновременно показывая рукой на столик у окна. К спинкам его стульев были привязаны воздушные шарики с разноцветными ленточками, а посередине стеклянного стола стояло стеклянное ведро с тюльпанами (желтыми, красными, рябыми, белыми, оранжевыми) и бутылка игристого вина в серебристом ведре. На столе горели свечи, отбрасывая отблески на стеклянные и металлические поверхности. Екатерина застыла как вкопанная. Было видно, что она слегка обескуражена происходящим, но быстро оправилась, заулыбалась и прошла к столу. В динамиках заиграла ее любимая песня «Color of the night». Олег помог ей раздеться и усадил за стол. Через минуту официант принес ее любимый ролл и запеченные суши, а также ролл для Олега, открыл игристое и разлил его по бокалам, после чего удалился, широко улыбнувшись напоследок.

– Олег! Если ты хотел удивить меня, то тебе удалось! Ты помнишь даже мои любимые суши и роллы, мою любимую песню и цветы. Я тронута. – Голос Кати стал мягким и бархатистым, нотки железа расплавились в нем без остатка. Ее каштановые волосы поблескивали медью под светом свечей и ламп. Ее белая деловая блузка и жилеточка с небольшим вышитым вензельком смотрелись очень по-деловому и в то же время сексуально. Она смотрела с легкой улыбкой. Олег с придыханием любовался ее глазами, ее волосами, ее руками. – Мне безумно приятно, но что у тебя за праздник?

– Я очень рад, что тебе нравится. Ну, во-первых, у меня теперь каждый день – праздник, а во-вторых, мы с тобой так бестолково разбежались, что я даже не успел тебя поблагодарить за все время, проведенное с тобой. – Олег поднял свой бокал. – Я хочу выпить за тебя! Я хочу поблагодарить тебя за все то время, которое ты подарила мне. За те прекрасные долгие вечера, когда мы гуляли с тобой по городу, целуясь под деревьями и прямо на улице. За ту безумную страсть, которая дарила мне величайшие часы блаженства. За твой запах, который всегда пьянил меня. За твою красоту, которую ты так искусно подчеркиваешь. За разговоры, в которых я находил себя. За молчание, которое я мог позволить себе, не стесняясь. За твою искренность. За твою эмоциональность и страсть. Спасибо тебе.

Прозвучал звон ударившихся бокалов. Сотни пузырьков оторвались от стенок их бокалов и взмыли к поверхности. Олегу показалось, что глаза Кати слегка увлажнились.

– Так ты пришел попрощаться? – подобрав наконец слова, вымолвила она, откинув назад волосы и приподняв свой носик.

– Я пришел поставить точку в наших прошлых отношениях и поблагодарить тебя за то лучшее, что в них было. Попросить у тебя прощения за то, что огорчало тебя и простить тебя за то, что было неприятно мне. А уж будет ли новая глава, зависит от нас обоих. Что касается меня, то я этого хочу. Хочу, потому что знаю: теперь в моей жизни гораздо большее зависит от меня, чем раньше. Я перестал быть игрушкой в руках собственных предрассудков, да и чужих тоже. Я отвечаю за свою жизнь и за все, что в ней происходит.

– А меня научишь? – вдруг с улыбкой спросила Катя.

– Давай ты будешь моим учителем. Мне кажется, ты стал таким уверенным и мудрым. Это так сексуально, что у меня мурашки по коже разбегаются. Если мне понравится, я, так уж и быть, подумаю, – кокетливо прошептала она.

– Невозможно научить. Возможно только научиться. Если ты готова периодически не быть собой, то рано или поздно ты поймешь, кто ты есть на самом деле.

– О, выходить из себя я люблю, ты же знаешь! – заявила Катя. Она была настроена шутливо, и Олег это понял. Ему еще много хотелось ей сказать, но он понял, что залпом море не выпьешь.

– Да, и еще я пришел и попрощаться тоже. Я тут собрался в одно путешествие, – Олег

подбирал слова.

– В общем, я не знаю точно, когда оно начнется, и не знаю, когда оно закончится, не знаю, где я буду и что там будет. Возможно, оно окажется опасным. Сейчас, если честно, я уже не знаю толком, нужно ли оно мне, но деньги заплачены и обратного пути нет.

– Олег, что за бред ты несешь? Извини, но ты вроде юрист, а как же основные условия договора?

– Основное условие договора – что основные условия не определены.

– Видимо, я тебя очень давно не видела, и ты и вправду очень сильно изменился. А как же твой бизнес?

Кстати, я заметила, что ты перестал ходить в костюме. Ты же раньше практически спал в нем! Ты что, обанкротился и тебе нечем заняться? Объясни, что происходит! Тебя похищали инопланетяне и проводили над тобой опыты?

– Более наглядно было бы сказать, что я пережил клиническую смерть.

– Ты? Смерть? Когда? Что с тобой было? – Катя не на шутку взволновалась. – Говорят, у некоторых после нее слегка крышник съезжает. Может, в этом все дело?

– Получилось случайно. А потом я понял, что случайностей не бывает... Тебе никогда не хотелось познать жизнь в ее первобытной сущности? Когда она не дается сама собой? Еда не лежит на полках, ее нужно найти, воду добыть, тепло заслужить? Не хотела познать край своих возможностей и зайти за него?

– Нет, Олежа, бог миловал, – сказала она, а потом, подумав, добавила: – Женщины, наверное, по-другому устроены, они не создают блага цивилизации, они защищают их. У женщины трудно отнять то, что она уже имеет. Женщина не любит начинать с нуля. Мы более консервативны. Если бы этот мир принадлежал только мужчинам, он каждый год сносился бы и строился заново. Наше дело беречь то, что создаете вы, мужчины. Мы создаем только в том случае, если не научились беречь. Если я была бы женщиной, наверное, сказала бы, что это круто.

Они с задумчивостью кушали роллы и суши, смотрели друг на друга, улыбались, думали о чем-то своем. Олег подлил Кате еще шампанского.

– Слушай, Олег! А если бы я не поехала с тобой сегодня? Что бы ты со всем этим делал? – вдруг спросила Катя.

– Ну, во-первых, я был уверен, что все получится... и, в общем-то, этого достаточно. Хотя я попросил, что если мы не появимся до половины седьмого, весь этот заказ отдать первой вошедшей влюбленной парочке.

– Как романтично... Хорошо, что ты был уверен. Я-то уж точно не была уверена. А теперь, после этой милой новости о том, что ты можешь пропасть в любую минуту неизвестно на сколько, опять не уверена, что правильно сделала, согласившись на встречу с тобой. Если тебе нужна жена декабриста, которая будет ждать своего героя и складывать в стопку неотправленные письма, то это точно не я!

– Ты сказала – жена? – широко улыбнувшись, уточнил Олег.

– Ну, ты же знаешь, это образное выражение! – немного смутилась Катя.

– А если бы я взял тебя с собой?

– Отдохнуть с тобой я, может, и хотела бы, но, правда, не на таких условиях, как собрался это делать ты, извини.

– Да. Я понял. Ладно, давай пока оставим разговоры о будущем. Вернемся ко дню сегодняшнему. Нам уже нужно выезжать.

– Куда? Разве это не вся программа на вечер?

– Нет. Программа еще впереди. Мы просто перекусили.

Олег и Катя вышли из помещения ресторанчика под завистливые взгляды официанток. Кате это явно нравилось.

Олег повел машину через Биржевой и Дворцовый мосты на Невский, через разворот ушел налево на канал Грибоедова, переехал через Фонтанку и без пяти семь они уже стояли у

входа в Санкт-Петербургскую государственную художественно-промышленную академию имени Штиглица, или просто у «Мухи».

– Ты что, в студенты подался? – с удивлением спросила Катя. – Или к студенткам? Зачем мы здесь? Можешь объяснить наконец-то? Это не театр, не кино.

– Если хочешь совсем честно, то я и сам не знаю конкретно, что тут будет, но уверен, что будет интересно.

– Ладно. Придется поверить тебе, в благодарность за чудесный ужин, – Катя чмокнула его в щеку.

«Вот как, оказывается, легко исправляются привычки», – подумал про себя Олег.

Подошла Анна. Олег познакомил их. Девушки с любопытством оценили друг друга.

– Аня, может, ты объяснишь, что нам предстоит делать здесь, в мекке дизайнеров?

– С удовольствием объясню, Катя! Олег заказал для вас мастер-класс по стеклодувному ремеслу.

– Какому ремеслу? Да я даже шарики надувать не умею! – смеясь, проговорила Катя.

– Вот и пришло время научиться! – ответила Анна и повела их за собой.

Они прошли за Анной мимо будки со строгими охранницами, потом вышли куда-то во двор, прошли через него и оказались у здания, земля возле которого была усыпана разноцветными стекляшками, а на металлических трубах висели разноцветные стеклянные колбы. В окно было видно, что на первом этаже работает кузница.

Они стали подниматься наверх, по лестнице, где пахло огнем и железом. Анна повела их на третий этаж, где располагался небольшой выставочный зал. Девушка по имени Наталья, назвавшись их гидом, провела их туда. От блеска стекла разных форм и цветов рябило в глазах. Цветы с тончайшими стебельками, огромные вазы причудливых форм и расцветок. Тончайшая посуда, насекомые и птицы – все было подвластно мастерам стеклодувного дела. Катя восхищенно смотрела и даже трогала некоторые из них.

После такой вдохновляющей экскурсии Наталья отвела их в мастерскую, где работали стеклодувы. Ими оказались мужчины, многим из которых было за сорок, а то и за пятьдесят лет. Человек восемь. Они сновали с поразительной сноровкой, держа на кончиках длинных трубок расплавленные шары из стекла.

Большую часть помещения занимали печи. В одной из них стекло варилось, в других, называемых «кукушками», как пояснила Наталья, проходил как раз разогрев стекольной массы и одновременно придание ей нужной формы.

Их познакомили с мастером по имени Николай. Николаю было около пятидесяти лет. Седовласый и поджарый, с широкой улыбкой и внимательными глазами, одетый в полосатую рубашку, он больше был похож на биржевого брокера из американских фильмов.

– Тут все просто! – пояснял весело он. – В большой печке варится стекло, в двух котлах. В одном – стекло прозрачное, в другом – цветное. Цвет меняется в зависимости от солей металлов, которые в него сыплют. Каждый день – цвет разный. Вот сегодня вам повезло попасть на медовый!

– А как эти металлы сыплют в стекло? – с искренним интересом спросила Катя.

– А очень просто! Вон – видите ящик с песком? – Николай указал на ящик, стоящий в углу мастерской. – Как думаете, для чего он?

– Пожары тушить, – предположил Олег.

Николай рассмеялся.

– Нет, это шихта – кварцевый песок с добавками, из которого стекло и делают! Вот Василий Степанович в начале своей смены, ночью, и колдует, добавляя туда разные химикаты. Но это очень тонкий процесс! Там много премудростей и профессиональных секретов.

– А как получают разные пятнышки и полоски цветные внутри стекла? Я видела у вас на выставке! – снова поинтересовалась Катя.

– Один из способов я вам покажу, пойдете за мной.

Николай подвел их к стеллажам, на которых лежали различные прутья из стекол, битое

разноцветное стекло, маленькие стеклянные кружочки с «цветочками» внутри.

– Вот, выбирайте! – с гордостью произнес он, показывая на круглые металлические коробочки, в которых, как драгоценные самоцветы, блестели и переливались разными цветами осколки цветного стекла.

Катя выбрала красно-оранжево-желтую гамму.

– А это что такое? И как это делают? – спросила она, указав рукой на маленькие стеклянные шайбочки с цветами внутри.

– Это тоже для украшения! – ответил Николай и сыпанул горсть таких стеклышек в коробку с теми, что выбрала Катя. – Все очень просто. Сначала делают разноцветные стеклянные нити. Несколько стеклянных нитей спаивают между собой в одну, как провода, и окунают снова в стекло, уже другого цвета. Получается как изоляция в кабеле. Потом нарезают, как колбасу. Все просто. Кто первый?

– Можно, я? – спросила Катя, глядя на Олега.

– Конечно! – ответил Олег. Ему было приятно, что Катю так захватил этот процесс. Он и сам с удивлением и интересом смотрел на все это.

– Тогда вперед! А вы пока понаблюдайте! – сказал Николай, обращаясь к Олегу.

Он повел Катю к той части мастерской, где стояли печи. Она была отделена от другой части ступеньками и перилами и находилась ниже уровнем. Олег встал у перил. От печей веяло жаром. Отблески оранжевого пламени красиво освещали лицо Кати. Николай жестикулировал руками и что-то объяснял Кате. Она кивнула. Он взял трубку и пошел к большой печи, где варилось стекло. На секунду засунул трубку в жерло печи, а точнее, в расплавленную стеклянную массу, быстро вытащил и уверенными шагами направился к «кукушке». Засунув трубку туда и вращая ее, он выдул небольшой пузырь величиной с теннисный мяч, затем присел на стул, стоящий у стены. Справа и слева от стула имелись металлические поручни, на которые он, присев на стул, положил свою трубку, взял в левую руку круглую форму из дерева в виде большой ложки и начал катать взад и вперед трубку правой рукой. Стеклянный пузырь на трубке, находясь в постоянном движении, шипя и дымясь, принимал нужную форму благодаря уверенным и ловким движениям Николая, подправляющего его этой богатырской ложкой. Катя с интересом смотрела на действия мастера.

Затем Николай снова подбежал к большой печи. Катя хвостиком устремила за ним. Олег волновался, не заденут ли ее другие мастера, которые не прекращали свою работу, бегая вокруг нее, как факиры с огненными шарами, туда-сюда. Дотронуться до такого шарика – все равно, что потрогать лаву.

Николай опустил свой шар уже в другой котел, затем, добежав с ним до коробочки со стеклышками, окунул его туда каждой стороной пузыря, после чего снова засунул его в «кукушку» и, вращая, дождался, пока стеклянные осколки растворятся. Затем он достал конец трубки из печки, поднял его вверх, подул еще немного, опустил вниз так, что пузырь начал вытягиваться в колбаску. Затем покрутил его в станке, подправив до нужной формы, слегка сплющил до формы вазы и показал почти готовое изделие Кате. Она кивнула, давая знать, что все видела и поняла.

Николай тем временем отнес трубку с вазочкой в третью печь, где, сделав пару надпилов, снял вазочку и положил в песок. Оказалось, что теперь она еще будет остывать полдня с постепенным понижением температуры, иначе растрескается.

Катя взяла трубку, которую протянул ей Николай, и прошествовала к печи. Процесс начался, конечно же, не без трудностей. Несколько раз стеклянный пузырь безжизненно обвисал с трубки после неудачного вращения в «кукушке», из-за чего его приходилось окунавать в ведро с водой, затем обколачивать трубку от оставшихся осколков стекла и начинать все сначала. Катя была упряма и упорно не хотела принимать помощь Николая. Ей все хотелось сделать самой. Оранжевое пламя из печи очень красиво освещало ее лицо. Олег залюбовался ею. Все-таки живой огонь имеет магические свойства. Очередная попытка выдуть пузырь наконец-то удалась, и Катя, радуясь как ребенок, окунала его в цветные

стекляшки, неслась ко второму котлу, обратно к «кукушке»... Николай еле-еле попевал за ней. Прошло, наверное, около часа, когда каплевидная ваза с пестрыми размытыми крапинками на фоне медового стекла была отделена от железной пуповины и положена остывать вместе с другими «новорожденными» стекленишками.

– Уф-ф! – только и смогла произнести Катерина, поднимаясь к Олегу. На ее лице было выражение полнейшего восторга.

Олег занял ее место. То, что со стороны казалось понятным, изнутри было сложным и филигранным. Секунда поспешности или промедления превращала будущий шедевр в бесформенную массу. Стекло диктовало свои правила, свой темп работы. Одно неправильное действие – и плачевный результат налицо. Стекло не дает второго шанса. С ним нет права на ошибку. Есть только «здесь и сейчас». Остальное – лирика.

То, что необходимо сделать, сначала называется полубаночек, после второго окунания – это уже называется баночка. Полубаночек задает основу, баночка – цвет и форму. Все вроде просто... С третьего раза Олегу удалось получить что-то, похожее на вазу. Неказистое и грубоватое изделие казалось ему шедевром и вызывало чувство гордости. Николай отделил вазочку от трубки и тоже положил остывать.

Катя с видом знатока оценила труды Олега. Они поблагодарили Наталью и Анну за чудесную возможность прикоснуться к таинству и направились к машине.

– Вот уж ты вправду меня удивил! – сказала Катя уже в машине. – Причем как-то странно удивил. Удивил меня мной. Я даже не думала, что смогу справиться с этим ремеслом, да еще и получить массу удовольствия от него. Спасибо тебе!

Олег вел машину к дому Кати. Он был в состоянии приятного возбуждения. Все, что было с ним сегодня, опять было впервые. Он снова удивлялся и учился чему-то новому. Он был, как ребенок, научившийся еще что-то делать в своей жизни. Он вдруг поймал себя на мысли, что жизнь ощущаешь по-настоящему только тогда, когда чему-то учишься и удивляешься. Когда все идет по-накатанному – в этом нет жизни, есть лишь схема проживания.

Еще он вдруг почувствовал, что когда она рядом с ним, ему становится приятно и тепло. Даже если они ни о чем между собой не говорят. Это внутреннее спокойствие, когда ты не обязан ничего говорить и доказывать, он почувствовал впервые. У него не было цели во что бы то ни стало завоевать ее. Он уже это делал раньше. Теперь ему не хотелось форсировать события, а хотелось просто понять, смогут ли они быть вместе, не «заглушая» друг друга.

Она тоже молчала. На ее расслабленном и довольном лице отражался свет неоновых реклам и витринных окон города. Фонари освещали ее сверху через стеклянный люк машины. Олег искоса поглядывал на нее, пытаясь угадать малейшие оттенки ее эмоций.

А Катя думала о том, что же такое произошло с Олегом за последние полгода, что он так сильно изменился? Он стал старше... да нет, мудрее и спокойнее. Тот вызов, который он всегда бросал своим появлением везде и всегда и которым он изначально покорила ее, а потом утомил, куда-то пропал. Было ощущение, что ему больше не нужно ничего никому доказывать, он все уже доказал себе. Было ощущение, что он знает какой-то главный секрет этой жизни. Его открытость и эмоциональность вкупе с твердостью и спокойствием оказывали на нее странное влияние... Ей хотелось быть с ним и верить ему. Да, верить. Он был правдив во всем: и когда радовался как ребенок тому, что доставил ей удовольствие своей сегодняшней затеей, и когда молчал, не желая ничего говорить, и даже когда не цеплялся за нее как за последнюю надежду... и это заводило ее еще больше.

Вскоре они доехали до ее дома. Олег вышел из машины, открыл ее дверь и подал руку, твердую сильную руку. Она вышла.

– Спасибо, Олег! Мне понравился этот вечер. Признаться, это было несколько неожиданно. А когда я смогу... мы сможем забрать наши изделия? Мне не терпится использовать вазочку по назначению.

От Олега не ускользнуло то, что она сказала «мы сможем», «наши изделия», да и намек

на вазочку тоже был понятен.

– Завтра сможешь забрать. А можем забрать вместе. Я рад, что тебе все понравилось. Я хотел тебя поблагодарить за все таким способом и рад, что у меня это получилось. А будет это запятой или точкой, теперь зависит от тебя. Я бы хотел начать с тобой все сначала, и сегодняшняя встреча укрепила мою уверенность в этом. Захочешь ли ты – решать тебе... Я не буду тебя торопить. Завтра позвони мне днем и скажи, что ты решила – забрать свою вазочку или забрать наши вазочки. Договорились?

Кате хотелось ответить ему немедленно, но женское кокетство не позволяло сделать этого.

– Хорошо. Я подумаю. Завтра позвоню.

– Вот и здорово! До завтра.

Олег поцеловал ее в щеку и направился к машине. Дорога к дому была приятной, а сон – волшебным.

Положение Шлагбаума

«Еще одну жизнь подарил мне мир! Спасибо!» – подумал Олег, открывая глаза. Ежедневное утреннее пробуждение теперь превратилось для него в радость. Оно давалось авансом и каждый вечер его нужно было вернуть... ощущением радости за прожитый день. Причем абсолютно не обязательно каждую минуту искрить позитивом. Олег почувствовал, что волны радости и беззаботности всегда сменяются волнами задумчивости или легкой грусти. Каждая эмоция несла свою энергию, и все вместе это и составляло энергию жизни. Олег научился не сопротивляться любым эмоциям, а проживать их с глубоким чувством благодарности за ту энергию, которую они с собой приносят.

Раньше он ненавидел периоды своей жизни, которые он называл хандрой. Теперь он понял, что, забираясь иногда в эти ямки под названием хандра, он просто отдыхал и набирался энергии. В эти периоды хорошо думалось. Легко отрицались заезженные схемы и возникали новые идеи. Иногда хотелось просто сентиментально пожелать кому-то чего-то хорошего, иногда пожалеть себя, иногда даже всплакнуть. Олег теперь не стеснялся в себе ничего. Ему не нужно было оправдываться перед собой за то или иное настроение или

поведение. Тем более что многое теперь стало удаваться легче и лучше.

Побывав в состоянии смертельного ужаса, пообщавшись с Кешей, он понял цену того, что далось ему бесплатно от рождения, и теперь никакие «негативные» события уже не могли подкосить его жизненных устоев.

Самое странное, что как только он принял это, моменты хандры стали происходить гораздо реже и заканчиваться быстрее.

Сегодняшний день, как, впрочем, и все последние, снова обещал быть интересным. Сегодня ему нужно было организовать вручение Кеше его долгожданного приза, а кроме того, этот вечер должен был окончательно прояснить его отношения с Катей. Хотя он был уверен, что Катя тоже хочет продолжить отношения с ним. Он решил готовиться к торжественному ужину и созвонился по этому поводу с Анной, которая должна была все организовать.

Олег прошел на кухню и, не спеша готовя завтрак и заваривая чай, начал планировать день и звонить по делам.

Позвонив Оксане, он попросил ее найти время, чтобы зайти в копи-центр и подготовить свидетельство о том, что Иннокентий занял первое место в конкурсе, призом в котором будет являться бесплатный ремонт его комнаты, а вечером зайти к нему домой и вручить его. Затем он позвонил приятелю – директору небольшой строительной фирмы, дал ему телефон Оксаны и попросил связаться с ней и подготовить смету по ремонту комнаты Кеша. Он хотел, чтобы он на равных условиях с остальными поучаствовал в конкурсе на проведение ремонтных работ...

– Хорошо, Олег!

– Юр! Только сделай на совесть! Я за все плачу, но хозяйка квартиры должна думать, что это деньги из фонда.

– Хорошо, Олег! Я все посчитаю, чтобы было оптимально и по цене и по качеству. А что за секретность?

Олег в двух словах рассказал Юре о своей затее с некоммерческой организацией.

– Тогда можешь не сомневаться, цену сделаем самую лучшую, даже если мне придется самому доплачивать! И вообще молодца! Хорошая идея! Я тоже как-то думал об этом, но знаешь, вкладывать деньги в какие-то непонятные фонды никогда не было желания, а зная, что этим будешь заниматься ты, с удовольствием поучаствую!

Эти слова вдохновили Олега. Оказывается, не у него одного были такие мысли. Он тут же позвонил еще нескольким своим друзьям-приятелям, в том числе Евгению, и договорился со всеми о встрече. Многие согласились поучаствовать в затее Олега – кто своими услугами, кто деньгами. «Оказывается, в мире гораздо больше добрых людей, чем об этом принято думать, наверное, просто не хватает доверия».

Олег с удовольствием потер руки. «Скелет» его идеи начинал обрастать «мясом».

В привычную полифонию звуков ворвался незнакомый звук телефонного звонка. Этот звук шел откуда-то из прихожей. Олег даже слегка вздрогнул от неожиданности. Это не был звук его мобильного телефона, а какой-то незнакомый звук. «Неужели Катя забыла у меня свой телефон?!» – промелькнуло в его голове. Он побежал в прихожую и стал судорожно бить по карманам одежды.

Виновником нарушения его спокойствия оказался телефон, который дал ему Михаил. Он нажал на кнопку ответа и поднес телефон к уху.

– Михаил! Нельзя же так без предупреждения звонить! Так ведь порядочного человека можно и до инфаркта довести!

– Ты сам-то понял, что сказал? – спросил, смеясь, Михаил. – Мне сначала нужно было тебе курьера прислать и предупредить, что я буду звонить?

Олег понял нелепость своего замечания. Сердце его почему-то забилось учащенно. Михаил не мог звонить просто так.

– Олег, я звоню не из праздного любопытства. Я хочу тебе сказать, что завтра

начинается твое путешествие. Сегодня тебе нужно зайти ко мне. Я дам тебе последние инструкции. Извини, что так срочно, но я предупреждал тебя заранее, что именно так это и происходит. У тебя есть час на то, чтобы подготовить самое необходимое. Возьми какой-нибудь рюкзачок и минимум вещей. Подчеркиваю, минимум. Ты не знаешь, что будет с климатом в том месте, где начнется твое путешествие, поэтому не пытайся брать вещи, исходя из погоды. Постарайся взять только то, что будет нужно в любых условиях. Через полтора часа я жду тебя у себя.

Внутри Олега все опустилось. «Вот оно! Началось!» Почему-то долгожданной радости это известие у него не вызвало. Он вдруг понял, что те потрясающие эмоции, которые должны были вытащить его из рутины и которых он так жаждал еще пару недель назад, теперь стали каким-то архаизмом. Как аудиокассета в век дисков и флэшек. Он жаждал возможности бросить себе вызов и пощекотать себе нервы – но после того, что с ним уже произошло, это можно было сопоставить с тем, как если бы кто-то попытался удивить его щекоткой после электрошока. Он мечтал оторваться от суеты будней и переложить бремя рабочих вопросов хотя бы на какое-то время на Валеру, а в итоге организовал все так, что теперь может отдыхать сколько угодно. Он хотел набраться сил и энергии в отпуске, а занятия спортом, которые он начал, а также полноценный сон, да и внутренняя радость жизни, сделали его крепче и здоровее. Он хотел забыть свою прежнюю любовь и начать новые отношения, но вдруг понял, что это будет лишь попыткой найти очередной виток спирали, который закончится тем же, что и в отношениях с Катей, если он не поймет, в чем истинная причина расставаний. Ему так хотелось вырваться из этого серого холодного города, а теперь он полюбил его с новой силой. Оказалось, в нем столько интересного! Да и его новый проект требовал внимания к себе... Кроме того, ему было ужасно жаль тех денег, которые он потратил на это безумие. Сейчас он нашел бы им более правильное применение... Олег только сейчас понял, как сильно все изменилось в его жизни.

Он подошел к шкафу с одеждой. Достал оттуда джинсы, пару футболок, рубашку с большим количеством карманов. Взял легкие кроссовки. Потом прошел на кухню. Отыскал на дальних полках алюминиевую кружку и миску, взял нож, ложку, вилку и спички, ему казалось, что именно это главное в экстремальном путешествии. «Да, еще соль!»

С еще более дальних полок он достал небольшой рюкзак. Упаковал все вещи. Положил в карман загранпаспорт. «Сколько брать с собой денег?» Ладно, уточню у Михаила.

Олег допил кофе и вышел из дома. Солнца опять не было. Легкая грусть охватила его. К нему подкрался тот самый синдром «последнего раза», только в этот раз он касался не последнего дня отпуска, а последнего дня дома.

По дороге к дому Михаила он не торопился, разглядывая в окна автомобиля прохожих, дома, трамваи. Исчезла Петроградка, появился Каменный остров – степенный и спокойный. Вот и дом Михаила. Олег припарковал машину и подошел к заветной калитке.

Михаил открыл дверь и радушно пригласил Олега в дом. Олег разделся. Михаил повел его в гостиную, где их приветливо встретил камин.

– Олег! Ты как-то задумчив сегодня. Что-то произошло? – спросил Михаил, когда Олег сел в кресло у камина.

– Да, Миш, произошло. Я сомневаюсь в своем решении. Я не знаю, нужно ли мне это путешествие. Просто, понимаешь, в последнее время, пока ты меня готовил к этому путешествию, я очень многое понял в себе. Я полностью изменил свою жизнь. Я теперь свободен. Я теперь спокоен и уверен. Я нашел дело, которым мне хочется заниматься. Я решил построить заново отношения с моей девушкой. Я помирился с мамой. Я помирился со своим прошлым. Я научился отдыхать в нашем городе так, как не отдыхал никогда раньше. Вообще, ты знаешь, у меня ощущение, что я все предыдущие годы спал, а совсем недавно проснулся. Свою путевку я приобрел еще во сне и теперь мне она неинтересна. В общем, Миш, я хотел бы отказаться от нее.

– Это невозможно! – сказал Михаил довольно резко.

– Почему невозможно?
– Ты заключил контракт и заплатил деньги!
– Что касается денег, то я не жалею ни об одном потраченном евроценте! За эти деньги я купил... свою новую жизнь, и, поверь мне, она того стоит. Что же касается договора – извини, но никакой договор не может быть для меня важнее, чем мои жизненно-важные интересы. Я готов потерять те деньги, которые внес по договору, – и это будет адекватным штрафом за несоблюдение условий с моей стороны, но я не готов передавать власть над своей жизнью своим старым решениям и настроениям. Извини, если это создаст тебе неудобства. Кстати, я хочу тебя поблагодарить за ту подготовку, которую ты провел со мной. Как бы я мог это сделать?

Михаил открыл камин и пошевелил дрова кочергой. Подкинул еще полено. Белая древесина занялась ярким пламенем. Михаил с минуту смотрел на огонь, затем закрыл дверцу камина, поставил кочергу на место и посмотрел на Олега. Его глаза выражали тепло и поддержку и... немного интриги.

– Добро пожаловать в ЖИЗНЬ, Олег! – наконец вымолвил Михаил, торжественно встав при этом и протянув Олегу руку.

– В смысле? – изумленно переспросил Олег, но тоже поднялся из кресла и протянул руку Михаилу.

– В смысле – поздравляю, шлагбаум открыт, твое осознанное путешествие началось!

– Подожди, я что-то не совсем понял, – сказал Олег, хотя внутри уже начал догадываться о том, что имеет в виду Михаил.

– Ну, тогда еще могу сказать: «с пробуждением!», «с озарением!», «с первым шагом!» – Михаил хитро посматривал на Олега.

– То есть... я, кажется, начинаю понимать... ты хочешь сказать, что путешествия не будет? – с радостью в голосе спросил Олег.

– То есть, я хочу сказать, что самое лучшее путешествие в твоей жизни уже началось, и его плодами ты можешь насладиться вполне!

– Блин! Я, конечно, многое мог предположить, но такое! И что, никакой путевки и не предполагалось вообще?

– Да ты присядь! – сказал Михаил и присел на кресло сам. – А теперь почитай снова свой контракт, но замени в нем слово «Путешествие» словом «Жизнь».

Олег упал в кресло, и Михаил протянул ему лист контракта. Олег прочитал его по-новому. Прочитав, он закинул руки за голову.

– Еперный театр! – пробурчал он и ухмыльнулся.

– Я-то думал, сюрпризы уже закончились после моего «выздоровления»!

– Видишь ли, Олег, – начал Михаил, – ты вообще очень много думаешь! Я скажу тебе больше, ты сам придумал для себя эту ситуацию и сам блестяще справился с ней! Видно, твое истинное «я» уже давно искало спасения, и твой мозг интерпретировал все, в общем-то, в правильном направлении. Ну, для начала начнем с того, что мы не туристическая компания, а трениговая. Турфирма находится этажом выше и вход туда во дворе. Вообще мы проводим бизнес-тренинги для крупных компаний нашей необъятной родины. Лично я работаю с топ-менеджерами. Мы нигде не рекламируемся, так как наших клиентов нам вполне хватает. Кроме того, я еще руковожу инвестиционной компанией, инвестирую деньги сам, в том числе в недвижимость, и выступаю как финансовый консультант. Я люблю и то, и другое и поэтому позволяю себе периодически делать что-то не по плану, как вот и получилось с тобой. Так что считай, что тебе повезло, ведь сам ты вряд ли постучался бы в дверь трениговой компании, ведь так?

– Да, так! Я всегда думал, что сам знаю себя лучше, чем кто бы то ни было!

– Я знаком с этой позицией. Зачастую она даже правильна. Но есть одно маленькое «но»... знать и влиять – это разные вещи. Ты можешь знать наперед программу телепередач, можешь даже выучить ее наизусть, но сможешь ли ты повлиять на нее?

– Нет, конечно... Но подожди, а почему ты благодарил вашу Елену за какое-то

путешествие? Говорил, что оно было «лучшим в твоей жизни»! Почему, в конце концов, вы содрали с меня кучу денег?

– Начнем по порядку. Что касается путешествия. За неделю до того, как мы познакомились с тобой, Лена попросила меня сходить в магазинчик неподалеку и купить чаю. В магазине я познакомился с одним очень интересным товарищем. Он общался по мобильнику на итальянском языке. Я был уверен, что это итальянец. Он был похож на итальянца чертами лица, он активно жестикулировал и ничего не стеснялся. Высокого роста, крепкого телосложения, в туфлях из крокодиловой кожи и в хороших вещах европейского дизайна. Я сам сейчас учу итальянский и, чтобы попрактиковаться, заговорил с ним, когда он закончил разговор по мобильнику. Он довольно живо ответил мне, и я с удовольствием отметил для себя, что мой итальянский не так уж плох... В общем, минут через пять выяснилось, что никакой он не итальянец, в его жилах течет армянская и русская кровь, просто он решил подыграть мне. Его звали Игорь. Оказалось, что Игорь бизнесмен, большой знаток и любитель итальянского вина. В Питере у него свой винный магазинчик, а договаривался он как раз с одним из итальянских виноделов о предстоящей поездке к нему в гости. Я рассказал ему, что тоже люблю хорошее вино и ни разу еще не общался с настоящими виноделами. Он пригласил меня с собой. Оказалось, что он отправляется завтра утром. Я, не раздумывая, согласился. Почти неделю мы путешествовали по той Италии, которую я никогда до этого не видел. Мы общались с виноделами, фермерами. Ели вкуснейшую пищу и пили прекрасное вино. Выяснилось, что Игорь к тому же коллекционер живописи, учредитель еще нескольких бизнесов, а к тому же пишет великолепные стихи. Он подарил мне свою книжку.

Михаил встал, взял с одной из полок небольшую книжку в твердой обложке. Книга называлась «Штрихи сути». Она была великолепно иллюстрирована картинами современных художников. Олег открыл первую попавшую страницу и прочитал:

«Позволь спросить тебя, о мудрая свеча:
Ты догоришь сегодня, скоро ль я?
Моргнув в последний раз, она пропела:
«Не важно сколько. Как! – другое дело».

Олег уважительно листал книгу и рассматривал иллюстрации.

– Так вот в чем дело?! – прервался Олег. – Значит, Елена фактически и не имела никакого отношения к твоему путешествию!

– Да нет, что ты! Это же она попросила меня сходить за чаем.

– Да, но остальное зависело от тебя!

– Но разве это лишает меня повода поблагодарить того, кто создал этот повод? Вообще я стремлюсь как можно чаще благодарить своих близких, друзей, партнеров.

– Слушай, а что, правда, это было твое «лучшее» путешествие?

– Видишь ли... слово «лучший» – это как мантра. У нас так повелось. Каждый день – является лучшим в моей жизни... Потому что только он есть. Каждая возможность является лучшей, если ее использовать. Есть расхожая поговорка «Лучшее – враг хорошего». Я ее не люблю. Мне больше нравится наоборот: «Хорошее – враг лучшего». «Хорошее» оставляет тебе право довольствоваться худшим. Потому что всегда можно оправдать свое положение словом «хорошее». Мол, у меня хорошая работа, хорошая зарплата, хорошая машина, хорошее жилье. При этом ты как бы соглашаешься на компромисс... допускаешь, что есть что-то лучшее, но недоступное для тебя.

– Подожди, но всегда же есть что-то лучшее. Объективно.

– И да, и нет! Нет – потому что это всего лишь слово! Слово в твоей голове! Контекст! Его можно поставить к любому существительному в своей жизни! Но это слово – проявление любви. Ведь, например, о любимом человеке, о своем ребенке, всегда хочется сказать «лучший»! При этом другим может казаться, что это совсем не так... это нормально. Поэтому

для того, чтобы начать жить, жить по-настоящему, нужно искренне, всей душой полюбить то, что уже пришло в твою жизнь. Это не так сложно на самом деле. Представь себя голым на морозе и поймешь, что любое отличие от этого состояния – уже достижение. Полюбить одежду, которая тебя греет, пищу, которая тебя кормит, стены, которые дали тебе уют и тепло, – не так уж и сложно. Они – лучшие, потому что они есть у тебя. Ты – лучшее, что есть у тебя. Обними себя и полюби. Любая ситуация, которую ты создал, способна привести тебя к чему-то большему и лучшему! Тебе надо просто поблагодарить себя за это, полюбить и идти дальше! Человек любящий, довольный, глаза которого улыбаются, всегда притягивает к себе внимание хороших людей и хорошие возможности. Вечные брюзги, завистники и нытики – отталкивают. Пропитанный состоянием любви, удовлетворения, счастья, ты легко сможешь достичь любых целей, воспринимая это всего лишь как игру, не привязываясь к ее результатам и любя все новое, что приходит в твою жизнь. А что будет приходить в твою жизнь?

– Только лучшее! Я знаю, – Олег, довольный, улыбнулся.

– Да, именно поэтому, если ты довольствуешься только лучшим, когда у тебя лучшая одежда, лучшее жилье, лучшая семья – ты не оставляешь себе возможности для зависти. Если ты говоришь: нормальное, хорошее или даже отличное – ты всегда с чем-то сравниваешь!

Не надо ни с чем сравнивать, поверь, в этот миг у тебя есть лучшее из всего возможного!

– Подожди, но ведь, наверное, легко так говорить, когда живешь в таких условиях...

– Олег! Ты меня удивляешь! – перебил его Михаил. – Неужели ты думаешь, что так я жил всегда? Приехав в этот город, я снимал комнату в коммуналке, подрабатывал где придется... Поняв для себя то, что я говорю тебе сейчас, я и начал стремительно менять внешние условия своей жизни. Но мы сейчас не обо мне ведь, правда? Ты спрашивал, почему с тебя столько содрали? Не так ли?

– Да, был такой вопрос... но я на самом деле не в претензии, просто хочу понять ценообразование.

– Хорошо. А ты можешь сейчас вспомнить буквально твой разговор с Еленой на эту тему?

– Конечно, помню, она сказала – пятьдесят тысяч!

– А ты что?

– А я спросил – «пятьдесят условных?» Она ответила – «конкретных».

– Ну, и где здесь было слово евро?

– Блин! Вспомнил! Да я сам его и произнес! – стукнув себя по лбу, сказал Олег и рассмеялся. – Да! Я находка для жуликов!

– Лена мне, кстати, так и сказала. Она тебе назвала стоимость тренинга в рублях. Но ты же себе нарисовал уже совсем другую картину! Путешествия! Экстрим! ВИП! – Михаил тоже благодушно засмеялся. – Ты видел хоть один рекламный буклет? Хоть одну фотографию с голубым океаном и пальмами? Нет! Зачем?! Ведь ты уже все для себя решил! Так устроен наш мозг.

Олег закрыл глаза и откинулся в кресле. Пазлы складывались в его голове один за другим. Но новые вопросы рвались наружу, причем он не мог даже сформулировать их Михаилу. Олег встал, подошел к окну, откинул портьеру, посмотрел на улицу. Величественные силуэты деревьев слегка покачивались. Солнце пряталось где-то в дымке облаков. Ворона прыгала по земле. Мерно потрескивали дрова в камине. Чувство благодарности переполняло Олега. Вместе с тем больше всего его мучил один вопрос:

– Скажи, Миш, почему так мало людей стремятся быть по-настоящему свободными? Свободными от стереотипов, неработающих концепций? Почему не стремятся быть финансово независимыми, открытыми? Почему большинство живет скучной, однообразной жизнью, ни к чему не стремится, довольствуется наименьшим из возможного?

– Да все просто, дружище, просто они думают, что это их выбор. Ты думаешь, что

свободен и независим. Ведь есть права и свободы, можно идти куда угодно, ехать куда угодно. Руки и ноги не связаны. Никто с пистолетом не стоит над тобой.

– Так разве это не так? Разве это не свобода?

– Ты хочешь знать мое мнение? Я считаю, что это – кажущаяся свобода. И она сковывает гораздо крепче, чем рабство.

– Почему?

– Потому что ты думаешь, что свободен, ты уверен в этом и не пытаешься вырваться. Ты, как аквариумная рыбка, твердо уверен, что мир имеет те границы, которые ты видишь перед глазами, и не будешь пытаться вырваться, пока тебя не начнут вылавливать сачком или пока вода не стухнет. Я специально привел в пример рыбку, а не животное. Животные, даже рожденные в неволе, пытаются вырваться из клетки инстинктивно, и если им предоставляется такая возможность, они ею воспользуются. Ты – нет. Ты знаешь, откуда будет падать корм, и радуешься, если он сегодня вкуснее. Если Хозяин посадит новые водоросли или купит тебе новый домик – ты счастлив, а если переселит тебя в аквариум с большей площадью – счастлив до небес и благодаришь бога, в данном случае – своего Хозяина. Твоя единственная задача – существовать, производить потомство и не есть других рыбок, если они для этого не предназначены Им, а ты – не хищник.

– Но ведь я гораздо умнее рыбки!

– Да! И поэтому виртуозность решения этой задачи твоими Хозяевами восхищает! Слава человеческому мозгу! Он устроен так, что ему абсолютно наплевать, происходит событие в реальности или ты представляешь его себе. Представь у себя во рту дольку сочного лимона – и рот наполнится слюной. Вспомни о завтрашней важной встрече – и у тебя ускорится сердцебиение. Вспомни о прошлом позоре – и снова покраснеешь, о веселом моменте – и расплывешься в улыбке. Представь себе яркую цель – и у тебя появятся силы к ней двигаться. Это качество ты можешь использовать себе во благо, для достижения своих целей и, если захочешь, узнаешь, как это сделать, ибо информация открыта, ее легко можно найти! Но! Этому не учат ни в школе, ни в университете и, по умолчанию, ключик от этой способности твоего мозга, точнее – пульт от нее, лежит в чужих руках. Причем ты сам его отдаешь туда! Добровольно! Ты же свободный человек!

– Нет, я не делаю этого. Я контролирую то, что со мной происходит, всегда. Я же не зомби, и ни у кого нет пульта от переключения моих эмоций!

– Ошибаешься! Ошибаешься, как и миллионы человек на Земле. И в этом гениальность решения! Представь, что ты среднестатистический городской человек. Как проходит твоя жизнь?

– У всех по-разному.

– Нет. У всех одинаково. Рождение-учеба-работа-пенсия-смерть. Пять пунктов. Причем первый от тебя не зависит вообще, последний от тебя не зависит потому, что неизбежен. Второй – за тебя выбирают родители. Четвертый – назначает государство. Ноу тебя есть возможность самому выбрать работу – то есть руки, которые будут сыпать корм в твой аквариум. Но многие не пользуются даже этой свободой. Даже если корм невкусный, даже если его мало, а аквариум зарастает грязью! Многие не будут менять работу, найдя для этого тысячи причин! Они откажутся от своих целей и планов, от своей мечты. От общения с более успешными друзьями. И вот изо дня в день ты ходишь на одну и ту же работу. Одним и тем же маршрутом. Получаешь одну и ту же зарплату, исходя из которой планируешь всю свою жизнь, – какое будет у тебя жилье, когда ты обручишься, сколько будет у тебя детей, как ты можешь себе позволить отдохнуть, на чем ты будешь передвигаться в пространстве и будешь ли вообще. Ты должен работать пять дней в неделю с утра и до вечера и ждать выходных, качество отдыха в которых тоже зависит от размера твоей зарплаты. Возможно, ты даже поменяешь несколько раз свою работу, но всю свою сознательную жизнь ты будешь работать не на себя, а на исполнение чьих-то, по-настоящему амбициозных, планов. Ты проживешь не для себя. Этот уникальный дар под названием жизнь ты потратишь впустую. Когда ты поймешь это, если когда-нибудь поймешь, придет время умирать. Тебя похоронят по обычаем

твоего государства, а на твоей могиле напишут слова, которые никогда не зависели от тебя. Даты твоего рождения, смерти, и имя, которым тебя называли родители.

– А при чем здесь пульт?

– Да так, ни при чем. Чтобы ты просто не сошел с ума, поняв и увидев все это. Если бы ты приходил каждый раз домой с работы, в полную тишину, и у тебя было бы время почитать, подумать о своей жизни, ты бы ужаснулся, как скучно и бессмысленно ты проводишь свою жизнь. Тебе не хватало бы эмоций – радости, соперничества, адреналина в крови. Тебя охватил бы настоящий ужас, и ты побежал бы, в лучшем случае расталкивая всех локтями, к Своим целям, создавая конкуренцию другим прозревшим. Или собрал бы единомышленников и начал бы бесполезную акцию протеста. Или отказался бы от работы и начал бродяжничать, или, что еще хуже, начал совершать преступления. Ты стал бы опасен и вреден для общества и, в конце концов, отвергнут им. Но зачем это Хозяину аквариума? Зачем рыбка, которая перестала радовать глаз, нападает на других рыбок, выглядит больной? Несчастный человек хуже работает, он агрессивен и непредсказуем. Это потенциальный конкурент, преступник или революционер. И неизвестно, что он выберет. Как отвлечь человека от этих эмоций? Как создать у него ощущение полноты жизни? Как найти применение выбросу адреналина и природной агрессивности? Как дать ему это прекрасное, ничем не передаваемое ощущение – ощущение достижения своей цели, радость победы? Как дать ему почувствовать ветер приключений, путешествий? Элементарно! Очень просто! Создать ему новую реальность жизни! Вот тебе телевизор! Бесконечный источник эмоций и реальности! Реальности, которую ты выбираешь! Хочется путешествовать, побывать на всех океанах, залезть на самую высокую гору и нырнуть в самое глубокое ущелье? Пожить среди диких зверей? Пролететь над землей на высоте птичьего полета? Увидеть обычаи разных народов? Пожалуйста! Телеканал ВВС и тысяча других – и каждый день новые приключения! Причем на выбор! Ведь есть программа! Жизнь скучна и безрадостна? Не хватает интриг, любви, ревности? Реалити-шоу, ток-шоу, с такими поворотами судеб и событий, что на миллион жизней хватит! Хочется почувствовать себя богатым и успешным? Посмотри фильм, где главный герой, точно такой как ты, пройдя кучу препятствий, становится сказочно богат! Проживи вместе с ним нищету, предательство, найди у него похожую привычку, слейся с ним и стань победителем вместе с ним в конце фильма! Хочется адреналина? Посмотри фильм! Мало адреналина? Сходи на аттракцион! Хочешь почувствовать свою значимость? Голосуй на выборах! Голосуй так же, как голосуешь за любимые фильмы и песни. Результат все равно будет зависеть от профессионализма создателей. Вот тебе – весь спектр ощущений! С каждым годом индустрия эмоций растет и совершенствуется, визуальные эффекты все более реальны, к ним добавляются звук, музыка, вибрация, движение. Венцом ее являются компьютерные игры. В них, как и в жизни, есть почти безграничные возможности, усложнение задач, необходимость набрать опыт путем усложняющихся тренировок. Есть цели – они сложны, но достижимы! Достигнув их, ты становишься победителем! Испытываешь гордость от победы. Вспоминаешь сложности пути. Твой опыт становится пройденным этапом, и ты ищешь новую игру, более сложную и захватывающую... А реальная жизнь проходит мимо. У тебя нет настоящих друзей, настоящей любви, настоящих приключений, да уже и не хочется. У тебя не очень хорошая работа, но зарплаты вполне хватает, чтобы покупать новые игры, диски с фильмами и чувствовать себя живым. Добро пожаловать в МАТРИЦУ!

– Забавная аналогия.

– Это, блин, не аналогия! Когда я увидел фильм «Матрица», я обрадовался! Я подумал – вот, наконец, люди поймут, как большинство из них живет! Фильм собрал потрясающие кассовые сборы. Почему? Да, потому что подсознательно многие люди понимают, что этот фильм – не фантастика, а реальность. По крайней мере, я хочу в это верить. И верить в то, что каждый в глубине души хочет проснуться и начать жить по-настоящему! Полной жизнью! Неся ответственность за свою судьбу и за то, как устроен этот мир. Причем самое страшное, что производители рекламы понимают это внутреннее стремление человека и

бессовестно используют его в своих рекламных слоганах. «Проснись для жизни!», «Выйди за пределы!», «Попробуй новое ощущение!» и прочую дребедень. Оказывается, что нужно всего лишь попить кофе, сок или купить новую машину... И люди ведутся на это!

Говоря это, Михаил встал и начал расхаживать взад и вперед по кабинету. Он жестикулировал, морщился, мотал головой. Было видно, что это то, что волнует его всерьез.

– В общем, я рад, что ты проснулся, – резюмировал Михаил. – Причем проснулся по-настоящему. Если ты разбудишь еще хотя бы пару человек, рано или поздно мир изменится.

– Кстати, насчет изменения мира. Хотел тебе сказать, что мое некоммерческое партнерство набирает обороты. Скоро потребуются деньги на ремонт помещений под творческие мастерские. Можешь поучаствовать...

– По поводу денег. Я возьму только десять процентов от того, что ты заплатил. Это адекватная плата за мои услуги. Остальное я возвращаю тебе. Уверен, теперь ты найдешь им более правильное применение.

Михаил вышел из комнаты и через минуту появился на пороге с пачкой евро. Отсчитал себе десять пятисотевровых купюр, а остальное отдал Олегу.

Олег опешил, но возражать не стал. Он решил, что этой суммы вполне хватит на ремонт помещений. Он уже давно мысленно попрощался с этими деньгами, а тут – такой приятный сюрприз. Теперь сам Бог велел увеличить свой первый взнос в «Центр творческого развития».

Олег подошел к Михаилу, посмотрел ему в глаза и по-дружески обнял его. Он был очень благодарен ему за все, что он пережил и понял. Ему даже казалось, что он знает своего наставника сто лет, да и не наставник он, а какой-нибудь родной дядюшка...

– Кстати, Олег! Мне, кажется, ты кое-что обещал сделать, если выживешь? Не так ли? – с улыбкой произнес Михаил.

– Это ты по поводу инвестиционной грамотности? Да, помню, конечно, а почему ты считаешь это таким важным?

– Большим мальчикам нужны большие игры, не так ли? Здесь речь идет не о важности, а о степени проявления свободы. Я решил, что мне интересно это. Это бросает вызов. Я постоянно узнаю что-то новое. Иногда рискую, испытываю все человеческие эмоции и слабости. Постоянно получаю обратную связь от своих управленческих решений. Все видно по состоянию счетов в конце отчетного периода. Хочешь ты этого или нет, а большой финансовый мир построен профессиональными инвесторами, и если ты живешь на этой Земле, а не на Юпитере, то нужно разбираться в его законах и использовать их. Ведь здесь либо деньги работают на тебя, либо ты на них. Третьего не дано. Все люди, которые начинают заниматься инвестициями, исходят из того, что хотят заниматься в своей жизни чем-то интересным и не хотят всю жизнь работать на деньги. Лучше инвестировать свое время на эти вопросы как можно раньше, чтобы как можно дольше потом наслаждаться финансовой свободой и радостями жизни.

– Хорошо, убедил. Что мне нужно делать? Могу ли я рассчитывать на твою помощь?

– Убедил? Тогда начни с азов. Почитай Кийосаки и Шефера, начни вырабатывать в себе привычку обязательно инвестировать часть заработанных тобой денег. Получай свой инвестиционный опыт! Его не заменят никакие советы! Раз в месяц я готов встречаться с тобой по этим вопросам и помогать тебе в качестве наставника.

– Чуть не забыл... – вдруг что-то вспомнив, сказал Олег. – Ты что-то говорил про товарища, который не вернулся из Путешествия. Это была страшилка? Для пущей убедительности?

– Нет же! Нету меня такой привычки – врать. Я могу лишь недоговаривать. Он не вернулся в «Матрицу». Он Путешествует дальше, – ответил с улыбкой Михаил. – А вообще у него все великолепно. Он нашел свой путь. Купил небольшой колхозик в Краснодарском крае, построил родовое поместье для семьи, где и живет в свое удовольствие. Я тебя с ним познакомлю, если захочешь...

Михаил протянул руку, и Олег крепко пожал ее. Мягкий желтый свет падал с кованой люстры. Деревянная мебель из тика, книги, сувениры из дальних стран расплылись на несколько секунд в глазах Олега под тихий треск дров камина.

Первый Шаг

Выйдя от Михаила, Олег вдохнул полной грудью воздух острова. Пьянящий холодный воздух, в котором уже чувствовались нотки весны. Вместе с тем падал легкий снежок. Вокруг не было ни души. Как это странно! Деревья стояли слегка припущенные снежком. Их ветви рисовали в воздухе вологодские кружева. Редкие птицы прыгали с ветки на ветку. Картина была настолько нереальной и красивой, что Олегу захотелось закричать от счастья. Он немного отошел от дома наставника, нашел небольшую поляну, запорошенную снегом, распахнул пальто, поднял руки вверх, задрал голову и закричал что есть сил: «Спа-си-бо!» Затем упал спиной в мягкий снег. Мир повернулся к нему небом. Вот где не видно преград и барьеров. Вот где ощущаешь безграничность возможностей! Снежинки падали ему на лицо и таяли, стекая по щекам.

Спустя несколько минут он поднялся и пошел к машине. Отряхнув ее несколькими движениями от снежной накидки, сел за руль и завел. Снова вышел на улицу и достал мобильный. Он набрал номер Кати.

– Привет, путешественник! – ответила она спокойным, но слегка уставшим голосом.

– Я никуда не еду, – спокойно, но радостно ответил Олег. – По крайней мере, один.

– Твоя турфирма обанкротилась? – голосом, в котором Олег угадал нотки радости, спросила она.

– Она исчезла. Бесследно.
– Тебя, что, кинули? – слегка встревоженно спросила Катя.
– Да! Меня так классно кинули! Ты даже не представляешь! Это был лучший кидок в моей жизни! Мне очень хочется это отметить. Не знаю, что ты там для себя решила, но я твердо знаю, что хочу сегодня вечером увидеться с тобой...
– Заметано! – весело ответила Катя. – Заезжай за мной в шесть.
Олег прыгнул в машину, дозвонился до Анны, и они обговорили нюансы вечернего мероприятия.

В девятнадцать часов Олег с Катей стояли у дверей заведения, которое никоим образом не напоминало ресторан. Это была галерея «Стекло» недалеко от Гостиного Двора. Когда они вошли внутрь, Олегу показалось, что у него все искрится в глазах, и, в общем-то, так и было. Бесчисленные стеклянные стеллажи, украшенные стеклянными же изделиями всех цветов и размеров, сначала повергали в легкий шок, затем в тихий восторг, потом в помутнение рассудка. Для того, чтобы не сойти с ума, к ним была приставлена специально обученная женщина, которая провела небольшую экскурсию по залам этого стекл охранил ища... Хотя назвать стеклом эти полудрагоценные слитки язык не поворачивался. Впечатляли также и старинные кирпичные стены и винтовая лестница, панно, картины и светильники.

Катя взяла Олега за руку. Периодически брала в руки что-то, изумленно смотрела, удивлялась, радовалась как ребенок. Олег любовался ею тайком. Как тонкой линией начинается улыбка у ее губ. Как двигаются ее плечи, когда она смеется, как блестят глаза, когда видит что-то интересное. Через какое-то время, поднимаясь все выше и выше, они поднялись на последний этаж. На нем царил полутьма. Катя хотела было развернуться, но Олег остановил ее. Внезапно заиграла музыка. Волынка, скрипка, флейта. В дальней части помещения загорелся свет. Сначала один светлячок свечи, затем второй, третий. Постепенно гирлянда свечей-светляков озарила большой овальный стеклянный стол, заставленный фруктами, вином, красивой посудой. Пламя свечей танцевало в такт музыке. Стало видно музыкантов, красиво стоявших в старинных костюмах в одной из ниш помещения.

Олег пригласил Катю пройти к столу. Она стояла как вкопанная. Ее длинное бордовое платье красиво обнимало ее фигуру. Черные туфли и маленькая черная сумочка дополняли романтический вид. Каштановые волосы были красиво уложены волнами. Гарнитур: сережки, кольцо, подвеска на тонкой цепочке. Все говорило о том, что она готовилась и ждала этого вечера, но явно ожидала чего-то другого.

– Что же ты стоишь? Проходи к столу! Если не знаешь направление – дорогу тебе укажут лепестки роз!

Только тут Катя глянула себе под ноги и увидела, что пол усыпан множеством лепестков роз всех цветов и оттенков. Приятный сладковатый запах розового масла вдруг стал отчетливо чувствоваться повсюду.

– Так неожиданно! Олег! Но почему?

– Ты же готовилась к этому вечеру?! Я тоже готовился. Пойдем.

Он взял ее за руку. Музыканты играли какую-то неизвестную, но очень приятную мелодию.

Дойдя до стола, Олег усадил Катю. Посередине стеклянной столешницы красовался большой букет разноцветных тюльпанов, на противоположных сторонах ее стояли два набора приборов. Рядом с ними стояли вазочки. Катя сразу узнала вазу собственного производства и схватила ее руками, словно кто-то хотел отнять.

– Боже! Олежа! Как красиво! Неужели это я?! А дай посмотреть твою!

Олег передал ей свою вазочку. Она с любовью осмотрела ее.

– Давай меняться! – вдруг выпалила она. – Мне твоя больше нравится!

– Давай! А мне – твоя! – ответил бодро Олег. – Ну что? За сделку? – сказал он и открыл бутылку красного вина.

Через секунду вино заиграла рубинами в больших бокалах. К аромату цветов

прибавился аромат пьяного винограда.

Красиво разложенные на тарелочках закуски были просты и изысканны одновременно. Катя пробовала всего по чуть-чуть.

– Если это прощание – то самое красивое в моей жизни! – вдруг сказала она. – За тебя! – Бокал взмыл в ее тонкой красивой ручке с аккуратными темно-бордовыми ноготками.

– А если приветствие? – спросил Олег, улыбаясь.

– Тогда очень многообещающее! – ответила Катерина и проглотила маслинку. Через несколько секунд глаза ее стали серьезными. Было видно, что она собирается с мыслями.

– Олег. Я думала о нас после твоего внезапного возвращения... Ты можешь объяснить мне, почему ты снова появился? Мне это важно понять, правда! Ты знаешь, что я уже взрослая девушка. Я не хочу играть в игры со встречами и расставаниями... Мне нужна стабильность... Мне нужно знать, что рядом человек, который будет всегда рядом и который не станет говорить мне через месяц, что мы очень разные, и скучать в моем присутствии, глядя в сторону...

– Катя... Я понимаю, о чем ты говоришь. Я сам тысячу раз прокручивал в голове то время, когда мы были рядом. Я думал, почему нам было так хорошо вначале и почему мы стали так отдаляться друг от друга потом... И понял... что это тупиковая ветвь размышлений. Если думать о том, что отдаляет, всегда можно найти тысячу причин. И я начал думать о том, что нас сближает. О том, как нам было хорошо в те дни, когда мы не могли оторваться друг от друга. О том, какое это счастье – обнимать тебя в полусне... О том, как пьянит меня твой запах... О том, какое божественное ощущение приносили нам занятия любовью... А еще о том, как мне нравилось говорить с тобой часами, слушать твое мнение... спорить с тобой. Я вдруг понял, что кроме того, что ты была великолепной любовницей, ты была моим лучшим... другом.

– Знаешь, Олег, мне тоже было очень хорошо с тобой... – Она глотнула вина и замолчала, словно вновь оценивая его вкус. – Но с чего ты взял, что мы сможем продолжать с тобой длительные отношения? Быть вместе... всегда?

– Катюш, поверь, для этого не нужны причины, для этого важно только одно – РЕШЕНИЕ быть вместе, а с обстоятельствами мы разберемся. А по поводу скуки... Открою тебе маленькую тайну. В последние несколько месяцев, которые мы провели вместе, мне было скучно в первую очередь... с самим собой. Я не хотел себе в этом признаваться и поэтому валил все на тебя. Теперь самое главное – то, что мне интересно с самим собой, а уж вдвоем-то и подавно. – Олег подмигнул и положил в тарелку еще немного салата.

Музыканты заиграли какую-то спокойную приятную мелодию. Олег встал и подошел к Кате. Он взял ее за руку и пригласил танцевать.

– Что, прямо здесь? – засмущалась она.

– Поверь мне, лучшего места и времени все равно не будет!

– Как интересно, а раньше ты всегда ждал удобного момента... – сказала она и встала, обняв Олега. – Экий ты стал интересный! – голос ее приобретал его любимые игривые нотки, он обнял ее и они стали медленно и плавно плыть в танце в этом странном зале, среди стекла и красного кирпича. Олег вдруг ощутил состояние счастливой эйфории. Ему хотелось впитать это мгновение каждой клеточкой, раствориться в нем, запомнить все мельчайшие детали: касание ее рук и бедер в такт движениям танца, колыхание волос, стук ее сердца и сумасшедший аромат. Говорить не хотелось. Все слова были бы лишними в эти минуты. Катя ощущала это тоже и не противилась необычному состоянию.

Когда музыка закончилась, и они снова оказались за столом, Катя вдруг сказала, улыбаясь:

– А ведь это был наш первый танец... Такой – первый... Ты никогда раньше так не танцевал со мной. Мне показалось, что тебя как бы и не было... Не обижайся, и меня тоже. Просто мы были каким-то третьим существом! Ой, мне так понравилось это ощущение!

– Ты, наверное, удивишься, но я тоже вернулся в свое тело только сейчас! – улыбнулся Олег.

Катя смотрела ему в глаза и улыбалась. И это не было наигранной улыбкой утонченной кокетки. Ее лицо было открыто и расслабленно. Олег вдруг понял, что никогда не видел ее такой... Или видел, но очень давно. «Она божественно красива!» – носилось в его голове.

– Олежа, я тебе хочу сказать. Все, что ты здесь затеял... это полная чушь и ерунда... – У Олега замерло сердце. Он остановил свое дыхание на вдохе. Казалось, все вокруг тоже остановилось, и музыка тоже... по сравнению с тем, что ты хотел до меня этим донести, – продолжила Катя, и Олег выдохнул с улыбкой и облегчением.

– То есть, пойми меня правильно, я буду безумно рада любым твоим сюрпризам, но для меня гораздо важнее то, что тебе хочется их делать, а не сами сюрпризы... Ты знаешь, я не вижу здесь почти ничего. Если ты завтра спросишь, что было на столе, какая играла музыка и в чем были одеты официанты, я не вспомню. Я вижу вокруг только твою любовь. Идя сюда, скажу тебе честно, я не знала, хочу ли продолжать наши отношения. Я просто боялась, что моей любви уже стало как-то мало для этого... Но ты не ждал моей любви. Такое ощущение, что тебе даже было все равно... Как будто для тебя было главным сделать мне приятно и удивить меня. Твоей любви вполне хватило бы на двоих. А сейчас... я говорю это тебе, а мне хочется плакать... от счастья. И как будто я и не разлюблила тебя... Ты какой-то новый, другой, но вроде и тот же. Я хочу снова узнавать тебя, день за днем. Еще хочу понять, почему ты стал таким. Хочу, чтобы ты и мне помог тоже стать лучше... Я хочу меняться. Чтобы и тебе было интересно со мной. В общем... я не знаю, понял ли ты, что я хотела тебе сказать, но это значит – «да»... Ни о чем больше не спрашивай меня... Просто будь со мной таким... Позволь мне насладиться этим новым Олегом сполна.

Домой они ехали на такси. Олег не мог вести машину. Он был слегка пьян и сильно опьянен. Они прижимались друг к другу на заднем сиденье, как влюбленные студенты. Смотрели друг другу в глаза, Трогали волосы, гладили друг друга. Олег вдруг понял, что с ним такое впервые лет за двадцать. Вот эта дрожь в руках и туман в глазах. Как первая любовь, точнее, влюбленность. Он вдыхал в себя тончайшие ароматы Катиного тела, улавливая нюансы запаха между волосами, шеей, лицом, ртом... блузкой. Его состояние было похоже на состояние влюбленности, но был и новый нюанс: ему не хотелось немедленно заполучить ее. Он наслаждался каждой секундой времени, проведенного с ней. Он растягивал, даже на физическом уровне, каждую минуту поездки в машине, каждый из двадцати шагов по улице и каждую ступеньку подъема по лестнице.

Потом они долго раздевали друг друга, знакомясь заново с каждым сантиметром тела. В музыкальном центре негромко играл сборник, который сделал Олег из ее любимых песен. Мягко горел ночник. Они нежно и долго погружались друг в друга, а точнее, в самих себя, потому что в какой-то момент стали одним целым, чистой энергией любви и радости.

П.Ш.

Утро пробилось в спальню солнечными зайчиками. Олег открыл глаза и почувствовал рядом тепло любимой женщины. Она красиво спала на боку обняв ногами одеяло. Он полюбовался ее телом, ловя себя на мысли о том, что вчера даже не видел ее, точнее, не разглядывал, а сегодня, так запросто, наступило лучшее утро его жизни и ничто не может быть милее его взору, чем лучик солнца, шарящий по изгибам тела любимой.

Олег прошел на кухню и приготовил фрэш из апельсинов. Поставил кофе. Разложил на тарелке французские пончики, посыпал их корицей, как она любит.

Она пришла, наверное, на запах кофе, спустя пять минут. Накинув на себя его рубашку (выбрала в шкафу шелковую), она немного постояла у двери, любуясь им, затем присела на высокий стул. Ее волосы были слегка растрепаны, не смытая со вчерашнего дня косметика и счастливая улыбка делали ее лет на десять моложе... или младше.

Они позавтракали вместе, рассказывая друг другу о последних событиях, и Олег поймал себя на мысли, что с ужасом представляет себе, что бы было, если бы он не решился позвонить ей.

Кеша с мамой решили пожить у бабушки, пока в его комнате идет ремонт, так как Олег решил не останавливаться только на Кешиной комнате. Кеша звонил Олегу каждый день, рассказывая о своих просьбах и фантазиях по поводу своей комнаты. Он был необычайно оживлен происходившим. Когда все было готово, Олег приехал на «открытие» с облаком воздушных шариков. С собой, для солидности и создания вида «приемной комиссии конкурса», он взял двух друзей, которые хотели тоже вложить свои деньги в создание «Центра творческого развития», и профессионального клоуна-фокусника-жонглера-повара-музыканта по прозвищу Шалун-Болтун, который должен был развлечь Кешу и его друзей во время «открытия», а потом устроить детям праздничный пир. Для того, чтобы не пугать официозом детей, своим друзьям он надел по смешному

колпаку, а себе тоже надел клоунский нос... так и ехали в машине, вживаясь в роль. Поначалу отбрыкивающиеся от «этой глупой затеи» друзья постепенно вошли в раж и по дороге растеряли по паре десятков лет.

Вся процессия собралась внизу у подъезда и под звуки клоунской дудки направилась вверх по лестнице, пугая ошарашенных соседей.

Олег был приятно поражен контрастом. То, что сделали строители, удивило даже его, хоть он и видел проект.

В комнате Кеша были теплые оранжевые стены с нарисованными джунглями, светло-зеленый подоконник и натяжной потолок в виде голубого неба и летящих по нему попугаев. А маленький искусственный водопадик, веревки, кольца и мат, двухъярусная кровать со спальным местом наверху и рабочим внизу, шахматы, выточенные из минералов темного и светлого цвета (подарок Олега), заставили бедного Кешу бегать по комнате и хвататься то за одно, то за другое. Все это, а еще несколько крупных зеленых растений превращали бывшую больничную палату в маленький филиал джунглей, в котором хотелось ЖИТЬ.

Полина Сергеевна плакала от радости, гости одобрительно кивали, дети носились по комнатам, убегая от клоуна и визжа как поросята.

Кеша улыбался и смеялся. Он был абсолютно здоров и счастлив в эти минуты. Лучшего результата Олег не мог и представить.

Кешина мама поведала Олегу, что Кешу пригласили с ней вместе в Германию на соревнования по шахматам благодаря хлопотам Владимира – директора ресторанчика, где они так чудно пообедали. Это преобразило Кешу. Врачи сказали, что анализы стали лучше и его состояние тоже улучшается.

– Дайте я вас обниму! Олег! Спасибо вам огромное! – воскликнула Полина Сергеевна и обняла Олега. Ее глаза, до этого уставшие и истерзанные, смотрели с радостью и надеждой. Олег тоже обнял ее. Пробегавший мимо Кеша запрыгнул на Олега, смеясь и корча рожицы. Теперь он был гораздо больше похож на ребенка.

Перед уходом он, как мог, горячо благодарил Олега и улыбался, признавшись, что это – лучший день в его жизни.

* * *

Через два месяца «Центр творческого развития» открыл свои двери для всех, кто в этом особенно нуждался. Новые улыбки и улучшение состояния детей с различными недугами говорили сами за себя.

Оксана настолько хорошо справлялась со своими обязанностями директора, что Олег немного встревожился, узнав, что у нее назревает роман с одним из проходящих на все занятия бизнесменом. Он опасался, что она может уволиться с такой суетной работы, но выяснил, что ее поклонник не только не мешал, а даже активно помогал ей советами и действиями в ее делах. «Ты с ума сошел! – успокаивала она Олега. – Да мне еще никогда в жизни не было так интересно и приятно работать, да еще и с такой хорошей оплатой!»

Приведя в порядок все дела, Олег направился в путешествие с Катей. Не потому, что очень хотелось отдохнуть, он и так стал значительно меньше уставать, а потому что хотелось снова увидеть Океан.

На их безымянных пальцах красовались кольца из белого золота, которые они сделали друг для друга в ювелирной мастерской.

Теплое море обнимало ноги Олега, лежащего в шезлонге и наслаждающегося лучами теплого солнца. Солнца, которое бесплатно дарило всем свою любовь и давало возможность быть самой жизни.

Покой и умиротворенность.

Рядом с ним на шезлонге лежала Катерина. Ее глаза были закрыты. Салатного цвета

купальник красиво контрастировал с уже загоревшим телом и подчеркивал бирюзовый цвет воды. Никто не беспокоил их покой. Олег благодарил про себя этот мир за то, что тот дал ему еще один шанс, который так сильно изменил его жизнь.

Он нежно погладил по животу Катю, теперь он был не только знатоком жизни, но и частично ее виновником. Уж несколько часов-то точно... Он был в этом уверен.

Теперь он знал, что Океан никуда не пропадает, что он будет вечно радовать своим теплом и ласковой водой его и всех желающих. Это был очередной лучший день в его жизни.

* * *

Михаил сидел с семьей на террасе своего отеля, куда он приехал в очередной раз.

– Господин управляющий! – обратился к нему администратор отеля. – Вам посылка из России.

– Так неси ее сюда!

Через минуту дети Михаила с интересом сорвали упаковку с большой коробки и стали вытаскивать бережно завернутый в бумагу чайный сервиз, сделанный из глины и украшенный глазурью разного цвета. Чайник, чашечки и блюдца были сделаны разными руками, возможно, даже детскими. Они насчитали двенадцать предметов. На дне каждого блюдечка и чайника красовался круглый штампик «Центра творческого развития», а также имя «мастера». В коробке лежала открытка, сделанная на основе картины какого-то ребенка. На картине красовалась веселая комнатка со смотрящим в голубое небо окном, обрамленным оранжевыми обоями и ярко-зеленым подоконником.

На обратной стороне Михаил прочитал надпись: «Долго думал, как отблагодарить тебя. Прислал самое дорогое! Олег».

Послесловие

Я знаю, что тебе, мой читатель, так же не хочется прощаться с главным героем, как и мне с тобой. Но будут новые книги и новые герои, а я-то знаю, что главный герой никуда не денется... Он сидит сейчас и читает эти строки. Это ты! Твоя жизнь достойна стать сюжетом для романа и если еще не стала – все в твоих руках!

Если ты дочитал книгу до конца, то, возможно, считаешь, что все описываемые в книге события слово в слово произошли с автором.

И да, и нет. Выбери сам, как относится к этому: как к вымыслу или правде. От этого в моей жизни ничего не изменится, но может измениться в твоей. Я же искренне уверен в том, что жизнь еще более удивительна и невероятна, чем в самых смелых наших мечтах.

Я прошу не искать прямых аналогий в событиях, происходящих с главным героем, с событиями в моей жизни, ибо у меня хватило творческого воображения, чтобы, изменив факты, сохранить их эмоциональную окраску. Вместе с тем я могу утверждать, что в романе нет ни одной придуманной эмоции, все они были пережиты мною и легли в основу личного опыта и этой книги.

Тем, кто хочет узнать, где можно найти описанные в романе места, рекомендую зайти для начала в арт-салон «Tioindigo» на 7-й линии Васильевского острова или на сайт www.khara.ru. Там же вы найдете информацию о социальном проекте, описанном в книге, и о том, как можно принять в нем участие.

Дорогу осилит идущий!